Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 2(66), 2024

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

16+

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Набигулаева М.Н., Муртазалиев А.М., Баширова Р.С. Цикл стихов об Армении Расула Гамзатова 5
Молнар А. Компоненты дискурсивной поэтики на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина» 19
Лочмелис Е.Р. Пушкин и Достоевский в русской рок-поэзии 28
Коста Э. Стихотворение М.И. Цветаевой «Попытка ревности»: сравнительно-сопоставительный анализ трех переводов на итальянский 43
Малышева Е.Г. Видеоэссе о кино: способы репрезентации и интерпретации содержательных доминант в поликодовом медиатексте 58
Ян Сюе Гендерные роли женщин в русских паремиях 77
Искендеров М.Г. Репрезентация гендерных доминант в русском языке. Диахронический аспект 89
Андреев С.Н. Мотивы Кёллера как маркер стиля: сопоставительный анализ «оригинал – перевод» 101
Шевелева И.А. Структурные и семантические особенности английских фразеологических единиц с компонентом «предмет посуды» 116
Басыров Ш.Р. Оценочная лексика со значением нечестного поведения в немецком языке 131

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гальцов В.И., Макей А.Д. Попытка реформирования системы гражданского чинопроизводства в Российской империи в 1883–1885 годах 148
Кобец О.В. Белорусизация в российских регионах в 1920-е годы в современной отечественной историографии 163
Попов М.В., Шитов А.К. Яков Денисович Петров: смоленский учитель во главе регионального педагогического вуза в годы Великой Отечественной войны 181
Кирчанов М.В. Английский национализм и изучение истории англосаксонской Англии 194
Овчинников В.М. Феномен психологической войны в эпоху короля-солнце 210
Иванова О.Ю. Партийное руководство партизанским движением в период оккупации Смоленщины немецко-фашистскими войсками (1941–1942) 226

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

MEMORIA

Памяти историка Дмитрия Евгеньевича Комарова..... 239

Сведения об авторах..... 243

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

М.Н. Набигулаева, А.М. Муртазалиев, Р.С. Баширова
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы (Дагестанский ФИЦ РАН)
Махачкала, Республика Дагестан, Россия

УДК 821.351.12

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-5-18

ЦИКЛ СТИХОВ ОБ АРМЕНИИ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Ключевые слова: *Гамзатов; Армения; стихи; цикл; образ; Севан; Арарат; Сарьян; средства выразительности*.

Статья представляет собой первое развернутое научное исследование поэтики цикла стихов Р. Гамзатова об Армении. На примере наиболее ярких произведений определены методы, приемы и средства выразительности, использованные автором для создания образа Армении. Поэт описывает природу этой страны, ее песенные традиции, социально-политические события, воссоздает образы друзей-армян, священных и знаковых для Армении символов, ее культурных объектов и географических топосов.

Цель статьи – установить, какие произведения входят в цикл стихов Р. Гамзатова об Армении, провести филологический анализ текстов, выявить их жанровую специфику, определить основные мотивы и образы. Задачи работы – выявление тематики и проблематики стихов об Армении; анализ их образного и эмоционально-стилевого сходства и отличий друг от друга: определение приемов и методов, а также средств выразительности при реализации образа Армении.

Выполненное на основе сравнительного метода и метода филологического анализа текста исследование привело к следующим выводам: 1) в цикле стихов Р. Гамзатова об Армении использована типичная атрибутика, встречающаяся в аналогичных стихах об Армении у других авторов (Арарат, Севан, Матенадаран, Сарьян); 2) отличительной особенностью чувств автора является восхищение природой, национальными памятниками культуры и творчеством деятелей литературы и искусства армянского народа; 3) в зависимости от объекта и предмета авторского внимания настроение и эмоциональный тон произведений меняется от оживленного, уважительного, влюбленного в песни, музыку, природу Армении до грустного, сочувствующего судьбе этой страны и ее многострадального народа.

Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении творчества Р. Гамзатова. Кроме того, статья может вызвать интерес в широких кругах, в частности в дагестанско-армянских литературных взаимоотношениях. Данную работу можно использовать в преподавании курсов по истории аварской, дагестанской и армянской литературы.

В русской и зарубежной литературе тема Армении широко представлена произведениями разных поэтов и писателей (А. Пушкин, О. Мандельштам, А. Белый, В. Брюсов, А. Ахматова, М. Петровых, Н. Тихонов, В. Звягинцева, А. Вегнер, П. Яворов, Э. Пиньо, Ж. Эгар, В. Сароян и др.). Каждый из авторов по-своему раскрывает ее, выражая свое отношение к стране, к ее народу, историческим и социально-политическим событиям и роли, которую она сыграла в их творческой и личной судьбе. Поэзия и проза об Армении удостаивались внимания многих авторов-исследователей [Ханян, 2000; Амирханян, Павлова, Романова, 2020; Ван Менцзяо, 2021; Амирханян, 2022; Барабанова, 2023, *426–432*; Павлова, Романова, 2023; Геноцид армян в художественной литературе, 2024].

К ряду вышеназванных литераторов относится и известный дагестанский поэт, мастер художественного слова Р. Гамзатов, в творчестве которого часто встречаются высказывания об Армении, мотивы, образы, параллели, связанные с ней, с ее знаковыми природными символами, культурными объектами, творческими персоналиями литературной и художественно-музыкальной среды.

Р. Гамзатов был хорошо знаком с Арменией и ее народом, он не раз бывал в этой стране как с частными, так и с официальными визитами, участвовал в писательских съездах, конференциях, юбилейных мероприятиях, творческих вечерах. Здесь он знакомился с обычаями, традициями Армении, посещал исторические и культурные достопримечательности, встречался с творческими и политическими деятелями, со многими из которых сложилась хорошая дружба (Алексей Экимян, Геворг Эмин, Аветик Исаакян, Арам Хачатурян, Ваагн Каренц, Аршалуйс Сароян, Карэн Симонян и др.). Они периодически встречались в Москве и в других городах и республиках Советского Союза (Ташкент, Тбилиси, Ереван, Махачкала, Пятигорск и др.) во время юбилеев, обсуждений, декад литературы, праздников и т.д.

Особенно близкие и уважительные отношения были с Геворгом Эмином, Аветиком Исаакяном, Сильвой Капутикян, творчество которых Р. Гамзатов высоко оценивал в интервью, беседах, выступлениях, цитировал их стихи, переводил их на аварский язык. Армянские друзья и коллеги, в свою очередь, отдавали дань уважения ему и его творчеству [Капутикян, 2003, *15–16*; 2007, *285–287*; Геворг Эмин, 1983, *4*; 2003, *16–18*; 2007а, *138–140*; 2007б, *291–293*; Экимян, 2010, *395–396*].

Личные встречи и знакомства, беседы с поэтами, писателями, художниками и другими деятелями Армении, непосредственные впечатления от

пребывания в этой стране, размышления о межкультурных взаимосвязях Армении и Дагестана привели к творческим результатам, выразившимся в ярких произведениях об Армении, передающих красоту ее природы, воспевающих талант народа, его патриотизм, любовь к музыке, искусству, к природе родного края, умение ощущать свое родство с ней и т.д.

Помимо прямых лирических высказываний об Армении, косвенных ассоциаций, отсылающих читателя к реальным историческим лицам и событиям («Любовь Шамиля», «Шамиль и Шуайнат», «Карабах» и т.д.), главным поэтическим материалом об Армении в творчестве Р. Гамзатова является цикл стихов, куда входят такие произведения, как «Источники-памятники», «Уезжая» (Геворгу Эмину), «Песни Армении», «Я смотрю на Арарат», «Пойдем к Севану в рассветный час…», «В гостях у Мартироса Сарьяна», «Когда посетил Матенадаран в Ереване», «В доме композиторов в Дилижане», «Сколько Араратов у армян…». Кроме того, армянская тема представлена его переводами на аварский язык армянских авторов: Аветика Исаакяна («Моей родине», «Мысль») и Геворга Эмина («Октябрю»). В совокупности все они образуют и объединяют в себе общую тему Армении.

Цикл стихов об Армении, поэтические посвящения друзьям-армянам имеют большое литературное значение и представляют собой ценный материал для научного исследования. Это тема занимает важное место в литературном наследии поэта и является составной частью широкого контекста циклических произведений (о Грузии, Азербайджане, Болгарии, Кубе, Франции, Персии и др.). Несмотря на то, что тема широко представлена в его многожанровом творчестве (в том числе в публицистике), она до сих пор остается неизученной; исследователи творчества Р. Гамзатова и литературоведы ограничивались лишь краткими упоминаниями о ней, констатируя факт ее наличия в литературной деятельности поэта [Огнев, 1961, *27–28*; Юсуфов, Юсупова, 1967, *58*; Дементьев, 1984, *64*; Акбиев, 1995, *87*; Гашарова, 2019, *225*].

Цикл в основном состоит из лирических стихов о природе, искусстве, культуре, традициях Армении и поэтических посвящений в адрес армянских друзей и коллег по перу. И потому главной художественной особенностью текстов, на которых строится повествование, является наличие в них знаковых природных символов (Севан, Арарат, Занга), местных достопримечательностей и объектов культуры (источники-памятники, Матенадаран, Дилижан), имен собственных (Арам Хачатурян, Аветик Исаакян, Геворг Эмин, Мартирос Сарьян) – своего рода культурных кодов Армении, ассоциирующихся с этой страной. Самыми частотными являются топонимы Арарат и Севан. При этом постоянным сопутствующим Арарату образом становится «туманность» («Арарат в тумане», «туман Арарата», «туманный Арарат»), иногда «снежность» («Арарат в снегу»), как, к примеру, в известном стихотворении «Я смотрю на Арарат», где главным объектом поэтического повествования стал священный для армян символ – гора Арарат. Сюжет строится на грустных лирических размышлениях автора, наблюдающего за национальным символом

Армении, некогда принадлежавшим ей, но теперь находящимся за ее пределами. Главным мотивом становится ностальгия поэта по потерянной армянским народом святыне.

Р. Гамзатов предстает здесь не как сторонний и равнодушный наблюдатель, а как человек, сопереживающий армянам и сострадающий им:

Дун Арараталъухъ валагьун вуго,
Эрменияв гIадин керенги бухIун.
Арараталъул накIкI ракIалда жаниб
Женжедилеб буго, свердилеб буго.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *139*]

Я смотрю на Арарат,
Как армянин, сгорая в груди,
Туман Арарата в сердце
Вертится, кружится.
(Здесь и далее подстрочный перевод наш.)

Поэтические обращения, оформленные в виде вопросов, выражают скрытую надежду, таящуюся в сердце армянского народа, на обретение им вновь своего национального символа:

Кида мун бахинеб, Севаналъул бакъ,
Дур халкъалъул анищ Арараталде?
Кида мун гвангъилеб, дир багIараб цIва,
МагIица чурулеб мугIрул ботIроде?
[Гамзатов, 2023, т. 2, *139*]

Когда взойдет, солнце Севана,
Мечта твоего народа на Арарат?
Когда сверкнешь ты, моя красная звезда,
На горной вершине, омываемой слезами?

Наряду со сравнениями и метафорами используется прием параллелизма: природные явления и космические объекты (туман, снег, дождь, красная звезда) созвучны бурлящим в душе поэта переживаниям, внутренним помыслам и желаниям. Ключевым при этом остается слово «туман», именно он определяет основной эмоциональный и смысловой тон стихотворения и выражает настроение героя:

Дида ккола гьеб накIкI эрмениязул
БухIараб биялъул хIухьел бугилан.
НакIкIилъан унеб цIад эрмениязул
Унтарал ракIазул магIу бугилан.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *139*]

Мне кажется, что этот туман –
Дыхание горящей крови армян.
Дождь, льющийся сквозь туман, –
Слеза болеющих сердец армян.

В другом известном произведении «Пойдем к Севану в рассветный час…», где объектом внимания поэта становится уже иная значимая топонимическая символика Армении – озеро Севан, превалирует более размеренный ритм и эмоциональный тон, настраивающий на спокойное восприятие текста, без внутреннего накала чувств, как в предыдущем произведении. Стихотворение написано в форме монолога – обращения лирического героя к обобщенному лицу. Здесь образ Севана выступает олицетворением патриотизма армян, выражением их любви к красоте родных пейзажей. Он очеловечивается, и автор вкладывает в его уста призыв к армянам, расселившимся ввиду разных причин по всему миру, вернуться на родину, к своим историческим корням и земле:

Вилълъа Севаналде бокьараб гIужалъ,
ГIенеккилин гьелъухъ щиб гьелъ бицунеб?
Гьелъ ахIулеб буго эрмениязде,
ВатIан бокьейилан, гьенир руссаян.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *140*]

Пойдем к Севану в любое время,
Послушаем, что он поведает?
Он взывает к армянам:
«Любите родину, вернитесь к ней!»

Речь построена в вопросно-ответной форме с использованием в начале каждой из трех строф предложений-рефренов. Они носят побудительный характер, призывая неназванного собеседника поэта принять его приглашение. Лексическое содержание рефренов одинаковое, меняется лишь временной отрезок («рассвет», «вечерний час», «любой час»):

Вилълъа Севаналде рогьалил гIужалъ,
ГIенеккилин гьелъухъ, щиб гьелъ бицунеб?
Гьелъ абизе буго, балагьейила
Берцинлъи ракьалъул, бокьа гьебилан.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *140*]

Пойдем к Севану в рассветный час,
Послушаем его, что он поведает?
Он ответит: «Посмотри,
Как красива земля, люби ее».

А иногда оба главных топонима Арарат и Севан соединяются в одном тексте, как в стихотворении «Сколько Араратов у армян?..». В данном случае оба топоса выступают как равнозначные образы и олицетворяют собой имена великих и талантливых деятелей литературы и культуры Армении. В основу текста положен прием сравнения этих персоналий с такими знаковыми местами, как гора Арарат и живописное озеро Севан в Армян-

ском нагорье. Специфика подачи текста напоминает предыдущее произведение, где также в начале повторяются вопросы-рефрены, а за ними следуют авторские ответы-пояснения:

Чан Арарат бугеб Арменияз̄ул?
Дида лъараб буго лъабго Арарат:
Аветик Сарьян, Мартирос Сарьян,
Арам Хачатурян – хирияв гьудул.

Цо Севанищ бугеб Арменияз̄ул?
Дида лъараб буго лъабго жегиги:
Аветик Сарьян, Мартирос Сарьян,
Арам Хачатурян – хирияв гьудул.
[Гамзатов, 2023, т. 6, *490*]

Сколько Араратов у армян?
Мне известны три Арарата:
Аветик Сарьян, Мартирос Сарьян,
Арам Хачатурян – дорогой друг.

Разве один у армян Севан?
Я знаю еще три:
Аветик Сарьян, Мартирос Сарьян,
Арам Хачатурян – дорогой друг.

Названные герои (композитор Арам Хачатурян, поэт Аветик Исаакян, художник Мартирос Сарьян) – это выдающиеся люди Армении, яркие личности, внесшие огромный вклад в развитие литературы, музыкального и художественного искусства страны. К образу и наследию каждого из них Р. Гамзатов обращался также посредством отдельных поэтических посвящений и переложения их стихов на аварский язык.

Среди посвящений друзьям-армянам («Уезжая» (Геворгу Эмину), «В гостях у Мартироса Сарьяна», «Араму Ильичу Хачатуряну») особой художественной выразительностью выделяется сочинение, адресованное М. Сарьяну. Предметом внимания поэта здесь становится талант выдающегося армянского художника, чьи работы главным образом посвящены Армении, ее природе, рядовым людям, известным личностям и тем, кто писал о ней, имел к ней прямое, непосредственное отношение.

Стихотворение «В гостях у Мартироса Сарьяна» написано по следам свежих впечатлений от очередной поездки Р. Гамзатова в Армению, где он побывал в доме художника. За основу сюжета взято это реальное обстоятельство из жизни поэта.

М. Сарьян предстает как создатель необычного, но настоящего образа Армении – яркого, разноликого и прекрасного, такого, о котором поэт не подозревал и который не представлял себе. Главным мотивом является открытие этой страны для поэта через картины М. Сарьяна, для которых характерны буйство красок, экспрессия, визуальные эффекты, оказывающее особое воздействие на лицезреющего их.

Лирический герой – поэт, находясь в доме у великого художника, любуясь его картинами, особенным стилем, поражен цветовой палитрой полотен, портретов, пейзажей, натюрмортов М. Сарьяна, свидетельствующих о широте его мастерства.

Р. Гамзатов восторженно отзывается о его таланте в изображении картин, где доминируют и совмещаются яркие цвета (красный, синий, оранжевый, желтый, голубой, зеленый). Они передают различные настроения (грусть, сопереживание, гордость), неувядающую красоту («весна»), отражают совмещение старых и новых веяний в традициях армянского народа. В них перемежаются характерные и нетипичные для Армении восточные образы (верблюды, пальмы, персиянки в чадре, нагруженные ослы и т.д.), символизирующие неувядающую кипучую жизнь людей и природы:

Дур гъутIбузул багIарлъи,
Дур чуязул багIарлъи!
Дуца хъахIилал тIугьдул
ТIокIал речIазе течIо.
[Гамзатов, 2023, т. 4, *496*]

Как красны твои деревья,
Как красны твои кони,
Ты синим цветам
Увянуть больше не позволил.

Картины оказывают на поэта столь сильное воздействие, что он мысленно переносится в воображаемый художником мир, путешествует по следам сюжетов его полотен:

Дун дур рокъов гьабсагIат
Пальмабазулъ сверана,
Гьегьал вараниязда
Востокалда тирана.

Басриябги цIиябги
Ереван дандечIвана,
Дуца гIадин ургъараб
Армения бихьичIо!
[Гамзатов, 2023, т. 4, *496*]

Я сейчас в твоем доме
Прогулялся среди пальм,
На неспешных верблюдах
Восток объездил.

Старый и новый
Ереван встретил,
Такую, как ты создал,
Армению не видел.

Р. Гамзатов не единственный из поэтов, кто обращался к личности и изобразительному наследию М. Сарьяна в своем творчестве, акцентировал

внимание именно на цветовой гамме картин художника и свидетельствовал о его широком художественном потенциале. Личность М. Сарьяна – один из самых частых образов, встречающихся в русской поэзии, посвященной Армении. Такие поэты, как Л.Н. Вышеславский («Краски Сарьяна»), А. Дементьев («Солнце Сарьяна»), Р. Рождественский («Сарьян»), И. Снегова («Сарьяну»), В. Звягинцева («В гостях у Мартироса Сарьяна») и др., воссоздавали его образ, восторженно отзывались о его таланте и творческом стиле [Павлова, Романова, 2023, *5–18*].

Так же как и его коллеги, Р. Гамзатов поражен мастерством Сарьяна в изображении Армении на своих полотнах. Как и у его современников, имя М. Сарьяна в сознании Р. Гамзатова прочно связывается с Арменией. «Армения Сарьяна» или «Сарьян и Армения» – нерасторжимые и взаимосвязанные понятия, возникающие в мышлении поэта под эмоциональным и зрительным воздействием его картин. Эти чувства и ощущения приводят поэта к искреннему признанию особого стиля и мастерства М. Сарьяна, имеющего собственную манеру изображения родного края («Такую, как ты создал, / Армению не видел»).

Кроме символов природы Армении, образов отдельных деятелей, предметом поэтического внимания Р. Гамзатова становятся объекты архитектурного и духовного наследия, музыкальной культуры, которые удивили и обрадовали поэта во время визитов в эту страну. Он с уважением отзывается о традиции армян именовать источники воды в честь своих воинов, павших на полях Великой Отечественной войны («Источники-памятники»), с восхищением говорит о музее Матенадаране, о любви армян к родному языку и письменной культуре («Когда посетил Матенадаран в Ереване»), с теплотой вспоминает о дружеских компаниях в Дилижане («В доме композиторов в Дилижане»). А армянские песни, услышанные им в путешествиях по стране, согревали и развлекали душу поэта в дороге, заставляли его то радоваться, то печалиться. Об этом сложено стихотворение «Песни Армении». В нем отмечается двойственный характер армянских песен. Интонационно-синтаксически стихотворение состоит из двух контрастных частей. В первой в радостной, повышенной тональности констатируется веселый и заводной характер песен Армении, заставляющих лирического героя душой и телом откликаться на их звуки и напевы в такт им:

Арменияльъ гIадал рохарал кучIдул
Кидаго рагIичIо дида гIумруялъ.
Дуца, Севаналде унеб мехалда,
Дий гьел ахIараб куц кида кIоченеб?

Квералги гьуждулги кьуркьузаруна,
Кьурдизе гIаданир берал тIамуна,
Дур магIна лъаларел рагIабаз дие
Доб рогьалил гIужалъ гьабураб асар!

[Гамзатов, 2023, т. 2, *137*]

Таких радостных песен, как в Армении,
Никогда в жизни я не слышал.
Как забуду я, как ты их пел,
Когда мы ехали к Севану?

Пальцы и руки заставили крутиться,
Глаза заставили плясать,
Твои мне непонятные слова
В тот рассветный час как меня пленили?

Природа в данном стихотворении становится не только фоном лирического повествования, но и его активным участником, главным определителем и выразителем эмоционального тона обеих частей стихотворения. Символы природы («скала», «горы», «цветы», «шиповник», «туманный Арарат», «родная Занга») оживают и передают соответственно веселые или грустные эмоции. Природа наравне с лирическим героем сопереживает и отвечает в такт настроению героя. Частота олицетворений, сравнений («скалы, горы давали дорогу», «утесы встречали песни с цветами», «слова резвились на поляне, как дети», «родная речь плыла по Серебряному Севану», «Занга повторяла», «Армения пела») придает стиху дополнительную выразительность и экспрессивность:

ГIагарал гьаркьазе, пожалуйстаян,
Нух кьолеб букIана кьурабаз, мугIруз.
Кьижарал гIураби гIинтIигун, тIегьгун
ДандчIвалел рукIана кочIол бакъназда.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *137*]

Родным голосам со словом «пожалуйста»
Дорогу открывали скалы и горы.
Спящие утесы с шиповником и цветами
Встречали песенные напевы.

Первая часть стиха наиболее динамичная за счет обилия глаголов движения с позитивной коннотацией («открывали», «встречали», «резвились», «плавали», «повторяли», «пели»), передающих оживленное внутреннее и внешнее состояние героя.

Ритмика стихотворения на всем протяжении остается неизменной, формируясь за счет рифмы в виде глагола-связки «бугин» (или мн. ч. «ругин» – «есть») и рифмовки, схематически выглядящей как абаб, а также посредством оформления стиха в определенной последовательности, когда вначале констатируются какие-либо свойства, черты, элементы предмета лирического внимания героя, а потом степень их влияния и воздействия на него. Но главным ритмико- и динамикообразующим средством является повтор в начале строк ударного слова, глагола «казалось» («кколаан»), придающего речи героя убедительность, достоверность.

Возвышенное звучание речи первой части произведения во второй сменяется понижением тона и настроения. Соответственно им вступает в

действие лексика грустного пафоса. Введенные образы передают печальные эмоции и чувства героя («Арарат – в тумане», «Занга стонет», «стонет песня», «могилы умерших поют»):

Кколаан, рагIаби рагIаби гурин,
МагIил гарал ругин, гирун рачIунел.
Кколаан, дур гьаркьилъ армениязул
Азарил соназул зигарди бугин.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *138*]

Казалось, что слова не слова,
А катящиеся капельки слез.
Казалось, что в твоем голосе
Стоны армян за тысячи лет.

Антитетичность текста разрешается в конце стихотворения, где автор, подводя итог лирическим рассуждениям о песнях Армении, обозначает их главную черту: они выражают и объединяют в себе два противоположных чувства – радость и печаль. Но оба в равной степени оказывают на поэта сильное воздействие:

Армениязул кечI – рохел, къварилъи,
Къисматалъул тарих, талихI, рокьи, кьал.
Дур магIна лъаларел рагIабаца дун,
ГIишкъуялъул вас гIадин, асир гьавуна.
[Гамзатов, 2023, т. 2, *138*]

Песни армян – радость и грусть,
История судьбы, счастье, любовь, раздор.
Меня твои непонятные слова
Пленили, как страстного юнца.

Р. Гамзатов внес большой вклад в развитие и укрепление армяно-дагестанских литературных и социально-политических взаимоотношений. Цикл стихов об этой стране – один из аспектов его роли в межкультурных отношениях Армении и Дагестана.

Армения воспринимается как древняя земля с богатой историей, литературой, искусством, давшая миру великих художников, поэтов и композиторов, бережно хранящая свои ценности (культуру, язык) и неиссякаемое жизнелюбие. Выражены искренние чувства к героическому прошлому этого многострадального народа, его мужеству и стойкости. Стихи об Армении свидетельствуют о том, что Р. Гамзатов близко воспринял исторические, культурные и политические реалии армянского народа, что он хорошо знал его жизнь и быт, радости и трагедии, переживания, стремления. Эту особенность выделяли и исследователи творчества Р. Гамзатова: «Так писать об Армении может только поэт, прекрасно знающий мечты и чаяния армянского народа» [Айрапетян, Арутюнян, 1965, *4*].

Произведения об Армении не отличаются широким жанровым разнообразием, в основном это лирические стихи (о природе, духовной и материальной культуре) и посвящения определенным адресатам. Но они выделяются выразительностью за счет использования различных средств, приемов и методов построения текста и выражения идеи и тематики, таких как обращение, монолог, олицетворение, антитеза, параллелизм, метафора, сравнение, назидание, побуждение и т.д.

В стихах об Армении непосредственным лирическим объектом стали различного рода символы. Образ страны создается через описание природного рельефа и ландшафта: Арарат (гора), Севан (озеро), Занга (река); персоналий (Исаакян, Эмин, Хачатурян, Сарьян); объектов культуры (Матенадаран, Дилижан); музыкального и художественного искусства (песни, картины); обращение к истории (войны, конфликты). Автор созерцает землю Армении, природу, объекты культурного наследия, географические символы, сочувствует многострадальному народу, восхищается его патриотизмом, мужеством, стойкостью и жизнелюбием, а также выражает веру в воцарение мира и спокойствия на земле и в жизни самого народа. Сам автор выступает проводником в эту многообразную и красочную страну, знакомящим читателя с ее природой, богатой культурой, историей и традициями.

В отличие от аналогичных циклов о других странах, где побывал поэт (Грузии, Азербайджане, Болгарии, Иране, Белоруссии, Франции, Кубе, Индии и др.), в частности песен о Грузии, Болгарии, в которых доминируют оптимистические настроения, в проанализированном нами цикле превалируют печальные мотивы, обусловленные большей обращенностью к истории этого народа, в которой много трагических страниц.

ЛИТЕРАТУРА

Айрапетян С., Арутюнян В. Расул Гамзатов об Армении // Коммунист. 1965. 2 апреля. С. 4.

Акбиев С.Х. Рукопожатие литератур // Расул Гамзатов и современный литературный процесс / сост. А.М. Абдурахманов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 1995. 152 с.

Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии / под ред. И.В. Романовой. Ереван, 2022. 661 с.

Амирханян М.Д., Павлова Л.В., Романова И.В. Реконструкция «армянского» текста в русской поэзии // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 5–21.

Барабанова Е.С. Армянский текст в стихах Сергея Калашникова // Родной язык в лингвокультурологическом аспекте / отв. ред. Н.Н. Розанова. Смоленск, 2023. 664 с.

Ван Менцзяо. «На свете лишь одна Армения»: армянский цикл Марии Петровых // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 12. С. 3634–3638.

Гамзатов Р.Г. Собрание сочинений. В 10 т / сост. А.М. Муртазалиев, М.Н. Набигулаева, Р.С. Баширова. Махачкала: Изд. дом «Дагестан», 2023. Т. 2. 648 с. На авар. яз.

Гамзатов Р.Г. Собрание сочинений. В 10 т / сост. А.М. Муртазалиев, М.Н. Набигулаева, Р.С. Баширова. Махачкала: Изд. дом «Дагестан», 2023. Т. 6. 880 с. На авар. яз.

Гамзатов Р.Г. Собрание сочинений. В 10 т / сост. А.М. Муртазалиев, М.Н. Набигулаева, Р.С. Баширова. Махачкала: Изд. дом «Дагестан», 2023. Т. 4. 592 с. На авар. яз.

Гашарова А.Р. К вопросу об историко-культурных взаимосвязях Армении и Дагестана // Вестник РАУ. 2019. № 2. С. 219–226.

Геворг Эмин. Чистый прозрачный ручеек // Поэт аула и планеты. Махачкала: Лотос, 2007а. Кн. 2. 472 с.

Геворг Эмин. Моему другу… // Коммунист. 1983. 8 сентября. С. 4.

Геворг Эмин. Полномочный представитель // Поэт аула и планеты. Махачкала: Лотос, 2007б. Кн. 2. 472 с.

Геворг Эмин. Слово о старшем брате // Поэт аула и планеты / сост. М. Зайнулабидов. Махачкала: Юпитер, 2003. Кн. 1. 448 с.

Геноцид армян в художественной литературе // Genocide.ru (дата обращения: 28.02.2024).

Дементьев В. Расул Гамзатов. М.: Сов. Россия, 1984. 160 с.

Капутикян С. В единой семье // Поэт аула и планеты / сост. М. Зайнулабидов. Махачкала: Юпитер, 2003. Кн. 1. 448 с.

Капутикян С. Силою духа и души // Поэт аула и планеты / сост. М. Зайнулабидов. Махачкала: Лотос, 2007. Кн. 2. 472 с.

Огнев В. Путешествие в поэзию. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1961. 100 с.

Павлова Л.В., Романова И.В. Созвучие Сарьяна и Армении в восприятии русских поэтов // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 5–18.

Ханян К.С. Вера Звягинцева и армянская литература: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ереван, 2000. 18 с.

Экимян А. Влюблен с юных лет // Поэт аула и планеты / сост. М. Зайнулабидов. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2010. Кн. 4. 488 с.

Юсуфов Р.Ф., Юсупова Ч.С. Расул Гамзатов // История дагестанской советской литературы. В 2 т. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1967. Т. 2. 500 с.

M.N. Nabigulaeva
PhD in Philology, Associate Professor, Researcher,
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia

A.M. Murtazaliev
PhD in Philology, Doctor, Chief Researcher,
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia

R.S. Bashirova
PhD in Philology, Associate Professor, Senior Researcher,
The G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia

A Cycle of Poems about Armenia by R. Gamzatov

The subject of the article is the cycle of poems by R. Gamzatov about Armenia. This work represents the first detailed scientific study of the poetics of R. Gamzatov's cycle of poems about Armenia. Using the example of the most striking works, the methods, techniques and means of expression used by the author to create the image of Armenia are identified. The poet describes the nature of this country, its song traditions, socio-political events, recreates the images of

Armenian friends, sacred and iconic symbols for Armenia, its cultural objects and geographical topoi.

The purpose of the article is to identify works from R. Gamzatov's cycle of poems about Armenia, to conduct a philological analysis of the texts, to identify their genre specificity, and to determine the main motifs and images. The objectives of the work are to identify the themes and problems of poems about Armenia; their figurative and emotional-style similarities and differences from each other: determination of techniques and methods, as well as means of expression in realizing the image of Armenia.

The study, carried out on the basis of the comparative method and the method of philological analysis of the text, led to the following conclusions: 1) in the cycle of poems by R. Gamzatov about Armenia, typical attributes are used, found in similar poems about Armenia by other authors (Ararat, Sevan, Matenadaran, Saryan); 2) a distinctive feature of the author's feelings is admiration for nature, national cultural monuments and the creativity of literary and artistic figures of the Armenian people; 3) depending on the object and subject of the author's attention, the mood and emotional tone of the works changes from lively, respectful, in love with the songs, music, and nature of Armenia to sad, sympathetic for the fate of this country and its long-suffering people.

The results of the study can be used in further studying the work of R. Gamzatov. In addition, the article may arouse interest in wide circles, in particular in Dagestan-Armenian literary relations. This work can be used in teaching courses on the history of Avarian, Dagestan and Armenian literature.

Keywords*: Gamzatov; Armenia; poetry; cycle; image; Sevan; Ararat; Saryan; means of expression*.

REFERENCES

Hayrapetyan S., Harutyunyan V. Rasul Gamzatov about Armenia [Rasul Gamzatov ob Armenii]. *Communist*, 1965. April 2, p. 4 (in Russian).

Akbiev S. Kh. Handshake of literature [Rukopozhatie literatur]. *Rasul Gamzatov and the modern literary process*. Compiled by A.M. Abdurakhmanov. Makhachkala: IYALI DSC RAS, 1995. 152 p. (in Russian).

Amirkhanyan M.D. Armenia in the mirror of Russian poetry [Armeniya v zerkale russkoj poe`zii]. Edited by I.V. Romanova. Yerevan, 2022. 661 p. (in Russian).

Amirkhanyan M.D., Pavlova L.V., Romanova I.V. Reconstruction of the «Armenian» text in Russian poetry [Rekonstrukciya «armyanskogo» teksta v russkoj poe`zii]. *Issues of Smolensk State University*. 2020. No 2. P. 5–21 (in Russian).

Barabanova E.S. Armenian text in poetry by Sergei Kalashnikov [Armyanskij tekst v stixax Sergeya Kalashnikova]. *Native language in the linguocultural aspect*. Edited by N.N. Rozanova. Smolensk, 2023. 664 p. (in Russian).

Wang Mengjiao. «There is only one Armenia in the world»: the Armenian cycle of Maria Petrov [«Na svete lish` odna Armeniya»: armyanskij cikl Marii Petrovy`x]. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, Tambov, 2021. Vol. 14, issue 12. P. 3634–3638 (in Russian).

Gamzatov R.G. Collected works in 10 volumes [Sobranie sochinenij v 10-ti tomax]. Compiled by A. M. Murtazaliev, M.N. Nabigulaeva, R.S. Bashirova. Makhachkala: Dagestan Publishing House, 2023. Vol. 2. 648 p. (in Avarian).

Gamzatov R. G. Collected works in 10 volumes [Sobranie sochinenij v 10-ti tomax]. Compiled by A.M. Murtazaliev, M.N. Nabigulaeva, R.S. Bashirova. Makhachkala: Dagestan Publishing House, 2023. Vol. 6. 880 p. (in Avarian).

Gamzatov R.G. Collected works in 10 volumes [Sobranie sochinenij v 10-ti tomax]. Compiled by A.M. Murtazaliev, M.N. Nabigulaeva, R.S. Bashirova. Makhachkala: Dagestan Publishing House, 2023. Vol. 4. 592 p. (in Avarin).

Gasharova A. R. On the issue of historical and cultural relations between Armenia and Dagestan [K voprosu ob istoriko-kul`turny`x vzaimosvyazyax Armenii i Dagestana]. *Bulletin of RAU.* 2019. No. 2. P. 219–226 (in Russian).

Gevorg Emin. To my friend... [Moemu drugu...]. *Communist*, 1983. September 8, p. 4 (in Russian).

Gevorg Emin. Plenipotentiary representative [Polnomochny`j predstavitel`]. *Poet of the village and the planet.* Makhachkala: Lotus, 2007. Book 2. 472 p. (in Russian).

Gevorg Emin. A word about the elder brother [Slovo o starshem brate]. *Poet of the village and the planet*. Compiled by M. Zainulabidov. Makhachkala: Jupiter, 2003. Book 1. 448 p. (in Russian).

Gevorg Emin(a). Clean transparent stream [Chisty`j prozrachny`j rucheek]. *Poet of the village and the planet.* Compiled by M. Zainulabidov. Makhachkala: Lotus, 2007. Book 2. 472 p. (in Russian).

Dementiev V. Rasul Gamzatov. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1984. 160 p. (in Russian).

Kaputikyan S. In a single family [V edinoj sem`e]. *Poet of the village and the planet*. Compiled by M. Zainulabidov. Makhachkala: Jupiter, 2003. Book 1. 448 p. (in Russian).

Kaputikyan S. By the power of spirit and soul [Siloyu duxa i dushi]. *Poet of the village and planet.* Compiled by M. Zainulabidov. Makhachkala: Lotos, 2007. Book 2. 472 p. (in Russian).

Ognev V. Journey into poetry [Puteshestvie v poe`ziyu] Makhachkala: Dagknigoizdat, 1961. 100 p. (in Russian).

Pavlova L.V., Romanova I.V. Consonance of Saryan and Armenia in the perception of Russian poets [Sozvuchie Sar`yana i Armenii v vospriyatii russkix poe`tov]. *Issues of Smolensk State University.* 2023. No 1. P. 5–18 (in Russian).

Khanyan K.S. Vera Zvyagintseva and Armenian literature [Vera Zvyaginceva i armyanskaya literatura]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences.* Yerevan, 2000. 18 p. (in Russian).

Ekimyan A. In love from a young age [Vlyublen s yuny`x let]. *Poet of the village and planet.* Compiled by M. Zainulabidov. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2010. Book 4. 488 p. (in Russian).

Yusufov R.F., Yusupova Ch.S. Rasul Gamzatov. History of Dagestan Soviet literature in 2 volumes [Istoriya dagestanskoj sovetskoj literatury. V 2 t]. Makhachkala: Izd-vo Dag. filiala AN SSSR, 1967. Vol. 2. 500 p. (in Russian).

The Armenian genocide in fiction [Genocid armyan v xudozhestvennoj literature]. Genocide.ru (accessed on February 28, 2024) (in Russian).

А. Молнар
Дебреценский университет
Дебрецен, Венгрия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-19-28

КОМПОНЕНТЫ ДИСКУРСИВНОЙ ПОЭТИКИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»

Ключевые слова: *дискурсивная поэтика; Арпад Ковач; анализ романа; Лев Толстой; «Анна Каренина».*

В статье рассматривается специфика дискурсивной поэтики, которую на протяжении нескольких десятилетий разрабатывал венгерский ученый Арпад Ковач, на материале романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». Обзор проводится на основе исследования звуковой модальности и других составляющих (имени-)слова как языкового знака, который обогащается новым смыслом в поэтическом тексте. Кроме того, описывается, как тематизируется метафора в сюжете и образует композицию текста, как соотносятся повествование и высказывание и какую роль играет в этом субъект дискурса. Цель представления анализа толстовского романа, проведенного профессором, состоит в том, чтобы выявить его инновативное прочтение и вместе с тем на его основании дополнить интерпретацию произведения, используя как концепцию, так и методологию дискурсивного подхода. В этой связи ключевым моментом становится также личное текстопорождение с новой интерпретацией произведения, поэтому в завершение исследования предлагается собственное истолкование последнего эпизода из жизни героини как результат диалога автора статьи с романом. Значимость презентации подхода Арпада Ковача – в его популяризации для использования в научно-исследовательской деятельности, связанной с изучением литературы.

Венгерский ученый-русист Арпад Ковач, возглавлявший в течение 25 лет будапештскую школу исследователей литературы, описал свой подход к тексту и назвал его дискурсивной поэтикой. Профессор и его ученики и в настоящее время проводят как анализ, так и интерпретацию поэтических текстов, ориентирующуюся на поиск их экзистенциального смысла. Наследие ученого, чей 80-летний юбилей отмечается в этом году, точно так же как и 55 лет с начала исследовательской деятельности, осознается через призму строгого единства теоретических наблюдений и применяемой практики анализа литературных произведений.

Арпад Ковач получил широкую известность прежде всего как достоевсковед. Его подход к анализу романов Ф.М. Достоевского [Ковач, 1985]

базировался, прежде всего, на выявлении особенностей сюжета, наррации, функционирования поэтической детали и жанровой концепции в текстах. В процессе этого анализа Ковач все чаще обращался к вопросам субъекта дискурса и дискурса в целом. Ученый разграничивал уровни героя, повествователя и автора, так как, согласно его концепции, субъект дискурса отвечает за новые соотношения между знаками, превращает их в текст и выявляет смыслопорождение. Его вторая книга и была посвящена данной проблематике в связи с «персональным повествованием» [Ковач, 1994]. Это означает, что Ковач различает акт действия в сюжете и письменный акт, в котором создается «осваиваемое» слово субъекта, искомое, не произнесенное говорящим в устной речи. В личном нарративе наблюдается не только отталкивание от традиционной речи, но и преобладание поэтических форм, вытесняющих «фраз», клише. Такую форму ученый назвал «персональным повествованием» и рассматривал ее вариативные проявления в различных жанрах, в частности в романе.

Он основательно изучал филологическую и поэтическую научную базу и пришел к формированию своей концепции становления слова и текста [Ковач, 1999]. Помимо этого, ученый вводил в свой анализ принципы семиотики, мифопоэтики и интертекстуальности и, среди прочего, идеи прочтения текста с позиции герменевтики, антропологиии жизненного опыта. Основы своей теории он обобщил в книге «Дискурсивная поэтика» [Kovács, 2004].

Далее мы приводим обзор базовых положений и принципов дискурсивной поэтики, предполагающей холистический способ анализа – от языковых единиц, знаков вплоть до смысла поэтического текста. В целях более наглядной демонстрации этих принципов мы рассмотрим роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина» в свете выполненного ученым анализа, чтобы проследить его частичное возвращение к отправным точкам своего подхода (к слову, детали, наррации).

Ковач дополняет идею Потебни о регенерации трех составляющих слова модификацией его узуального значения в языковой презентации высказывания. Этот процесс выражается в форме взаимодействия уровней темы, семантики, сюжетной и вербальной событийности [Kovács, 2015]. В дискурсивной поэтике бахтинское толкование «высказывания» употребляется в ином значении, которое в известной степени можно соотнести с «презентацией наррации». Рассмотрим, как этот план действует в «Анне Карениной». Ясно, что писатель перенес имя и фамилию главной героини в название своего романа. По мнению Ковача, как раз они и выступают ключевой метафорой в романе, в котором происходит активизация метафорических значений сочетания имени-слова и фамилии-слова, в результате чего и выявляется новый общий признак между семантически различными понятиями, связываемыми темой высказывания, что создает интегративность

поэтического текста. Ученый показывает образование в дискурсе новых знаков, находящихся в текстовых микроэлементах. На наш взгляд, такую связь следует искать в звукобуквенной секвенции «Ан-на Каре-ни-на». Здесь мы имеем в виду не только явное созвучие частиц имени, но и их последующее развертывание на всех уровнях текста.

В своей статье Ковач, однако, рассматривает смыслопорождение в романе Толстого в фокусе «соотнесенности имени, эпиграфа и повествования» [Kovács, 2020]. Он интерпретирует значение имени героини не только по его претекстуальной основе, но и с точки зрения развернутых внутри текста новых поэтических и других отношений. Например, значение имени Анна – «благодать» – отражено и в ее образе, наряду с очарованием и преданностью, как свойство Харит / Граций (на картинах Рафаэля и Боттичелли). Следовательно, ученый добавляет к известным интерпретациям романа совершенно новые аспекты посредством интермедиальной функции изобразительного искусства. Внешняя красота героини олицетворяет духовную ценность, настоящую и дарующую любовь, то есть именно качества, реализуемые Анной в сюжете произведения. Как утверждает ученый, это обнаруживается «как в повествовательном порядке действий, тематизирующем имя, так и в прозаической репрезентации словесной иконы» героини [Kovács, 2020].

Восприятие внешности и изображения Анны другими персонажами романа либо повествователем в виде эксфрасиса выявляет в ней одновременно как жизненную силу («живую женщину»), так и нечто «ужасное». Ковач по-новому соотносит данный мотив с экзистенциальным опытом благодати. Это означает, что, в отличие от интерпретации образа на основании греха Марии Магдалины, на уровне дискурса такая деталь, как «своенравный» клок черных вьющихся волос героини, может быть истолкована как проявление абсолютной воли Анны / Хариты к жизни. Исследователь раскрывает, что непреклонность, «жестокость» героини исходит из принципа «несуществования без любви». К этому можно отнести и амбивалентно переживаемые героиней «радость наслаждения» и «радость преданности».

Двойственность значения имени, определяющая текст романа в целом, состоит и в том, что носимая Анной фамилия мужа, несмотря на созвучие, указывает не на харизматичность, а на кару, на наказание. Ковач отмечает «радость мести» Каренина и уподобление его фигуры смерти по характерным деталям. Он утверждает, что не только мужу, но и любовнику героини, да, впрочем, и всему высшему свету, в котором она вращается, свойственны безличностные отношения, приверженность условностям и машинообразность, символическим овеществлением которых является механический и бездушный поезд-убийца. А любовь Анны действует в этом мире как реальная жизнь без установленных правил и порядка. Но вместо того, чтобы отвечать ей тем же, любимый человек (Вронский) удовлетворя-

ется лишь визуальным восприятием сущности женщины, более того, он физически уничтожает ее. Героиня постепенно приходит к осмыслению тщеславия мужчины и нехватки полной самоотдачи и любви с его стороны. Осознав это, Анна испытывает гнев и желание наказать неблагодарного мужчину. Такой карой может послужить ее самоубийство.

Как правило, ученый обращает внимание на кризис повествования в местах отступления от сюжета и показывает, как анарративные сегменты текста, в частности так называемые «пейзажные зарисовки» либо «описания вещей», проявляются в особо отмеченных, «кризисных» местах как сюжета, так и повествования, переключают внимание на порождение нового слова в результате поэтической перестройки высказывания. Ковач подчеркивает, что в поэтическом тексте необходимо раскрыть взаимосвязь между метафорическим и повествовательным планами. Он обычно определяет в этом ключе и поступок героя, о котором создается слово, сгущающее смысл и развертывающееся в тексте в целом, содержащем и акт его понимания.

Видимо, формой такого акта может быть монолог – внутренняя речь Анны Карениной, перед тем как она бросается под поезд. При этом в тексте создаются новые метафоры (см., например, свет и тень), семантические модели как «кары», так и «самоотдачи», которые коренятся в поступке героини. Имена-слова «Анна» (благодать) и «Каренина» (наказание) представляют собой сближение двух несовместимых явлений в сюжете и двух будто исключающих друг друга значений, что в итоге и порождает новый смысл. Поиск героиней этого слова является ее главным поступком в романе Толстого.

Свет свечи, по Ковачу, представляет жизненную силу героини, освобожденной от масок и очищенной, а в мышлении – ее самосознание. Пламя этой свечи и гаснет после кончины Анны. Героиня сталкивается с несостоятельностью своей установки на совершение греха и наказания. Она осознанно жертвует собой, берет на себя крест, освобождая всех от самой себя, охваченной «тенью» желания наказания. Это утверждение мы понимаем следующим образом: одно событие жизни (любовь) метафоризируется как свет, другое (кара) – как тень, а дискурсивное событие заключается в том, что имя-слово-заглавие романа содержит все эти контенты. Ученый замечает, как, перекрестившись, героиня своим телом превращается в символ. В тексте романа так тематизируется смысл, заключенный в имени и заглавии: Анна Каренина по-настоящему становится «благодатью», «даром».

В таком контексте Ковач проводит еще несколько параллелей между последним эпизодом и первым сближением влюбленных. Он исследует функцию разных деталей, частей образа героини, в том числе ее рук, так как самоосмысление Анны начинается с телесного контакта с любимым человеком. В описании слияния героев тело и сердце Анны воплощают ее духовное присутствие, в отличие от Вронского, в руках и зубах которого проявляется только его хищнический, охотничий характер. Влечение героя,

которого Толстой метафоризирует посредством образа убийцы, жестоко расправляющегося со своей жертвой, точно так же как и со своей лошадью, не позволяет Анне воплотить свою харизму – «способность взывать к человеческому сердцу», передать ему слово любви.

Согласно наблюдениям Ковача, первое телесное сближение любовников завершается возникновением внутреннего голоса – настоящего судьи героини: ее уверенностью в возмездии за общий грех. Смыслопорождение метафорически переносится на восклицание героини: «Боже мой! Прости!» Волевое отношение в нем маркирует потребность в новом слове вместо старого. Ученый определяет интонацию как маркер искомого слова, но ставит ее в контекст жизни в целом, как «диспозицию» нехватки, которая поощряет выход из пограничной жизненной ситуации.

Если следовать методу дискурсивной поэтики, то можно раскрыть неконвенциональное отношение между знаком и объектом в поэтическом тексте, в котором подвергаются критике и разрушаются привычные формы речи. Как нам кажется, обозначение кризиса в тексте романа можно выявить в модификациях слов «красота» и «ужас». Мир людей определяется как «кара» и «ужасный», в то же время героиня – как «ужасная красота». В ее речь проникает слово Евангелия (см. созвучное «Боже»), в результате чего в дискурсе «ужасная красота» Анны метафоризируется как «божественная».

Ковач однажды выявляет, что метафора действует в жанре романа совершенно оригинальным способом, так как принцип «обратной трансформации поступка» создает драматическую композицию [Kovács, 2004]. Языковые и семантические пласты текста предполагают друг друга, что подразумевает невозможность порождения смысла без демонстрации образования новых вербальных знаков. Сдвиг семантики приводит к сдвигу в тематизации сюжетного события. Благодаря такой метафоре осмысляется поступок и выявляется новая интерпретация произведения.

Отнесем это осмысление к слову-имени, метафоре, которая конституирует и произведение в целом. Получается, что слова «Анна» и «Каренина» обретают совершенно новый смысл, так как на уровне сюжета «кара» героини уподобляется «харизме» слова любви. В нашем толковании это звучит как «Анна – Кара – Нина» и «ужасная – красота – божественная». Следовательно, изначальное соотношение оборачивается в свою противоположность как в сюжете, так и в языковой презентации. Поэтическая метафора отличается от логического и конвенционального соотношения и порядка высказывания образованием и новых знаков, и нового значения, которые, развертываясь, порождают текст, поэтому контекстом для понимания такого слова является все произведение.

Далее Ковач акцентирует внимание на том, что, реагируя на акт действия Анны и произнося «Анна, ради Бога!», Вронский неосознанно играет со значением имени-слова, а, прижимая его руку к своей груди / сердцу,

Анна не только выражает покаяние, но и дает герою соучастие в Божьем даре. Именно этого он лишается, когда отказывается от Анны и вместе с ней от смысла существования – любви. Появление личного голоса Анны будто указывает на ее желание понять саму себя. Термин «диспозиции» подчеркивается интонацией, тональностью речи говорящего и обозначает момент осознания необходимости понимания жизненного опыта, сконцентрированного в поступке. Так поступок вызывает желание понять опыт, его смысл, а для этого требуется языковая форма.

В данной связи на материале романов Достоевского Ковач вводит еще один термин: на сюжетном уровне кризис жизни развивается в «прозрение» героя. Сам момент прозрения неотделим от потребности понимания смысла жизни, скрытого в поступке героя и раскрытого в его презентации, в которой создается новый, уникальный язык, поэтому можно говорить о поэтическом «событии письма». Акт письма демонстрирует и интонацию, и модальность речи героя, взывающие к критике старого слова, от власти которого субъект старается освободиться. Помимо этого, подчеркивается побуждение к оформлению истории в личной письменной форме. А понимание может осуществляться в процессе акта письма, тематизирующего проблему посредством создания нового слова.

Так дискурсивная демонстрация поступка героя в подходе Ковача тесно связана с порождением смысла. Ковач при этом имеет в виду не героя, а уже субъекта текста, который обозначивает свои поступки и проявляет себя в качестве такого же соавтора, как и сам язык. Герой сюжета трансформируется в субъекта текста, создавая высказывание в письменном виде о своем самопонимании. Излагая личную историю, субъект в собственном тексте сталкивается со своей жизненной проблемой, вопрошает о смысле существования, приходит к самоосмыслению, причем параллельно этому его диспозиция означивается по-новому посредством языка, ибо в ходе данного процесса создается ключевая метафора текста.

Раскрытием такого дискурсивного отношения ученый вносит особый вклад в науку о литературе. Акт прозрения в романе Толстого наступает перед совершением героиней самоубийства, когда во внутренней речи она осмысляет жизнь и формулирует «слово любви и благодати». По нашему мнению, этот поступок героини может быть равнозначен акту письма. В «Анне Карениной» нет подобного романам Достоевского «персонального повествования», выражения экзистенциальной проблемы в письменном виде. Вместе с тем само понимание героини наступает, и это проявляется как настоящее сюжетное и повествовательное событие, ибо в мировой литературе впервые встречается «поток сознания», развиваемый затем, например, Джеймсом Джойсом в «Улиссе» (см. у жены героя). Вместо акта письма этот «акт потока» можно считать пересказом истории героини, причем в качестве дискурса презентируется осмысление субъекта.

Таким образом, в дискурсе романа «Анна Каренина» в самом деле наблюдается появление персонального слова героини, побуждающего ее к осмыслению своей истории, если даже отсутствует письменная форма такого осмысления. Ее воля проявляется не только в деталях фигуры, но и в личном поступке. В ее внутренней речи также нет ни самоопределения, ни открытого, дидактического осуждения, явной оценки мира. Вместо этого она осознает нехватку воплощения смысла жизни, настоящего слова, запрятанного под приличием, «комильфо», отталкивается от шаблонных фраз и в другом статусе реализует сокрытые в себе, в своем имени-фамилии новые значения. Такое осмысление на уровне сюжета называется «прозрением», а на дискурсивном уровне – формированием личного слова.

Итак, в сюжете о прозрении героини ее мысли о наказании означают жизненный кризис, в презентации ее речь манифестирует необходимость самоотдачи и прощения, а создание «слова любви» становится настоящим поступком. Новый, творческий, письменный способ действия Ковач считает демонстрацией личного «присутствия» человека в мире (ср. теории М. Хайдеггера и М. Шелера), и в этом ключе он говорит и о «бытии смысла» [Ковач, 2009; 2012]. В свете таких экзистенциальных проблем венгерский ученый осмысляет и литературный жанр романа [Kovács, 2004]. В этой связи Ковач поднимает вопрос также об «экзистенциальной метафоре», которая создается из интерпретации произведения [Kovács, 2017]. По его мнению, роман Толстого «представляет сближения физической и духовной преданности как конститутивный принцип одноразовой личной истории» [Kovács, 2020]. А связь предмета высказывания с его формой становится текстом «Анны Карениной», вписывающейся в мировую литературу, более того, становящейся одним из ее главных шедевров.

Как правило, Ковач исследует и другие произведения писателя или поэта, расширяя таким образом имманентный анализ единичного поэтического текста и описывая уникальное новаторство того или иного автора. Однако он обращается и к взаимосвязи произведений различных писателей. Изучение интертекстуального плана произведений также углубляет их толкование [Kovács,1994]. Так, Ковач представляет мотив возмездия в «Анне Карениной» в контексте прощения, что получает подтверждение в авторском кредо Толстого, заключающемся в его особенной христологии.

Ученый же возводит смысл эпиграфа романа не только к ветхозаветной цитате «Мне отмщение, и Аз воздам», но и к ее переосмыслению апостолом Павлом, то есть показывает у Толстого замену дидактического принципа жизненным опытом, «практикой благодати». Это переосмысление Ковач выявляет и на материале почти одноименного романа венгерского почитателя Толстого Деже Костолани «Анна Эйдеш», то есть «Милая Анна». Ученый также демонстрирует некоторые философские тезисы Толстого (см. «непротивление злу насилием») в таком ключе, показывая, как писатель

одерживает победу над пророком. Творец же не следует принципам, а опробует их, во-первых, в литературе, что в плане дискурса означает создание нового поэтического языка прозы, а во-вторых, в «живой жизни», означающей в плане экзистенциального понимания пограничную ситуацию, в которой создается «новый человек»: Анна Каренина / Лев Толстой оживляет самого себя, как это делал Христос и, по его примеру, апостол Павел.

Так результатом применения дискурсивной поэтики стала новая интерпретация романа. Этот подход предполагает и включение как антропологического, так и рецептивного аспекта. По сути дела, читатель должен стать писателем, осмысляющим свой жизненный опыт и экзистенциальный смысл произведения, а также передающим свой опыт чтения. Ввиду этого положения в завершение нашего обзора мы предложим свое прочтение последнего эпизода из истории Анны Карениной.

Элементы сновидений героини и в сюжете, и на мотивном уровне связаны с другими частями романа, кроме того, являются источниками создания нового слова-поступка. Во сне Анны действия темного мужика, возможно железнодорожника, который нагибается над мешком и копается в нем, и его неясное бормотание по-французски о сгибании железа метафоризируют несчастливые браки. Это подтверждается тем, что перед смертью в купе поезда по пути к Вронскому героиня видит супружескую пару, разговаривающую по-французски. По выбору иностранного языка Анна решает, что их брак несчастлив. Проекция этого момента на свою собственную жизнь как возможная версия толкования сна становится для героини последним толчком к самоубийству. Так на чужую историю несчастья, на вторжение чужого языка Анна отвечает поступком, доводящим интерпретацию сна до сознания. Когда поезд трогается, она падает на колени и повторяет жест чужого мужа: крестится. Нарративная деталь становится языковой метафорой любовных отношений. Реакцией героини на ложную жизнь является отказ, желание освободиться от нее посредством присвоения поступка во сне: здесь она нагибается над колесом поезда. Вспомним, как любовник и муж склоняются над больной Анной, чтобы поцеловать ее руку. Однако с ее смертью угасает свеча, освещающая ее «прозрение».

Подытоживая сказанное, мы можем утверждать, что на материале романа Толстого получила некоторое освещение дискурсивная теория (и метод), использующая, продолжающая и обогащающая русскую и западную поэтику и литературоведение. Мы демонстрировали, как можно анализировать почти все уровни текста: и знаки, и имена-слова-метафоры с новой семантикой, и детали, и наррацию, и жанр, и даже интертекстуальные связи.

ЛИТЕРАТУРА

Ковач А. Роман Достоевского. Опыт поэтики жанра. Budapest: Tankönyvkiadó, 1985. 368. с.

Ковач А. Персональное повествование. Пушкин. Гоголь. Достоевский. В. 7. Frankfurt...: Lang, 1994. 231. с.

Ковач А. На пути к литературной антропологии // Studia Slavica Hungaricae. 2009. № 2(54) С. 363–386.

Ковач А. Персонализм литературной антропологии Михаила Бахтина (От феноменологической эстетики к поэтике прозы) // Russian Literature. 2012. LXXII-I. P. 1–44.

Ковач А. Дискурс, рассказ и троп («Покой» в творчестве Пушкина) // Диалог согласия: сборник научных статей к 70-летию В.И. Тюпы / ред. О.В. Федунина, Ю.Л. Троицкий. М.: Intrada, 2015. С. 336–349.

Kovács Á. A szó diszkurzív poétikája // Helikon. 1999. No. 1–2. P. 5–35.

Kovács Á. Diszkurzív poétika. Budapest: Argumentum, 2004. 338 p.

Kovács Á. La métaphore et l'identité générique (L'actualité de Northrop Frye) // Genres et identité dans la tradition littéraire européenne. Orizons, Comparaisons. Paris, 2017. P. 49–62.

Kovács Á. Test és karizma az «Anna Karenina» című regényben // Szenvedély, Formák, Vallomások. Írások Szávai János 80. születésnapjára. Kalligram, 2020. P. 160–176.

A. Molnar
PhD in Philology, Doctor, Associate Professor,
Institute of Slavistics, University of Debrecen
Debrecen, Hungary

Components of Discursive Poetics on the Example of Leo Tolstoy's Novel «Anna Karenina»

The article briefly examines the specifics of discursive poetics, which was developed for several decades by the Hungarian scientist Árpád Kovács, based on the material of Leo Tolstoy's novel «Anna Karenina». The review is carried out on the basis of the study of the sound modality and components of the word as a linguistic sign, which is enriched with a new meaning in the poetic text. In addition, it examines how metaphors in the plot are thematized and form the composition of the text, how the narrative and the statement correlate, and what role the subject of discourse plays in this. The purpose of presenting the analysis of Tolstoy's novel conducted by the professor of the discursive approach is to identify its innovative reading and, at the same time, to supplement the interpretation on its basis, using both this concept and methodology. For Árpád Kovács, the key point is also personal textual generation with a new interpretation of the work, therefore, at the end of the study conducted in this article, he offers his own interpretation of the last episode from the heroine's life, as a result of the dialogue between the author of the article and the novel. The importance of the presentation of the approach is in its popularization for use in research activities related to the study of literature.

Keywords: *discursive poetics; Arpad Kovacs; analysis of the novel; Leo Tolstoy; «Anna Karenina».*

REFERENCES

Kovacs Arpad. Dostoevsky's Novel. Experience of poetics of the genre [Roman Dostoevskogo. Opyt pojetiki zhanra]. Budapest: Tankönyvkiadó, 1985. 368. p. (in Russian).

Kovacs Arpad. Personal storytelling. Pushkin. Gogol. Dostoevsky [Personal'noe povestvovanie. Pushkin. Gogol'. Dostoevskij]. B.7. Frankfurt: Lang, 1994. 231 p. (in Russian).

Kovacs Arpad. Towards Literary Anthropology [Na puti k literaturnoj antropologii]. *Studia Slavica Hungaricae*. 2009. No 2 (54). P. 363−386 (in Russian).

Kovacs Arpad. The Personalism of Mikhail Bakhtin's literary anthropology (from phenomenological aesthetics to the poetics of prose) [Personalizm literaturnoj antropologii Mihaila Bahtina (ot fenomenologicheskojj estetiki k pojetike prozy)]. *Russian Literature*. 2012. No LXXII-I. P. 1−44 (in Russian).

Kovacs Arpad. Discourse' story and trope. («Peace» in theworks of Pushkin) [Diskurs, rasskaz i trop. («Pokoj» v tvorchestvePushkina)]. *Dialogue of consent: a collection of scientific articles for the 70th anniversary of V.I. Tyupa.* Edited by O.V. Fedunina, Ju.L. Troickij. Moscow: Intrada, 2015. P. 336−349 (in Russian).

Kovacs Arpad. The discursive poetics of the word [A szó diszkurzív poétikája]. *Helikon.* 1999. No. 1−2. P. 5−35 (in Hungarian).

Kovacs Arpad. Discursive poetics [Diszkurzív poétika]. Budapest: Argumentum, 2004. 338 p. (in Hungarian).

Kovacs Arpad. Metaphor and GenericIdentity (NorthropFrye'sActuality) [La métaphore et l'identitégénérique (L'actualité de NorthropFrye)]. *Genres and identity in the European literarytradition.Orizons, Comparaisons.* Paris, 2017. P. 49−62 (in French).

Kovacs Arpad. Body and charisma in the novel «Anna Karenina» [Test és karizma az «Anna Karenina» című regényben]. *Passion, Forms, Confessions. Writings for the 80th birthday of Janos Szavai*. Kalligram, 2020. P. 160−176 (in Hungarian).

Е.Р. Лочмелис

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия

УДК 821.161.1-192.09

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-28-43

ПУШКИН И ДОСТОЕВСКИЙ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Ключевые слова: *русский рок*; *рок-поэзия; Пушкин; Достоевский; литературный ключ; реактуализация; деконструкция; абсурд; культурная адаптация.*

Предметом изучения в статье является русская рок-поэзия, авторы которой стремятся преодолеть культурный и личностный распад посредством обращения к классической литературе и эстетике абсурда.

В качестве центральных и вместе с тем опорных фигур русской культуры рок-поэт выбирает или Пушкина, или Достоевского, и его самоопределение – самоопределение гения XX–XXI веков – происходит именно на пересечении мифов о двух, на первый взгляд, полярных культурных героях («солярном» Пушкине и «теневом» Достоевском).

Апелляция к фигурам Пушкина и Достоевского, а также культурный диалог с их творчеством происходит следующим образом: с одной стороны, заметно снижение гения до своего уровня, а с другой – культурное воскрешение, утверждение, реактуализация и адаптация к новым контекстам тем и мотивов творчества, которые охватывают основы русской духовной культуры.

Цель исследования – доказать посредством интертекстуального подхода, что рок-поэзия может относиться к явлениям элитарной культуры, поскольку ценностная парадигма текстов рок-поэтов традиционно выстраивается посредством соположения идеального и реального планов. Сам же рок-исполнитель – «невольник чести» и «поэт», который неизменно поставлен в оппозицию к окружающей его действительности. Абсурдистская эстетика, приемы комизма и деконструкции «подновляют» и вместе с тем усложняют давно знакомый образ.

Рок-поэт существует в строго регламентированном пространстве, которое ощущает лишенным духовности и смысла, ограничивающим свободу личности. Последнее обуславливает обращение рок-поэтов к эстетике формально-логического парадокса – абсурда, где абсурд – попытка «путем эпатажа или шока активизировать человеческое сознание и творческий потенциал» [Лексикон нонклассики, 2003, *20*] и тем самым преодолеть культурный и личностный распад.

В качестве центральных и вместе с тем опорных фигур русской культуры рок-поэт выбирает или Пушкина, или Достоевского (в рецепции массового сознания [Загидуллина, 1999, *84*]), встраивая их в новый контекст посредством отбора тождественных тем и мотивов, определивших их творческое бессмертие, и его самоопределение – самоопределение гения XX–XXI веков – происходит именно на пересечении мифов о двух, на первый взгляд, полярных культурных героях («солярном» Пушкине и «теневом» Достоевском).

Так, для творчества (и мировидения) Пушкина и Достоевского характерна система оппозиций, маркирующих, с одной стороны, ценностно значимый план (свобода, красота, любовь, гуманизм), а с другой – низовой, лишенный содержания и смысла, деструктивно влияющий на личность. Трагическое мироощущение писателя, следовательно, проистекает из сознания того, что нравственный идеал (и идеал в целом) невозможен, недостижим в действительности. При этом слово Пушкина-поэта имеет тот же провиденциальный смысл, что и слово Достоевского-пророка: оно равно живо и равно истинно – и вместе с тем почти потеряно, забыто. Окончательная утрата этого слова мыслится равносильной тотальной девальвации духовных ценностей, а в конечном счете – утрате своего «я».

Важно также отметить, что определенные семы в «тексте» Пушкина и в «тексте» Достоевского получают диаметрально противоположную реа-

лизацию. Так, «свобода» в творчестве Пушкина прямо соотносится со свободой поэтической (поэт как любовник муз, не знающий оков земной жизни), тогда как «свобода» в творчестве Достоевского оказывается тождественной понятиям «бунт», «анархизм», «крайний индивидуализм». Кроме того, «текст» Достоевского по своей тональности в целом оказывается ближе к «мрачной», «теневой» стороне сознания и жизни, что связано с представлением о социальном зле как константе человеческого существования и отличает его от «текста» Пушкина, ориентированного на гармонизацию хаоса посредством творческой деятельности.

Апелляция к фигурам Пушкина и Достоевского, а также культурный диалог с их творчеством происходит следующим образом: с одной стороны, заметно снижение гения до своего уровня, смещение интереса к аспектам его частной жизни и в конечном счете сведение смысла произведения до уровня китча, а с другой – культурное воскрешение, утверждение, реактуализация и адаптация к новым контекстам тем и мотивов творчества, которые в сознании рок-поэта охватывают основы русской духовной культуры, а потому дают представление о так называемом национальном характере (менталитете).

Формирующийся на протяжении нескольких столетий культурный миф о Пушкине приобретает исключительную важность в контексте анализа рок-поэзии, поскольку через восприятие его творчества определяется отношение русского рока к культуре в целом [Доманский, 2010, *20*].

Пушкин в массовом сознании предстает беспечным поэтом-романтиком, юношей-лицеистом, автором донжуанского списка, а после речи Достоевского – еще и поэтом, способным ко всемирной отзывчивости, «поэтом поэтов» (его жизнь осмысляется как универсализированная модель выстраивания поэтического пути).

В рецепции пушкинского наследия в рок-поэзии, как кажется, можно выделить две магистральные линии: а) постмодернистская игра с образом самого Пушкина, точнее, с его биографией как своего рода «кодексом» поступков поэта-творца – здесь основными приемами оказываются деконструкция (сведение к китчу) и пародия; б) восприятие тем и мотивов его творчества – в этой линии преемственности снижение отсутствует, поскольку пушкинское наследие осмысляется как ценностно значимое.

Так, в «Памятнике (Пушкину)» группы «ДДТ» [Шевчук, 1984] можно заметить гетерогенную цитату, связывающую песню как со всей традицией стихотворений на тему поэтического памятника, так и с конкретным стихотворением Маяковского «Юбилейное», – и прежде всего тексты сближает проблема мифологизации образа поэта в академических кругах, понимаемых как «мертвые», «лишенные духовной жизни», а значит, и противопоставленные тоске лирического героя по «живому слову» и его воплощению – Поэту, что и приводит его к памятнику Пушкину. Ср.: «Я люблю вас, / но живого, / а не мумию. / Навели хрестоматийный глянец» [Маяковский, 1957, 6, *54*] (тот же

мотив встречается и в «Дешевой распродаже»: «лобастые идиоты с кафедры», «профессора разучат до последних йот» [Маяковский, 1955, 1, *115*] и не оставят ничего от того, что в поэте было подлинным, настоящим, толпа «даже не узнает – / я не я» [Там же, *116*]) и «Изучено начало, оплакан Ваш финал / Вы правильны на сотни лет вперед» [Шевчук, 1984], а также «Может быть, и Вы / Похожи на живого человека» [Там же].

Далее следует жонглирование «мертвыми», порядком поизносившимися клише, связанными с конкретными биографическими фактами: «Вот арап! / а состязается – с Державиным…» [Маяковский, 1957, 6, *54*] и «Вы / по-моему / при жизни / – думаю – / тоже бушевали. / Африканец! / Сукин сын Дантес» [Там же, *55*]. Шевчук же воспроизводит «семы Дон-Жуана и пьяницы пушкинского мифа» [Доманский, 2010, *21*]: «А мы слыхали, были Вы великий / Любитель баб и крепкого вина, / Так описали мир наш многоликий, / что тащится огромная страна. / Цена же Ваша – этот пьедестал» [Шевчук, 1984].

При этом фамильярный тон обоих стихотворений свидетельствует, с одной стороны, о стремлении авторов «очеловечить» памятник Пушкину («Стиснул? / Больно? / Извините, дорогой» [Маяковский, 1957, 6, *47*]), высечь из камня живое слово, не претерпевшее академической метаморфозы, а с другой – стать вровень с первопоэтом, подчеркнуть факт стадиальной преемственности эпох.

Однако если Пушкин заслуженно поставлен на постамент, то рок-поэт, заявляя, что он «сам себе Рок и сам себе Гений» [Арбенин, 1994], признает, что «завалился под свой пьедестал» [Там же], маркируя тем самым если не творческую смерть, то несостоятельность. Интересно, что при этом сохраняется тема непонимания художника толпой: «Вы, что вы знаете обо мне, / <…> / Что вы можете знать, / Что вы можете знать вообще?» [Там же]

Следовательно, тема «поэтического памятника» и мотив стремления обрести бессмертие посредством творчества в рок-поэзии представлены широко: «Когда закончится нефть / Сказок Пушкина останется столько же, сколько было / Когда закончится газ / Запас пьес Шекспира не убавится ни на одну / Когда случится всемирный потоп / Картины Репина всплывут, а мы пойдем ко дну» [Мозжухин, 2013].

При этом в поэтическом бессмертии, как следует из приведенных выше цитат, рок-поэт себе отказывает – и дело здесь не столько во вторичности творчества по отношению к классике или недостатке таланта, сколько в ощущении какой-то внутренней слабости, сознании того, что в мире, где все продается и покупается, он не вполне свободен – и оформляет эстраду: «Спрос-спрос-спрос рождает предложение, я принимаю роды» [Мозжухин, 2012]. В таком самоощущении угадывается драма лермонтовского «потерянного поколения» и его позорное малодушие: пока где-то сидит «русалка в ветвях» (существует сказочное, подлинно творческое пространство), их «бесстрашие преследует страх…» [Арбенин, 1995].

Шевчук обращается к Пушкину и в тексте «Последняя осень», где пушкинское время года – осень – становится мотивировкой элегической, тоскливо-исповедальной интонации:

Ах, Александр Сергеевич, милый –
Ну что же Вы нам ничего не сказали
О том, как дышали, искали, любили,
О том, что в последнюю осень Вы знали.
Уходят в последнюю осень поэты
И их не вернуть – заколочены ставни.
[Шевчук, 1991]

Время не оставило настоящего Пушкина – только образ, сшитый из клише и многократно перекроенный, переосмысленный традицией («Ну что же Вы нам ничего не сказали» [Там же]), а культурное пространство, из которого «уходят» поэты, остается осиротелым, лишенным ценностных ориентиров.

В стихотворении Башлачева «Мы льем свое больное семя…», на первый взгляд, происходит традиционное снижение и как бы обесценивание мотива трагического переживания девальвации ценностей и в конечном счете самой темы судьбы художника: «Давай жевательной резинкой залепим дыры наших ран» [Башлачев, 1982], «Мы вскроем вены торопливо / Надежной бритвою “Жилет”. / Но вместо крови льется пиво / И только пачкает паркет» [Там же]. То же и в строчках: «Я приглашаю вас к барьеру – / Моих испытанных врагов – / За убеждения и веру / Плеваться с десяти шагов» [Там же] («стреляться» заменено на «плеваться») и «Погиб поэт – невольник чести, / Сварился в собственном соку» [Там же] (строфа содержит прямую цитату из стихотворения Лермонтова «Смерть поэта», написанного на смерть Пушкина, и воспроизводит представление о Пушкине как поэте вообще). Причем последнее, как кажется, следует считать вполне справедливым указанием на действительную причину того, почему судьба героя-художника всегда складывается так драматически: первопричина и корень всех зол – это его «природа», склад характера, неравнодушного и излишне чувствительного, в некотором смысле «лишенного покровов», а потому не защищенного от всех несовершенств окружающего мира.

Таким образом, в пространстве рок-культуры как отражении массового сознания существует тоска по настоящему, живому, очеловеченному Пушкину, который как бы прозревается за «памятником», или культурным мифом о нем. Кроме того, проведенный анализ позволяет выделить ряд общих черт в осмыслении пушкинского наследия рок-поэтами:

а) Пушкин олицетворяет истинное, почти пророческое знание о мире, постигаемое творческими интуициями и почти полностью ушедшее из окружающего рок-поэта мира. Со смертью поэта (или только с его деградацией) связывается утрата последних истин;

б) пушкинский текст органически входит в творчество авторов, которые склонны выстраивать свои тексты как систему оппозиций («здесь» и «там», «мечта» и «действительность»). Пушкинская цитата в этой группе текстов всегда маркирует ценностно значимый план.

Важно при этом отметить, что начиная с Ап. Григорьева выстраивается парадигма полярных, антонимичных по своей сути типов – «хищного» и «смирного», которая не только не противоречит оппозиции Гамлет – Дон Кихот (и – ранее – чувствительный, рефлексирующий, но бездеятельный характер и нечувствительный, нерассуждающий, но деятельный характер), но и накладывается на нее. Приведенные классификации и типологии, как правило, рассматриваются как самостоятельные или, точнее, стадиально сменяющие друг друга, однако основание для сопоставления в целом остается одним, и в сознании рок-поэтов, очевидно, присутствует представление о Пушкине-гуманисте, симпатизирующем именно «смирному» типу, тогда как Достоевский предстает, скорее, как писатель второго типа, «хищного», несмотря на сочувственное отношение к задавленным средой «униженным и оскорбленным» (в этом пункте идеология расходится с эстетикой).

Лирический герой рок-поэзии – бунтарь, который одинок принципиально (крайний индивидуализм), отсюда и преобладающие мотивы войны и смерти. Например, Илья Кормильцев так характеризует творчество Виктора Цоя: «В его текстах – максимализм, агрессия, <…> состояние войны, вечной оппозиции, в котором подросток находится по отношению к миру» [Кормильцев, Сурова, 1998, *22*].

Можно с достаточным основанием говорить о том, что лирический герой рок-поэзии во многом близок героям Достоевского: «Мне надо было узнать тогда, вошь ли я, как все, или человек? <…> Тварь ли дрожащая или *право* имею?» [Достоевский, 1989, 5, *305*] и «Он был уже скептик, он был молод, отвлеченен и, стало быть, жесток» [Там же, *397*]. Он – один, против него – все, а потому Раскольников выбран на роль «молодежного героя» [Науменко, 1983].

Рок-музыка дает взбунтовавшейся личности свободу от устоявшихся общественных принципов и стереотипов, от окружающей действительности, что в контексте творчества Достоевского соотносится с темой анархизма, актуализирующей роман «Бесы».

Так, в тексте «Бесы» («Электрические партизаны») прямо говорится о том, что «в этом старом мире все опять не так» [Курылев, 2014], а значит, пришло «время в наши руки нашу взять судьбу» [Там же]: «Интересы революции – наши интересы! / Сгинь, империя, – за дело взялись бесы!» [Там же], где бесы – революционеры, творцы грядущего века «свободных духом».

В «Бесах» «Арии» та же тема разработана глубже, причем прежде всего привлекает внимание принципиально важная психологическая черта,

свойственная многим «подпольным» героям Достоевского – эгоцентричным Печориным в шинели Акакия Акакиевича: «Ближних я не могу любить, / Трудно мне жить слугой, / А хозяином мне не быть» [Пушкина, 1991]. Именно эта внутренняя раздвоенность порождает желание «сойти с ума» и «хоть раз сломать / Этот слишком нормальный свет» [Там же]:

Здесь духотой гнетет
Бесконечная страсть борьбы.
[Там же]

Бесы, с одной стороны, это внутренние демоны («Бесы в душе моей», «Бесы к себе зовут, / Дразнят в зеркале день и ночь» [Там же]), а с другой – революционная «пятерка» бесов, организованная Верховенским, в их отношении к убийству Шатова: «Тащат в заросший пруд, / И не в силах никто помочь» [Там же]. Отмеченная связь лирического героя песни и Шатова, колебавшегося между «верой» и «неверием», также значима.

«Нарастание негативных тенденций, неустранимость социального зла» [План Ломоносова, 2012] – вот что нашло отражение в прозе Достоевского, вот о чем говорит социалистам его герой, подпольный парадоксалист, который не верит в одинаковое для всех счастье, которому своя воля лучше, а «трагизм подполья, состоящий в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и в невозможности достичь его» [Достоевский, 1976, *329*] не дает измениться, опираясь на положительный пример. «Сознание озлобленной мыши, защемленной в подполье, оказывается человеческим сознанием вообще» [Мочульский, 1980, *203*] и находит свое выражение как в прозе Достоевского, так и в текстах, причисляемых к рок-поэзии, не чуждой книжных «абстракций» и «мертворожденного общечеловека».

Анализ поэтики Достоевского в целом представляется правильным начать с песни Василия К. «Достоевский жив», поскольку она включает целый ряд отсылок на творчество Достоевского; текст в прямом смысле построен как мозаика, коллаж.

В данном случае мы, очевидно, имеем дело с сознательной цитацией, поскольку уже в названии дается прямая отсылка к творчеству писателя, чьи произведения интерпретируются в новом контексте: «Достоевский с нами, Достоевский жив» [Василий К., 1999б]. С кем – с нами? С представителями определенной субкультуры, для которых Цой и Достоевский находятся в одной ценностной плоскости. Аналогия с Цоем очевидна: смерть Цоя создала своего рода культ бессмертного рок-поэта («Цой жив!»).

Далее, как уже говорилось выше, отмечается подпольная психология героев Достоевского и их парадоксальность: «Отразится в глазах Господня страсть, / Лик словно выписан кистью Серова» [Там же] (имеется в виду, очевидно, известный портрет Достоевского, написанный В.Г. Перовым, однако созвучие фамилий создает намеренную или случайную игру слов), «Нет мне судьи, но до смерти боюсь / Бога, соседей и городового» [Там же];

«Я не святой. Я больше скажу, / Я гадок и подл – предавал, продавал, / Но безмерно подлее любой из вас» [Там же]. Не остается без внимания и специфическая эмоциональность, необыкновенная эксцентричность и болезненность характеров Достоевского, постоянно находящихся в состоянии нервного возбуждения: «Потемнеет в глазах – обычное дело / И руками всплесну, и на колени паду / И возвышу свой голос в неразумных пределах» [Там же], а также тот факт, что персонажи Достоевского – герои-идеологи: «У меня есть идея, а у вас ее нет» [Там же].

В тексте песни заметен интересный монтаж биографических фактов (страсть Достоевского к азартной игре, правда, в рулетку, а не в карты, нашедшая отражение в романе «Игрок») с отсылками к конкретным литературным произведениям.

Так, строчка «Грустный бэби, где ты бродишь со слезинкой своей» [Там же], очевидно, отклик на концептуализированное выражение «слезинка ребенка», означающее, что цели, цена которым – страдания невинных, лишены морального оправдания, как и мир в целом: «Если ты уже мертв, значит, время и мне / Причаститься любви да подохнуть во сне, / Чтобы не больно» [Там же].

Пересказ сцены из романа «Идиот» (князь Мышкин и Рогожин, герои-двойники, связанные любовью к одной женщине, у тела Настасьи Филипповны) представляет собой следующее четверостишие, где тема двойничества актуализирована лапидарно, но емко – через номинацию «друг-враг»:

Вместе с другом-врагом над телом ее
Просидим всю ночь, и никто не войдет
Я сделаю все, ты не виноват
Пусть убийца – ты, зато я – идиот
[Там же]

Наконец, к «Преступлению и наказанию» отсылают следующие строки:

Июльский день, кружка воды
Лихорадка моя и сестричка моя
Вы – развратнейший тип, я тебя зарублю
Вот только встану с постели и займу два рубля
[Там же]

Ср. с началом романа: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки <…> на улицу <…>» [Достоевский, 1989, 5, *5*]. Далее повторяющийся мотив лихорадки: «Нервная дрожь его перешла в какую-то лихорадочную; он чувствовал даже озноб; на такой жаре ему становилось холодно» [Там же, *53–54*] и «Наконец он почувствовал давешнюю лихорадку, озноб, и с наслаждением догадался, что на диване можно и лечь. Скоро крепкий, свинцовый сон налег на него, как будто придавил» [Там же, *66*].

Причем текст песни воссоздает этот болезненный ход мысли, это отупение сознания, останавливающегося на «кружке воды» [Василий К., 1999б], «лихорадке» [Там же], «сестричке» [Там же] (Авдотье Романовне) и вдруг зло, загнанно вцепляющегося в «развратнейшего типа» – Свидригайлова или Лужина, затем следует реплика-установка, почти маниакальное «я тебя зарублю» [Там же], а после ироническое выпадение из фокала героя, взгляд на Раскольникова со стороны: ему бы с постели встать и найти денег, а не заниматься своими теориями и не ощериваться от уязвленной гордости.

В тот же альбом Василия К. входит песня «Бедные бедные», отсылающая, очевидно, к роману Достоевского «Бедные люди». Выход этого романа Добролюбов в критической статье «Забитые люди» характеризует следующим образом: «Появление “Бедных людей” было встречено величайшим восторгом всей литературной партии, признавшей Гоголя; Белинский провозгласил, что <…> он [Достоевский] вовсе не подражатель Гоголя, а талант самобытный и громадный» [Добролюбов, 1970, *301*]. Как кажется, первые строки текста Василия К. учитывают именно этот историко-культурный контекст, поскольку Достоевский здесь предстает продолжателем гоголевской школы, писателем, в каком-то смысле «вышедшим из гоголевской шинели», и наследником русской реалистической традиции, исполненной гуманистического пафоса, с одной стороны, и обличающей общественные пороки – с другой:

он писать Шинель я двигаться вперед
я школу продолжать Белинский восхищаться
знамя поддержать русский гуманизм
я скорбью обвинить я гнев сосредоточить
[Василий К., 1999а]

При этом формальные особенности текста песни воспроизводят не только речевой портрет Макара Девушкина (и стилистику Достоевского), но и психологический очерк его личности: текст сшит из инфинитивных конструкций, отражающих плохое владение письменной и устной речью, при полном отсутствии какого-либо пунктуационного оформления. Кроме того, на всем протяжении текста нет заглавных букв. Использование лапслока (как и отсутствие пунктуационных знаков), как кажется, преследует сразу несколько целей. Во-первых, так воссоздается манера неформальной, интимной (замена местоимения «вы» на «ты») переписки в интернет-чатах (и записка, и частное письмо, очевидно, тесно связаны с эпистолярной формой романа Достоевского), тогда как в формальной переписке заглавные буквы ощущаются пользователями как обязательные. Во-вторых, в контексте «Бедных людей» лапслок также воспринимается как фигура самоуничижения, как нарочное преуменьшение и своей собственной значимости, и значимости предмета речи; сама интонация становится как бы негромкой, осторожной, в чем-то даже приниженной – и затухает. Наконец, именно лапслок отражает внутреннюю сумятицу, происходящую в душе героя (то же стремится сделать и Достоевский, но

в прозе: «…и не перечитываю, и слогу не выправляю, а пишу только бы писать» [Достоевский, 1988, 1, *146*]), в монологе которого фразы не членятся на отдельные синтагмы и как бы «нагромождаются», «находят друг на друга», как вспышки ассоциаций-воспоминаний.

Следовательно, имитация отсутствия красивого слога отнюдь не случайна, более того, помимо стилистического эффекта, она приводит к практически полному слиянию Достоевского (биографический контекст первого четверостишия) и персонажа, Макара Девушкина, и если последний сам кается в отсутствии слога, повторяя «слогу нет», «слогу нет никакого» [Там же, *43*], то Достоевского в этом, как и в стремлении каждый раз писать себя, а не своих героев, упрекала современная критика: «“Бедные люди”, например, трудно читать без некоторой тошноты от чрезмерного обилия всяких “маточек” и “голубчиков моих”» [Михайловский, 1989, *221*] или «Тон рассказа решительно фальшивый, сочиненный» [Добролюбов, 1970, *307*] и «во всем романе действующие лица говорят, как автор; они употребляют его любимые слова, его обороты; у них такой же склад фразы... <…> во всем виден сам сочинитель, а не лицо, которое говорило бы от себя» [Добролюбов, 1970, *311*].

Сентиментальность тона создается в тексте песни благодаря обилию междометий («ах что случилось не предчувствовать / ах голова без слога рассказать» [Василий К., 1999а]) и уменьшительно-ласкательных суффиксов («плакать в уголку» [Там же]), троекратному повтору-причитанию («бедные бедные бедные люди» [Там же]), самой ситуации частной переписки («я себя излагать ты меня читать / ты все понимать ты мне отвечать / я тебя любить я всегда продолжать» [Там же]).

В тексте песни контаминируются цитаты из писем Вареньки («я с постели вставать скоро помирать / кто меня жалеть кто за гробом ходить» [Там же]) и Макара Девушкина, воспроизводимые в хронологической последовательности, ср.:

«я денежку копить я конфекты посылать» [Василий К., 1999а] – «Я вам при сем посылаю, Варенька, фунтик конфет» [Достоевский, 1988, 1, *35*];

«я семейство навещать у них бэби помирать / пальчик на губах держать кукла на полу лежать» [Василий К., 1999а] – «Сегодня <…> умер у Горшкова маленький. <…> Навестил я этих Горшковых. Маленькая девочка, дочка, стоит прислонившись к гробу <…> Кукла какая-то из тряпок на полу возле нее лежит, – не играет; на губах пальчик держит» [Достоевский, 1988, 1, *75*];

«под колеса брошусь не пущу уезжать» [Василий К., 1999а] – «Я, маточка, под колеса брошусь; я вас не пущу уезжать!» [Достоевский, 1988, 1, *143*].

Отдельную группу составляют цитаты, представляющие собой выписки из произведений, прочитанных Макаром Девушкиным: строчка из понравившегося ему стихотворения, обнаруживающего, как кажется, тайное и не вполне осознанное желание маленького человека сделаться «хищной птицей» («зачем я не птица не хищная птица» [Василий К., 1999а]), а

также пересказ (с сохранением лексических особенностей текста Достоевского) «Итальянских страстей» и повести «Ермак и Зулейка» («клокотать», «страсти кипеть», «любо мне шаркать железом о камень» [Там же]).

Лирический монолог Макара Девушкина в песне Василия К. обрывается, как и в романе Достоевского, на отчаянно высокой, трагической ноте, которую оказывается способен взять маленький человек, задавленный нищетой, униженный, однако же наделенный душой, способной глубоко чувствовать: «я писать и любить всегда продолжать» [Там же].

В контексте противостояния материалистическим ценностям появляется цитата из Достоевского и в тексте Майка Науменко («Зоопарк») «Уездный город N». Город N – «сумасшедший дом» [Науменко, 1983], в создании этого топоса использован традиционный прием универсализации (в одном показать все, причем в данном случае все – и русские, и зарубежные – культурные контексты), берущий свое начало от Гоголя и Щедрина.

«На бирже творится черт знает что» [Там же], а в Сити существуют две конкурирующие коммерческие фирмы: первая – «Иисус Христос и Отец», дела которой процветают, «и оттого жестокий сплин / Владеет главой конкурентов» [Там же], вторая – «Иван Грозный и Сын», что, очевидно, актуализирует контекст романа Диккенса «Домби и Сын»: смерть маленького Поля Домби соотносится и с картиной Репина «Иван Грозный и сын его Иван 16 ноября 1581 года», и с библейским сюжетом об искупительной жертве Христа, при этом сам мистер Домби на протяжении всего романа занимает в своем мрачном доме (и на бирже) положение Бога-Отца, сильного мира сего.

Сходство поэтики Диккенса и Достоевского (тяготение писателей к детективным сюжетам, ходам массовой литературы, мелодраматические тональности отдельных сцен, вера в существование нравственного идеала, тема денег и социальной несправедливости, а также изображение города – Лондона и Петербурга – равно прекрасного и ужасного, соединившего в себе пороки высших сословий и духовное совершенство, подчас открывающееся в подонках общества; города, география которого точно воссоздается в романах обоих авторов – читатель следует то за Сайксом, то за Раскольниковым) обуславливает появление героя Достоевского в этом контексте, а также намеченные через образ собора Нотр-Дам параллели «Гюго – Достоевский»:

Родион Романыч стоит на углу,
Напоминая собой Нотр-Дам.
Он точит топоры, он правит бритву,
Он охоч до престарелых дам.
Он с интересом наблюдает за дракой –
Это наш молодежный герой
Опять затеял битву с дураками,
Но бьется он сам с собой.
[Там же]

Важно отметить, что Раскольников здесь появляется еще до совершения преступления («он точит топоры, он правит бритву» [Там же] – то же, что

«точить на кого-то зуб»), одержимый внутренними противоречиями, «затеявший битву с дураками» [Там же], но парадоксально впавший во внутренний конфликт с самим собой – крах его теории как бы известен заранее и предрешен, главным дураком оказывается сам герой, решивший позволить себе преступление по совести и не выдержавший мучений последней. Не случайно к нему подходит Жорж Санд как писательница, признававшая главной ценностью свободу личности и изображавшая, по выражению самого Достоевского, «прямой, честный, но неопытный характер юного женского существа с тем гордым целомудрием, которое не боится и не может быть загрязнено от соприкосновения даже с пороком» [Достоевский, 1994, 13, *194*] (линия влияния «Жорж Санд – Достоевский»). Жорж Санд в массовом сознании ассоциировалась с развратом, а потому рядом с ней тут же появляется «шеф полиции нравов» Оскар Уайльд, в самом деле играющий чужую роль, поскольку был судим за безнравственное, непристойное поведение.

Следовательно, монтаж отсылок в таком преломлении предстает несколько менее хаотичным, напротив, он подчинен устоявшимся ассоциативным связям и литературным влияниям.

Характерные черты поэтики Достоевского, как кажется, оказываются восприняты достаточно полно, что дает рок-поэтам возможность отсылать слушателя к некоему единому «тексту Достоевского», где «высокое», «положительно прекрасное», «эстетическое» вынужденно соседствует с «низким», «грязным», «порочным» и часто утрачивается, гибнет.

Таким образом, Достоевского и рок-поэтов сближает представление о социальной несправедливости как о своего рода константе межчеловеческих отношений. Они существуют в культурном пространстве, из которого, по выражению Шевчука, «уходят» поэты [Шевчук, 1991], в «жестоком», «опасном», «смертельном» мире «из железа и свинца» [Смысловые галлюцинации, 2011].

Ценностная парадигма текстов рок-поэтов выстраивается посредством соположения идеального и реального планов, а также сознательного выбора характера лирического героя, типологически схожего с героями-художниками («текст» Пушкина) и (анти)героями («текст» Достоевского).

Рок-исполнитель – «невольник чести» и «поэт», который в массовом сознании всегда – вечно – молод и неизменно поставлен в оппозицию к окружающей его действительности. Абсурдистская эстетика, приемы комизма и деконструкции «подновляют» и вместе с тем усложняют давно знакомый образ.

ЛИТЕРАТУРА

«План Ломоносова». «Киберпанк», 2012. URL: https://teksty-pesenok.ru/rus-plan-lomonosova/tekst-pesni-kiberpank/4101982/ (дата обращения: 18.09.2023).

«Смысловые галлюцинации». «Волшебный мир», 2011. URL: https://alllyr.ru/lyrics/song/163844-smyslovye-gallyucinacii-volshebnyy-mir/ (дата обращения: 18.09.2023).

Арбенин К. («Зимовье зверей»). «Голь на бобах», 1995. URL: http://www.zzverey.spb.ru/list.php?id=23&text=79 (дата обращения: 18.09.2023).

Арбенин К. («Зимовье зверей»). «Объяснение», 1994. URL: http://rock-chords.ru/zzverey/track/obyasnenie (дата обращения: 18.09.2023).

Башлачев А. «Мы льем свое больное семя…», 1982. URL: http://www.bards.ru/archives/part.php?id=1128 (дата обращения: 18.09.2023).

Добролюбов Н.А. Забитые люди // Добролюбов Н.А. Русские классики. Избранные литературно-критические статьи. М.: Наука, 1970. С. 301–346. (Серия «Литературные памятники».)

Доманский Ю.В. Русская рок-поэзия: текст и контекст. М.: Intrada – Изд-во Кулагиной, 2010. 230 с.

Достоевский Ф.М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. Л.: Наука, 1988. Т. 1. С. 31–146.

Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876. Июнь. Глава первая. II. Несколько слов о Жорж Занде // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. СПб.: Наука, 1994. Т. 13. С. 189–196.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1976. Т. 16: Подросток. Рукописные ред. 440 с.

Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 5. 575 с.

Загидуллина М.В. Пушкин и Достоевский как народные герои (к вопросу о массовом восприятии личности и судьбы гения) // Вестник Челябинского университета. Серия 2. 1999. № 1. С. 84–90.

Киселев В. (Василий К.). «Бедные бедные», 1999а. URL: http://vassilyk.ru/bedn/ (дата обращения: 18.09.2023)

Киселев В. (Василий К.). «Достоевский жив», 1999б. URL: http://vassilyk.ru/dostoevskiy/ (дата обращения: 18.09.2023).

Кормильцев И., Сурова О. Рок-поэзия в русской культуре: возникновение, бытование, эволюция // Русская рок-поэзия: текст и контекст. Вып. 2. Тверь, 1998. С. 5–33.

Курылев В. («Электрические партизаны»). «Бесы», 2014. URL: https://mytabs.ru/akkordy/ee/elektricheskie-partizany/besy-5_50673.html (дата обращения: 18.09.2023).

Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В.В. Бычкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. 607 с. (Серия («Summa culturologiae».)

Маяковский В.В. Дешевая распродажа // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 1. С. 115–117.

Маяковский В.В. Юбилейное («Александр Сергеевич, разрешите представиться. Маяковский...») // Маяковский В.В. Полное собрание сочинений. В 13 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 6. С. 47–56.

Михайловский Н.К. Жестокий талант // Михайловский Н.К. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Худож. лит. Ленинградское отделение, 1989. С. 153–234. (Серия «Русская литературная критика».)

Мозжухин Д. («Дайте танк (!)»). «Натуральное хозяйство», 2013. URL: https://genius.com/Daite-tank-subsistence-economy-lyrics (дата обращения: 18.09.2023).

Мозжухин Д. («Дайте танк (!)»). «Чехов», 2012. URL: https://genius.com/Daite-tank-chekhov-lyrics (дата обращения: 18.09.2023).

Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество. Париж: YMCA-PRESS, 1980. 563 с.

Науменко М. («Зоопарк»). «Уездный город N», 1983. URL: https://lyricsworld.ru/lyrics/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyiy-gorod-N-10691.html (дата обращения: 18.09.2023).

Пушкина М. («Ария»). «Бесы», 1991. URL: https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/krov-za-krov/%D0%91%D0%B5%D1%81%D1%8B (дата обращения: 18.09.2023).

Шевчук Ю. («ДДТ»). «Памятник (Пушкину)», 1984. URL: https://reproduktor.net/ddt/pamyatnik-pushkinu/ (дата обращения: 18.09.2023).

Шевчук Ю. («ДДТ»). «Последняя осень», 1991. URL: https://reproduktor.net/ddt/v-poslednyuyu-osen/ (дата обращения: 18.09.2023).

E.R. Lochmelis
Postgraduate Student,
Chair of History of Russian Literature of the 11th–19th centuries,
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Pushkin and Dostoevsky in Russian Rock Poetry

The article deals with Russian rock poetry, whose authors strive to overcome cultural and personal decay by turning to classical literature and absurdist aesthetics.

The rock poet chooses either Pushkin or Dostoevsky as the central and at the same time supporting figures of Russian culture, and his self-determination – the self-determination of a genius of the 20th–21st centuries – occurs precisely at the intersection of myths about two, at first glance, polar cultural heroes («solar» Pushkin and «shadow» Dostoevsky).

An appeal to the figures of Pushkin and Dostoevsky, as well as a cultural dialogue with their texts, occurs as follows: on the one hand, the genius seems to be brought down to the modern author's level, and on the other, the themes and motifs covering the foundations of Russian spiritual culture are affirmed, re-actualized and adapted to new contexts.

The purpose of the study is to prove through an intertextual approach that rock poetry can be viewed as a phenomenon of elite culture, since the value paradigm of the texts of rock poets is traditionally built through the juxtaposition of ideal and real plans. A rock performer himself is a «slave of honor» and a «poet» who is invariably placed in opposition to the reality around him. Absurdist aesthetics, techniques of comedy and deconstruction «renew» and at the same time complicate the long-familiar image.

Keywords: *Russian rock; rock poetry; Pushkin; Dostoevsky; literary key; re-actualization; deconstruction; absurd; cultural adaptation.*

REFERENCES

«Lomonosov's Plan». «Cyberpunk» [«Plan Lomonosova». «Kiberpank»], 2012. Available at: https://teksty-pesenok.ru/rus-plan-lomonosova/tekst-pesni-kiberpank/4101982/ (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

«Meaning hallucinations». «Magic World» [«Smyslovye gallyucinacii». «Volshebnyj mir»], 2011. Available at: https://alllyr.ru/lyrics/song/163844-smyslovye-gallyucinacii-volshebnyy-mir/ (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Arbenin K. («Zimov'e zverej»). «Paupers on beans» [(«Zimov'e zverej»). «Gol' na bobah»], 1995. Available at: http://www.zzverey.spb.ru/list.php?id=23&text=79 (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Arbenin K. («Zimov'e zverej»). «Explanation» [(«Zimov'e zverej»). «Obiasnenie»], 1994. Available at: http://rock-chords.ru/zzverey/track/obyasnenie (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Bashlachev A. «We are pouring our sick seed ... » [«My l'em svoe bol'noe semia …»], 1982. Available at: http://www.bards.ru/archives/part.php?id=1128 (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Dobrolyubov N.A. Downtrodden people [Zabitye liudi]. *Russian classics. Selected critical essays*. Series «Literary Monuments». Moscow: Nauka, 1970. P. 301–346 (in Russian).

Domansky Yu.V. Russian rock poetry: text and context [Russkaia rok-poeziia: tekst i kontekst]. Moscow: Intrada – Kulagina Publ., 2010. 230 p. (in Russian).

Dostoevsky F.M. Poor people [Bednye liudi]. *Collected works in 15 volumes*. Leningrad: Nauka, 1988. Vol. 1, pp. 31–146 (in Russian).

Dostoevsky F.M. Diary of a Writer. 1876. June. Chapter first. II. A few words about Georges Sande [Dnevnik pisatelja. 1876. Ijun'. Glava pervaja. II. Neskol'ko slov o Zhorzh Zande]. *Collected works in 15 volumes*. St. Petersburg: Nauka, 1994. Vol. 13, pp. 189–196 (in Russian).

Dostoevsky F.M. Complete works: In 30 volumes [Polnoe sobranie sochinenii: V 30 t.]. Leningrad: Nauka, Leningrad branch, 1976. Vol. 16. The Adolescent. Manuscript versions. 440 p. (in Russian).

Dostoevsky F. M. Crime and Punishment [Prestuplenie i nakazanie]. *Collected works in 15 volumes*. Leningrad: Nauka, 1989. Vol. 5. 575 p. (in Russian).

Zagidullina M.V. Pushkin and Dostoevsky as folk heroes (on the issue of mass perception of the personality and fate of a genius) [Pushkin i Dostoevskii kak narodnye geroi (k voprosu o massovom vospriiatii lichnosti i sud'by geniia)]. *Bulletin of Chelyabinsk University*. Series 2. 1999. No 1. P. 84–90 (in Russian).

Kiselev V. (Vasily K.). «Poor poor» [«Bednye bednye»], 1999a. Available at: http://vassilyk.ru/bedn/ (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Kiselev V. (Vasily K.). «Dostoevsky is alive» [«Dostoevskii zhiv»], 1999b. Available at: http://vassilyk.ru/dostoevskiy/ (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Kormiltsev I., Surova O. Rock poetry in Russian culture: emergence, existence, evolution [Rok-poeziia v russkoi kul'ture: vozniknovenie, bytovanie, evoliutsiia]. *Russian rock poetry: text and context*. No. 2. Tver. 1998. P. 5–33 (in Russian).

Kurylev V. («Electric partisans»). «Demons» [(«Elektricheskie partizany»). «Besy»], 2014. Available at: https://mytabs.ru/akkordy/ee/elektricheskie-partizany/besy-5_50673.html (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Lexicon of nonclassics. Artistic and aesthetic culture of the 20th century [Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaia kul'tura XX veka]. Edited by V.V. Bychkov. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), Series «Summa culturologiae», 2003. 607 p. (in Russian).

Mayakovsky V.V. Cheap sale [Deshevaja rasprodazha]. *Complete works in 13 volumes*. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat, 1955. P. 115–117 (in Russian).

Mayakovsky V.V. Anniversary («Alexander Sergeevich, allow me to introduce myself. Mayakovsky ... ») [Jubilejnoe («Aleksandr Sergeevich, razreshite predstavit'sja. Majakovskij... »)]. *Complete works in 13 volumes*. Vol. 6. Moscow: Goslitizdat, 1957. P. 47–56 (in Russian).

Mikhailovsky N.K. Cruel talent [Zhestokii talant]. *Literary criticism. Essays on Russian literature of the 19th – beginning of the 20th century*. Leningrad: Khudozhestvennaia literatura. Leningrad branch, 1989. P. 153–234 (in Russian).

Mozzhukhin D. («Give me a tank (!)»). «Natural economy» [(«Dajte tank (!)»).«Natural'noe hozyajstvo»], 2013. Available at: https://genius.com/Daite-tank-subsistence-economy-lyrics (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Mozzhukhin D. («Give me a tank (!)»). «Chekhov» [(«Dajte tank (!)»). «Chekhov»], 2012. Available at: https://genius.com/Daite-tank-chekhov-lyrics (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Mochulsky K.V. Dostoevsky. Life and art [Dostoevskii. Zhizn' i tvorchestvo]. Paris: YMCA-PRESS, 1980. 563 p. (in Russian).

Naumenko M. («Zoo»). «District City N» [(«Zoopark»). «Uezdnyi gorod N»], 1983. Available at: https://lyricsworld.ru/lyrics/Zoopark-Mayk-Naumenko/Uezdnyiy-gorod-N-10691.html (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Pushkina M. («Aria»). «Demons» [(«Ariya»). "Besy»], 1991. Available at: https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/krov-za-krov/%D0%91%D0%B5%D1%81%D1%8B (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Shevchuk Y. («DDT»). «Monument (to Pushkin)» [(«DDT»). «Pamiatnik (Pushkinu)»], 1984. Available at: https://reproduktor.net/ddt/pamyatnik-pushkinu/ (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Shevchuk Y. («DDT»). «Last Autumn» [("DDT»). «Posledniaia osen»], 1991. Available at: https://reproduktor.net/ddt/v-poslednyuyu-osen/ (accessed on September 18, 2023) (in Russian).

Э. Коста

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина
Москва, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-43-57

СТИХОТВОРЕНИЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «ПОПЫТКА РЕВНОСТИ»: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТРЕХ ПЕРЕВОДОВ НА ИТАЛЬЯНСКИЙ

Ключевые слова: *М.И. Цветаева; П.А. Цветеремич; С. Витале; М. Реа; оригинал; переводческая стратегия.*

Цель статьи – анализ переводческих стратегий трех итальянских переводчиков «Попытки ревности» М.И. Цветаевой (Пьетро Антонио Цветеремича, Серены Витале, Марилены Реа), прежде всего – особенности передачи смыслового потенциала текста, выраженного лексическими средствами. Используется метод сравнительно-сопоставительного анализа. Перевод представлен как сложный синтез проблематики (импликация смыслов) и поэтики (речевая экспрессия, оригинальный цветаевский синтаксис, рифмы, звукопись и т.д.). Задача переводческой стратегии – передать максимально адекватно смысл подлинника, хотя богатство метафорических рядов, особенности «вывихов» и «извивов» цветаевского синтаксиса передать на другом языке нелегко. Делается вывод о том, что во всех трех переводах сохранен общий смысл цветаевского стихотворения, при этом в переводах Витале и Реа – через звукопись и аллитерации – передана немаловажная для Цветаевой звуковая особенность ее художественного текста. Если переводческую стратегию Цветеремича можно

условно назвать «переводческим формализмом», то переводы Витале и Реа передают не только буквальный смысл подлинника, но и «подтекстовый» (то есть выполняют художественно-эстетическую функцию).

Проблема перевода – одна из актуальных в современном литературоведении. Если выдающийся теоретик перевода Е.Г. Эткинд характеризовал поэзию как «искусство высокого напряжения», то о самом переводе он говорил как об «искусстве пересоздания стихов» и указывал на важность в переводческой деятельности понимания стиля, метрики, самой поэтической структуры переводимого художественного текста [Эткинд, 2018, 1, *15–16*]. К проблемам поэтического перевода так или иначе обращались В.Е. Холшевников [Холшевников, 2004], Ю.В. Казарин [Казарин, 2004], Т.А. Казакова [Казакова, 2006]. Проблема перевода произведений русской литературы на итальянский язык изучена гораздо менее, чем на другие европейские языки (английский, немецкий, французский и т.д.), тем не менее и здесь немало важных работ [Быстрова, 2015; 2022; Солонович, Визель, 2006; Сергиенко, 2010; Калузио, 2016]. В своих исследованиях авторы анализируют переводы с русского на итальянский [Паван, 2008; Тик, 2015], делятся своим опытом перевода [Трубина, 2019].

Переводы стихотворения М.И. Цветаевой «Попытка ревности» на итальянский язык представляют особый интерес в рамках нашего общего исследования «Марина Цветаева в Италии: рецепция и переводы». (В скобках отметим: сопоставительное исследование переводов указанного произведения на английский язык проведено в статье Т.П. Карпухиной [Карпухина, 2013, *229–240*].) По словам современного переводчика Марилены Реа, цветаевский лирический образ женщины-соперницы является одним из наиболее близких итальянцам [Быстрова, 2022]. «Попытка ревности» датирована 19 ноября 1924 года и обращена к К.Б. Родзевичу, с которым Цветаеву связывали сложные мучительные отношения. Абсолютное большинство ее произведений 1922–1928 годов посвящено ему [Лосская, 1989, *155*]. В письме Б.Л. Пастернаку 31 декабря 1929 года из Медона Цветаева признается: «Последнее – вживе – то, из чего Поэма Конца, шесть лет назад» [Цветаева, 6, *275*]. В другом письме – А. Тесковой 12 июня 1939 года – она указывает: наиболее счастливые для нее в Чехии – Мокропсы и Вшеноры (места встречи с Родзевичем) [Там же, *479*].

Цель статьи – проанализировать переводческие стратегии трех итальянских переводчиков, прежде всего – особенности передачи смыслового потенциала текста, выраженного лексическими средствами. Первый – перевод Пьетро Цветеремича, включенный в сборник «Poesie» («Стихотворения») (1967); второй – Серены Витале, помещенный в издании «Dopo la Russia e altri versi» («После России и другие стихи») (1988); третий – перевод Марилены Реа из собрания ее переводов «Scusate l'Amore. Poesie 1915–1925» («Простите Любви. Стихотворения 1915–1925 гг.») (2013).

Попытка ревности

Как живется вам с другою, –
Проще ведь? – Удар весла! –
Линией береговою
Скоро ль память отошла

Обо мне, плавучем острове
(По́ небу – не по водам!)
Души, души! быть вам сестрами,
Не любовницами – вам!

Как живется вам с *простою*
Женщиною? *Без* божеств?
Государыню с престола
Свергши (с оного сошед),

Как живется вам – хлопочется –
Ежится? Встается – как?
С пошлиной бессмертной пошлости
Как справляетесь, бедняк?

«Судорог да перебоев –
Хватит! Дом себе найму».
Как живется вам с любою –
Избранному моему!

Свойственнее и съедобнее –
Снедь? Приестся – не пеняй…
Как живется вам с подобием –
Вам, поправшему Синай!

Как живется вам с чужою,
Здешнею? Ребром – люба?
Стыд Зевесовой вожжою
Не охлестывает лба?

Как живется вам – здоровится –
Можется? Поется – как?
С язвою бессмертной совести
Как справляетесь, бедняк?

Как живется вам с товаром
Рыночным? Оброк – крутой?
После мраморов Каррары
Как живется вам с трухой

Гипсовой? (Из глыбы высечен
Бог – и на́чисто разбит!)
Как живется вам с сто-тысячной –
Вам, познавшему Лилит!

Рыночною новизною
Сыты ли? К волшбам остыв,
Как живется вам с земною
Женщиною, бе́з шестых

Чувств?
Ну, за голову: счастливы?
Нет? В провале без глубин –
Как живется, милый? Тяжче ли –
Так же ли – как мне с другим?

19 ноября 1924 [Цветаева, 1994–1995, 2, *242–243*]

Три перевода на итальянский язык (П.А. Цветеремич, С. Витале, М. Реа)

TENTATIVO DI GELOSIA (П.А. Цветеремич)	TENTATIVO DI GELOSIA (С. Витале)	TENTATIVO DI GELOSIA (M. Pea)
Come state con quell'altra – più semplice, vero? – Un colpo di remo! Lungo la linea della costa se n'è andato presto il ricordo	Ditemi: come va con l'altra? Meglio? meno grane? – Mano ai remi! – Vana linea costiera s'assottiglia, scompare la memoria estrema	Come te la passi con quell'altra, meglio? – prendere il largo! – Per te sono già diventata un ricordo lontano, una riva
di me, isola flottante? (nel cielo – non sulle acque!) Anime, anime! – sorelle dovete essere, non amanti – voi!	di me, isola fluttuante (per cielo, non per mare...) Anime, anime: sorelle! Anime: amiche – mai più amanti!	sottile, un'isola introvabile (che fluttua nelle acque del cielo!) Anime, diamine! Evitate d'amarvi, o per lo meno restate sorelle!
Come state con una donna *semplice*? *Senza* divinità? Deposta dal trono la sovrana (e da esso disceso),	Come vi va con la creatura *semplice*? *Senza* divinità? E poi? Voi, sceso dal trono, voi che avete deposto la regina,	Come te la passi con quella *facile*? Quella *senza* divinità? Scalzata la regina dal trono (e con lei precipiti pure tu),
come state – vi date da fare – vi raggrinzite? Vi alzate – come? Con il dazio dell'immortale mediocrità come ve la cavate, poveretto?	come vivete? Non c'è male? Non più beghe? E bevete – quanto, adesso? E la cucina? Il dazio della mediocrità immortale come lo pagate, poveretto?	come te la passi – con le faccende, le bagattelle? La mattina – come va? Con l'imposta sull'immortale prosaicità come te la cavi, poveraccio?
«Spasimi e intermittenze, basta! Mi prenderò una casa.» Come state con una qualsiasi – voi, eletto mio?	«Basta con le scenate, con gli eccessi – cambio casa, vado via!» Con la qualunque – come state di che vivete, voi – mio eletto?	«Adesso basta con i capricci e le scenate! Me ne vado in affitto!» Come te la passi con quella finta originale – proprio tu, che t'ho scelto io!
V'è più connaturato e commestibile il cibo? – Non nascondere il successo! Come state con un simulacro – voi che avete calpestato il Sinai?	Mangiate – e dopo pranzo un sonnellino? – Non lamentarti quando sarai sazio!... – Con il simulacro come state voi che avete dissacrato	Cibo pronto, ricette elaborate? Bello satollo, che c'è da lagnarsi? Come te la passi con la bella statuina – proprio tu che hai calpestato il Sinai!
Come state con un'estranea, una «terrestre»? Per la costola – v'è cara? La vergogna con le brigliedi Zeus non vi frusta la fronte? Come state – come vi sentite –	il Sinai? Come vivete con la donna terrestre? Per la costola vi piace?	Come te la passi con l'estranea, la terrena? La costola – vi lega? Come fai a sopportare la vergogna –

cosa potete? Cantate – come? Con la piaga dell'immortale coscienza come ve la cavate, poveretto? Come state con un articolo da mercato? La servitù è dura? Dopo i marmi di Carrara come state con la polvere di gesso? (Dio scolpito, in una gleba – e frantumato!) Come state con una centomillesima – voi, che avete conosciuto Lilith?! Dell'ultima novità di mercato siete sazio? Stanco delle maghe, come state con una donna terrestre, *senza* i sesti sensi? Via, per la testa: siete felice? No? Nella frana senza profondità – come state, mio caro? È più pesante? È forse così – come per me con un altro? 19 novembre 1924 [Zveteremich, 1967, *143–144*]	Non vi frusta la fronte la vergogna? La briglia di Giove vi dà pace? E la salute? E i nervi? Senza problemi? A letto tutto bene? L'immortale piaga della coscienza come la curate, poveretto? Come vivete con la merce da mercato? Troppo cara la vita? Vi assilla l'alto prezzo? Dopo i marmi di Carrara che ve ne fate del tritume di gesso? (È in pezzi il dio scolpito nell'argilla...) Come ci state con la milleunesima voi – che avete conosciuto Lilith? Già v'annoia l'ultima trovata della moda? Sottratto all'incantesimo, dite, come ve la passate con l'umana *senza* il sesto senso? In coscienza – sei felice? No? In quel disastro senza dei come stai, amore? È dura? Sì? Come per me con l'altro? *19 novembre 1924* [Vitale, 1988, *225–229*]	Frust(r)a implacabile di Zeus! Come te la passi – tutto a posto – tutto liscio? L'intesa – come va? Con il peso dell'immortale coscienza come te la cavi, poveraccio? Come te la passi con quella merce dozzinale? Il prezzo è alto? Dopo il marmo di Carrara come te la passi con le scaglie di gesso? (il dio con i piedi di argilla già si sbriciola!) Come te la passi con la miliardesima – proprio tu che hai conosciuto Lilith! Sei sazio della dozzinale novità? Non ti fa né caldo né freddo? Come te la passi con quella terrestre, senza il sesto senso? Giura: siete felici? No? Nella catastrofe senza fine – come te la passi, tesoro? Peggio o uguale a come me la passo – con l'altro – io? *19 novembre 1924* [Rea, 2013, *107–111*]

Названия стихотворения и композиционная организация текста совпадают во всех трех переводах, но уже в первой строфе замечаются различные переводческие стратегии. Так, П.А. Цветеремич и С. Витале оставили обращение «Вы» (важный элемент в отношениях Цветаевой и Родзевича). Подобное уважительное обращение в итальянском языке ныне сохранилось лишь в некоторых южных регионах [Treccani] – обычно употребляется местоимение 3-го лица единственного числа; но, видимо, переводчики используют устаревшую форму для бóльшего сходства с оригиналом. У М. Реа – другая стратегия: ее лирическая героиня обращается к возлюбленному на «ты». Подобная прямота и грубоватость чувствуются и в употреблении разговорного выражения «Come te la passi con quell'altra» для перевода «Как живется вам с другою?» (здесь и

далее обратный буквальный перевод с итальянского на русский наш) по сравнению с более нейтральными (соответственно Цветеремич и Витале: «Come state con quell'altra»; «come va con l'altra?»). Первый повторяет «come state» («как живется вам») на протяжении всего текста; то же делает Реа, повторяя разговорное «come te la passi». Разговорное «grane» («мороки») [Там же] Витале использует в вопросе «проще ведь?» («Meglio? meno grane?»). К тому же в ее переводе единственный вопросительный знак оригинала утроился: вместо одного – три вопроса.

В переводе Витале обращает на себя внимание слово с фатической функцией «Ditemi» («Скажите»), отсутствующее в подлиннике. Перевод Цветеремича являет бóльшую степень буквальности по сравнению с Витале и Реа. Он переводит «Проще ведь? – Удар весла!» семантически эквивалентным «Più semplice, vero? – Un colpo di remo!». В отличие от него, Витале и Реа выбирают прием, упрощающий понимание текста читателем, соответственно: «mano ai remi» («рука на весла»), «prendere il largo» («выйти в открытое море»). Цветеремич переводит буквально: «Lungo la linea della costa / se n'è andato presto il ricordo // dime» («Линией береговою / отошла скоро память // обо мне»). Более поэтично звучит перевод Витале: «Vana linea costiera s'assottiglia, / scompare la memoria estrema // di me» («Береговая линия сужается, / исчезает последняя память // обо мне»), а Реа выбрала более понятное читателю «Per te sono già diventata / un ricordo lontano, una riva // sottile» («Для тебя я уже стала / далеким воспоминанием, берегом // тонким»). Все три переводчика сохраняют анжамбеман в конце 4-й строки; Цветеремич и Витале, следуя оригиналу, перенесли в 5-ю строку «di me» («обо мне»), а Реа разделила синтагму «riva sottile» («берег тонкий»), отделяя существительное от прилагательного.

Во 2-й строфе Цветеремич и Витале для перевода эпитета «плавучий» употребляют соответственно прилагательные «flottante», «fluttuante». Реа заменяет прилагательный «fluttuante» эпитетом «introvabile» («необнаруживаемый») и видоизменяет цветаевский антитический образ лирической героини как «плавучего острова», превращая его в похожую антитезу – некий фантастический остров, плавающий «nelle acque del cielo» («по водам неба»). В монологе лирическая героиня использует разговорное восклицание, выражающее крайнюю степень досады: «diamine!» («черт возьми!»).

В 3-й строфе Цветеремич буквально переводит слово «женщина» как «donna», Витале – «creatura» («существо»), и оба используют эпитет «semplice» («простой»). По-другому звучит версия Реа с заменой «semplice» синонимом «facile» («доступная женщина») [Там же]. Кроме этого, используется местоимение «quella» (эвфемизм, обозначающий проститутку) [Там же]. Отметим: все переводчики сохраняют курсив в переводе слов «простой» и «без». Более ярко по сравнению с переводами коллег Реа переводит

последние две строки катрена: не употребляет «deporre dal trono» («свергнуть с трона»), а дает более выразительное «scalzare» («вытеснить»). «С оного сошед» переводится как «e con lei precipiti pure tu»: глагол означает внезапное падение с высоты [Там же]. У Витале – вопрос «E poi?» («А потом?»), отсутствующий в оригинале и в других переводах.

В 4-й строфе Цветеремич переводит «хлопочется» глагольным словосочетанием «darsi da fare» («постараться»), а «ежится» как «vi raggrinzite?» («сморщитесь?»). Возвратный глагол «raggrinzirsi» («сморщиться») употребляется для описания мятой одежды или морщинистой кожи, поэтому здесь не совсем понятно, что имеется в виду. Витале, в свойственной ей манере, ставит больше вопросительных знаков и стремится упростить текст: переводит «хлопочется» и «ежится» как «Nonc'è male? Non più beghe?» («Неплохо? Больше нет морок?»); здесь выделяется разговорное «beghe» («мороки») [Там же]. Вопрос «встается как?» переводится «E bevete – quanto, adesso? E la cucina?» («И пьете – сколько, сейчас? А готовка?»). Реа выбирает для перевода «Con le faccende, / le bagattelle? La mattina – comeva?» («С домашними делами, / с мелочами? Утром – как?»).

Цветеремич и Витале переводят почти однотипно 2-ю строку, меняя место прилагательного «immortale» – «бессмертный»: у первого – перед существительным «mediocrità» («посредственность»), у Витале – после. Реа находит синоним для слова «dazio» («пошлина») – «imposta» («налог»); «пошлость» переводит как «prosaicità» («прозаичность»). Цветеремич и Реа в 16-й строке глаголом «cavarsela» переводят «как справляетесь» (с пошлиной), а Витале – «pagare» («платить») дань (пошлину). «Бедняк» у Цветеремича и Витале – «poveretto» («бедненький»); используется уменьшительно-ласкательный суффикс «-etto» [Там же]. Обращение лирической героини Реа грубее: «poveraccio» («бедняга»); суффикс «-accio» носит оттенок презрения [Там же].

Начало 5-й строфы у Цветеремича – дословный перевод цветаевского «судорог да перебоев», что непонятно для читателя: почему вдруг у героя начинаются судороги? Скорее всего, «intermittenze» («перебои») (17-я строка) будет ассоциироваться с миганием электричества или прерывистым звуком. Понятнее переводы Витале и Реа. Первая использует «scenate» («скандалы»), «eccessi» («приступы гнева»); вторая – «capricci» («капризы»). Переводы Витале и Реа позволяют понять, что речь идет о семейных ссорах. «Дом себе найму» у Цветеремича звучит буквально; у Витале – более сильно: «cambio casa, vado via!» («перееду, ухожу!»), Реа осовременивает его: «me ne vado in affitto» (буквально «ухожу в аренду»).

Интересным оксюмороном с анжамбеманом переводит Реа словосочетание «с любою»: «con quella finta / originale» («с тем ненастоящим / оригиналом»). Цветеремич переводит восклицание «избранному моему!» вопросом («eletto mio?»), а Витале ставит притяжательное местоимение «mio» («мой»)

перед причастием «eletto» («избранный»), что придает речи более утонченный оттенок. У Реа восклицание не только сохраняется, но и приобретает бóльшую выразительность: «proprio tu, che t'ho scelto io!» («именно ты, которого я выбрала!»). Итерация местоимения 2-го лица единственного числа «tu» («ты») и «t'» («тебя») и акцентирование его наречием утверждения и уверенности «proprio» («именно») передает досаду лирической героини.

6-я строфа в переводе Цветеремича отражает смысл цветаевского текста, но звучит непривычно для читателя. Она открывается прилагательным «connaturato» («природный», «свойственный»), непонятно почему относящимся к существительному «cibo» («еда»): «v'è più connaturato e commestibile / il cibo?» («Вам свойственнее и съедобнее / еда?»). Заметим, что в слове «cibo» утрачивается налет просторечия, присутствующий в русском «снедь». Еще более странно воспринимается продолжение катрена «non nascondere il successo» («не скрывай успех») для перевода «приестся – не пеняй...». При этом Цветеремич в сносках указывает: в сборнике Цветаевой «Избранные произведения» (Москва, 1965) вместо «non nascondere il successo» («не скрывай успех») было «Tutto viene a noi – non prendertela…» («Все приходит к нам – не расстраивайся...») [Zveteremich, 1967, *143*].

В переводе Витале ясно прочитываются цветаевские строки: «Mangiate – e dopo pranzo un sonnellino? / – Non lamentarti quando sarai sazio!..» («Едите – а после обеда дремота? / – Не жалуйся, когда будешь сытым!..»). Состояние послеобеденной дремоты передает смысл монотонной, скучной жизни. Подчеркнем: здесь впервые лирическая героиня переводов Цветеремича и Витале вдруг обращается на «ты» к бывшему возлюбленному («non nascondere il successo») («не скрывай успех»); «non lamentarti» («не жалуйся»), «sarai» («будешь»); у Цветаевой – «не пеняй». В переводе Реа смысл также понятен: «Cibo pronto, ricette elaborate? / Bello satollo, che c'è da lagnarsi?» («Готовая еда, сложные рецепты? / Сытый, на что хныкать?»). Диалектное «bello satollo» («сытый») хорошо передает отсутствие духовности.

У Цветеремича «подобие» – «simulacro» (то же у Витале). Но первый сопровождает существительное неопределенным артиклем, который ярче передает ничтожность соперницы (лишь одна среди многих). Витале употребляет определенный артикль для подчеркивания разницы между лирической героиней и «другой». Реа оригинально переводит «подобие» «bella statuina» («красивая статуэтка»); выражение характеризует человека, ничего не говорящего или не делающего, когда нужно [De Mauro]: этим приемом еще более высвечивается презрительное отношение лирической героини к «другой». Цветаевское «Вам, поправшему» переводится Цветеремичем и Реа посредством глагола «calpestare» («попирать»), но у первого восклицание заменяется вопросом, а у второй сохраняется. В переводе Витале глагол

«попирать» заменяется более изящным «dissacrare» («осквернить»), позволяющим вновь подчеркнуть пропасть между лирической героиней и «другой». При этом топоним «Синай» переносится в следующую строку.

В 7-й строфе Цветеремич переводит «здешняя» – «terrestre» («земная»). Витале добавляет к нему существительное «женщина» и сопровождает его определенным артиклем «la». Реа переводит «здешняя» – «terrena», лучше передающим принадлежность «другой» земному миру. Вопрос «люба?» переводится Цветеремичем более возвышенным «v'è cara?» («вам дорога?»); Витале – более общим «vi piace?» («вам нравится?»); Реа – «vi lega?» («вас связывает?»). Цветеремич и Реа сохраняют цветаевское тире между «ребро» («costola») и «люба» («v'è cara», «vi lega») – Витале отказывается от него. При этом первый в сноске поясняет: под словом «costola» («ребро») имеется в виду ребро Адама [Zveteremich, 1967, *144*]. Далее Цветеремич продолжает свой дословный перевод, а Витале разделяет исходный вопрос на два, чтобы пояснить значение «Non vi frusta la fronte la vergogna? / La briglia di Giove vi dà pace?» («Не охлестывает лба стыд? / Вожжа Юпитера дает вам покой?»). У Витале – римский Юпитер, в отличие от греческого Зевса у других переводчиков, следующих за оригиналом. Реа превращает вопрос в восклицание: «Come fai a sopportare la vergogna – / frust(r)a implacabile di Zeus!» («Как ты можешь терпеть стыд – плеть беспощадную Зевса!»).

8-я строфа Цветеремича – буквальный перевод. Витале переводит «как живется вам – здоровится – / Можется? Поется – как?» бóльшим числом вопросов: «E la salute? E i nervi? Senza / problemi? A letto tutto bene?» («А здоровье? А нервы? Нет / проблем? Все ли хорошо в постели?»). Реа в большей степени соблюдает синтаксис и пунктуацию оригинала и обращается к разговорной речи: «Come te la passi – tutto aposto – / tutto liscio? L'intesa – come va?» («Как живется вам – все в порядке – / все нормально? Взаимопонимание – как?»); ее перевод более сдержан и «деликатен», чем у Витале. Последняя переводит не «справиться» («cavarsela») «с язвою бессмертной совести», а «вылечить» ее: «come la curate?». Реа говорит о «весе»: «Con il peso dell'immortale coscienza / come te la cavi» («С весом бессмертной совести / как справляешься?»).

В 9-й строфе Цветеремич переводит «товар» дословно – «articolo». Витале и Реа используют «merce» – презрительное выражение, указывающее на отсутствие ценности «другой». Реа сопровождает его прилагательным «dozzinale», подчеркивающим общедоступность «товара». Прилагательное «quella» усиливает презрительный оттенок. Не совсем понятным является решение Цветеремича перевести «Оброк – крутой?» как «La servitù è dura?» («Рабство тяжело?»): кто раб кого? В этом плане переводы Витале и Реа более понятны: соответственно: «Troppo cara la vita? Vi assilla / l'alto prezzo?» («Слишком дорога жизнь? Вас мучит / высокая цена?»); «Il prezzo è alto?»

(«Цена высока?»). У Цветеремича и Витале слово «мрамор» во множественном числе («i marmi»), у Реа – в единственном («il marmo»). Как и во всем стихотворении, Цветеремич и Реа переводят «как живется вам» соответственно «come state» и «come te la passi». Витале, напротив, не повторяет одно и то же выражение: как правило, вопрос переводится как «come vivete» (13, 25, 33 строки), но используются и другие варианты: «come va» (1 строка), «come viva» (9), «come state» (19), «di che vivete» (20), «come ci state» (39). Пренебрежительное «che ve ne fate» («зачем вам») подчеркивает ненужность «другой». Цветаевская «труха гипсовая» превращается в «polvere di gesso» («гипсовый порошок») у Цветеремича и в «scaglie di gesso» («гипсовая крошка») у Реа. Витале выбирает «tritume», отлично передающее смысл слова «труха». В итальянском слова, оканчивающиеся на суффикс «-ume», носят презрительный оттенок [Treccani].

Первая часть 10-го катрена Цветеремича не совсем понятна читателю, так как расстановка знаков препинания необычна для итальянцев. Перевод слова «глыбы» поэтичным «gleba» кажется не столь удачным, как выбор коллег, которые перевели его «argilla» («глина»). Выразителен у Реа образ Бога: «il dio con i piedi di argilla» («Бог с глиняными ступнями»). Цветеремич и Витале перевели «начисто разбит», показывая конечный результат разрушения («frantumato», «è in pezzi»), Реа – его начало: «già sisbriciola» («уже крошится»). Любопытно переводится «сто-тысячная»: Цветеремичем – буквально («centomillesima»), Витале – «milleunesima» («тысяча первая»), Реа – «miliardesima» («миллиардная»), но в каждом случае идея банальной, неинтересной личности передана отлично. Цветеремич завершает восклицание «Вам, познавшему Лилит!» не только восклицательным, но и вопросительным знаком, подчеркивая изумление и досаду лирической героини; Витале превратила возглас в спокойный вопрос; Реа сохранила восклицательный знак, подчеркнув чувство гнева: «proprio tu che hai conosciuto Lilith!» («именно ты, который познакомился с Лилит!»).

11-й катрен у Цветеремича – вновь буквальный перевод; Витале и Реа обратились к анжамбеману и заменили «рыночную новизну» соответственно «l'ultima trovata / della moda» («последняя штука / моды») и «dozzinale / novità» («дешевая / новизна»). Витале переводит «сыты» как «Già v'annoia» («Уже надоедает вам»). Цветеремич дословно переводит «к волшбам остыв» – «stanco delle maghe» («устал от волшебниц»); Витале – «sottratto all'incantesimo» («лишенный волшебства»); Реа – разговорным выражением «Non ti fa né caldo né freddo?», передающим глубокое равнодушие и безразличие («ни жарко ни холодно»).

Как и Реа, Витале использует глагол «passarsela» («как живется вам»), но спрягает его во 2-м лице множественного числа, а не единственного. «Una donna / terrestre» («земная / женщина») Цветеремича становится у Витале

«l'umana» («человеческим существом»), у Реа – «quella / terrestre» («той / земной»). В переводе Витале – удачный вариант «donna terrestre» (в 25 и 26 строках) для подчеркивания особых качеств лирической героини. Обращение Витале к определенному артиклю («l'») акцентирует различие двух женских персонажей, а решение Цветеремича сопроводить существительное неопределенным артиклем «una» («одна») хорошо передает незначительность соперницы. В переводе Реа – указательное местоимение «quella» (с презрительным оттенком – как и в 1, 9, 10 и 19 строках). «Без шестых чувств» у Цветеремича сохраняет множественное число («i sesti sensi» <"шестые чувства">), а у Витале и Реа дается в единственном («il sesto senso» <"шестое чувство">), что понятнее итальянцам. Цветеремич и Витале предлог «без», на котором в оригинале фразовое ударение, дают курсивом; все трое сохраняют анжамбеман между прилагательным и существительным «шестое чувство». Витале изолирует слово «чувство» («senso») от основного текста, но только Реа точно сохраняет строение предпоследнего и последнего четверостиший, как в подлиннике.

В 12-й строфе, на наш взгляд, буквальный перевод Цветеремича не совсем удачен: «Ну, за голову» – «Via, per la testa», поскольку смысл ускользает; но он явлен в переводах Витале («In coscienza» – «По совести») и Реа («Giura» – «Поклянись»). Вопрос «счастливы?» у первого передан уважительно: «Siete felice?» («Вы счастливы?»); лирическая героиня Витале обращается на «ты» к своему бывшему возлюбленному: «sei felice?» («ты счастлив?»); а в переводе Реа вопрос обращен уже к паре – бывшему возлюбленному лирической героини и его подруге: «siete felici?» («вы счастливы?»).

Фраза «в провале без глубин» переведена различно каждым: Цветеремичем буквально – «nella frana senza profondità» («в провале без глубин»); Витале – «in quel disastro senza dei» («в той беде без богов»); Реа – «nella catastrofe senza fine» («в катастрофе без конца»). Для перевода «Как живется» Цветеремич использует обычное «come state?» («как Вы?»), Витале употребляет то же выражение, но обращается к адресату на «ты» («come stai?» – «как ты?»), Реа прибегает к местоименному глаголу «passarsela». Цветаевское «милый» становится «caro mio» («дорогим моим») в переводе Цветеремича, Витале переводит его как «amore» («любовь»), Реа предпочла интимное «tesoro» («золотце»). Финал стихотворения также переведен по-разному. Цветеремич вновь ограничивает себя дословным переводом, а для слова «altro» («другой») выбирает неопределенный артикль «un» («один»), что указывает на дискомфорт, испытываемый лирической героиней в новых отношениях с другими. В переводе Витале и в этой строфе увеличивается количество вопросов, а Реа хорошо передает пунктуацию подлинника. Последняя строфа подается Витале весьма любопытно: лирическая героиня не обращается к бывшему возлюбленному на «Вы» – но на «ты», с нежностью, даже называет его «любовь», но одновременно здесь чувствуется

легкая нота сарказма, что отражает неоднозначность текста. Во всех трех переводах отсутствует цветаевская перекрестная рифма и использован верлибр, поскольку итальянская поэзия в XX веке отходит от рифмы.

Перевод Цветеремича – буквальное отражение оригинала: синтаксис практически не меняется, сохранена та же пунктуация, в том числе – тире. Однако в итальянской поэтической традиции обращение к нему весьма необычно [Быстрова, 2015, *41*]; по этой причине в переводах Витале и Реа оно нередко заменено запятыми, двоеточием. Переводческая стратегия Цветеремича явилась не вполне удачной, поскольку, не ставя задачей «поиски голоса» Цветаевой, он нередко использовал лексику, не совсем понятную итальянскому читателю. В этом плане Витале отметила: «Пьетро был хороший человек, но абсолютный пионер. А с Цветаевой трудно» [Быстрова, 2015, *39*; 2022]. Реа, говоря о сборнике Цветеремича «Poesie» («Стихотворения»), утверждает: «В этом переводе от Цветаевой не осталось ничего. В нем сохраняется разве что дословный смысл стихотворений» [Быстрова, 2022].

Подводя итоги, отметим: П.А. Цветеремич, С. Витале и М. Реа реализуют в переводе каждый свою переводческую стратегию. Дословный перевод первого ставит задачей передачу фактической информации, заложенной в подлиннике. И хотя он неизбежно проигрывает в сравнении с двумя другими и не обладает явными эстетическими свойствами, но также имеет несомненную ценность: 1) он впервые познакомил итальянского читателя с произведением Цветаевой; 2) он служит некой «отправной точкой» для последующих переводов.

Перевод Витале не только близок оригиналу, но и вполне понятен читателям. Она мастерски выстраивает аллитерационный рисунок (так, в первой и второй строфах повторяются звуки «m», «n», «r»). В 1-й строфе наблюдается парономазия между словами «meno» и «mano», а во 2-й – акцентирование слова «anime», что подчеркивает созвучие со словами «amiche» и «amanti». Отметим «звуковую игру» в конце 1-й и в начале 2-й строф («memoria estrema / di me») и в конце 6-й строфы («simulacro», «dissacrato»), а также повторение лексики с созвучными корнями «merce» и «mercato» в начале 9-й строфы. Стремление представить цветаевские вопросы бóльшим их количеством делает ритм перевода еще более отрывистым. Сама Витале признавалась: она стремится прежде всего передать ритм, «отрывистый, ударный, ради которого можно пожертвовать и синтаксисом, и лексикой, и рифмой» [Быстрова, 2015, *40*]. Особенности передачи ею цветаевского ритма подчеркнула Маурация Калузио, профессор русского языка и литературы Католического университета Святого сердца, одна из учениц Витале (вместе с профессором Дж. Гоббэр она помогла нам установить контакты с переводчиком), в интервью Т.А. Быстровой: «Из всех переводов, которые я знаю (а я познавала нашу переводческую школу, в основном, дома у Серены Витале), ее поэтические переводы Цветаевой наиболее далеки от оригинала – и синтаксически, и лексически. Но они потрясающе

передают цветаевский ритм, его энергию, и энергию самого текста» [Там же, *41*].

Перевод Реа благодаря использованию современной лексики более понятен читателю и являет больше свободы по сравнению с переводами предшественников. Переводчиком выработана собственная техника для передачи цветаевских метафор, а таже звукописи – «звуковой эквилибристики» поэта. Реа считает: главное в переводе – чтобы итальянский текст звучал как оригинал и в то же время продолжал итальянскую поэтическую традицию. Поэтому она отказалась от большого числа рифм, предпочитая ассонансы, аллитерации или внутренние рифмы.

Итак, если переводческую стратегию Цветеремича можно условно назвать «переводческим формализмом», то переводы Витале и Реа не только передают буквальный смысл подлинника, но и выполняют определенную художественно-эстетическую функцию. Конечно, в переводах неизбежно утрачиваются частично смысловые аспекты подлинника, но эти потери обеим удалось свести к минимуму. Подчеркнем главное: во всех трех переводах сохранен общий смысл стихотворения, особенно в переводах Витале и Реа, сумевших передать основную для Цветаевой звуковую особенность языка. Таким образом, «симметрия» художественного текста и переводов в представленных для анализа переводах вполне достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

Быстрова Т.А. Марина Цветаева в итальянских переводах // Перевод как средство взаимодействия культур. 2015. № 1. С. 37–44.

Казакова Т.А. Художественный перевод: Теория и практика. СПб.: ИнЪязиздат, 2006. 544 с.

Казарин Ю.В. Филологический анализ поэтического текста. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 432 с.

Калузио М. Проблемы стихотворного перевода с русского на итальянский // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 2(3). С. 115–123. DOI: 10.15293/2226-3365.1602.10.

Карпухина Т.П. Опыт сопоставительного исследования переводов стихотворения М. Цветаевой «Попытка ревности» на английский язык // Вестник ТОГУ. 2013. № 3(30). С. 229–240.

Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1989. 348 с.

Паван С. Бродский по-итальянски // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 2(3). С. 109–126.

Сергиенко Е.Е. Рецепция творчества Б. Пастернака в Италии (на примере романа «Доктор Живаго»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 18 с.

Солонович Е.М., Визель М. Русская поэзия итальянскими словами // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 31–51.

Тик Н.А. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин» в итальянской рецепции: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 396. С. 27–31. DOI: 10.17223/15617793/396/4.

Трубина О.Б. Диалог с Э. Монтале. «Принеси мне подсолнух»: опыт перевода // Научный результат. Вопросы теоретической прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, № 3. С. 108–115. DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-10.

Холшевников В.Е. Основы стиховедения. М.: Академия, 2004. 208 с.

Цветаева М.И. Собр. соч.: в 7 т. / вступ. ст. А. Саакянц, подгот. текста и прим. Л. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995.

Эткинд Е.Г. Исследования по истории и теории художественного перевода. В 2 кн. Кн. 1: Поэзия и перевод. СПб.: Петрополис, 2018. 432 с.

Rea M. Scusate l'Amore. Poesie 1915–1925. Bagno a Ripoli (Firenze): Passigli Editori, 2013. 159 p.

Vitale S. Dopo la Russia e altri versi. Milano: Mondadori, 1988. 329 p.

Zveteremich P.A. Poesie. Milano: Rizzoli Editore, 1967. 214 p.

Быстрова Т.А. «Меня нужно понять – либо меня нет»: Марина Цветаева на итальянском языке // Иностранная литература. Италия: женские голоса. 2022. № 5. URL: https://tinyurl.com/yazjj4wf (дата обращения: 18.11.2023).

De Mauro T. Dizionario internazionale URL: https://dizionario.internazionale.it/ (дата обращения: 18.11.2023).

Treccani. Vocabolario. URL: https://www.treccani.it/ (дата обращения: 18.11.2023).

E. Costa
Postgraduate Student,
Chair of World Literature,
Pushkin State Russian Language Institute
Moscow, Russia

Marina Tsvetaeva's Poem «An Attempt at Jealousy»: a Comparative Analysis of Three Italian Translations

The aim of the paper is to analyse the translation strategies of three Italian translators (Pietro Antonio Zveteremich, Serena Vitale, Marilena Rea) who at different times addressed Marina Tsvetaeva's poem «An Attempt at Jealousy». First of all, they considered the peculiarities of conveying the semantic potential of the text as expressed by lexical items. Translation is an arduous combination of meaning (implication of meanings) and structure (speech expression, Tsvetaeva's original syntax, rhymes, alliteration, etc.). The aim of a translation strategy is to convey the meaning of the original text as appropriately as possible, although it is not easy to convey the rich metaphors and the «twists» and «distortions» of Tsvetaeva's syntax in another language. The conclusion is that in all three translations the general meaning of Tsvetaeva's poem has been preserved. Moreover, Vitale and Rea's versions convey the significant sound component of Tsvetaeva's texts. If Zveteremich's translation strategy can be called a «formalist translation», Vitale and Rea's translations convey not only the literal meaning of the original, but also the «subtext» (i.e. carry out an artistic and aesthetic function).

Keywords: *Marina Tsvetaeva; P.A. Zveteremich; Serena Vitale; Marilena Rea; original text; translation strategy.*

REFERENCES

Bystrova T.A. Marina Tsvetaeva in Italian translation. [Marina Tsvetaeva v italyanskikh perevodakh]. *Translation as a means of interaction between cultures.* 2015. No 1. P. 37–44 (in Russian).

Kazakova T.A. Literary translation: theory and practice [Khudozhestevennyy perevod: Teoriya i praktika]. St. Petersburg: In''yazizdat, 2006. 544 p. (in Russian).

KazarinYu.V. Philological analysis of poetry [Filologicheskiy analiz poeticheskogo teksta]. Moscow: Akademicheskiy Proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2004. 432 p. (in Russian).

Calusio M. Issues of translating poems from Russian into Italian [Problemy stikhotvornogo perevoda c russkogo na italyanskiy]. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University.* 2016. No 2(3). P. 115–123 DOI: 10.15293/2226-3365.1602.10. (in Russian).

Karpukhina T.P. Comparative study's experience of translations of M. Tsvetaeva's poem «An Attempt at Jealousy» into the English language. [Opyt sopostavitelnogo issledovaniya perevodov stikhotvoreniya M. Tsvetaevoy «Popytka revnosti» na angliyskiy yasyk]. *Bulletin of the Pacific State University.* 2013. No 3(30). P. 229–240 (in Russian).

Losskaya V. Marina Tsvetaeva in Everyday Life [Marina Tsvetaeva v zhizni]. New York: Hermitage, 1989. 348 p. (in Russian).

Pavan S. Brodskiy in Italian [Brodskiy po-italyanskiy]. *Bulletin of Tomsk State University. Philology.* 2008. No 2(3). P. 109–126 (in Russian).

Sergienko E.E. The reception of B. Pasternak's works in Italy. A case study of the novel «Doktor Zhivago» [Retseptsiya tvorchestva B. Pasternaka v Italii (na primere romana «Doktor Zhivago»)]. *Abstract of dissertation … candidate of Philological Sciences.* Moscow, 2010. 18 p. (in Russian).

Solonovich E.M., Vizel M. Russian poetry with Italian words [Russkaya poesiya italyanskimi slovami]. *Literature questions.* 2006. No 6. P. 31–51 (in Russian).

Tyk N.A. The Italian reception of A. Pushkin's novel «Eugene Onegin»: defining an issue [Roman A.S. Pushkina «Evgeniy Onegin» v italyanskoy retseptsii: k postanovke problemy]. *Bulletin of Tomsk State University.* 2015. No 39. P. 27–31 DOI: 10.17223/15617793/396/4 (in Russian).

Trubina O.B. Dialogue with E. Montale. «Bring Me the Sunflower»: an experiment in translation [Dialog c E. Montale. «Prinesi mne podsolnukh»: opyt perevoda]. *Scientific result. Issues of theoretical applied linguistics.* 2019. Vol. 5. No. 3, pp. 108–115 DOI: 10.18413/2313-8912-2019-5-3-0-10. (in Russian).

Kholshevnikov V.E. The fundamentals of poetry studies [Osnovy stikhovedeniya]. Moscow: Akademia, 2004, 208 p. (in Russian).

Tsvetaeva M.I. Collected Works: in 7 vols. [Sobr. soch.: v 7 t.]. Introduction by A. Saakyants, edited and commented by L. Mnukhina. Moscow: Ellis Lak, 1994–1995 (in Russian).

Etkind E.G. Studies in the history and theory of literary translation: in 2 vols. Vol. 1: Poetry and translation [Issledovaniya po istorii i teorii khudozhestvennogo perevoda: v 2 kn. Kn. 1: Poesiya i perevod]. St. Petersburg: Petropolis, 2018. 432 p. (in Russian).

Rea M. Forgive Love. Poems 1915-1925 [Scusate l'Amore. Poesie 1915-1925]. Bagno a Ripoli (Florence): Passigli Publ., 2013. 159 p. (in Italian).

Vitale S. After Russia and other poems [Dopo la Russia e altri versi]. Milan: Mondadori Publ., 1988. 329 p. (in Italian).

Zveteremich P.A. Poems [Poesie]. Milan: Rizzoli Publ., 1967. 214 p. (in Italian).

Bystrova T.A. I need to be understood, otherwise I don't exist. Marina Tsvetaeva in Italian [«Menya nuzhno ponyat – libo menya net»: Marina Tsvetaeva na italyanskom yazyke]. *Foreign literature. Italy: women's voices.*2002. No 5. Available at: https://tinyurl.com/yazjj4wf (accessed on November 18, 2023) (in Russian).

De Mauro T. International dictionary [Dizionario internazionale]. Available at: https://dizionario.internazionale.it/ (accessed on November 18, 2023) (in Italian).

Treccani Dictionary [Vocabolario]. Available at: https://www.treccani.it/ (accessed on November 18, 2023) (in Italian).

Е.Г. Малышева

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия

УДК 81'42

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-58-76

ВИДЕОЭССЕ О КИНО: СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ДОМИНАНТ В ПОЛИКОДОВОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Ключевые слова: *медиастилистика; интенциональный метод; медиатекст; видеоэссе; содержательная доминанта медиатекста.*

Объектом исследования в статье стали видеоэссе, выходящие на YouTube-канале «КиноПоиск». Была предложена многоэтапная методология исследования поликодового медиатекста, которая характеризуется системой применяемых методик: жанровый, структурно-семантический, концептуальный анализ медиатекста; анализ поликодовой структуры медиатекста.

На примере анализа видеоэссе «Почему "Пролетая над гнездом кукушки" – великое кино» выделены конституирующие жанровые признаки медиажанра, которые определяются содержательными доминантами медиатекста: название / заголовок (иногда и подзаголовок) видеоэссе; композиционное деление видеоэссе на части, которым также даются заголовки, – эта структура организует нарратив видеоэссе; описание (аннотация) к ролику и тайм-коды, где прописаны заголовки частей; киноцитаты (визуальный ряд); фрагменты оригинальной звуковой дорожки цитируемых фильмов; музыкальное оформление видеоэссе; семантически и стилистически осложненный закадровый текст (с обязательным использованием интертекстуальных знаков разного типа); специфический монтаж. Изучена многоуровневая семантическая структура видеоэссе и сделан вывод о том, что содержательной доминантой изучаемого видеоэссе является концепт «Свобода» – один из базовых лингвокультурных концептов русской языковой картины мира.

Установлено, что ведущим кодом, посредством которого происходит интерпретация содержательной доминанты видеоэссе, является вербальный, подкрепленный и усиленный другими кодами и субкодами поликодовой структуры медиажанра. Авторский отбор кинопроизведений, интерпретация и трактовка их содержательных доминант, тональность обсуждения, «вписывание» фильма в исторический и культурологический контекст, объективация системы ценностей коллективного автора позволяют эффективно

воздействовать на картину мира массового адресата, формируя и/или рефреймируя его представления о ключевых этических и культурных концептах, об исторических и современных реалиях и событиях.

В современной теории медиастилистики весьма продуктивным является интенциональный метод исследования, поскольку, как подчеркивает Н.И. Клушина, «с его помощью выявляются и анализируются когнитивные, коммуникативные и прагматические особенности современной вербальной коммуникации» [Клушина, 2018, *11*].

В приведенной цитате отметим словосочетание «вербальная коммуникация», которое, как представляется, сужает объект медиастилистики, в поле зрения которой попадают медиатексты, имеющие принципиально поликодовый характер. И жанр видеоэссе, о котором пойдет речь в данной статье, конечно, является поликодовым медиатекстом, в структуре которого, кроме вербальной составляющей, представлен комплекс аудиально-визуальных, музыкальных и других кодов, которые также участвуют в трансляции смыслов. Однако примечательно, что именно вербальный код выступает здесь ведущим в экспликации содержательных доминант медиатекста – и это обстоятельство весьма значимо и показательно с точки зрения характеристик данного медиажанра.

Среди базовых интенциональных категорий выделяются следующие: «дискурсные идеологемы, номинация, интерпретация, оценочность и тональность» [Клушина, 2018, *17*]. Именно эти категории определяют цель исследования – сквозь призму жанрообразующих признаков и посредством анализа поликодовой структуры видеоэссе выявить особенности экспликации и интерпретации в медиатексте его содержательных доминант, объективировав аксиологические характеристики вербальной составляющей изучаемого медиажанра.

Материал и методология исследования. Материалом для исследования стали видеоэссе YouTube-канала «КиноПоиск», при этом фокус нашего внимания в основном сосредоточен на анализе медиатекста *Почему «Пролетая над гнездом кукушки» – великое кино*, весьма показательного с точки зрения интенционального подхода.

Предлагаемая методология исследования, детерминированная сформулированной целью, включает несколько этапов, характеризующихся системой применяемых методик (жанровый, структурно-семантический, концептуальный анализ медиатекста; анализ поликодовой структуры медиатекста):

1) выявление конституирующих жанровых признаков изучаемого видеоэссе, значимых для объективации содержательных доминант;
2) описание многоуровневой семантической структуры видеоэссе;
3) выявление содержательной доминанты изучаемого медиатекста;

4) анализ интерпретации содержательной доминанты медиатекста в вербальном и других кодах видеоэссе, определение аксиологического модуса и тональности транслируемой информации.

Теоретическое обоснование исследования. Эссе – жанр, который был и остается весьма распространенным в публицистической традиции многих стран и культур, более того, является уже расхожим мнение, что это «жанр XXI века». По меткому выражению Л.Г. Кайды, «вирус эссе витает во всем медиапространстве» [Кайда, 2008, *19*].

И при этом до сих пор признается, что данный жанр наиболее сложен для однозначной квалификации: «несмотря на популярность эссе, на сегодняшний момент отсутствует целостная концепция этого жанра» [Чудинова, 2010, *268*].

А.Д. Дмитровский, автор кандидатской диссертации «Эссе как жанр публицистики» [Дмитровский, 2002], в самом общем виде предлагает определять указанный жанр следующим образом: «это публицистическое произведение, непосредственно отражающее субъективные, экзистенциально окрашенные, автопсихологические размышления автора над наиболее актуальными для него (смысложизненными) вопросами внутренней и внешней социальной жизни (как правило, – ситуациями морально-нравственного выбора: “как мне быть?”) в относительно свободной, зачастую парадоксальной или ироничной форме с позиции индивидуально-мифологической картины мира» [Дмитровский, 2013, *48*].

Не соглашаясь с суждением процитированного автора об отражении в эссе исключительно «индивидуально-мифологической» картины мира, подчеркнем, что нам кажется репрезентативным представление об эссе, транслированное еще в 1988 году Михаилом Эпштейном в книге «Парадоксы новизны» [Эпштейн, 1988], где автор сформулировал, на наш взгляд, принципиально важные для современного понимания эссе характеристики.

Первая: «В глубине эссе заложена определенная концепция человека, которая и придает связное единство всем тем внешним признакам жанра, которые обычно перечисляются в энциклопедиях и словарях: небольшой объем, конкретная тема и подчеркнуто субъективная ее трактовка, свободная композиция, склонность к парадоксам, ориентация на разговорную речь» [Эпштейн, 1988, *334*].

И вторая: «Эссе может быть философским, беллетристическим, критическим, историческим, автобиографическим... но суть в том, что оно, как правило, бывает всем сразу… Эссе же включает все эти разнообразные способы постижения мира в число своих возможностей, не ограничиваясь одной из них, но постоянно переступая их границы и в этом движении обретая свою жанровую или, точнее, сверхжанровую природу» [Эпштейн, 1988, *341–342*].

Заключая, можно вслед за А.Д. Дмитровским подчеркнуть несомненное: эссе – «произведение, отражающее экзистенциальную рефлексию автора» [Дмитровский, 2013, *49*].

Исследователь фотоэссе Ю.В. Тихонова составила перечень наиболее существенных характеристик жанра эссе:

«– небольшой, ограниченный объем;

– сконцентрированность на какой-либо конкретной теме (предмете эссе, о котором, как правило, автор заявляет уже в заголовке);

– ярко выраженная авторская субъективная позиция (личностный характер трактовки рассматриваемой проблемы);

– свободная композиция (отказ от следования каким-либо универсальным шаблонам, однако наличие четкой логично выстроенной внутренней структуры текста, подчиняющейся индивидуальной авторской логике и обеспечивающей смысловое единство эссе);

– эмоциональная наполненность (полноценное использование стилистических ресурсов языка, выразительных средств и приемов для создания ярких образов, с целью оказать воздействие на читателя, призвать его к размышлению, а иногда и к определенным действиям);

– парадоксальность суждений, неконвенциональность трактовок, стремление и способность удивить читателя, тем самым усиливая эффект воздействия» [Тихонова, 2016, *71–72*].

Наблюдая сегодня за развитием и трансформацией жанра сквозь призму теории дискурса, можно заметить, что если другие жанры обнаруживают более или менее четкую «привязку» к тому или иному дискурсу, то эссе может характеризовать различные дискурсивные практики, но, конечно, прежде всего это практики, характеризующие современный медиадискурс. И в таком случае эссе может эксплицировать «рефлексию» и «картину мира» не индивидуального, а коллективного автора – субъекта дискурса массмедиа.

Именно такой коллективный автор характеризует достаточно новую разновидность данного жанра, которая репрезентируется в поликодовом медиатексте, – видеоэссе.

В связи со сказанным отметим несколько принципиальных моментов, связанных с феноменом «поликодовый медиатекст».

Во-первых, подчеркнем, что под медиатекстом мы вслед за Т.Г. Добросклонской понимаем «актуализированные в определенном медиаформате и объединенные общим смыслом сочетания знаковых единиц вербального и медийного уровней» [Добросклонская, 2019, *188*].

Во-вторых, согласимся с тем, что в медиатексте могут быть выделены культурологические, идеологические, жанровые, стилистические и прочие коды / субкоды и что «поликодовость не тождественна мультимедийности» [Современный медиатекст, 2013, *15*].

В-третьих, констатируем: значения всех кодов поликодового текста, взаимодействуя, интегрируются и, по выражению Е.Е. Анисимовой, «образуют сложно построенный смысл» [Анисимова, 2003, *11*].

В-четвертых, согласимся с В.И. Коньковым в том, что «медийный поликодовый текст является мощным средством решения важнейших задач, стоящих перед любыми субъектами речевой практики СМИ» [Коньков, 2016, *35*].

И, наконец, солидаризуемся с Н.В. Данилевской, которая высказала парадоксальную, но важную для медиалингвистов мысль: «главное место в поликодовой структуре текста, какими бы неязыковыми компонентами она ни была насыщена, занимает все-таки слово» (цит. по: [Коньков, 2016, *35*]).

Кинокритики, теоретики медиа, медиалингвисты сегодня активно и в различных аспектах изучают медиажанры киножурналистики, и в том числе видеоэссе, которое сопоставляется с жанрами видеообзора – с одной стороны, и видеорецензии – с другой. Истоками этого жанра считают не только литературное эссе, но и авторское документальное кино, киноэссеистику и, наконец, авторские телепрограммы [Хуберг, 2003; Гаранина, 2013; Мартин, 2015; Глазкова, 2016; Шатило, 2016; Bernstein, 2016; Ли Линцзюань, 2018; Маркова, 2020; Саенкова-Мельницкая, 2021; Машаев, Базанова, 2023б; Найок, Никерова, 2023 и др.].

Сегодня под видеоэссе в широком смысле понимается «аудиовизуальная форма критической мысли» [Маевская, 2019, *155*]; если же конкретизировать определение, то это «жанр видеороликов, который содержит исследование определенной темы с использованием закадрового голоса, средств визуализации и музыкального сопровождения. С появлением Интернета, видеохостингов и стриминговых сервисов видеоэссе из полудокументального жанра кинематографа 20 в. превратились в разновидность видеообзоров, от которых они отличаются большей глубиной и проработкой темы, стремлением к всестороннему и наиболее полному ее раскрытию на основе изучения различных источников» [Мошковский, 2023].

В заключение теоретического обзора отметим, что видеоэссе YouTube-канала «КиноПоиск» уже становилось объектом исследования в научных публикациях, хотя и нечасто. Так, вербальные и невербальные способы передачи информации в видеоэссе названного канала изучаются в [Машаев, Базанова, 2023а]; видеоэссе «КиноПоиска» как жанр киножурналистики описывается в [Маркова, 2021]. Впрочем, представленные в названных немногочисленных работах подходы практически не коррелируют с предлагаемыми нами методами исследования видеоэссе.

Жанровые признаки, семантическая структура видеоэссе «КиноПоиска», вербальный код и его составляющие. Бóльшую часть видеоэссе, выходящих на канале «КиноПоиск», можно описать как информационный, образовательный и просветительский медиаконтент, который

позволяет сделать доступным для массового адресата разбор фильма, сцены, режиссерского приема, операторской работы, спецэффектов и т.п., как это делают в аудиториях киношкол.

Во всех видеоэссе без исключения «работают» одинаковые жанрообразующие признаки, которые являются конституирующими для реализации изучаемого медиажанра на данном канале и – что важно – определяются базовыми содержательными доминантами поликодового медиатекста.

Назовем эти признаки:

1) название / заголовок (подзаголовок) видеоэссе;
2) композиционное деление видеоэссе на части, которым также даются заголовки, – эта структура организует нарратив видеоэссе;
3) описание (аннотация) к ролику и тайм-коды, где прописаны заголовки частей;
4) киноцитаты (визуальный ряд);
5) фрагменты оригинальной звуковой дорожки цитируемых фильмов;
6) музыкальное оформление видеоэссе;
7) семантически и стилистически осложненный закадровый текст (с обязательным использованием интертекстуальных знаков разного типа);
8) специфический монтаж.

В целом видеоэссе, избранное для анализа в данной статье, – *Почему «Пролетая над гнездом кукушки» – великое кино*, как и многие другие, представляет собой в семантическом отношении многоуровневую структуру, которая содержит такие составляющие, как подробный и детальный разбор истории создания фильма; анализ особенностей работы сценаристов, режиссера, актеров, операторов, монтажеров; характеристика исторического, эстетического, идеологического контекста, в котором фильм существовал и существует; интерпретация содержания фильма с субъективных позиций адресанта, подкрепленная аргументами в виде киноцитат, интервью с создателями фильма, мнением критиков и т.п.; наконец, умозаключения обобщающего характера, которые позволяют посредством анализа кинопроизведения эксплицировать представления авторов видеоэссе об их морально-нравственных ценностях, о новейшей истории, об особенностях содержательной структуры ключевых концептов.

На наш взгляд, содержательной доминантой изучаемого видеоэссе является ***концепт «Свобода»*** – один из базовых лингвокультурных концептов русской языковой картины мира, который на разном языковом и медийном материале, в том числе в сопоставительном аспекте, активно изучался и изучается с позиций философии, когнитологии, лингвокультурологии, дискурсологии [Арутюнова, 2003; Солохина, 2004; Урысон, 2004; Кириллова, 2010; Ардашева, 2012; Егорова, Кириллова, 2012; Анисимова, 2013;

Попова, Гришенкова, 2013; Коломак, 2014; Грошева, 2017; Черкасова, 2018 и мн. др.].

Учитывая сказанное, проанализируем видеоэссе *Почему «Пролетая над гнездом кукушки» – великое кино* с точки зрения, прежде всего, его вербальной составляющей, вербального кода, который задает семантический вектор восприятия содержания эссе для массового адресата и, разумеется, усиливается и подкрепляется другими кодами сложной поликодовой структуры этого медиатекста.

Любопытно, что заголовки видеоэссе рассматриваемого канала не отражают в полной мере содержательной доминанты медиатекста, они, как правило, эксплицируют тему эссе и оценку разбираемого кинопроизведения (*великое*). Но возможность авторской интерпретации смыслов, заложенных в фильме, скрывается в использованном в заголовке наречии *почему*.

Отметим, что заголовок анализируемого видеоэссе построен по самой частотной модели, избранной на канале. Сравним: *Почему «Список Шиндлера» – великое кино*; *Почему «Джон Уик» – великая экшен-франшиза*; *Почему Стэнли Кубрик – главный автор в кино XX века*; *Почему «Шиттс Крик» – главный ситком года*; *Почему «Офис» стал культовым*.

Вариантами таких заголовков могут быть семантически осложненные конструкции со словосочетанием *на самом деле*: *Почему «Горько»* ***на самом деле*** *отличное кино*, где указанная конструкция подчеркивает правоту авторов, поскольку означает «так, как есть в действительной жизни, в реальности».

Другой вариант заголовков такого рода может раскрывать неоднозначность оценки авторов: *Почему «Ну, погоди!» – великий мультфильм* ***(и что не так с продолжениями)***.

Очевидно, что синтаксически заголовок оформлен как вопросительное предложение с вопросительным наречием «почему» в абсолютном начале. Однако отсутствие вопросительного знака в конце превращает этот заголовок в утверждение, а содержание видеоэссе, судя по заголовку, должно доказать адресату справедливость тезиса авторов, в котором они не сомневаются. Заголовок, таким образом, выглядит как вывод, который воздействует на зрителя еще до просмотра эссе.

Гораздо реже данная модель заголовка используется в ее прямом грамматическом значении: *Почему мультфильм «Холодное сердце» пытались снять более 70 лет*.

Меньший манипулятивный потенциал заложен в заголовках типа *Правда ли Мэрил Стрип – гениальная актриса*, но постоянная аудитория канала, впрочем, не сомневается, что доказываться будет именно утвердительный ответ на этот вопрос.

Не меньший воздействующий потенциал содержится и в подзаголовочных комплексах, которые не столько конкретизируют заголовок, сколько формулируют содержательную доминанту медиатекста.

Так, заголовок *Как снимает Норштейн* представляет основную тему видеоролика. Однако подзаголовком-вопросом *О чем **на самом деле** «Ежик в тумане» и «Сказка сказок» Юрия Норштейна* авторы эссе начинают интеллектуальную игру с адресатом, намекая ему, что именно они обладают «сокровенным» знанием об истинных смыслах, заложенных в произведениях мультипликатора, и что они готовы поделиться этим знанием с адресатом.

Кроме очевидной функции привлечения внимания адресата с помощью заголовка / подзаголовка, мы видим здесь и функцию очерчивания «своего круга», формирования целевой аудитории канала, которая понимает язык авторов.

Особая роль в видеоэссе «КиноПоиска», как уже было сказано, отводится его ***вербальному компоненту***, ***вербальному коду.*** Это обстоятельство, на первый взгляд, противоречит общепринятым представлениям о том, что в мультимодальном медиатексте наиболее семантически нагруженным кодом является иконический, или визуальный, а вербальный код становится второстепенным в силу как специфических черт современной аудитории (клиповое сознание, отсутствие навыка когнитивной обработки семантически осложненных текстов), так и особенностей подачи визуальной информации и ее воздействия на адресата.

Однако в видеоэссе «КиноПоиска» вербальный код становится наиболее значимым. Он представлен следующими субкодами.

Во-первых, это ***письменный субкод***: описание ролика – аннотация и тайм-коды, с прописанными заголовками частей видеоролика.

Вот описание изучаемого нами эссе:

Чем книга Кена Кизи «Пролетая нал гнездом кукушки» отличается от экранизации Милоша Формана? Какими визуальными приемами создатели подчеркивают противостояние между Макмерфи (Джек Николсон) и сестрой Рэтчед (Луиза Флетчер)? Зачем в оригинале понадобился минутный крупный план героя? И почему картина стала переломной в карьере режиссера? В этом видеоэссе разбираем, как устроен культовый фильм «Пролетая над гнездом кукушки», новоголливудский гимн свободе и нонконформизму.

Очевидно, что смысловые акценты в аннотации делаются на ожидаемых в рамках киножурналистики / кинокритики темах: соотношение литературного оригинала и экранизации, особенности экранного воплощения режиссерского замысла, роль кинопроизведения в творчестве режиссера.

Во-вторых, используется ***письменный субкод: наименования композиционных частей видеоэссе.*** Их адресат впервые видит в описании в виде тайм-кодов, а в самом тексте эссе они появляются в начале каждой части на экране, выделенные крупным шрифтом.

Наименования частей выполняют важнейшую функцию: они структурируют медиатекст, отражают логику авторской мысли, организуют нарратив видеоэссе.

Представим композиционное деление эссе о фильме Милоша Формана: *О чем это видеоэссе; Книга или фильм; Макмерфи или Рэтчед; Свобода или несвобода.*

Как кажется, заголовки показывают, что в целом видеоэссе строится по прототипической жанровой модели: вступление, базовый тезис автора, аргументация авторской позиции, вывод. Однако, кроме того, заголовки частей отражают базовые семантические оппозиции, значимые для интерпретации содержания фильма.

Семантическое развертывание данных частей происходит в следующем субкоде вербального кода медиатекста – ***устном субкоде***. Этот субкод представлен в структуре видеоэссе тремя формами:

1) ***оригинальная звуковая дорожка цитируемых фильмов***, в которой русскоязычный зритель может услышать голоса реальных актеров, а не актеров дубляжа, оригинальные интонации. Данный прием выполняет роль своеобразного «фактчекинга» – подтверждения достоверности выводов, к которым приходят авторы эссе. Кроме того, можно сказать, что оригинальная звуковая дорожка является, в терминологии Умберто Эко, «эмоциональным субкодом – разновидностью звукового кода» [Eco, 1972]. Оригинальные фрагменты фильма для удобства восприятия сопровождаются субтитрами с русским переводом (и это еще одна форма письменного субкода);

2) ***оригинальная звуковая дорожка интервью***, ***выступлений актеров***, которые необходимы авторам для аргументации их точки зрения. В анализируемом видеоэссе это отрывки интервью Кена Кизи, Милоша Формана, речь актрисы Луизы Флетчер на вручении премии «Оскар»;

3) ***звучащий закадровый текст диктора***, семантически и стилистически осложненный, с использованием явных и скрытых отсылок к разного рода интертекстуальным знакам.

Именно закадровый текст всех видеоэссе «КиноПоиска» является ведущим субкодом, который может существовать и самостоятельно, без аудиовизуальной поддержки, и даже в этом случае он будет иметь высокий воздействующий потенциал, однако его влияние многократно возрастает, подкрепляясь остальными кодами поликодового медиатекста видеоэссе. Но отметим: именно в повествовании диктора, который ассоциируется для адресата с автором медиатекста, последовательно разворачиваются содержательные доминанты текста, которые могут значительно расширять семантику текста по сравнению с первоначальной авторской «заявкой», представленной в аннотации.

Объективация и интерпретация содержательной доминанты в поликодовой структуре видеоэссе. Первая часть видеоэссе о фильме М. Формана, вступление (*О чем это видеоэссе?*), начинается со следующего

закадрового текста диктора, который сопровождается подчеркнуто нейтральной музыкой и кадрами из фильма, иллюстрирующими, визуально подкрепляющими сказанное и одновременно усиливающими воздействующий эффект звучащей речи: *Где грань между безумием и нормой?* ***Способна ли тоталитарная система подчинить личность без остатка? И какова цена свободы?*** *Без малого полвека ответы на эти вопросы зрители продолжают искать в шедевре Милоша Формана «Пролетая нал гнездом кукушки» –* ***новоголливудском гимне нонконформизму и бунтарству***. Отметим, что текст произносится в среднем темпе, диктор как бы дожидается смены кадров, делает паузы, дает адресату осмыслить заданные вопросы.

И очевидно, что начало медиатекста – его своеобразный лид – уже задает несколько другой вектор авторских рассуждений, нежели тот, который мог ожидаться вначале. Вопросы демонстрируют, в каком ключе будет интерпретироваться содержание фильма, как будут расставлены семантические акценты.

Далее вступление содержит первоначальную фактологическую информацию о фильме, его содержании, о его признании в профессиональном сообществе и у массового зрителя, о реакции на фильм автора книги и психиатров Америки:

История плута Макмерфи, устроившего переполох в орегонской больнице для душевнобольных, собрала большую пятерку «Оскаров»… Картина тонко подмигивала умникам, но покорила и массовую публику, заработав больше ста миллионов долларов в прокате. Не на шутку разочаровала писателя Кена Кизи, чей роман лег в основу сценария. И ополчила против себя психиатров, углядевших в ней клевету на профессию.

Показателен финал вступления:

Она злила и ***вдохновляла****, повергала в отчаяние и* ***пробуждала от апатии****. Чего эта лента точно избежала, так это равнодушной реакции. О тайнах «Пролетая над гнездом кукушки» и* ***отчаянной жажде свободы, которая сильнее смерти****, в новом видеоэссе КиноПоиска.*

Финал части семантически перекликается с ее началом и даже содержит ответ на прозвучавший уже вопрос: ***И какова цена свободы?*** */ об* ***отчаянной жажде свободы, которая сильнее смерти.***

Следующая часть – *Книга или фильм* – насыщена культурологической, исторической информацией, отсылкой к прецедентным событиям, именам, произведениям, далеко не всегда напрямую связанным с искусством кино (*Милош Форман знал о тоталитарных нравах сестры Рэтчед не понаслышке: его родители погибли в нацистских концлагерях*).

В соответствии с антитезой, заложенной в заголовке части, противопоставляются идеологические и эстетические позиции автора романа Кена Кизи и режиссера фильма Милоша Формана: *Милош Форман решил пере-*

кроить роман. На первый план вышел Макмерфи – во всех отношениях главное действующее лицо. Из сценария исчезли психоделические образы и метафоры, гиперболизированные характеристики героев и подчеркнутый символизм, делающий из Мака ни много ни мало Христа. Заодно сценаристы притушили антивоенный посыл романа о людях с ПТСР…

Заслуживает особого внимания фрагмент части, где авторы рассказывают об особенностях работы оператора фильма: этот нарратив содержит авторскую интерпретацию кинометафор, несомненно, воздействующую на адресата и создающую обобщенный словесный образ тоталитарной системы и тотальной несвободы в целом, подкрепленный видеорядом: *Завет-ной реалистичности была подчинена операторская манера… Одного зумирования оператору более чем достаточно, чтобы* ***передать неумолимое давление системы, от которого не укрыться, которому бесполезно сопротивляться. Милош Форман перевел яркие метафоры в обыденную плоскость, где открытый для пилюли рот уже не про прием лекарств, а про привычку к покорности, готовности к несвободе. Где больные делают зарядку, а кажется, что кланяются. Где действия санитара, останавливающего вальсирующего старика, регламентированы словом «No» на решетке***.

Очевидно, что в данном фрагменте в авторском умозаключении речь идет не просто о нравах больницы, но о характеристике ***давления системы*** как таковой, и это считывается внимательным адресатом.

Семантическое противопоставление книги и фильма и позиций их авторов в финале части объективируется в том числе посредством характеристики исторических реалий и событий, которые повлияли на мышление художников: *Кизи писал* ***о репрессивной капиталистической Америке времен хиппи, экспериментов с ЛСД и пьянящей внутренней свободы****. Форман снимал после* ***разгрома Пражской весны, когда либеральные реформы чехословацких властей были подавлены Советским Союзом****. А* ***решение режиссера не возвращаться на родину обернулось клеймом предателя***.

Такая трактовка интенции кинорежиссера, причин, объясняющих концептуальные изменения первоначального замысла писателя Кена Кизи, определяет дальнейший ход рассуждений авторов видеоэссе, представленный в следующих его частях.

Показателен, однако, промежуточный вывод, в котором посредством метафор, отсылающих к содержанию книги и фильма, знакомым адресату визуальным образам, дается характеристика двух авторов произведения, которые оказываются не противопоставленными, но сопоставленными фигурами, объединенными «тягой к свободе»: ***Их режим и лечебницы – разные****, но* ***разбить в них стекла удалось обоим****.* ***Кизи – преодолеть границу сознания. Форману – воспеть непреодолимую тягу человека к свободе***.

Подтверждением этого умозаключения является видеоцитата из фильма со знаменитым кадром, где Вождь вырывает раковину вместе с постаментом, чтобы разбить то самое «стекло», и эпизод со звучащим голосом главного героя Мака: ***Я все-таки попытался. Я хотя бы попробовал***.

Очевидно, что в интерпретации авторов видеоэссе в структуре концепта «Свобода» актуализируются такие концептуальные признаки, как ‘внутреннее ощущение’, ‘выбор личности’, ‘обязательное противостояние системе’, ‘основание для активного действия’.

Описанный финал части является своеобразной «подводкой» к центральной части видеоэссе – *Макмерфи или Рэтчед*.

Представим лишь некоторые вербализованные в речи диктора характеристики главных героев, символизирующих своим поведением, своей системой ценностей ключевую содержательную оппозицию – «Свобода / Несвобода».

Сестра Рэтчед: *Подобие улыбки появляется на ее лице, лишь когда она* ***унижает противника***; *Она* ***имитирует демократические выборы, результаты которых предрешены****, и* ***прикрывает удобный ей порядок тем, что так хочет большинство пациентов***; *…превратилась в* ***Большую сестру – аналог оруэлловского Большого брата***; *величие образа сестры Рэтчед в том, что он* ***абсолютно реалистичен и узнаваем: она облечена властью, а следовательно, всегда избегает наказания***. И наконец: *Ей мало превратить подопечных в* ***послушное стадо***. ***Она хочет, чтобы они сами захотели стать стадом***.

В характеристику персонажа, который олицетворяет собой представления о тотальной несвободе, встраивается суждение авторов эссе *о самой страшной сцене фильма*, которая содержит еще одну интертекстуальную отсылку к роману Джорджа Оруэлла «1984», позволяющую содержательно связать фильм Милоша Формана и названный роман: *Страшнее всего наблюдать короткое пробуждение мистера Банчини в самом начале фильма. Он уже открыл глаза, возможно давно, и буднично ждет, когда санитар ослабит ремни и без намека на недовольство своей участью –* ***идеальный гражданин формановской Океании***.

В целом при описании главного антигероя фильма подчеркивается антитеза, которую адресат без труда спроецирует на действительность (*величие образа… в том, что он абсолютно реалистичен и узнаваем*): неподсудный, бездушный, циничный, ненавидящий людей человек, наделенный властью, представитель Системы – и униженные, покорные, утратившие человеческое достоинство, зависимые от властей предержащих и зловещей Системы люди.

Макмерфи: *герой Джека Николсона –* ***чистый хаос***; *Мак –* ***прирожденный лидер, слишком свободолюбивый и живой***; *метод Макмерфи –* ***свободотерапия***; *Центральным лейтмотивом обаятельного смутьяна становится* ***преодоление границ***.

Интерпретация образа Мака позволяет актуализировать в когнитивной структуре концепта «Свобода» такие концептуальные признаки, как ‘внутреннее чувство человека’, ‘проявление личности’, ‘нарушение правил’, ‘нарушение границ дозволенного’, ‘противодействие любой системе’.

От характеристики героев авторы переходят к важным для них смысловым обобщениям и умозаключениям: ***Сумасшествие*** *в мире «Пролетая над гнездом кукушки» становится лишь* ***метафорой несвободы, в первую очередь внутренней****. Не потому ли настоящим ударом для героя оказывается то, что* ***большинство пациентов находятся в лечебнице добровольно****?*

На фоне содержания видеоэссе настоящими программными заявлениями авторов выглядят следующие выводы относительно главного героя, в полной мере отражающие, как кажется, представления и точку зрения самих авторов относительно феномена Свободы, которые они считают необходимым донести до аудитории: *Он доказывает, что* ***свободу не выдают порциями в окошке, ее надо достать из самого себя****, выплеснуть наружу, заразить всех вокруг.* ***И это внутреннее ощущение свободного человека не может отобрать никто, даже если на стороне надзирателя вся мощь репрессивного института****.*

Финальная часть видеоэссе *(Свобода или несвобода)*, выполняющая роль общих выводов, содержит различные интерпретации названия романа и фильма. Авторы предлагают в том числе весьма оригинальную трактовку, соответствующую всему ходу их рассуждений: *Одна из интерпретаций заголовка такова:* ***не стоит ни присоединяться к системе, ни бороться против нее. А надо выйти из заданных координат и искать третий путь****.*

Однако различные трактовки названия фильма ожидаемо приводят к очередному умозаключению-обвинению, в котором намеренно акцентирована негативная оценка всех существующих социальных институтов и в котором посредством синтаксической структуры – объединения в пары однородных членов – ставится практически знак равенства между очень разными их типами: *…главным злодеем и в книге, и в фильме становится не столько сестра Рэтчед,* ***сколько само общество, стремящееся к подавлению личности в любых своих институтах – от школы и тюрьмы до армии и психбольницы****.*

Сильной позицией медиатекста видеоэссе, разумеется, является его финал, в котором авторы, с одной стороны, делают негативно маркированный вывод о том, что мир за стенами психиатрической больницы – та же больница (*Из* ***одной больницы вождь всего лишь сбежал в другую, еще больше и еще опаснее***), но, с другой – дают адресату совет, метафорически перекликающийся с содержанием эссе, который должен, как представляется, аудиторию как минимум вдохновить: *…****Главное – перестать ждать, что однажды утром придет санитар, который ослабит ремни****.*

Таким образом, анализ одного видеоэссе YouTube-канала «КиноПоиск» позволяет сделать предварительный вывод о том, что медиатексты в

изучаемом медиажанре могут эксплицировать более сложные и неоднозначные авторские интенции, чем просвещение и развлечение адресата и привлечение его к просмотру фильмов и сериалов на видеохостинге.

Авторский отбор обсуждаемых кинопроизведений, интерпретация и трактовка их содержательных доминант, тональность обсуждения фильма, «вписывание» его в исторический и культурологический контекст, который также подвергается анализу под определенным углом зрения, использование интертекстуальных знаков для обнаружения неочевидных семантических связей между событиями и явлениями, объективация системы ценностей коллективного автора – все это не что иное, как возможные и весьма действенные инструменты формирования и рефреймирования картины мира массового адресата.

Авторы «КиноПоиска» используют вариант жанра видеоэссе для репрезентации представлений о ключевых концептах картины мира субъекта дискурса, которые часто можно представить в виде оппозитивных структур («Жизнь / Смерть», «Свобода / Несвобода», «Мужчина / Женщина»), а также для трансляции представлений о когнитивных единицах, являющихся значимыми этическими, морально-нравственными, культурными и историческими концептами («Свобода», «Общество», «Совесть», «Гуманизм», «Демократия», «Тоталитаризм», «Патриотизм», «Россия», «Советский Союз»», «Традиционные ценности», «Западные ценности» и т.п.). Кроме того, важнейшей задачей для авторов видеоэссе становится экспликация субъективной оценки исторических и современных событий, затрагивающих и отдельного человека, и целые нации, и государства.

Показательно, что ведущую роль в поликодовой структуре изучаемых медиатекстов играет вербальный код в его устной и письменной разновидности, семантически подкрепленный и усиленный другими кодами, в том числе эмоциональным, идеологическим, стилистическим.

Косвенным подтверждением справедливости наших рассуждений является комментарий одного из зрителей проанализированного видеоэссе:

«Ей важно не просто сделать всех пациентов стадом, а чтобы они сами захотели стать стадом». Спасибо всей команде за потрясающий разбор фильма. ***Отдельно – за текст. И за подтекст***.

Полагаем, этот комментарий свидетельствует, что адресаты понимают и воспринимают явные и скрытые смыслы, которые заложены в медиатексты видеоэссе «КиноПоиска», соглашаются с интерпретацией содержательных доминант кинопроизведений и разделяют ценности, транслируемые авторами канала.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003. 128 с.

Анисимова Е.В. Особенности языковой и речевой экспликации концепта «Свобода» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6-2. С. 33–35.

Ардашева Т.Г. Лингвокогнитивный анализ концепта «свобода» (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Ижевск, 2012. 24 с.

Арутюнова Н.Д. Воля и свобода // Логический анализ языка. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.

Гаранина Э.Ю. Оценочность в жанре кинорецензии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2(54). С. 28–31.

Глазкова Е.А. Гибридные жанры кино- и видеоэссе в современном экранном пространстве: история, особенности и перспективы // Университетский научный журнал. 2016. № 20. С. 234–243.

Грошева А.В. Реализация периферийных смыслов концепта «Свобода» в журналах «Знамя» и «Наш современник»: сравнительный анализ // Челябинский гуманитарий. Филологические науки. 2017. № 2(39). С. 13–18.

Дмитровский А.Л. Эссе как жанр публицистики: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2002. 202 с.

Дмитровский А.Л. Жанр эссе: к проблеме теории // Челябинский гуманитарий. 2013. № 3. С. 37–51.

Добросклонская Т.Г. Стилевая динамика современной медиаречи // Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г.). М.: ФЛИНТА, 2019. С. 187–191.

Егорова О.С., Кириллова О.А. «Свобода» и «Воля» как ключевые концепты русской культуры // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1 (Гуманитарные науки), № 4. С. 161–167.

Кайда Л.Г. Эссе как жанр в литературе и публицистике // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2008. № 4. С. 19–24.

Кириллова О.А. Языковая репрезентация лингвокультурного концепта «Свобода» в медиа-дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ярославль, 2010. 21 с.

Клушина Н.И. Медиастилистика: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с.

Коломак А.И. Генезис концепта «Свобода» в философской мысли // Культура. Духовность. Общество. 2014. № 12. С. 102–108.

Коньков В.И. Дискуссия «поликодовый медиатекст как объект лингвистического исследования»: проблемы и результаты обсуждения // Медиалингвистика. 2016. № 3(13). С. 133–135.

Ли Линцзюань. Снижение категоричности оценки и прагматическая функция оценки в тексте кинорецензии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7-2(85). С. 343–347.

Маевская М.И. Эссе в кинотеледокументалистике, на ТВ, в интернете: Трансформация жанра // Медиа в современном мире. 58-е Петербургские чтения: сб. мат-лов Междунар. науч. форума (18–19 апреля 2019 г.) / отв. ред. В.В. Васильева. В 2 т. СПб., 2019. Т. 2. С. 154–155.

Маркова А.И. Подкасты «КиноПоиска» как способ исследования культуры // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17, № 2-2(20). С. 66–68.

Маркова А.И. Особенности киножурналистики в видеоэссе YouTube-канала «КиноПоиск» // Молодой исследователь: от идеи к проекту: мат-лы V студ. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2021. С. 489–491.

Мартин Э. Аудиовизуальные эссе как новая форма кинокритики (перевод на русский язык – Оксана Вивсянюк) // CINETICLE. 27.02.15. URL: https://cineticle.com/audiovisual-essay/ (дата обращения: 22.04.2024).

Машаев М.С.-М., Базанова А.Е. Использование невербального способа передачи информации в жанре видеоэссе // Litera. 2023а. № 11. С. 161–173.

Машаев М.С.-М., Базанова А.Е. Экранная коммуникация в контексте жанра видеоэссе // Неофилология. 2023б. Т. 9, № 4. С. 959–969.

Мошковский Г. Видеоэссе // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. 16.06.2023. URL: https://bigenc.ru/c/videoesse-8c071b/?v=7068058 (дата обращения: 22.04.2024).

Найок О.Б., Никерова В.Д. Конститутивные признаки дискурса видеоэссе // LXXVI Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных статей международной научной конференции. СПб., 2023. С. 56–60.

Попова Л.Г., Гришенкова Е.С. Концептуальное понимание свободы в английском и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 153–156.

Саенкова-Мельницкая Л.П. Ценностно-оценочные принципы в кинокритике // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. № 40(2). С. 175–183.

Солохина А.С. Концепт «Свобода» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 28 с.

Тихонова Ю.В. Жанр эссе в современном преломлении // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 19(758). С. 69–79.

Урысон Е.В. Еще раз о свободе и воле // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 694–704.

Хубер Й. Видеоэссе: о теории-практике перехода // StuffIt: Видеоэссе цифрового века» / ред. У. Биман. Цюрих: Спрингер, 2003. С. 93–94.

Черкасова И.П. Репрезентация концептов «свобода», «демократия» и «гармония» в современном медиадискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 3(29). С. 93–99.

Чудинова Ю.В. Жанр «эссе» в современном литературоведении // Гуманитарные исследования. 2010. № 4(36). С. 267–274.

Шатило И. Эксперименты в документальном фильме: противоречие, неопределенность, изменение // CINETICLE. 03.03.16. URL: https://cineticle.com/experimental-documentary/#6-6 (дата обращения: 22.04.2024).

Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.

Bernstein P. What is a Video Essay? Creators Grapple with a Definition // FilmMaker. 03.05.2016. URL: https://filmmakermagazine.com/98248-what-is-a-video-essay-creators-grapple-with-a-definition/ (дата обращения: 22.04.2024).

Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message // Working Papers in Cultural Studies.1972. № 2. С. 103–121.URL: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm (дата обращения: 22.04.2024).

ИСТОЧНИКИ

https://www.youtube.com/watch?v=Jl6S8hQViBU (дата обращения: 22.04.24).

E.G. Malysheva
PhD in Philology, Doctor, Associate Professor,
Head of the Chair of Journalism and Media Linguistics,
Dostoevsky Omsk State University
Omsk, Russia

Video Essay about Cinema: Ways of Representing and Interpreting Dominant Content in a Polycode Media Text

The object of research in the article was video essays published on the KinoPoisk YouTube channel. A multi-stage methodology for studying polycode media text was proposed, which is characterized by a system of applied techniques:

genre, structural-semantic, conceptual analysis of media text; methodology for analyzing the polycode structure of a media text. Using the example of the analysis of the video essay «Why One Flew Over the Cuckoo's Nest is a Great Cinema», the constitutive genre features of the media genre, which are determined by the content dominants of the media text, are highlighted: title/title (sometimes subtitle) of the video essay; the compositional division of the video essay into parts, which are also given headings – this structure organizes the narrative of the video essay; description (annotation) of the video and time codes where the headings of the parts are written; movie quotes (visuals); fragments of the original soundtrack of the quoted films; musical accompaniment of video essay; semantically and stylistically complicated voice-over text (with the obligatory use of intertextual signs of various types); specific installation. The multi-level semantic structure of the video essay was studied and it was concluded that the content dominant of the video essay being studied is the concept of «Freedom» – one of the basic linguocultural concepts of the Russian language picture of the world. It has been established that the leading code through which the dominant content of a video essay is interpreted is verbal, supported and reinforced by other codes and subcodes of the polycode structure of the media genre. The analysis of the media text allows us to conclude that the author's selection of film works, interpretation and interpretation of their content dominants, the tone of the discussion, «fitting» the film into the historical and cultural context, objectification of the value system of the collective author allows one to effectively influence the worldview of the mass addressee, forming and/or reframing his ideas about key ethical and cultural concepts, about historical and modern realities and events.

Keywords: *media stylistics; intentional method; media text; video essay; content dominant of the media text.*

REFERENCES

Anisimova E.E. Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts): textbook for University students at faculties of foreign languages [Lingvistika teksta i mezhkul'turnaia kommunikatsiia (na materiale kreolizovannykh tekstov): ucheb. posobie dlia stud. fak. inostr. iaz. vuzov]. Moscow: Academia, 2003. 128 p. (in Russian).

Anisimova E.V. Features of language and speech explication of the concept «Freedom» [Osobennostii azykovoi i rechevoi eksplikatsii kontsepta «Svoboda»]. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after. N. I. Lobachevsky.* 2013. No 6–2. P. 33–35 (in Russian).

Ardasheva T.G. Linguocognitive analysis of the concept «freedom» (based on the material of Russian, English and French languages) [Lingvokognitivnyianalizkontsepta «svoboda» (na materiale russkogo, angliiskogo i frantsuzskogo iazykov)]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences.* Izhevsk, 2012. 24 p. (in Russian).

Arutyunova N.D. Will and freedom [Volia i svoboda]. *Logical language analysis.* Moscow: Indrik, 2003. P. 73–99 (in Russian).

Garanina E.Yu. Evaluativeness in the genre of film review [Otsenochnost' v zhanre kinoretsenzii]. *Bulletin of Kemerov State University.* 2013. No 2–2 (54). P. 28–31 (in Russian).

Glazkova E.A. Hybrid genres of motion pictures and video essays in motion pictures continuum: history, specifics and perspectives [Gibridnye zhanry kino- i videoesse v sovremennom ekrannom prostranstve: istoriia, osobennosti i perspektivy]. *University Scientific Journal.* 2016. No 20. P. 234–243 (in Russian).

Grosheva A.V. Realization of the peripheral meanings of the concept «Freedom» in the magazines «Znamya» and «Our Contemporary»: comparative analysis [Realizatsiia periferiinykh smyslov kontsepta «Svoboda» v zhurnalakh «Znamia» i «Nash sovremennik»: sravnitel'nyi analiz]. *Chelyabinsk humanist. Philological sciences.* 2017. No. 2 (39). P. 13–18 (in Russian).

Dmitrovsky A.L. Essay as a genre of journalism [Esse kak zhanr publitsistiki]. *Dissertation … candidate of Philological Sciences*. St. Petersburg, 2002. 202 p. (in Russian).

Dmitrovsky A.L. Essay genre: to the problem of theory [Zhanr esse: k probleme teorii]. *Chelyabinsk humanist*. 2013. No. 3. P. 37–51 (in Russian).

Dobrosklonskaya T.G. Stylistic dynamics of modern media speech [Stilevaia dinamika sovremennoi mediarechi]. *Present and future of stylistics: collection of scientific articles of the international. scientific conference (May 13-14, 2019)*]. Moscow: FLINTA, 2019. P. 187–191 (in Russian).

Egorova O.S., Kirillova O.A. «Freedom» and «Will» as key concepts of Russian culture [«Svoboda» i «Volia» kak kliuchevye kontsepty russkoi kul'tury]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin* (*Humanities).* 2012. Vol. 1. No 4. P. 161–167 (in Russian).

Kaida L.G. Essay as a genre in literature and journalism [Esse kak zhanr v literature i publitsistike]. *Bulletin of Moscow University*. Series 10: Journalism. 2008. No 4. P. 19–24 (in Russian).

Kirillova O.A. Linguistic representation of the linguocultural concept «Freedom» in media discourse [Iazykovaia reprezentatsiia lingvokul'turnogo kontsepta «Svoboda» v media-diskurse]. *Abstract of dissertation … candidate of Philological Sciences.* Yaroslavl, 2010. 21 p. (in Russian).

Klushina N.I. Media stylistics [Mediastilistika]. *Monograph*. Moscow: FLINTA, 2018. 184 p. (in Russian).

Kolomak A.I. Genesis of the concept «Freedom» in philosophical thought [Geneziskontsepta «Svoboda» v filosofskoi mysli]. *Culture. Spirituality. Society.* 2014. No 12. P. 102–108 (in Russian).

Konkov V.I. Discussion «multi-code text as the object of linguistics learning»: problems and results [Diskussiia «polikodovyi mediatekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia»: problemy i rezul'taty obsuzhdeniia]. *Medialinguistics.* 2016. No 3 (13). P. 133–135 (in Russian).

Li Lingjuan. Reducing the assessment of categoricalness and pragmatic function of assessment in the film review [Snizhenie kategorichnosti otsenki i pragmaticheskaia funktsiia otsenki v tekste kinoretsenzii]. *Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2018. No 7−2 (85). P. 343–347 (in Russian).

Mayevskaya M.I. Essay in film and television documentaries, on TV, on the Internet: genre transformation [Esse v kinoteledokumentalistike, na TV, v internete: Transformatsiiazhanra]. *Media in the modern world. 58th St. Petersburg readings: collection of materials of the International scientific forum (April 18–19, 2019*). Edited by V.V. Vasilyeva. In 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg, 2019. P. 154–155 (in Russian).

Markova A.I. «KinoPoisk» podcasts as a way to study culture [Podkasty «KinoPoiska» kaksposobissledovaniiakul'tury]. *Students' science and the 21st century.* 2020. Vol. 17. No 2−2 (20). P. 66–68 (in Russian).

Markova A.I. Features of film journalism in the video essay of the YouTube channel «KinoPoisk» [Osobennostikinozhurnalistiki v videoesse YouTube-kanala «KinoPoisk»]. *Young researcher: from idea to project: materials of the V student scientific and practical conference.* Yoshkar-Ola, 2021. P. 489–491 (in Russian).

Martin E. Audiovisual essays as a new form of film criticism (translation into Russian - Oksana Vivsyanyuk) [Audiovizual'nye esse kak novaia forma kinokritiki (perevod na russkiii azyk – Oksana Vivsianiuk)]. *CINETICLE.* Available at: https://cineticle.com/audiovisual-essay/ (accessed on April 22, 2024) (in Russian).

Mashaev M.S.-M., Bazanova A.E. Using a non-verbal method of transmitting information in the genre of video essays [Ispol'zovanie neverbal'nogo sposoba peredachi informatsii v zhanre videoesse]. *Litera.* 2023a. No 11. P. 161–173 (in Russian).

Mashaev M.S.-M., Bazanova A.E. Screen communication in the context of the video essay genre [Ekrannaia kommunikatsiia v kontekste zhanra videoesse]. *Neophilology.* 2023b. Vol. 9. No 4. P. 959–969 (in Russian).

Moshkovsky G. Video essay [Videoesse]. *Great Russian Encyclopedia: scientific and educational portal.* Available at: https://bigenc.ru/c/videoesse-8c071b/?v=7068058 (accessed on April 22, 2024) (in Russian).

Nayok O.B., Nikerova V.D. Fundamental characteristics of video essay discourse [Konstitutivnye priznaki diskursa videoesse]. *LXXVI Herzen Readings. Foreign languages. Collection of scientific articles of the international scientific conference*. St. Petersburg, 2023. P. 56–60 (in Russian).

Popova L.G., Grishenkova E.S. Conceptual understanding of freedom in the English and Russian languages [Kontseptual'noe ponimanie svobody v angliiskom i russkom iazykakh]. *Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2019. Vol. 12. Issue 3. P. 153–156 (in Russian).

Saenkova-Melnitskaya L.P. Value-evaluation principles in film criticism [Tsennostno-otsenochnyeprintsipy v kinokritike]. *Issues of journalism, pedagogy, linguistics.* 2021. No 40 (2). P. 175–183 (in Russian).

Solokhina A.S. The concept of «Freedom» in English and Russian linguistic cultures [Kontsept «Svoboda» v angliiskoi i russkoi lingvokul'turakh]. *Abstract of dissertation … candidate of Philological Sciences*. Volgograd, 2004. 28 p. (in Russian).

Tikhonova Yu.V. Genre of essay in its present-day expression [Zhanr esse v sovremennom prelomlenii]. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanitarian science.* 2016. No. 19 (758). P. 69–79 (in Russian).

Uryson E.V. Once again about freedom and will [Eshche raz o svobode i vole]. *Hidden meanings: The Word. Text. Culture*. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. P. 694–704 (in Russian).

Huber J. Video essay: on the theory and practice of transition [Videoesse: o teorii-praktike perekhoda]. *Stuff It: Digital Age Video Essay. Edited by Ursula Biman*. Zurich: Springer, 2003. P. 93–94 (in Russian).

Cherkasova I.P. Representation of the concepts «freedom», «democracy» and «harmony» in modern media discourse [Reprezentatsiia kontseptov «svoboda», «demokratiia» i «garmoniia» v sovremennom mediadiskurse]. *Sign: problem field of media education.* 2018. No 3 (29). P. 93–99 (in Russian).

ChudinovaYu.V. The «essay» genre in modern literary criticism [Zhanr «esse» v sovremennom literaturovedenii]. *Humanities studies.* 2010. No 4 (36). P. 267–274 (in Russian).

Shatilo I. Experiments in documentary film: contradiction, uncertainty, change [Eksperimenty v dokumental'nom fil'me: protivorechie, neopredelennost', izmenenie]. *CINETICLE.* Available at: https://cineticle.com/experimental-documentary/#6-6 (accessed on April 22, 2024) (in Russian).

Epstein M.N. Paradoxes of novelty: On the literary development of the 19th-20th centuries [Paradoksy novizny: O literaturnom razvitii XIX-XX vekov]. Moscow: Soviet writer, 1988. 416 p. (in Russian).

Bernstein P. What is a Video Essay? Creators Grapple with a Definition. *FilmMaker*. Available at: https://filmmakermagazine.com/98248-what-is-a-video-essay-creators-grapple-with-a-definition/ (accessed on April 22, 2024) (in English).

Eco U. Towards a Semiotic Inquiry into the Television Message. *Working Papers in Cultural Studies.* 1972. No 2. P. 103–121 Available at: http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/eco.htm (accessed on April 22, 2024) (in English).

Ян Сюе

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-77-89

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИН В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Ключевые слова: *гендер; гендерная роль; гендерный стереотип; русские паремии.*

В статье говорится о гендерных стереотипах в русских пословицах и поговорках. Гендерные стереотипы являются отражением традиционного патриархального кода лингвокультуры, поскольку основные ценностные парадигмы формировались в обществе на протяжении столетий.

В русских паремиях остались исчезающие представления о роли женщины и мужчины в обществе; они хранят историю изменившихся (или оставшихся) к настоящему времени мировоззренческих стереотипов гендерного поведения. Гендерные представления о мужчинах и женщинах в паремиологии показывают, как на протяжении столетий формировались стереотипы.

Гендерные роли женщин в русских паремиях включают роль женщины в семье (жена, свекровь, теща, дочь, мать, внучка, тетка, золовка, невестка и пр.); роль женщины в соответствии с социальным статусом (вдова, незамужняя девица, сваха и пр.); роль женщины в соответствии с родственными и социальными связями (сватья, кума и пр.). Все это показывает, что женщины находились в зависимом положении. Их жизнь строилась в соответствии с патриархальной моделью семьи и брака, в которой полностью доминировали мужчины, что объясняется исторически сложившимся типом социальных отношений.

Паремиологический фонд любого языка отражает универсальные и уникальные категории языковой картины мира этноса. В.М. Мокиенко в работе «Русские пословицы в школе. Опыт учебной лексикографии» писал: «Информация, заключенная в пословицах, как правило, имеет двойную направленность. С одной стороны, пословицы – это назидания, афоризмы, краткие рекомендации на различные случаи жизни. Вот почему многие сборники пословиц построены именно по тематическим циклам, подсказывающим “сюжет” таких назиданий, – пословицы о Труде, Лени, Пьянстве, Учении, Храбрости, Трусости, Красноречии и т.п. С другой стороны, пословицы – это хранилища прошлого уклада жизни, истории, культуры, слепки исчезнувших теперь образов и представлений» [Мокиенко, 2015, *103*].

В русской паремиологии большой пласт пословиц и поговорок репрезентирует гендерные отношения в диахронии, в них остались исчезающие представления о роли женщины и мужчины в обществе; они, действительно, хранят историю изменившихся (или оставшихся) к настоящему времени мировоззренческих стереотипов гендерного поведения. Гендерные представления о мужчинах и женщинах в паремиологии показывают, как на протяжении столетий формировались стереотипы.

Согласно признанной концепции А.В. Кирилиной, гендером следует считать «одну из существенных характеристик личности, которая на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на ее осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума» [Кирилина, 1999, *б*].

В «Словаре гендерных терминов» указывается: «Стереотипы складываются из устойчивых представлений, восходящих к заповедям мировых религий, фольклорным представлениям и национальному опыту. В то же время стереотипы имеют свойство меняться с ходом времени. Не в последнюю очередь это относится к гендерным стереотипам – представлениям о “хороших” и “плохих” женщинах и мужчинах и взаимоотношении их ролей в том или ином обществе» [Словарь гендерных терминов, 2002]. Гендерным стереотипом вслед за Кирилиной считаем «культурно и социально обусловленные мнения о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке. Гендерная стереотипизация фиксируется в языке, тесно связана с выражением оценки и влияет на формирование ожиданий от представителей того или другого пола определенного типа поведения» [Словарь гендерных терминов, 2002].

А.В. Кирилина в «Словаре гендерных терминов» также справедливо отмечает, что гендерных стереотипов множество, они изменяются во времени, но очень медленно. Самые устойчивые гендерные стереотипы характеризуют так называемую «наивную картину мира», репрезентируя традиционный патриархальный взгляд на мир в русском языковом сознании. Отметим, что подобные стереотипы патриархальных представлений фиксируются и в китайском языке.

Русская паремиология вербализует стереотипные гендерные отношения посредством употребления ключевых слов, называющих женщин и мужчин. Следует указать, что ключевыми словами вслед за Е.А. Земской мы считаем «слова, обозначающие явления и понятия, находящиеся в фокусе социального внимания. К ключевым словам нашей эпохи относятся и высокочастотные имена собственные, и имена нарицательные» [Земская, 2000, *92*].

Женщина представлена в пословицах частотными ключевыми словами: *баба (бабенка, бабешка)* (свыше 300 единиц в «Словаре русских пословиц» В.И. Даля), *жена (женка)* (свыше 200 единиц), *мать (мама, мамка,*

матка) (около 150 единиц), *дочь* (свыше 80 единиц), *теща* (около 20 единиц), *свекровь* (свыше 20 единиц), *девица, девушка (девка)* (около 100 единиц), *невеста* (около 40 единиц), *невестка* (около 15 единиц), *золовка* (8 единиц), *бабка* (около 20 единиц), *тетка (тетушка)* (около 20 единиц), *внучка* (4 единицы), *старуха* (15 единиц), *барыня* (9 единиц), *бабушка* (35 единиц), *сватья* (2 единицы), *сваха* (25 единиц), *молодка (молодуха, молодая* в значении *молодая жена)* (10 единиц), *мачеха* (18 единиц), *вдова (вдовица)* (30 единиц), *кума* (свыше 70 единиц) – в соответствии со своей социальной ролью.

В «Большом словаре русских пословиц» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010] словник шире, однако тенденции частотности ключевых слов (и, соответственно, количество пословиц), именующих женщин, такие же. На первом месте пословицы с ключевым словом *баба*, далее – *жена* и т.д.

При этом следует указать, что все гендерные роли женщин в русских паремиях можно разделить на несколько групп:

1) роль женщины в семье (жена, свекровь, теща, дочь, мать, внучка, тетка, золовка, невестка и пр.);

2) роль женщины в соответствии с социальным статусом (вдова, незамужняя девица, сваха и пр.);

3) роль женщины в соответствии с родственными связями (сватья, кума, барыня).

Наиболее частотными в русской паремиологической системе являются пословицы и поговорки с ключевым словом *баба*. При этом в пословицах, поговорках и даже загадках и приметах в «Словаре русских пословиц» В.И. Даля [Даль, 2009] ключевое слово *баба* многозначно: это может быть указание на женский пол, может быть указание на замужний статус женщины.

Паремиологический корпус русского языка демонстрирует амбивалентное отношение к женщине в русской языковой картине мира, репрезентируя отрицательное отношение к женщине и положительную ее оценку.

Негативные характеристики женщины часто касаются ее недалекого ума, сварливости, болтливости, хитрости

В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко:

У бабы волосы долги, а ум короток.

***Баба** что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит.*

*Где **баба**, там рынок; где две, там базар.*

*Гусь да **баба** – торг; два гуся, две бабы – ярмарка* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Есть в русской паремиологии и довольно оскорбительные для женщин пословицы и поговорки:

Рак не рыба, кожан не птица, ***баба*** *не человек.*

Курица не птица, а ***баба*** *не человек.*

Кобыла не лошадь, ***баба*** *не человек* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Зачастую женщины (бабы) в русской паремиологической картине мира связываются с нечистой силой, с чем-то приносящим зло.

Баба *бредит, да черт ей верит.*

Вольна ***баба*** *в языке, а черт в бабьем кадыке.*

Баба *да бес – один у (в) них вес.*

Баба болтает – черт ее толкает.

Баба и бесу уши объела [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В патриархальной картине мира женщины воспринимаются как забава для мужчины, как нечто не очень ценное.

Табак да баня, кабак да ***баба*** *– одна забава*

Трубка да ***баба*** *первa забава (а винцо радость).*

Сон да ***баба****, кабак да баня – одна забава.*

Табак да баня, кабак да ***баба*** *– только и надо* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В целом, при анализе группы пословиц и поговорок из «Словаря русских пословиц» В.И. Даля и «Большого словаря русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко с ключевым словом *баба* следует указать, что количество паремий с отрицательным компонентом значения превалирует; негативные характеристики женщин (баб) в паремиологической картине мира русского народа являются более частотными.

З.В. Черкесова в статье «Эволюция концепта женщина в русской паремиологии и фразеологии» справедливо отмечает: «…в русской паремиологии имеет место андроцентричный (в большинстве случаев отрицательно коннотированный) взгляд на образ женщины и наличие женского сознания, мышления» [Черкесова, 2017].

Однако при этом следует отметить, что среди паремий с ключевым словом *баба* значительное количество описывает положительные характеристики женщин, показывая, что без них жизнь традиционного патриархального уклада невозможна. Когда женщина хорошая хозяйка, помощница мужу, то в доме достаток и спокойствие.

Красна баба с покоем, а коровушка с удоем.

Баба – свет, мужик – солнышко.

Распроворилась баба, как нужда настала! [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Довольно большое количество паремий, как ни удивительно, посвящено особому складу ума женщин (хитрости в хорошем понимании).

Баба похотит – всему пособит.

Баба пока с печки слезает, семь раз мужика проведет [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Не забыто и женское терпение:

Русская баба все сдолит [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В ряде паремий женщина признается как некоторая ценность, с которой приходится считаться мужчине в семье.

Баба не горшок: берестой не повьешь.

Баба не лапоть – с ноги не пнешь.

Баба не рукавица – с руки не соймешь, за пояс не заткнешь.

Баба не стенка – не передвинешь [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Вариант этой пословицы даже употребил А.С. Пушкин в «Сказке о царе Салтане»:

Но жена не рукавица,
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.

В целом, при анализе русских паремий с ключевым словом *баба* (женщина) следует согласиться с М.А. Алексеенко: «Негативные стереотипы концепта “женщина” в самых разнообразных подробностях, мелочах и деталях содержатся в многочисленных текстах культовой, художественной и публицистической литературы, фольклорных текстах и малых жанрах, наконец, во фразеологии, паремиологии и словарном составе различных языков» [Алексеенко, 2009, *75*].

Совершенно иные гендерные стереотипы связаны с характеристиками женщины-матери в русской паремиологической системе. Ключевое слово *баба* в русской паремиологии составляет своеобразную антиномию слову *мать*.

Коннотация ключевого слова *мать* в русских паремиях за редким исключением положительная, *мачеха* – отрицательная. Мать всегда любит своих детей, «болеет душой» о них, заботится, наставляет, жалеет, оберегает их. Без матери детям плохо, тяжело живется.

Приведем ряд примеров из «Большого словаря русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко:

Любая матка за дитятко глаза выдерет.

Грозила матка сыну ножом, а на ноже-то блин большой, а пасынку блинок дает, да ножиком сует.

Мать высоко замахивается, да не больно бьет, мачеха низко замахивается, да больно бьет.

У кого есть матка, так и головушка гладка.

Без матки пропадут и детки [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Русские паремии утверждают, что мать нужно почитать, слушать, не обижать. Мать – воплощение всего доброго и светлого в жизни человека.

В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко содержатся следующие примеры:

Без матушки родной и цветы не цветно цветут.

Аще кто матери не послушает, в беду впадает.

Лучше матери друга не сыщешь.

Кто обидит мать, тому счастья никогда не видать [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В некоторых половицах все же указывается, что матерью становится та женщина, которая вспоила, вскормила ребенка, выходила его.

Не та мать, которая родила, а та, которая вспоила-вскормила [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В ряде пословиц осуждаются неблагодарные дети (и сыновья, и дочери).

Мать сына кормит – сохнет, а он по ней не охнет.

Больше одна мать заботится о семерых детях, чем семь детей об одной матери.

Матка по дочке плачет, а дочка по доске скачет [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Образ матери в русских паремиях зачастую отождествляется с образом Родины. И то и другое свято:

Кто изменил матери, тот изменит Родине.

Мы у матушки России детки, она наша матка – ее и сосем [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В корпусе русских паремий частотны пословицы и поговорки с ключевым словом *жена*. Гендерные стереотипы социальной роли *жены* разнообразны. Как и в случае с пословицами с ключевым словом *баба*, паремии с ключевым словом *жена* чаще имеют негативную коннотацию. Жены сварливы, болтливы, плохие хозяйки, обманывают мужа, даже хотят его смерти и пр.

Муж печется, как бы хлеба добыть, а жена мыслит, как бы мужа избыть.

На мужа беда, а жена веселится.

С болтливой женой горя не оберешься

Жена льстит – лихо мыслит.

Жена мужа любила, в тюрьме место купила: вот тебе муженек, подворьище, живи да не тужи, жену помяни [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В русской паремиологии большое количество пословиц и поговорок о *злой жене. Злая жена* скорее символизирует отрицательные качества женщины; это не черта характера, а обобщенная характеристика недоброй, жестокой женщины, относящийся к другим людям без сострадания и милосердия.

Добра жена – венец мужу своему и безпечалие; а зла жена – лютая печаль, истощение дому.

Добрая жена дом сбережет, а плохая (худая, злая) – рукавом разнесет (растрясет) [Даль, 2009].

И в то же время в русских паремиях утверждается, что жить без жены невозможно, жена – душа семьи, она многое может решить, она помощница мужу.

Муж – глава, а жена – душа.

Муж говорит: Я – глава. А жена: А я шея, куда хочу, туда головушку верчу.

Холостому помогай Боже, а женатому жена поможет.

Умная жена как нищему сума: все сбережет [Даль, 2009].

Идеалом патриархальной жизни является достаток в доме и хорошая жена:

Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи [Большой словарь русских пословиц, 2010].

И в то же время жена в русской традиционной этнокультуре должна подчиняться мужу, терпеть побои (что представляется нормой), жена не должна болеть.

Больная жена мужу не мила.

У мужа жена всегда виновата.

Жена – пазушная змея.

Дважды жена бывает мила: [как] в избу введут да вон из семьи понесут.

Жену бей, так и щи вкусней [Даль, 2009].

Русские паремии, констатируя неравенство мужчин и женщин, подчиненное положение жены, утверждают, что мужу (мужчине) многое можно, в то время как жена, по сути, никаких прав не имеет. Только мужем жена может гордиться, даже плохой муж все равно опора для жены.

Муж согрешит, за порогом осталось, жена согрешит, домой принесла.

Плохой муж взял да помер, а добрая жена пошла по дворам.

У добра мужа злая жена на добро есть.

У хорошего мужа и дура жена – умница [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В русских паремиях обращается внимание и на внешность жены, но это не главное, гораздо важнее ум жены, ее доброта и верность.

Не тот счастлив, у кого много добра, а тот, у кого жена верна.

На хорошую жену глядеть хорошо, а с умной – жить хорошо.

Жена мила пусть бы не доила, лишь бы (чтобы) по двору ходила [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В целом, для хорошей жены в русской паремиологической картине мира центром жизни является муж, все силы и положительные качества направлены исключительно на мужа (при этом муж не обязательно должен

быть хорошим!). Все отношения с внешним миром для жены паремии не обсуждают (за исключением тех случаев, когда плохая жена желает зла мужу).

Жена мужа любила, в тюрьме место купила [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Гендерная роль жены чрезвычайно сложна. Противоречия в характеристике *жены* – типичная черта русской паремиологии, да и в целом русского фольклора. Патриархальный уклад жизни русского крестьянства требовал безусловного подчинения жены мужу и в целом – подчинения женщины мужчине. Единственное предназначение женщины – замужество; судьба девушек, не вышедших замуж, и судьба вдов в русской паремиологии показана как трагичная. К девушкам, не вышедшим замуж, относились с некоторой долей презрения.

Кто вдову изобидит, того Бог ненавидит.

У бедной вдовы ни дров, ни воды.

Вдовицу Бог бережет, а люди не берегут.

Старая девка – семейная язва [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

*Горох да репа в поле – **вдова** да девка в людях* [Даль, 2009].

Русские паремии вполне реалистично характеризуют женские гендерные роли, участь женщины выглядит трагично:

В девках приторно, за мужем натужно, а во вдовьей чреде что по горло в воде [Даль, 2009].

Русская паремиология показывает положительно единственную часть жизни женщины – девичество до замужества, когда девушка живет в доме родителей, не знает тяжелого труда и плохого отношения со стороны родственников. В это время девушка имеет определенную свободу, может веселиться.

Девки говорят: нам своя воля гулять; молодки говорят: нам мужья не велят [Даль, 2009].

В пословицах содержатся предостережения девушкам: не торопиться замуж, потому что роль жены обычно не приносит большого счастья.

Не торопись, девка, замуж: хорошо – наживешься, а худо – наплачешься.

Девками живут – все замуж пехаются, а замуж наживут – да каются.

Покрасуйся, девушка, до святой воли батюшкиной [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Обычно в русских паремиях подчеркивается привлекательность девушек, их трудолюбие, веселость, добрый нрав. О девушке не принято говорить плохо, чтобы не помешать ей выйти замуж.

Кто девицу расхулит, того Богородица и рассудит [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В ряде паремий иронично замечается, что все девушки хороши и красивы, но когда они выходят замуж, то все изменяется:

Девушка красна до замужества.

Девок худых не слыхано, а баб хороших не видано.

Все девушки хороши – откуда же тогда злые жены берутся?

Хороши девушки, хороши красны! А худые женушки откудова берутся? [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Русская паремиологическая картина мира репрезентирует особую гендерную роль женщины – *кума*.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля присутствует словарная статья КУМ (КУМА):

«**КУМ** м. кума ж. стар. кмотр и куепетра, восприемник, -ница, крестный отец и мать; состоящие в духовном родстве, вообще; но крестнику своему восприемники не кум и кума, а только между собою, и относительно родителей и родичей его» [Толковый словарь].

То есть в православном христианстве существовала и существует традиция, по которой при таинстве крещения ребенка в церкви у него должны быть так называемые восприемники – крестные отец и мать, которые держат ребенка на руках во время обряда и берут на себя ответственность за его духовное воспитание; они обязаны помогать крестнику и морально, и материально.

Добрая кума прибавит ума.

Кума да кум наставят на ум [Даль, 2009].

То есть *кума* – это именование женщины, крестной матери ребенка; кумой она является только по отношению к родителям ребенка и крестному отцу – куму.

Кумовство считалось важной частью жизни любой семьи; кума и куму родители ребенка тщательно выбирали. Не все соглашались выступать в роли крестных родителей, то есть быть кумом и кумой.

Кум и кума поздравляли крестника с праздниками, дарили подарки, дружили с семьей ребенка.

Кума в русских паремиях предстает как веселая женщина, которая не откажется выпить вина (обычно кум и кума встречались на праздниках), помочь кумовьям, повеселиться и поплясать.

Не пей, кума, дарового вина (дороже купленного обойдется).

Пей, кума, да не пропей ума!

Эй, кума, сойди с ума: купи вина!

*Шалишь, **кума**, не с той ноги плясать пошла.*

*Испила **кума** бражки, да и хватилась рубашки* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

То есть в тех случаях, когда женщина представала в роли *кумы*, отношение к ней было снисходительным, ей позволялось и вина выпить, и повеселиться, и в гости сходить к кумовьям.

В русской паремиологии множество пословиц, в которых говорится о женской глупости, об отсутствии ума. В ряде пословиц о *куме* идет речь и о ее глупости или, наоборот, о ее уме. То есть, как и во многих паремиях, касающихся гендерных ролей женщины, наблюдается амбивалентность – *кума* глупая, *кума* мудрая:

Кумушка, ***кума****, купи себе ума – да на свои денежки.*

Ты, ***кума****, про себя умна; а и мы кумились, с умом не простились.*

Ладно, ***кума****, лишь бы правда была!* ***Кума*** *живет догадлива* [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

В русской паремиологии содержится особая группа паремий с ключевым словом *сваха*. Эта гендерная роль была исключительно у женщин.

«Сваха – женщина, постоянно занимающаяся сватовством, устройством браков» [Словарь русского языка, 1999].

Социальная гендерная роль свахи была почетной в дореволюционной России. Свахи устраивали браки, занимались сговором женихов и невест, к свахам обращались родители и женихов, и невест, которые хотели устроить своим детям выгодный брак. От свахи, по сути, зависела участь молодых людей, которые ни разу не видели друг друга, она решала, кого знакомить, к кому «идти в сваты» с предложением о браке, нахваливала женихов и невест. Свахи получали денежное вознаграждение за свои услуги. Это одна из своеобразных «профессий» женщин, которая могла прокормить всю семью.

В «Большом словаре русских пословиц» под редакцией В.М. Мокиенко зафиксировано около двух десятков пословиц с ключевым словом *сваха*. Как и в большей части паремий о женщинах, сваху и хвалят, и ругают, говорят о ее вранье, но признают ее важность.

Сваха врет по должности, а люди – по обычаю.

Сваха чужие грехи на душу принимает (берет).

Без нашей свахи и девка (девке) не заневестится.

Никто лучше свахи не соврет [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Следует указать, что сваха в русских паремиях уличается во вранье, но при этом указывается, что ответственность за решение о дальнейшей жизни невест и женихов несет не она.

У нашей свахи так: хожено, так слажено, а расхлебывайте сами [Мокиенко, Никитина, Николаева, 2010].

Подводя итоги исследования, нужно отметить, что гендерные роли женщин в русских паремиях: роль женщины в семье (жена, свекровь, теща, дочь, мать, внучка, тетка, золовка, невестка и пр.); роль женщины в соответствии с социальным статусом (вдова, незамужняя девица, сваха и пр.); роль

женщины в соответствии с родственными и социальными связями (сватья, кума и пр.) – показывают, что женщины находились в зависимом положении. Вся их жизнь строилась в соответствии с патриархальной моделью семьи и брака, в которой полностью доминировали мужчины, что объясняется исторически сложившимся типом социальных отношений.

Бабе дорога – от печи до порога [Даль, 2009].

«Гендерная роль женщины… связана с более низким социальным статусом по сравнению с мужчиной… в русской пословичной картине мира женщина и ее роль хозяйки дома оценивается чаще положительно и связана с любовью и заботой о членах семьи», – справедливо утверждается в статье «Метафоры в пословицах с гендерным компонентом и образ женщины в русских и английских паремиях» [Абакумова, Кирюхина, 2021, *189–190*].

В русских паремиях гендерные стереотипы репрезентируют традиционную ценностную парадигму русской этнокультуры (ценность женщины как матери, как хозяйки дома, помощницы мужу).

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова О.Б., Кирюхина Н.В. Метафоры в пословицах с гендерным компонентом и образ женщины в русских и английских паремиях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 186–190.

Алексеенко М.А. Концепт «женщина» в русской диалектной речи // Variettenim Slavischen Varietätenim Slavischen. Субстандартные варианты славянских языков. Избранные статьи / ред. А. Бирих. Heidelberger Pudlikationen zur Slavistik A. Linguistische Reihe Band 17, Alexander Bierich (Hrsg.), Peter Lang. Internationaler Verlag derWissenschaften. Frankfurkt am Main, 2009. S. 59–75.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц: около 70 000 пословиц. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1023 с.

Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник. 4-е изд., стер. М.: Русский яз. Медиа, 2009. 814 с. URL: https://vdahl.ru/ (дата обращения: 23.12.2023).

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. 473 с.

Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты: монография: М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.

Мокиенко В.М. Русские пословицы в школе (опыт учебной лексикографии) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-1. С. 101–104.

Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. М.: Информ. XXI в., 2002. 255 с. URL: http://www.owl.ru/gender/043.htm (дата обращения: 20.12.2023).

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. URL: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma403831.htm?cmd=0&istext=1 (дата обращения: 20.12.2023).

Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля. URL: https://az-byka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-k/1960 (дата обращения: 20.12.2023).

Черкесова З.В. Эволюция концепта женщина в русской паремиологии и фразеологии // Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values. 2017. Vol. 9, No. 3. URL: http://soc-journal.ru (дата обращения: 22.12.2023).

Yang Xue
Postgraduate Student,
Chair of Foreign Languages,
RUDN University
Moscow, Russia

Gender Roles of Women in Russian Parodies

The article talks about gender stereotypes in Russian proverbs and sayings. Gender stereotypes are a reflection of the traditional patriarchal code of linguistic culture, since the main value paradigms have been formed in society for centuries.

Russian paroemias reflect gender relations, they still contain disappearing ideas about the role of women and men in society; they preserve the history of changed (or remaining) worldview stereotypes of gender behavior. Gender representations of men and women in paremiology show how stereotypes have been formed over the centuries.

Gender roles of women in Russian parodies: the role of a woman in the family (wife, mother-in-law, mother-in-law, daughter, mother-granddaughter, aunt, sister-in-law, daughter-in-law, etc.); the role of a woman in accordance with social status (widow, unmarried maiden, matchmaker, etc.); the role of a woman in accordance with family and social ties (matchmaking, godmother, etc.) shows that women were in a dependent position. Their whole life was built in relation to the patriarchal model of family and marriage, which was completely dominated by men, which is explained by the historically established type of social relations.

Keywords*: gender; gender role; gender stereotype; Russian proverbs.*

REFERENCES

Abakumova O.B., Kiryukhina N.V. Metaphors in proverbs with a gender component and the image of a woman in Russian and English parodies [Metafory v poslovicah s gendernymkomponentomiobrazzhenshhiny v russkihianglijskihparemijah]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*. 2021. No 4. P. 186–190 (in Russian).

Alekseenko M.A. The concept of «woman» in Russian dialect speech [Koncept «zhenshhina» v russkoj dialektnoj rechi]. *Variettenim Slavischen Varietätenim Slavischen. Sub-standard variants of Slavic languages. Selected articles.* Edied by Alexander Birich. Heidelberger Pudlikationen zur Slavistik A. LinguistischeReihe Band 17, Alexander Bierich (Hrsg.), Peter Lang. InternationalerVerlag der Wissenschaften, Frankfurkt am Main, 2009. P. 59–75 (in Russian).

A large dictionary of Russian proverbs: about 70,000 proverbs [Bol'shojslovar' russkihposlovic: okolo 70000 poslovic]. Compiled by V.M. Mokienko, T.G. Nikitina, E.K. Nikolaeva. Moscow: OLMA Media Group, 2010. 1023 p. (in Russian).

Dahl V.I. Proverbs of the Russian people: collection in two volumes. Vol 1. Dahl. [Poslovicyrusskogonaroda: sbornik v dvuch tomah tom 1 V.I. Dalja]. The 4th edition. Moscow: The Russian language. Media, 2009. 814 p. Available at: https://vdahl.ru/ (accessed on December 23, 2024) (in Russian).

Zemskaya E.A. Active processes of modern word production. The Russian language of the end of the XX century (1985–1995) [Aktivnyeprocessysovremennogoslovoproizvodstva. Russkij jazyk konca XX stoletija (1985–1995)]. The 2nd edition. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. 473 p. (in Russian).

Kirilina A.V. Gender: Linguistic aspects. Monograph: [Gender: Lingvisticheskieaspekty. Monografija:] Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1999. 189 p. (in Russian).

Mokienko V.M. Russian proverbs at school (experience of educational lexicography). [Russkieposlovicy v shkole (opytuchebnojleksikografii)]. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2015. No 1−1. P.101−104 (in Russian).

Dictionary of gender terms [Slovar' gendernyhterminov]. Edited by A.A. Denisova. Moscow: Inform. XXI century, 2002. 255 p. Available at: http://www.owl.ru/gender/043.htm (accessed on December 20, 2023) (in Russian).

Dictionary of the Russian language: in 4 volumes [Slovar' russkogojazyka: v 4-h t.]. Edited by A.P. Evgenieva. The 4th edition, stereotyped. Moscow: Rus. yaz.; Polygraph Resources, 1999. Available at: http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/18/ma403831.htm?cmd=0&istext=1 (accessed on December 12, 2023) (in Russian).

Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language of V.I. Dal [Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka V.I. Dalya]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/tolkovyj-slovar-zhivogo-velikorusskogo-jazyka-v-i-dalja-bukva-k/1960 (accessed on December 20, 2023) (in Russian).

Cherkesova Z.V. Evolution of the concept of woman in Russian paremiology and phraseology [Jevoljucija koncepta zhenshhina v russkoj paremiologii i frazeologii]. *Society of Russia: historical space, linguistic structures and philosophical values.* 2017. Vol. 9. No 3. Available at: http://soc-journal.ru (accessed on December 12, 2023) (in Russian).

М.Г. Искендеров

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия

УДК 811.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-89-101

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ ДОМИНАНТ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ. ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: *гендер; гендерная лингвистика; гендерные доминанты; гендерные стереотипы.*

В статье говорится о гендерных доминантах в русском языке. В российском языкознании проблема изучения гендера становится особенно актуальной в начале XXI века, хотя исследования особенностей и различий в речи мужчин и женщин проводились на протяжении всего XX века. Гендерные исследования дают возможность проанализировать язык с учетом многофакторного влияния пола, при этом бинарная оппозиция «мужское / женское», «маскулинное / феминное» во многом репрезентирует ценностные ориентиры любого этноса. В современном обществе языковые гендерные доминанты связаны с активизацией феминистского движения во всем мире, а также с распространением по-разному трактуемых либеральных взглядов. В целом феминность и маскулинность как часть современной

лингвокультуры связаны с сущностной характеристикой индивида и определяются качествами, считающимися в русской этнокультуре «женскими» или «мужскими». Именно поэтому в современном русском языке активно пополняется фразеосемантическая группа феминной и маскулинной лексики. Однако в целом можно утверждать, что в русской лингвокультуре репрезентируются прежде всего гендерные доминанты, сохранившиеся с древнейших времен, в основе которых лежат бинарные оппозиции «мать / отец», «мужчина / женщина».

Изучение гендера в российской лингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии началось сравнительно недавно, однако исследования, посвященные анализу наименований лиц женского и мужского пола, взаимоотношений между полами, весьма многочисленны [Крючкова, 1975; Китайгородская, 1976; Гак, 1977; Моисеев, 1985; Кронгауз, 1996; Стернин, 2003 и пр.].

А.В. Кирилина в монографии «Гендер: Лингвистические аспекты» указывает, что само понятие gender «вошло в лингвистическую терминологию» довольно поздно, при этом «в языкознании не всегда четко разграничиваются категории genus, sexus и gender, что объясняется исторической спецификой исследования проблем пола в языке» [Кирилина, 1999а, *20*].

Гендером вслед за А.В. Кирилиной мы называем природный пол человека и его социальную репрезентацию в языке, что является «одной из существенных характеристик личности и на протяжении всей ее жизни определенным образом влияет на ее осознание своей идентичности, а также на идентификацию говорящего субъекта другими членами социума» [Кирилина, 1999а, *6*].

А.В. Кирилиной принадлежит ряд работ, в которых проанализирована и систематизирована история гендерных исследований в России и мире, а также предложена методика гендерных исследований [Кирилина, 1999б, *46–53*; 1999в, *70–73*; 1999г, *37–38* и пр.].

На современном этапе развития российской лингвокультурологии исследование гендерной проблематики стало всеобъемлющим. Среди важнейших работ отметим следующие: «Гендер как интрига познания» И.И. Халеевой [Халеева, 2000, *9–18*], «Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия» А.В. Кирилиной [Кирилина, 2021, *109–147*], «Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка» М.В. Гаранович [Гаранович, 2019, *897–903*], «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации» Г.Е. Крейдлина [Крейдлин, 2005], «Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе» О.Ю. Черных [Черных, 2012] и пр.

В ряду работ, значимых для лингвистических исследований гендера, особый интерес представляет «Словарь гендерных терминов» под редакцией А.А. Денисова [Словарь гендерных терминов, 2002], однако данный словарь не относится к лингвистическим. В нем приводятся и толкуются

важные гендерные понятия, такие как *гендер в лингвистике, гендер в социологии, дамский роман, домашнее насилие* и пр. Дефиниции даются с точки зрения психологии, психолингвистики, социологии.

Анализируя гендерную дихотомию в русском языке, мы также учитываем лингвистическую концепцию гендера Н.Л. Пушкаревой, которая определяет гендер как «комплексное переплетение отношений и процессов и в то же время как фундаментальную составляющую отношений социальных, укорененную в культуре, содержащую элементы устойчивости и изменчивости, представляющую одну из основ стратификации общества по признаку пола и рассматриваемую в неразрывной связи с его биологическими функциями… В конечном счете гендер как переплетение отношений и процессов может быть и социальным и психологическим конструктом. Гендерный подход к исследованию – это учет многовариантного влияния фактора пола» [Пушкарева, 1999, *22*].

Именно «многовариантное влияние пола» определяет гендерные стереотипы и доминанты в социокультуре народа. Бинарная оппозиция «мужское / женское», «маскулинное / феминное» во многом репрезентирует ценностные ориентиры любого этноса. Языковая репрезентация базовых ценностей народа позволяет описать ценностные доминанты в рамках аксиологии.

В любом языке ярким отражением лингвокультурных доминант становится лексический состав. В нем отражены все социальные изменения общества с древнейших времен. Так, в русском языке одним из самых древних является семантическое поле *родства*, в состав которого включены естественные антиномии: мать / отец, брат / сестра, муж / жена, дед / бабка, свекровь / свекор и пр. Показательны контексты лексических единиц данного поля. Мужской взгляд на мир преобладает в русской языковой картине мира. Мужчина-отец воспринимается как основа мироустройства. В текстах древнерусской литературы, например в «Поучении чадам своим» Владимира Мономаха, адресатами являются исключительно сыновья, им адресованы слова: «Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею», а о женщинах сказано лишь: «с непутевыми женщинами не беседовать и избегать их», а также «жену свою любите, но не давайте ей власти над собой». Никаких наставлений женщинам (даже дочерям) не дано. Заботиться о праведной жизни общества и семьи должны исключительно мужчины.

В русском языке, что отражено в древних текстах, «мужская картина мира» являлась преобладающей на протяжении столетий. Однако маскулинное начало языковой картины мира не отрицало важнейшей роли женщины-матери, «доброй жены». Естественная дихотомия мужского и женского начала признавалась в русской социокультуре основой миропорядка.

Так, в «Домострое» XVI века содержится множество наставлений о праведной жизни, адресованных не только мужчинам, отцам, сыновьям, но и женам, матерям, дочерям.

Подобное положение вещей в русской лингвокультуре сохраняется в XVII–XIX веках. Заметим, что лексико-семантическое поле родства и в настоящее время активно в современном русском языке, однако коннотации ряда лексических единиц в нем меняются.

Ценностная парадигма русского народа, отраженная в фольклоре, в литературных текстах, в своей основе сохраняет патриархальный взгляд на мир также на протяжении столетий. Отец, хозяин дома, обладает всей полнотой власти над домочадцами, определяет жизнь семьи. Не случайно главу государства в народе называют *царь-батюшка* и свято верят в его милость. В XVIII веке, во времена так называемого женского правления (Анна Иоанновна, Елизавета Петровна, Екатерина Великая), императриц именовали *государыня-матушка*, таким образом подчеркивалась ценность материнства в народных представлениях о женщинах.

В XVIII–XIX веках социальный статус женщин полностью зависел от главы семьи (мужа или отца), поэтому в русском языке появилось большое количество лексических единиц, именующих женщин в соответствии с их социальным статусом: *попадья, коллежская асессорша, статская советница* и пр. Таким образом в русском языке реализовывалась социальная стратификация. Например, в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» присутствует персонаж – квартирная хозяйка Раскольникова, *коллежская асессорша* госпожа Н.Е. Зарницына, которая была вдовой, но ее социальный статус именовался по социальной Табели о рангах в соответствии со статусом покойного мужа.

В XIX веке социальный статус женщин немного меняется в связи с тем, что появляются свободные женские профессии. В активный запас русского языка активно включаются лексические единицы *учительница, фельдшерица* и пр. Однако гендерная асимметрия маскулинного начала лингвокультуры в именованиях профессий остается преобладающей.

Отметим, что в ряде современных работ по лингвистической гендерологии отмечается, что и на уровне грамматики «женское начало представлено менее отчетливо, чем мужское и нередко занимает в лексико-грамматических структурах иерархически подчиненное по отношению к нему положение, а в ряде случаев содержит в себе уничижительный оттенок. Все это создает определенный психолингвистический эффект, который не всегда очевиден для поверхностных слоев психики, но именно в силу этой неочевидности проникает в более глубокие пласты индивидуального и общественного сознания и, соответственно, кодирует его» [Ермакович, 2015].

Укажем, что, помимо лексики, прямым отражением ценностных доминант лингвокультуры является фразеология.

В конце XX – начале XXI века в русском языкознании появляется большое количество работ, изучающих гендерные стереотипы во фразеологии, паремиологии, прецедентных текстах.

В русскую фразеологию включается значительное количество ФЕ с компонентами *мужчина, женщина, мужик, баба, мать, отец, девка, сестра, вдова, невеста, парень, молодец* и пр. Следует уточнить, что фразеологические единицы с названными компонентами относятся к весьма древним пластам языка.

В русской фразеологии присутствует ряд ФЕ, в которых указание на пол связывается с характеристиками отдельных качеств: *кисейная барышня, базарная баба, мышиный жеребчик, трепать юбки* и пр.

Однако следует отметить, что во фразеологии оппозиция «мужское / женское» касается ФЕ не только с названными компонентами, но и с опосредованным именованием мужчин и женщин с помощью анимализмов, переносное значение которых связано с отдельными характеристиками качеств человека по половому признаку: *куриная голова (о женщине), медвежьи ухватки (медвежья сила), жеребячья порода (презрительно о духовном сословии), заячья душа (можно сказать о человеке и мужского, и женского пола)*.

«У кого *заячья душа*, тот, понятно, и свою тень увидит – без памяти шуганет в кусты» [Национальный корпус русского языка].

Во фразеологизмах зачастую употребляются имена собственные, как мужские, так и женские. М.И. Ковшова справедливо утверждает: «В личных именах находит свое наивное завершение концептуализация этических понятий и типизация характеристик человека» [Ковшова, 2018, *233*]. Антропонимы во фразеологических единицах служат своеобразным выражением культурных установок, касающихся в том числе и гендерных стереотипов. В русской фразеологии антропонимы (мужские и женские имена) могут иметь не только русское происхождение. Ряд ФЕ подобного рода имеет прямое отношение к Библии либо включает в свой состав прецедентные имена инокультур или даже литературных персонажей. Приведем примеры: *тришкин кафтан, филькина грамота, Маланьина свадьба, кондрашка хватил, Евина дочь (дочь Евы), христова невеста, Орлеанская дева, петь Лазаря, кающаяся Магдалина, леди Макбет, Фома неверный (неверующий), печать Каина, Демьянова уха* и пр.

«Анжелика, как истая *дочь Евы*, так увлеклась всеми этими покупками и заказами, что даже забыла об обеденном времени, и Савин еле-еле уговорил ее в восемь часов вечера ехать обедать» [Национальный корпус русского языка]

В большом количестве работ по русской фразеологии констатируется тот факт, что «отрицательно коннотированных ФЕ-номинаций женщины значительно больше, чем положительных. Однако

этот факт следует соотнести не с полом референта, а с общей закономерностью русской фразеосистемы: отрицательно коннотированных единиц в целом больше по всему фразеологическому полю» [Сафронова, Чупрякова, Замалютдинова, 2017, *88*].

Гендерно маркированные фразеологизмы в русском языке отражают традиционный «мужской» взгляд на мироустройство, в котором у женщин положение подчиненное. Фразеологические единицы репрезентируют прежде всего мужское гендерное доминирование, что, впрочем, не исключает констатации особой важности женского материнского начала.

Фразеологическая и паремиологическая картина мира любого языка отражает мировоззренческие доминанты народа в синхронии и диахронии.

В русской паремиологии содержится большое количество пословиц и поговорок, репрезентирующих ценностные ориентиры народа, в том числе и гендерные. В известном словаре «Живого великорусского языка» В.И. Даля, в словаре П.К. Симони «Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетия» [Симони, 1899] содержится большое количество паремий с антиномией *мужчина / женщина, муж / жена, мужик / баба, отец / мать, сын / дочь* и пр. В паремиях отражаются естественные противоречия мужского и женского взгляда на мир с прямой репрезентацией их отрицательных качеств.

Приведем ряд примеров:

***Баба** бредит, да черт ей верит.*
***Баба**, что горшок: что ни влей – все кипит.*
*Кобыла не лошадь, **баба** не человек.*
***Мужик** умен, да мир дурак.*
Мужик что рогатина: как упрется, так и стоит.
Мужик глуп, как свинья, а хитер, как черт.

Во множестве половиц положительно оценивается мир и согласие в семье, когда муж и жена живут дружно:

Муж да жена – одна душа.
Жена да муж – змея да уж.
Муж да жена – одна сатана.
*Три друга: отец, да мать, да верная **жена.***
Где муж, там и жена.

Следует указать, что большая часть пословиц и поговорок активна и в современном русском языке:

«“Муж-то ведь тоже не чей-нибудь, а жены, – подмигнул старший. – *Муж да жена – одна сатана*” ... Когда уносили мою беличью шубу, Ида вырвала ее у бандита из рук: „Не отдам, не отдам!” Отняли» [Национальный корпус русского языка]

Показательно, что в русских пословицах и поговорках с лексемой *мать* практически не встречается отрицательных коннотаций. *Мать* не противопоставляется *отцу* по моральным качествам, *мать* не подвергается критике; *мать* в пословицах является носительницей всего положительного, что присуще женщине. При этом в пословицах указывается, что мать определяет будущее своих детей.

***Мать** праведна – ограда каменна.*
*Отцов много, а **мать** одна* (то есть отца легче заменить).
*Родная **мать** и высоко замахивается, да не больно бьет.*
*Куда **мать**, туда и дитя. Куда матушка, туда и дитятко.*
Нет лучшего дружка, чем родная матушка.

Современное медиапространство включает названные пословицы, но прежде всего в контекстах, которые связаны с образовательным пространством.

В русской паремиологической картине мира отражается и мужская (маскулинная) картина мира, и женская (феминная). Причем количество паремий, отражающих обе картины мира, примерно одинаково. А.Л. Кирилина в монографии «Гендер: Лингвистические аспекты» делает справедливый вывод о том, что «тезис феминистской лингвистики об андроцентричности любого языка, функционирующего в патриархатном или постпатриархатном обществе, на материале русского языка в части его паремиологии подтверждается. Однако “Женский голос” в ней наряду с общечеловеческой перспективой также не является маргинальным и свидетельствует об определенной самостоятельности женщин даже в столь давний период» [Кирилина, 1999а].

В XX веке гендерные стереотипы российского общества, особенно после октября 1917 года, меняются. В статье «Государственное конструирование гендера в советском обществе» Е.А. Здравомысловой и А.А. Темкиной утверждается: «Женский вопрос, сформулированный в отечественном дискурсе в 1860-е годы российскими либералами и революционерами-демократами, в новых условиях был переформулирован большевиками. Женщины были определены как особая категория граждан, имеющая значимые отличия по сравнению с парной категорией – мужчинами. Отличия женщин как рода и пола в дискурсе большевистской власти позиционируются как репродуктивно-биологические и социально-политические. С одной стороны, женщина представлена как “отсталый элемент”, нуждающийся в целенаправленном государственно-политическом воздействии. С другой стороны, женщины рассматриваются как потенциальные матери и строители социалистического общества, в качестве каковых они должны быть мобилизованы пролетарским государством» [Здравомыслова, Темкина, 2003, *304–305*]

Соответственно, в лексическом составе и фразеологической системе возникают новые именования женщин по социальным характеристикам, то есть появляется значительное количество феминитивов. Русский язык постреволюционного периода не демонстрирует такого взрывного роста именований мужчин (за исключением случаев, когда появляются принципиально новые профессии). Приведем в качестве примера феминитивы: *стахановка, льноводка, колхозница, активистка*; данные лексические единицы появились как бинарные к соответствующим номинациям мужчин.

«*Стахановка* Хромова, ткачиха, купила своей дочери пианино». [Национальный корпус русского языка].

Данные словарные единицы фиксировались в словарях. Так, в «Толковом словаре русского языка» в четырех томах под редакцией Д.Н. Ушакова (1935–1940) зафиксированы названные лексические единицы, которые были снабжены пометами нов. (новое слово). Лексемы *орденоноска, делегатка* в 30-е годы были включены в активный запас русского языка, однако позднее были заменены формами мужского рода, что объяснялось стилистической необходимостью. Именования лиц в мужском роде по социальным характеристикам более соответствовали официально-деловому и публицистическому контекстам: *В.А. Фролова – делегат съезда; орденоносец Е.А. Маркова.*

В разговорной речи 50–80-х годов XX века активно употребляются феминитивы: *учительница, лаборантка, секретарша, врачиха, докторша, библиотекарша, кадровичка* и пр., однако их состав пополняется не слишком активно. Подобные лексемы дают характеристику одновременно по профессиональному признаку и гендерной идентичности. Если словарные единицы *учительница, лаборантка, библиотекарша* имеют стертую функциональную и эмоциональную окраску, то слова *кадровичка*, *врачиха, докторша* в зависимости от контекста приобретают даже оттенок пренебрежительности.

«*Врачиха* уронила направление, как отравленное, и, надев резиновую перчатку, взяла его снова и выбежала» [Национальный корпус русского языка].

Активное словообразование в области феминной и маскулинной лексики происходит в конце XX – начале XXI века, в период социальных перемен, спровоцировавших изменения в гендерных доминантах русского этносознания. Так, например, появляются эвфемистические именования-феминитивы: *путана, женщина с низкой социальной ответственностью*, а также именования маскулинного характера: *папик, пацан, бык, мужик* и пр.

«Девушка, ищущая партнера для секса или постоянных отношений, рассматривает прежде всего свою возрастную категорию, а на старших товарищей глядит лишь в том случае, если нужен *папик*» [Национальный корпус русского языка].

В 10-е годы XXI века в России, как и во всем мире, активно развиваются агрессивный феминный и маскулинный дискурсы, которые враждебны по отношению друг к другу. Они являются основой для формирования новых лексических единиц и даже расширяют возможности продуктивных словообразовательных моделей.

Так, например, в современном русском языке в отельных контекстах появляются лексические единицы *актерка, режиссерка, психологиня, авторка, докторка, докториня, филологиня, блогерка* и пр.

Появление подобных феминитивов и агрессивный феминный дискурс вызывают споры в современном обществе, как и проявление агрессивной маскулинности. В сети Интернет есть даже так называемый феминизатор слов [Феминизатор], предлагающий весьма спорные, но возможные варианты лексических единиц.

В современном обществе языковые гендерные доминанты связаны с активизацией феминистского движения во всем мире, а также с распространением по-разному трактуемых либеральных взглядов. В целом феминность и маскулинность как часть современной лингвокультуры связаны с сущностной характеристикой индивида и определяются качествами, считающимися в русской этнокультуре «женскими» или «мужскими». Именно поэтому в современном русском языке активно пополняется фразеосемантическая группа феминной и маскулинной лексики, в основном образуемой по продуктивным словообразовательным моделям. Феминитивы и лексика маскулинного характера репрезентируют представления, взгляды и идеалы современного общества.

Профессор М.А. Кронгауз, размышляя о современной языковой ситуации, указывает: «Политкорректность является большим достижением человечества. Попытки устранить дискриминацию из языка – важная вещь. Но иногда они приводят к его усложнению, тогда как сам он стремится к простоте. Если мы убираем из публичной сферы оскорбительные слова, то это нормально. Другое дело, когда слово, не имеющее негативных ассоциаций, вдруг объявляется плохим. Носители языка этого не чувствуют, но их упрекают в том, что они расисты и националисты. Если человек не использует феминитив “авторка”, то его могут обвинить в сексизме. Но это не так, никаких отрицательных намерений у человека нет. <…> Опасность состоит не в том, что появляется новое слово, а в том, что влияние на язык усложняет, ухудшает наше общение. Тотальное введение феминитивов приведет к тому, что мы потеряем общее название вида деятельности. Язык лучше, чем идеологи, угадывает то, что нам нужно» [Худякова].

Разделяя точку зрения М.А. Кронгауза, укажем, что современная языковая ситуация, отражая определенный этап развития общества, репрезентирует прежде всего гендерные доминанты, сохранившиеся в русской лингвокультуре с древнейших времен, в основе которых лежат бинарные оппозиции

мать / отец, мужчина / женщина. Однако динамика развития лексической системы на данном этапе демонстрирует и появление иных гендерных доминант, отражением которых являются феминитивы и маскулинная лексика.

ЛИТЕРАТУРА

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 230–285.

Гаранович М.В. Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 897–903.

Ермакович С.П. Гендерные исследования в российском языкознании // Слово.Ру: Балтийский акцент. 2015. Т.6, № 4. С. 33–38.

Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1(3–4). С. 299–321.

Кирилина А.В. Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия // Вопросы психолингвистики. 2021. № 3(49). С. 109–147.

Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты: монография: М.: Ин-т социологии РАН, 1999а. 189 с.

Кирилина А.В. Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999б. С. 46–53.

Кирилина А.В. Русская фразеология с точки зрения гендерной лингвистики // Гендерные отношения в России: история современное состояние, перспективы: материалы международной научной конференции. Иваново, 1999в. С. 70–73.

Кирилина А.В. Символика мужественности и женственности в личных именах // Филология и культура: тезисы II Международной конференции. Тамбов, 1999г. С. 37–38.

Китайгородская М.В. Вариативность в выражении рода существительных при обозначении женщин по профессии // Социально-лингвистические исследования / под ред. Л.П. Крысина, Д.Н. Шмелева. М.: Наука, 1976. С. 144–155.

Ковшова М.Л. Личное имя в русском паремиологическом дискурсе: опыт дискурсивного анализа // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XX1 веке: материалы междунар. науч. конф. Тула: ТГПО, 2018. С. 227–240.

Крейдлин Г.Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

Кронгауз М.А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М.: Индрик, 1996. С. 510–525.

Крючкова Т.Б. Некоторые экспериментальные исследования особенности использования русского языка мужчинами и женщинами // Проблемы психолингвистики / под ред. Ю.А. Сорокина и А.М. Шахнаровича. М.: Институт языкознания, 1975. С. 186–199.

Моисеев А.И. Наименование лиц по профессии в современном русском языке (структурно-семантическая характеристика): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Л., 1968. 27 с.

Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru/ (дата обращения: 30.10.2023).

Пушкарева Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // Женщина. Гендер. Культура. М.: РЛШГИ, 1999. С. 15–34.

Сафронова С.С., Чупрякова О.А., Замалютдинова Э.Р. Наименование женщин в русской фразеосистеме // Филология и культура. 2017. № 4(50). С. 84–89.

Симони П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII–XIX столетия. Вып. I. СПб.: Издание отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук, 1899. 1191 с.

Словарь гендерных терминов / ред. А.А. Денисова. М.: Информ. XXI в., 2002. 255 с.

Стернин И.А. Общение с мужчинами, женщинами, в семье. 2–8-е изд., испр. Воронеж: Истоки, 2003–2012. 59 с.

Феминизатор слов. URL: https://feminitives.ru/ (дата обращения: 31.10.2023).

Халеева И.И. Гендер как интрига познания: сб. статей / сост. А.В. Кирилина. М.: Рудомино, 2000. С. 9–18.

Худякова Т. Язык угадывает то, что нам нужно»: лингвист Максим Кронгауз – о жаргонах, феминитивах и раздражающих словах. URL: https://russian.rt.com/science/article/634267-yazyk-internet-sotssety-feminizmy (дата обращения: 31.10.2023).

Черных О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 182 с.

M.G. Iskenderov
Postgraduate Student,
Chair of Foreign Languages,
RUDN University
Moscow, Russia

Representation of Gender Dominants in the Russian Language. Diachronic Aspect

The article speaks about gender dominants in the Russian language. In Russian linguistics the problem of studying gender becomes especially relevant in the beginning of the 21st century, although the studies of peculiarities and differences in the speech of men and women were conducted throughout the 20th century. Gender studies make it possible to analyze language taking into account the multifactorial influence of gender, with the binary opposition «male / female», «masculine / feminine» largely representing the value orientations of any ethnos. In modern society, linguistic gender dominants are associated with the activation of the feminist movement around the world, as well as with the spread of variously interpreted liberal views. In general, femininity and masculinity as part of modern linguoculture are related to the essential characteristic of an individual and are determined by the qualities considered «feminine» or «masculine» in Russian ethnoculture. That is why the phraseosemantic group of feminine and masculine lexicon is actively replenished in the modern Russian language. However, in general, it should be stated that in Russian linguoculture, first of all, the gender dominants, preserved since ancient times, which are based on the binary opposition of mother / father, man / woman.

Keywords: *gender; gender linguistics; gender dominants; gender stereotypes.*

REFERENCES

Gak V.G. On the typology of linguistic nominations [K tipologii lingvisticheskih nominacij]. *Language nomination (general questions).* Moscow: Nauka, 1977. P. 230–285 (in Russian).

Garanovich M.V. Sociolinguistic variation of gender stereotypes in the linguistic consciousness of native speakers of the Russian language [Sociolingvisticheskoe var'irovanie gendernyh stereotipov v jazykovom soznanii nositelej russkogo jazyka]. *Cognitive language studies*. 2019. No 37. P. 897–903 (in Russian).

Ermakovich S.P. Gender studies in Russian linguistics [Gendernye issledovanija v rossijskom jazykoznanii]. *Word. Ru: Baltic accent*. 2015. Vol. 6. No 4. P. 33–38 (in Russian).

Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. State construction of gender in Soviet society [Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshhestve]. *Journal of Social Policy Research*. 2003. No. 1 (3–4). P. 299–321 (in Russian).

Kirilina A.V. Gender and gender linguistics at the turn of the third millennium [Gender i gendernaja lingvistika na rubezhe tret'ego tysjacheletija]. *Questions of psycholinguistics*. 2021. No 3(49). P. 109–147 (in Russian).

Kirilina A.V. Gender: Linguistic aspects. Monograph [Gender: Lingvisticheskie aspekty. Monografija]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1999 (a). 189 p. (in Russian).

Kirilina A.V. Russian phraseology from the point of view of gender linguistics [Russkaja frazeologija s tochki zrenija gendernoj lingvistiki]. *Gender factor in language and communication*. Ivanovo, 1999 (b). P. 46-53 (in Russian).

Kirilina A.V. Russian phraseology from the point of view of gender linguistics [Russkaja frazeologija s tochki zrenija gendernoj lingvistiki]. *Gender relations in Russia: history, current state, prospects: materials of the international scientific conference*. Ivanovo, 1999v. P. 70–73 (in Russian).

Kirilina A.V. The symbolism of masculinity and femininity in personal names [Simvolika muzhestvennosti i zhenstvennosti v lichnyh imenah]. *Philology and culture: Abstracts of the II International Conference*. 1999. Tambov. P. 37–38 (in Russian).

Kitaygorodskaya M.V. Variability in the expression of the gender of nouns when referring to women by profession [Variativnost' v vyrazhenii roda sushhestvitel'nyh pri oboznachenii zhenshhin po professii]. *Socio-linguistic research*. Edited by L.P. Krysin, D.N. Shmelev. Moscow: Nauka, 1976. P. 144–155 (in Russian).

Kovshova M.L. Personal name in Russian paremiological discourse: the experience of discursive analysis [Lichnoe imja v russkom paremiologicheskom diskurse: opyt diskursivnogo analiza]. *Polyparadigmatic contexts of phraseology in the XX1 century: materials of the international scientific conference*. Tula: TPPO, 2018. P. 227–240 (in Russian).

Kreidlin G.E. Men and women in nonverbal communication [Muzhchiny i zhenshhiny v neverbal'noj kommunikacii M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury]. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 224 p. (in Russian).

Krongauz M.A. Sexus, or the problem of gender in the Russian language [Sexus, ili Problema pola v russkom jazyke]. *Russian Studies. Slavistics. Indo-European Studies*. Moscow: Indrik, 1996. P. 510–525 (in Russian).

Kryuchkova T.B. Some experimental studies of the peculiarities of the use of the Russian language by men and women [Nekotoryej eksperimental'nye issledovanija osobennosti ispol'zovanija russkogo jazyka muzhchinami i zhenshhinami]. *Problems of psycholinguistics*. Edited by Yu.A. Sorokin and A.M. Shakhnarovich. Moscow: Institute of Linguistics, 1975. P. 186–199 (in Russian).

Moiseev A.I. The name of persons by profession in modern Russian: (Structurally semantic characteristic) [Naimenovanie lic po professii v sovremennom russkom jazyke: (Strukturno-semantich harakteristika)]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences*. Leningrad: Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. 1968. 27 p. (in Russian).

The National corpus of the Russian language [Nacional'nyj korpus russkogo jazyka]. Available at: https://ruscorpora.ru / (accessed on October 10, 2023) (in Russian).

Pushkareva N.L. Gender studies: birth, formation, methods and prospects in the system of historical sciences [Gendernye issledovanija: rozhdenie, stanovlenie, metodyiperspektivy v sisteme istoricheskih nauk]. *Woman. Gender. Culture*. Moscow: RLSHGI, 1999. P. 15–34 (in Russian).

Safronova S.S., Chupryakova O.A., Zamalyutdinova E.R. The name of women in the Russian phraseosystem [Naimenovanie zhenshhin v russkoj frazeosisteme]. *Philology and Culture.* 2017. No 4 (50). P. 84–89 (in Russian).

Simoni P.K. Ancient collections of Russian proverbs, sayings, riddles, etc. of the XVII – XIX centuries. [Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i proch. XVII – XIX stoletija]. Issue I. St. Petersburg: Publication of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences, 1899. 1191 p. (in Russian).

Dictionary of gender terms [Slovar' gendernyh terminov]. Edited by A.A. Denisova. Moscow: Inform. XXI century, 2002. 255 p. (in Russian).

Sternin I.A. Communication with men, women, in the family. [Obshhenie s muzhchinami, zhenshhinami, v sem'e]. The 2-8 editions, stereotyped. Voronezh: Istoki, 2003-2012. 59 p. (in Russian).

The feminizer of the words [Feminizator slov]. Available at: https://feminitives.ru / (accessed on October 31, 2023) (in Russian).

Khaleeva I.I. Gender as an intrigue of cognition [Gender kak intriga poznanija]. *Collection of articles*. Compieled by A.V. Kirilina. Moscow: Rudomino, 2000. P. 9–18 (in Russian).

Khudyakova T. «Language guesses what we need»: linguist Maxim Krongauz – about jargons, feminitives and annoying words» [«Jazyk ugadyvaet to, chto nam nuzhno»: lingvist Maksim Krongauz – o zhargonah, feminitivah i razdrazhajushhih slovah]. Available at: https://russian.rt.com/science/article/634267-yazyk-internet-sotssety-feminizmy; (accessed on 31 October, 2023) (in Russian).

Chernykh O.Yu. Semiotic means of constructing gender in pedagogical discourse: [Semioticheskie sredstva konstruirovanija gendera v pedagogicheskom diskurse]. *Dissertation ... candidate of Philological Sciences,* Moscow, 2012. 182 p. (in Russian).

С.Н. Андреев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81’32

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-101-116

МОТИВЫ КЁЛЛЕРА КАК МАРКЕР СТИЛЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ «ОРИГИНАЛ – ПЕРЕВОД»

Ключевые слова: *мотивы; Китс; атрибуты; расстояние; перевод; хи-квадрат.*

В статье ставится задача провести сопоставительное исследование оригинального текста и его переводов, используя сверхсегментные единицы. В качестве последних были взяты единицы, которые рассматриваются как определенным образом организованные последовательности («мотивы») и формируются путем анализа порядка следования единиц в тексте. Мотивы являются инструментом для анализа стиля автора и позволяют дать количественное описание стилевых особенностей, сравнения и классификации стилей различных авторов. Эти возможности мотивов в

статье используются для сопоставления ряда стилистических характеристик одной из лучших поэм известного поэта-романтика Джона Китса «Канун Святой Агнессы» («The Eve of St. Agnes») и двух переводов этого произведения, выполненных известными поэтами-переводчиками Сергеем Сухаревым и Евгением Витковским. Для формирования мотивов использовались последовательности атрибутов различных типов.

Давно было замечено, что исследования, направленные на изучение закономерностей формирования и функционирования текста, нуждаются в таких методах, которые позволили бы учитывать синтагматические отношения единиц не только в пределах предложения, но и во всем тексте (суперсегментные единицы) [Altmann, Kohler, 2015]. Одним из возможных подходов в этом случае является использование единиц, сформированных по определенным универсальным правилам и подходящих для анализа любого текста. Они образуют своего рода метаязык, позволяющий выйти за рамки отдельных словосочетаний и предложений и определить структуру текста на более высоком уровне обобщения. В качестве таких единиц был предложен достаточно широкий набор лингвистических параметров, таких как цепочки Белзы, Келлеровские мотивы, последовательности Хребичека, триграммы и др. [Altmann, 2014; 2016; Mikros, Macutek, 2015]. Их использование позволило получить много новой и важной информации о взаимодействии элементов текста и механизмов его образования [Altmann, 2014; Altmann, Kohle, 2015; Andreev, Fan, Altmann, 2018]. Можно констатировать, что наиболее широко применяемыми из этих суперсегментных единиц являются мотивы.

Мотивы как новый тип единиц были введены в лингвистику Келлером [Kohler, 2006; 2008] для того, чтобы количественным методом изучать синтагматическую структуру текстов. По словам самого Келлера, он воспринял идею выделения таких единиц от М. Бороды [Boroda, 1982], который предложил их в музыковедении, где единицы, которые можно было бы рассматривать как эквивалент лингвистического слова, были недоступны, а ритмические структуры не могли быть обработаны по методике, позволявшей бы использовать закон Ципфа. М. Борода рассматривал мотив как последовательность нот с возрастающей длительностью.

Языковые мотивы определяются в общем виде как самая длинная непрерывная последовательность равных либо возрастающих по числовому значению какого-либо качества лингвистических единиц.

Все виды языковых единиц с их свойствами, поддающимися квантитативному анализу, могут быть выбраны в качестве базы для формирования мотивов, включая такие, как морфы, слова или синтаксические конструкции с индивидуальными мерами их свойств: длина, частота, многозначность, политекстуальность, диахронические и этимологические признаки и др.

Описание мотивов можно найти в работах Келлера. Здесь следует отметить, что мотивы являются языковыми единицами, расположенными на

более высоком уровне абстракции, чем общеизвестные единицы (фонемы, слоги, морфемы, словосочетания, клаузулы, предложения и т.д.). Они ведут себя по своим законам распределения.

Мотивы могут быть разбиты на два основных класса: количественные и качественные [Köhler, Naumann, 2008; 2016].

Количественные мотивы могут быть выделены, исходя из их длины по числу попавших в них единиц, например, слогов, морфем, слов, предложений и т.д. Причем единицей измерения длины могут быть выбраны самые различные параметры: количество фонем, слогов, морфем, слов и т.д.

Качественные мотивы. С другой стороны, мотивы могут быть образованы, исходя из параметра частотности единиц (учитывается частота букв, морфем, слов, синтаксических конструкций и т.д.).

Таким образом, мотивы могут быть выделены относительно любой лингвистической единицы, начиная с букв и фонем, семантических характеристик отдельных лексических единиц (например, количества значений) и т.д. вплоть до семантической ситуации с ее участниками (актантами).

Сам термин «мотив» в отношении указанных конструируемых последовательностей лингвистических элементов нам кажется не вполне удачным, поскольку он совпадает с общепринятым в литературоведении термином, обозначающим минимальный компонент художественного произведения, простейшую повествовательную единицу. Впрочем, в обоих случаях термин восходит к музыкальным понятиям.

Преимущества использования данной единицы анализа не раз подчеркивались во многих лингвистических работах. Так, он позволяет сегментировать и, следовательно, получать схему структуры любого текста. Это означает, что никакие отрывки текста, никакие сочетания не будут отнесены в область неясных, переходных случаев.

В работах Келлера и его последователей отмечаются следующие свойства мотива [Köhler, Naumann, 2012], отражающие его положительные для исследователей черты.

Во-первых, мотивы обладают собственной структурой и могут сопоставляться между собой.

Во-вторых, мотивы обладают мерой длины, которая может помочь упорядочить их по количественным параметрам.

В-третьих, мотивы отражают динамику текста, когда отмечается рост либо уменьшение числа мотивов.

Используя качественные и количественные мотивы, можно установить типичные схемы для различных авторов и, таким образом, создать базу для сопоставления особенностей их стилей. Как отмечает Г. Альтман [Altmann, 2014;

2015; Köhler, Altmann, 2014], мотивы, являясь некоторым конструктом, создают базу для анализа и сопоставления таких важных параметров стиля, как ритмика, слоговой состав, синтаксис и семантика текста.

В последнее время появилось большое число работ, направленных на выявление сходства и различий в авторских стилях при помощи мотивов. При этом исследуется не только набор и повторяемость типов мотивов у разных авторов, но и иерархическая организация системы мотивов, ее изменение в тексте. Кроме того, накоплен опыт использования методики применения к ним статистических процедур [Altmann, 2014; Altmann, Kohler, 2015]. Так, используя количественные мотивы, Келлер и Науманн провели сопоставление стиля 63 ежегодных посланий итальянских президентов 1949–2011 годов и характер изменения стиля во времени, рассматривая частеречную характеристику текстов [Köhler, Naumann, 2016]. Основываясь на мотивах, выделяемых для атрибутов у двадцати русских современных поэтов, был проведен анализ их стиля [Andreev, 2020]. Различные аспекты стиля рассматривались в коллективной монографии и в сборнике статей [Mikros, Macutek, 2015].

Полученные базы данных мотивов служат основой для проведения статистических видов анализа (соответствие формулам Пиотровского – Альтмана, экспоненциальной функции, выявление характера динамики текста, проверка гипотезы Скиннера, оценка сгущения текста и др.).

В целом краткий анализ данного конструкта, отражающего линейный аспект организации текста, позволяет сделать вывод о крайней целесообразности его использования, особенно в таких исследованиях, как сопоставительный анализ стилей авторов художественных текстов. Одной из сфер применения данного подхода в указанном направлении является сопоставительный анализ оригинального текста и его переводов.

В этом исследовании для анализа были взяты одна из лучших поэм знаменитого английского поэта-романтика Джона Китса «The Eve of St. Agnes» и два ее перевода, выполненные замечательными поэтами-переводчиками Сергеем Сухаревым и Евгением Витковским.

Для образования мотивов были взяты основные единицы описания художественного текста – атрибуты (определения), которые разбиваются на атрибутивные типы (далее – АТ). Последние определяются по частеречной принадлежности слов, замещающих синтаксическую позицию определения. Для оригинала и русских переводов были установлены следующие виды атрибутов (АТ) (в скобках даются примеры из английского и русских текстов).

A – прилагательное (She danc'd along with *vague*, *regardless* eyes; Встревожил слух *прекрасной* Маделины).

D – местоимение (*This very* night: good angels her deceive!; *Те* клятвы, что шептал мне голос *твой*).

Pt – причастие (In *blanched* linen, smooth, and *lavender'd*; Звездой *слепящей* канув с небосклона).

G – генитив (To spirits *of the air*; Твердили ей в кругу *матрон* почтенном; Дары своих *садов* и пряные напитки).

Pr – предложная конструкция с существительным (Half-hidden, like a mermaid *in sea-weed*; Был щит *с эмблемой* королей всевластных).

RCR – придаточное предложение (A poor, weak, palsy-stricken, churchyard thing, / *Whose passing-bell may ere the midnight toll;* Столь робким видя юношу младого, / *Что перед ней стоял, не говоря ни слова*).

Inf – инфинитив (Her own lute thou wilt see: no time *to spare*, … и теперь пришел черед по ритуалу *лечь* под покрывало).

App – приложение (His prayer he saith, this patient, holy *man*; Лорд Морис тут, *старик*, – и все они / Тебе враги!)

Dat – дательный падеж существительного (Откинул цепь – и вот конец *преградам*).

NN – атрибутивное субстантивное сочетание (As spectacled she sits in *chimney* nook).

Ps – притяжательный падеж (The *lover's* endless minutes slowly pass'd).

Advr – наречие (one Lady *there*).

В ряде случаев для сопоставления используется объединенный класс Sb, который включает все субстантивные атрибуты, кроме генитива и предложной конструкции (притяжательный падеж, приложение, атрибутивное субстантивное сочетание для английского, дательный падеж и приложение – для русского языка).

В результате подсчетов были получены следующие количественные данные различных типов атрибутов, помещенные в таблицу 1.

Таблица 1

Частота различных типов определений

AT	Китс (T1)	Перевод Сухарева (П1)	Перевод Витковского (П2)
A	260	208	170
D	186	34	62
Pt	100	58	27
Sb	50	0	4
G	44	50	52
Pr	25	10	6
RCR	15	8	13
Inf	4	0	1
App	1	4	3
Всего	685	372	338

Обращает на себя внимание тот факт, что атрибутов в оригинале значительно больше, чем в любом из переводов. На рисунке 1 приводится график, отражающий частоты АТ в трех текстах. График построен так, чтобы частоты АТ оригинала были расположены по убыванию.

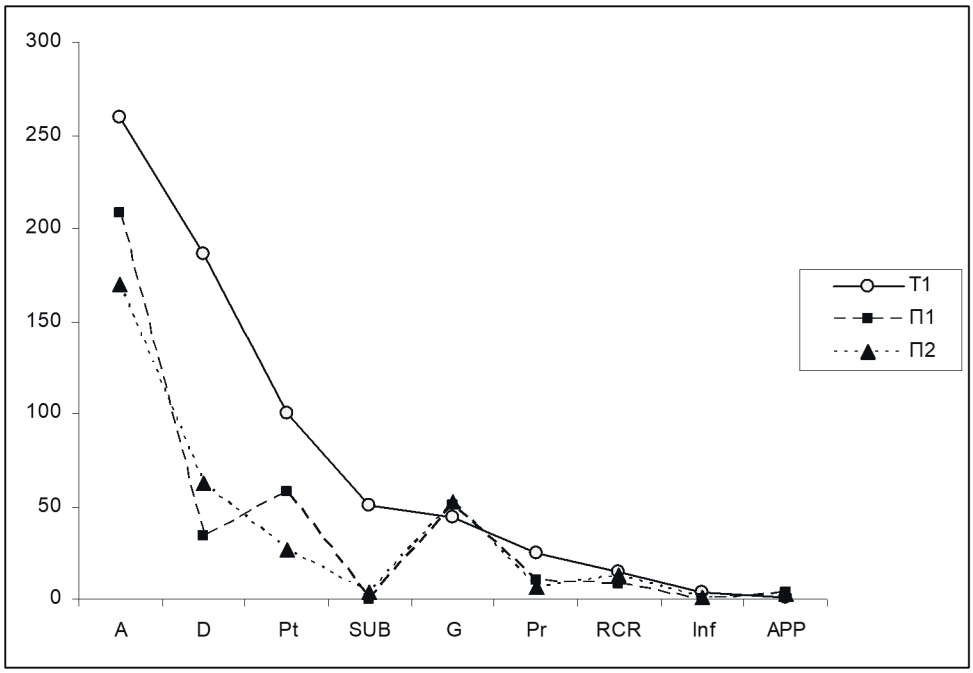

Рис. 1. Абсолютные частоты АТ в трех текстах

Как видно на графике, между АТ в трех текстах имеются существенные различия не только по величине, но и по соотношению частот между собой. Так, разница между частотой A и D в тексте оригинала намного меньше по сравнению с переводами, где это различие достаточно выражено. В П1 частота PT превышает D, что редко наблюдается в стихотворных текстах.

Еще более заметны различия между переводами и оригиналом, если построить график по процентному содержанию АТ, когда все АТ для каждого автора принимаются за 100% и определяется процентная величина каждого типа атрибутов (рис. 2). Первые пять наиболее частотных АТ по своим частотам в большинстве случаев не совпадают. Снова в оригинале процентное содержание АТ снижается более равномерно, чем в переводах, в которых прилагательные по относительной частоте значительно опережают остальные виды атрибутов. Интересно, что генитив в переводах более весомо представлен, чем в оригинале, – Китс достаточно редко использует этот основной тип субстантивных атрибутов. Сухарев мало использует местоимения-прилагательные, а Витковский – причастия. Коэффициент корреляции переводов П1, П2 и оригинала по пяти наиболее представленным

АТ статистически незначим (соответственно p = 0,11 и p = 0,06 при 1 степени свободы).

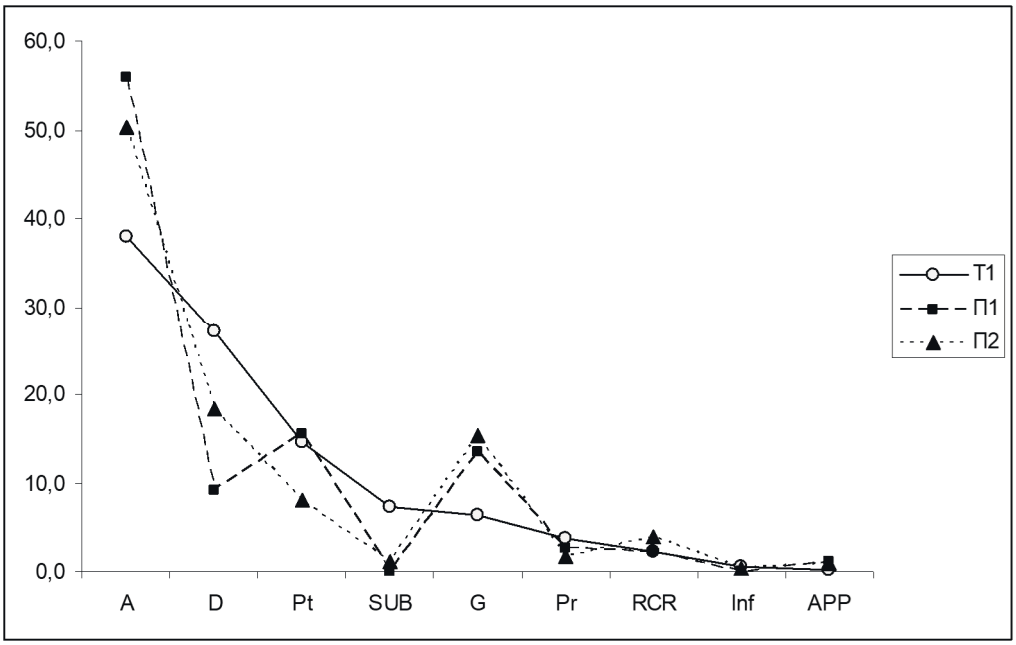

Рис. 2. Процентная представленность

Для дальнейшего сопоставления текстов были использованы описанные выше последовательности-мотивы. Здесь применяются оба подхода к выделению мотивов: сначала был реализован подход с качественными мотивами (М), затем использовался количественный аспект.

В качестве примера рассмотрим следующую последовательность АТ, отражающую описание в двух строфах (XXX1–XXXII) в Т1:

D, Pt, A, A, Pt, G, Pt, G, A, A, D, D, A, D, D, D, A, Ps, D, D, A, Pr, D, D, A, NN, A, A, A, NN, A, A, Pr, D, A, D, Ps, Pt.

В соответствии с критериями выделения качественных мотивов нужно избегать повторения в каждой последовательности совпадения двух одинаковых АТ. Тогда первый мотив будет включать три первых АТ (D-Pt-A), но четвертый (A) уже не может в него попасть, так как иначе образуется повторение A. Второй мотив включает A, но не может включить Pt, так как иначе в двух последовательных мотивах будут повторяться два At: A и Pt. Исходя из указанных критериев, были выделены следующие мотивы, заключенные в квадратные скобки:

[D, Pt, A], [A], [Pt, G], [Pt], [G, A], [A, D], [D], [A], [D], [D], [D, A, Ps], [D], [D, A Pr], [D], [D, A, NN], [A], [A], [A, NN], [A], [A, Pr, D], [A], [D, Ps, Pt].

Всего мотивов в этом отрезке оказалось 21. Теперь, если измерить каждый из выделенных мотивов по длине, исходя из числа входящих в него атрибутов, получаются следующие числа: одноэлементных мотивов 12,

двухэлементных – 4, мотивов с тремя атрибутами (трехэлементных) – 5. Таким образом, здесь используется количественный аспект оценки мотивов. В результате подсчета мотивов в трех текстах – Т1, П1 и П2 – были получены данные, отраженные в таблице 2 и на рисунке 3.

Таблица 2

Типы и частота мотивов в трех текстах

Длина мотива	Китс Т1	Перевод Сухарева П1	Перевод Витковского П2
1	176	125	107
2	138	85	74
3	52	20	21
4	13	3	5
5	4	1	0
6	1	0	0
Всего	384	234	207

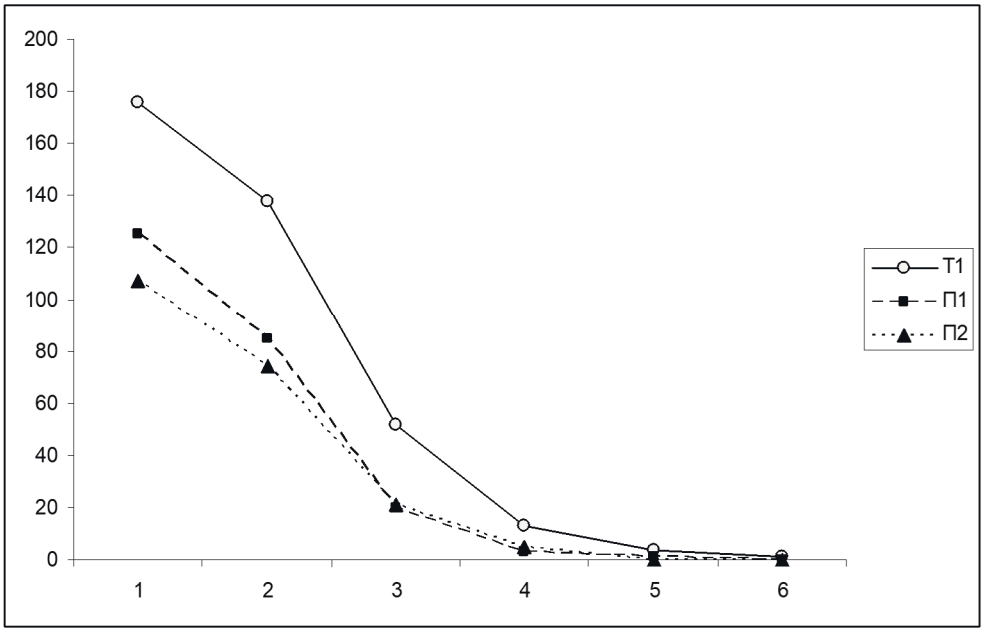

Рис. 3. Распределение частот атрибутивных мотивов, взятых по их длине

Первое, что обращает на себя внимание, это большое сходство графиков. У переводов они почти накладываются один на другой, и оба похожи на график оригинала. Таким образом, несмотря на значительные различия

по абсолютным частотам, на уровне мотивов определяется сходство. Причем у всех трех графиков имеется и еще одно сходство – с графиками экспоненциального распределения.

Ранее при определении мотивов весь текст брался как единое целое без учета строфической организации. В поэме имеется 42 девятистрочные спенсеровы строфы, каждая со строгой рифменной организацией. Поэтому целесообразно произвести еще одно деление АТ на мотивы, теперь в границах отдельных строф. Это достаточно сильно изменит всю мотивную схему поэмы и позволит по-новому сопоставить с ней переводы, которые также написаны спенсеровой строфой.

В таблице 3 приводятся данные по мотивам в строфах трех текстов.

Таблица 3

Типы мотивов и их частота в трех текстах

Ст-фа	Китс (Т1)						Перевод Сухарева (П1)					Перевод Витковского (П2)			
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	1	2	3	4
1	1	3	1	2	0	0	1	2	1	0	0	0	4	0	0
2	7	6	1	0	5	0	2	2	1	0	0	5	2	0	0
3	5	4	2	0	0	0	3	1	1	1	0	6		0	0
4	7	2	2	0	0	0	2	4	0	0	0	1	0	2	0
5	7	5	1	0	1	0	6	3	0	0	0	3	0	1	2
6	2	5	1	0	0	0	1	1	0	1	0	2	2	0	0
7	4	3	1	1	0	0	3	2	0	0	0	2	2	2	0
8	9	4	1	1	0	0	3	1	0	0	0	2	4	0	0
9	3	0	1	1	0	0	2	1	0	0	0	5	0	0	0
10	6	3	1	1	0	0	2	5	1	0	0	2	3	0	0
11	4	3	0	0	0	1	5	2	0	0	0	3	2	0	0
12	6	3	0	0	0	0	2	0	2	0	0	2	3	1	0
13	5	3	1	0	0	0	4	3	0	0	0	2	0	0	1
14	4	4	2	0	0	0	1	1	1	0	0	2	0	0	1
15	1	3	3	0	0	0	5	1	1	0	0	1	0	0	1
16	4	3	1	0	0	0	3	2	0	0	0	2	2	0	0
17	4	4	1	0	0	0	1	2	0	0	0	3	3	0	0
18	6	1	3	0	0	0	0	2	0	0	0	3	0	1	0
19	3	3	1	0	0	0	2	0	1	0	1	2	1	1	0
20	6	3	0	0	0	0	2	1	0	0	0	3	3	0	0
21	2	7	0	0	0	0	2	0	1	0	0	2	0	0	1
22	3	5	0	1	0	0	5	0	0	0	0	1	2	0	0
23	4	6	0	0	0	0	2	1	0	0	0	1	2	0	0
24	5	5	2	0	0	0	6	4	0	0	0	7	3	1	0
25	6	3	2	0	0	0	4	5	0	0	0	5	2	0	0
26	7	4	0	1	0	0	4	0	2	0	0	0	0	0	1
27	3	4	1	0	0	0	7	0	1	0	0	4	2	0	0
28	4	2	2	0	0	0	5	1	0	1	0	2	3	0	0

29	5	3	3	0	0	0	6	3	0	0	0	2	2	2	0
30	6	5	1	0	0	0	8	3	0	0	0	6	1	1	0
31	5	4	2	0	0	0	2	5	0	0	0	7	2	0	0
32	5	1	4	0	0	0	1	3	0	0	0	4	3	1	0
33	4	5	1	0	0	0	2	2	1	0	0	3	1	0	0
34	4	0	1	1	1	0	2	1	1	0	0	2	0	1	0
35	6	5	0	0	0	0	5	1	1	0	0	5	3	0	0
36	9	1	2	0	1	0	1	1	1	0	0	0	3	0	0
37	3	3	1	0	0	0	2	2	0	0	0	2	1	1	0
38	4	6	1	0	0	0	4	3	1	0	0	3	2	0	0
39	3	3	0	1	0	0	3	3	0	0	0	2	1	1	0
40	6	3	2	0	0	0	3	1	1	0	0	3	1	1	0
41	4	2	1	0	0	0	3	2	0	0	0	5	1	1	0
42	4	4	1	0	0	0	5	4	0	0	0	2	1	1	0

Вариативность по количеству мотивов в строфах у каждого автора оказалась достаточно высокой. Коэффициент вариации ($V = (\sigma / M) * 100\%$, где V – коэффициент вариации, σ – стандартное отклонение, M – средняя арифметическая) дал следующие показания для суммарных данных по каждому автору: $V_{Т1} = 39{,}2\%$, $V_{П1} = 45{,}5\%$, $V_{П2} = 64{,}8\%$. Первые два значения еще можно отнести к средним по величине, последнее отражает достаточно сильную вариативность.

Предпримем теперь несколько иной подход: разделим текст на части, исходя из содержания. Если разбить текст на 10 частей, получатся следующие тематические объединения строф.

1. Холодная ночь и монах-бусник с молитвами (строфы 1–3).
2. Пиршество, Маделина с думами об обряде (4–8).
3. Порфиро и Анджела (9–18).
4. Тайный план (19).
5. Порфиро направляется в спальню Маделины (20–22).
6. Спальня Маделины, обряд (23–27).
7. Маделина раздевается и ложится спать (28–32).
8. Пробуждение Маделины. Разговор влюбленных (33–39).
9. Бегство (41–42).
10. Эпилог (42).

Выделение данных тем достаточно условное, и тем не менее оно в целом отражает сюжет поэмы.

В результате подсчета мотивов в пределах выделенных тем были получены абсолютные и затем их относительные частоты. Относительные частоты получены путем деления абсолютных частот на общее количество мотивов, что дает процентное содержание. Эти данные отражены на рисунках 4 и 5.

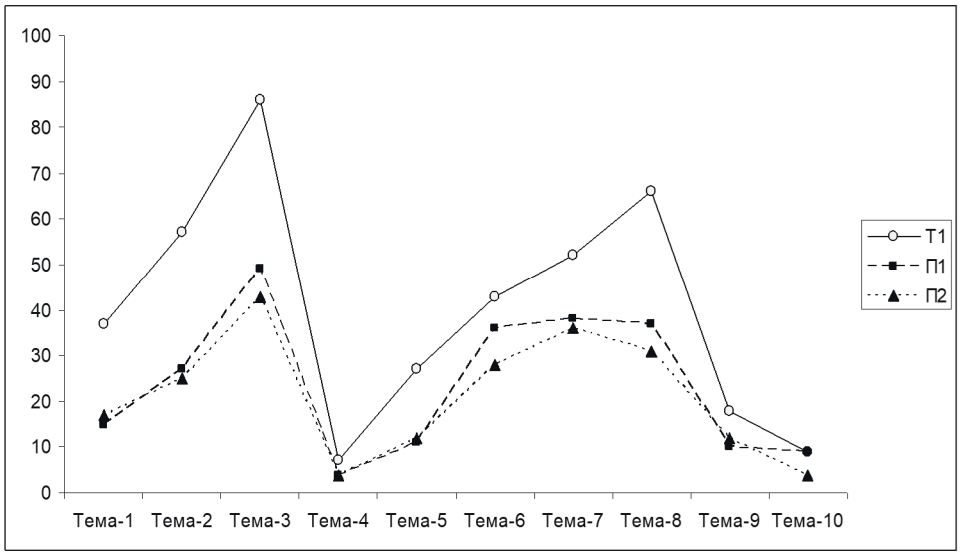

Рис. 4. Абсолютные частоты количества мотивов по темам в трех текстах

Здесь заметно достаточно большое сходство в распределении числа мотивов, особенно у переводов между собой. Пик использования мотивов во всех трех текстах приходится на тему 3 – разговор Порфиро и Анджелы, во время которого Анджела убеждает юношу бежать, а он уговаривает ее помочь ему увидеть свою возлюбленную во время ее сна. Следующий пик приходится на разговор Порфиро и Маделины, упреки, клятвы, призыв к побегу. Однако, кроме того, в обоих переводах скачок частот мотивов приходится на темы 6 и 7, в которых дается романтическое описание Маделины, ее обряда и сна.

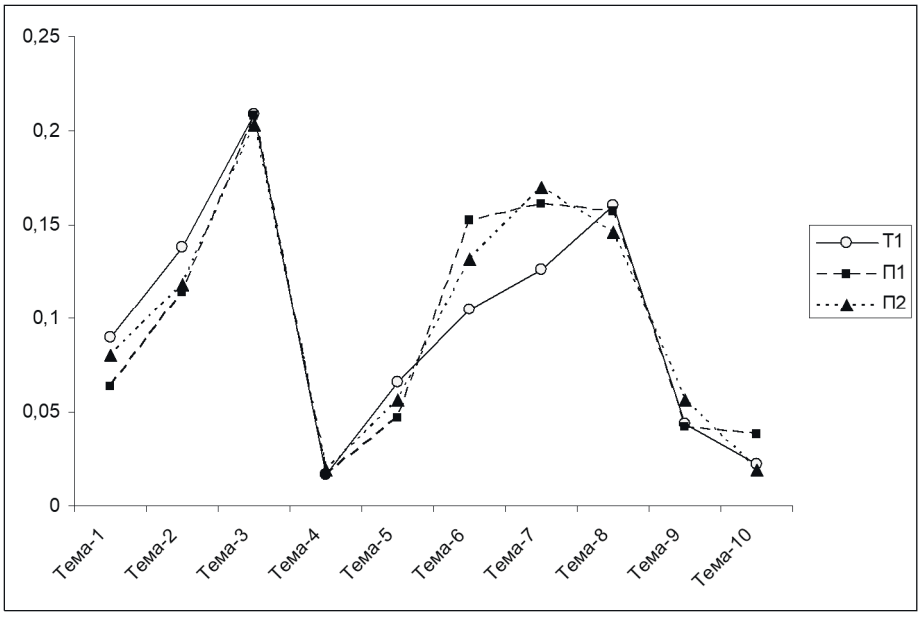

Рис. 5. Относительные частоты количества мотивов по темам в трех текстах

Введение в анализ относительных частот, отражающих процентное распределение мотивов по темам, приводит к почти полному совпадению графиков. Некоторые различия обоих переводов с оригиналом имеют место в темах 6 и снова 7, однако они не так значительны. Таким образом, несмотря на достаточно большие различия в числе атрибутов, их типах и большую вариативность в их распределении по строфам, на уровне мотивов наблюдается очень высокая степень соответствия переводов и оригинала.

Степень сходства – различия мотивной структуры строф. При изучении вопроса вариативности мотивной организации по строфам выше был использован коэффициент вариации, который показал достаточно большие колебания в числе мотивов по строфам в трех текстах, особенно в П2. Однако в этом случае нельзя выяснить, как изменяются мотивные параметры при переходе от одной строфы к другой. Кроме того, не учитывалось различие в самих мотивах, поскольку брались суммарные данные. В то же время при одинаковом количестве мотивов в 3 и 4 строфах в Т1 (по 11 мотивов в каждой строфе) сам их состав достаточно различен. Так, в 3 строфе имеется 5 одноэлементных мотивов, 4 двухэлементных и 2 трехэлементных мотива, в то время как в следующей за ней строфе содержится 7 одноэлементных мотивов, 2 двухэлементных и 2 трехэлементных мотива. Для того чтобы учесть эти различия и определить степень сходства строф по мотивному заполнению, был применен многомерный анализ определения расстояния между ними.

При анализе расстояний между единицами текста применяются различные методы [Kocher, Savoy, 2017]. В этой работе использовался метод евклидова расстояния:

$$d_{(p,q)} = \sqrt{\sum_{k=1}^{n} (p_k - q_k)^2},$$

где p и q – точки в n-мерном пространстве. Расстояния измерялись только между соседними строфами.

В результате во всех трех текстах были получены расстояния между соседними строфами, которые приводятся в таблице 4.

Таблица 4

Расстояния по числу разных мотивов между соседними строфами в трех текстах

Строфы	Расстояния			Строфы	Расстояния			Строфы	Расстояния		
	Т1	П1	П2		Т1	П1	П2		Т1	П1	П2
1–2	8,60	1,00	5,39	15–16	3,61	2,45	2,45	29–30	3,00	2,00	4,24
2–3	5,83	1,73	2,24	16–17	1,00	2,00	1,41	30–31	1,73	6,32	1,73
3–4	2,83	3,46	5,39	17–18	4,12	1,00	3,16	31–32	3,61	2,24	3,32
4–5	3,32	4,12	3,00	18–19	4,12	3,16	1,41	32–33	5,10	1,73	2,45
5–6	5,10	5,48	3,16	19–20	3,16	1,73	2,45	33–34	5,20	1,00	1,73
6–7	3,00	2,45	2,00	20–21	5,66	1,41	3,32	34–35	5,66	3,00	4,36

7–8	5,10	1,00	2,83	21–22	2,45	3,16	2,45	35–36	5,48	4,00	5,00
8–9	7,21	1,00	5,00	22–23	1,73	3,16	0,00	36–37	6,48	1,73	3,00
9–10	4,24	4,12	4,24	23–24	2,45	5,00	6,16	37–38	3,16	2,45	1,73
10–11	2,65	4,36	1,41	24–25	2,24	2,24	2,45	38–39	3,46	1,41	1,73
11–12	2,24	4,12	1,73	25–26	2,65	5,39	5,48	39–40	3,74	2,24	1,00
12–13	1,41	4,12	3,32	26–27	4,24	3,16	4,58	40–41	2,45	1,41	2,00
13–14	1,73	3,74	0,00	27–28	2,45	2,65	2,24	41–42	2,00	2,83	3,00
14–15	3,32	4,00	1,00	28–29	1,73	2,45	2,24				

Наличие небольшого расстояния между строфами означает, что между ними имеется сходство, что, в свою очередь, увеличивает стяжение строф и гомогенность описания. И наоборот, большие расстояния говорят о несходстве, изменении стиля описания. В связи с этим имеет смысл остановиться только на максимальных и минимальных значениях расстояний.

В Т1 максимально сильно различаются 1 и 2 строфы, а также строфы 2–3 (переход от описания холодной ночи к молитвам монаха-бусника), 8–9 (переход от праздника, присутствия на нем Маделины и ее мыслей об обряде к тайному проникновению на праздник Порфиро), а также строфы в диапазоне 33–37 (Маделина от «сновидений» переходит к реальности, разговор Маделины с Порфиро). В П1 наибольшие различия имеют место между строфами 5 и 6 (буйство праздника и отрешенность Маделины), 30–31 (описание яств для Маделины и ее сон), в диапазонах 23–24, 25–26 (описание спальни и обряда). В П2 максимально различаются, как и в П1, строфы в диапазоне 23–26, а также в диапазоне 1–4 и 8–9 и 35–36 (как у Китса).

Максимально близки по мотивной структуре описания в Т1 строфы 16–17 и 12–14 (разговор Порфиро и Анджелы) 28–31 (сон Маделины). В П1 максимально сходными в этом плане являются строфы 1–2 (прямо противоположно тому, что наблюдается в Т1), 7–9 (праздник и Маделина), 17–18 (Порфиро и Анджела), 33–34 (сон Маделины и ее пробуждение). В Т2 очень сильное сходство имеет место у строф 22–23 (Маделина провожает Анджелу в ее спальню и возвращается к себе), 13–15 (Порфиро и Анджела), 39–40 (Порфиро уговаривает Маделину бежать с ним).

Таким образом, наблюдаются различные подходы к характеру описания в рамках мотивов. В ряде случаев авторы к одним и тем же участкам текста используют прямо противоположные подходы гомогенности vs. гетерогенности. Причем в переводах Витковского больше совпадений с оригиналом, чем у Сухарева. Совпадения по гетерогенности описания относятся к зачину поэмы (ночь – холод – бусник), (праздник – Маделина – тайный приход Порфиро), (сон Маделины – пробуждение). Гомогенность наблюдается в описании диалога Порфиро – Анджела, сна Анджелы. У Сухарева, в отличие от этих авторов, гомогенность описания присутствует в зачине, в описании праздника, но совпадает с оригиналом в теме «сон Маделины».

Коэффициент корреляции Пирсона всех расстояний между сходными строфами у трех авторов имеет следующие значения. Для Т1–П2 $r = 0{,}41$. Этот

коэффициент статистически значим для $p < 0,05$, хотя и не очень высок. С другой стороны, для соотношения Т1–П1 коэффициент также статистически значим и такой же силы, но со знаком минус $r = –0,42$, что свидетельствует о значительных отличиях в системе мотивов.

Таким образом, можно отметить, что использование мотивов, основанных на атрибутах различных типов, дает возможность установить степень сходства и различия в характере описания оригинального текста поэмы Китса и ее переводов. В то время как по абсолютным частотам атрибутов различного типа оригинал и два перевода значительно отличаются друг от друга, мотивные показатели позволяют увидеть большое сходство в описании, а также определить степень гомогенности и, напротив, гетерогенности описания различных тем в текстах.

Использование метода мотивов Келлера совместно с другими сверхсегментными единицами целесообразно в работах по сопоставительному анализу стилей авторов, а также при исследовании общих языковых тенденций, таких как соотношение размеров единиц и их частоты, расположение идентичных единиц в речи на небольших расстояниях (гипотеза Скиннера), закономерности распределения единиц в тексте и др.

ЛИТЕРАТУРА

Altmann G. Supra-sentence levels // Glottotheory. 2014. Vol. 5(1). P. 25–39.

Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Lüdenscheid: Ram-Verlag, 2015. Vol. 5.

Altmann G. The Nature and Hierarchy of Belza-Chains // Glottometrics. 2018. Vol. 42. P. 75–85.

Altmann G., Kohler R. Forms and degrees of repetitions in texts. Detection and analysis. Berlin / Munich / Boston: de Gruyter Mouton, 2015.

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals // Glottometrics. 2017. Vol. 36. P. 32–69.

Andreev S. Syllabic Identity of Verse Lines in Russian Long Poems: Skinner's Hypothesis // Glottometrics. 2020. Vol. 48. P. 1–8.

Andreev S., Fan F., Altmann G. Adnominal Aggregation // Glottometrics. 2018. Vol. 40. P. 63–76.

Boroda M. Häufigkeitsstrukturen musikalischer Texte // Orlov J.K., Boroda M.G., Nadarejšvili I.Š. [eds.]. Sprache, Text, Kunst. Quantitative Analysen. Bochum: Brockmeyer. 1982. S. 231–262.

Köhler R. The frequency distribution of the lengths of length sequences // Genzor J.; Bucková M. (eds.). Favete linguis. Studies in honour of Victor Krupa: Bratislava: Slovak Academic Press, 2006. P. 145–152.

Köhler R. Word length in text. A study in the syntagmatic dimension // Mislovičová S. (ed.). Jazyk a jazykoveda v prohybe. Bratislava: VEDA vydavatel'stvo SAV, 2008. P. 416–421.

Mikros G. and Macutek J. (eds.). Sequences in Language and Text. Berlin – Boston: De Gruyter, 2015. VIII + 260 p.

Kocher M., Savoy J. Distance measures in author profiling // Information Processing & Management. 2017. Vol. 53, Is. 5. P. 1103–1119.

Köhler R., Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Lüdenscheid: Ram-Verlag, 2014.

Köhler R. and Naumann S. Quantitative text analysis using L-, F- and T-segments // Preisach B., Schmidt-Thieme D. [Hrsg.]: Data Analysis, Machine Learning and Applications. Berlin, Heidelberg: Springer, 2008. S. 637–646.

Köhler R., Naumann S. Syntactic text characterisation using linguistic S-motifs // Glottometrics. 2016. Vol. 34. P. 1–8.

Köhler R.; Naumann, S. (2012) A syntagmatic approach to automatic text classification. Statistical properties of F- and L-motifs as text characteristics // Proceedings of COLING 2012 (Mumbai, December 2012). Mumbai: Technical Papers, 2012. P. 263–278.

S.N. Andreev
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of English,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Köller's Motifs as a Style Marker: Comparative Analysis Original – Translation

The article sets the task of conducting a comparative study of the original text and its translations using the technique of supersegmental units. The latter were taken as units, which are defined as sequences or «motifs» and are formed by analyzing the order of units in the text. Motifs are a tool for analyzing the author's style and make it possible to give a quantitative description of stylistic features, comparison and classification of the styles of various authors. These possibilities of motifs are used in this article to compare a number of stylistic features of one of the best poems by the famous romantic poet John Keats, «The Eve of St. Agnes», and two translations of this work, made by famous poets-translators Sergey Sukharev and Evgeniy Vitkovsky. Sequences of attributes of various types were used to form motives.

The study is quantitative in nature and various statistical measures were used (Euclidean distance, chi-square, correlation coefficient).

As a result of the analysis, a level of similarity and a number of differences in the manner of rendering the original in the translations were established.

Keywords: *motives; Keats; attributes; distance; translation; chi-square*.

REFERENCES

Altmann G. S upra-sentence levels. *Glottotheory*. 2014. Vol. 5 (1). P. 25–39 (in English).

Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Lüdenscheid: Ram-Verlag, 2015. Vol. 5. (in English).

Altmann G. The Nature and Hierarchy of Belza-Chains. *Glottometrics.* 2018. Vol. 42. P. 75–85 (in English).

Altmann G., Kohler R. Forms and degrees of repetitions in texts. Detection and analysis. Berlin/Munich/Boston: de Gruyter Mouton, 2015. (in English).

Andreev S., Popescu I.-I., Altmann G. Skinner's hypothesis applied to Russian adnominals. *Glottometrics.* 2017. Vol. 36. P. 32–69 (in English).

Andreev S. Syllabic Identity of Verse Lines in Russian Long Poems: Skinner's Hypothesis. *Glottometrics.* 2020. Vol. 48. P. 1–8 (in English).

Andreev S., Fan F., Altmann G. Adnominal Aggregation. *Glottometrics.* 2018. Vol. 40. P. 63−76 (in English).

Boroda M. Häufigkeitsstrukturen musikalischer Texte. Orlov, Jurij K., Boroda, Moisei G. Nadarejšvili, Isabela Š. [eds.]: *Sprache, Text, Kunst. Quantitative Analysen.* Bochum: Brockmeyer. 1982. P. 231–262 (in German).

Köhler R. The frequency distribution of the lengths of length sequences. Genzor J.; Bucková M. (eds.), Favete linguis. *Studies in honour of Victor Krupa.* Bratislava: Slovak Academic Press. 2006. P. 145–152 (in English).

Köhler R. Word length in text. A study in the syntagmatic dimension. *Mislovičová, Sibyla* (ed.), *Jazyk* a *jazykoveda v prohybe.* Bratislava*:* VEDA vydavatel'stvo SAV. 2008. P. 416–421 (in English).

Mikros G. and Macutek J. (eds.). Sequences in Language and Text. Berlin–Boston: De Gruyter. 2015. (in English).

Kocher M., Savoy J. Distance measures in author profiling. *Information Processing & Management.* 2017. Vol. 53. Issue 5. pp 1103−1119 (in English).

Köhler R., Altmann G. Problems in Quantitative Linguistics. Lüdenscheid: Ram-Verlag, 2014. (in English).

Köhler R. and Naumann S. Quantitative text analysis using L-, F- and T-segments. *Preisach, Burkhardt, Schmidt-Thieme, Decker [Hrsg.]: Data Analysis, Machine Learning and Applications.* Berlin, Heidelberg: Springer, 2008. P. 637–646 (in English).

Köhler R., Naumann S. Syntactic text characterisation using linguistic S-motifs. *Glottometrics.* Vol. 34. 2016. P. 1–8 (in English).

Köhler R., Naumann S. A syntagmatic approach to automatic text classification. Statistical properties of F- and L-motifs as text characteristics. *Proceedings of COLING 2012 (Mumbai, December 2012).* Mumbai: Technical Papers, 2012. P. 263–278 (in English).

И.А. Шевелева

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского
Брянск, Россия

УДК 811.11-112

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-116-131

СТРУКТУРНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ПРЕДМЕТ ПОСУДЫ»

Ключевые слова: *язык и культура; семантика; семантический признак; фразеосемантическая группа; посуда.*

В статье рассматривается семантика английских фразеологических единиц, имеющих в своем составе компоненты тематической группы «Посуда», а также определяются наиболее частотные компоненты-наименования предметов посуды в составе фразеологических единиц. Актуальность изучения указанной группы фразеологических единиц, которая еще не была предметом отдельного изучения, связана с тем, что приготовление и принятие пищи является одной из важных частей культурного кода любого народа, зашифрованного в том числе с помощью фразеологических единиц языка. Предметы посуды, представляющие собой орудия, средства и инструменты для приготовления, употребления и эстетизации процесса потребления пищи, способствуют формированию культурных ценностей языкового коллектива,

которые выражаются, среди прочего, и в эстетических и этических нормах поведения человека. В отличие от языковых единиц других уровней, фразеологизмы, единицы вторичной номинации, не только содержат в себе аккумулированную информацию о ситуациях и событиях, произошедших в процессе культурно-исторического развития того или иного языкового коллектива, но и являются строительным материалом вторичной картины мира. Семантика фразеологических единиц представляет собой яркое выражение национального своеобразия языковой картины мира. В результате проведенного исследования мы разделили отобранные фразеологизмы на такие фразеосемантические группы, как «Многоплановость человеческой деятельности», «Внешность, характер и умственные особенности человека», «Финансовое положение человека», «Употребление алкоголя и последствия этого употребления», «Прием пищи и последствия ее принятия», «Различные жизненные ситуации». В результате количественного анализа репрезентативности компонентов – наименований предметов посуды в составе фразеологических единиц мы пришли к выводу о том, что самыми распространенными компонентами в составе фразеологизмов являются лексемы pot (26% исследуемых единиц), bottle (14,5%), knife (13%), plate (10%), spoon (9%). Мы связываем распространенность указанных компонентов с особой ролью предметов посуды, обозначенных соответствующими лексемами: горшок (pot) – контейнер и для приготовления, и для хранения пищи, бутылка (bottle) – контейнер для напитков, которые также входят в глюттоническую сферу жизни человека, а тарелка (plate) и ложка (spoon) – важнейшие инструменты принятия пищи. Было также установлено, что ведущим структурно-семантическим типом исследуемых фразеологических единиц стали номинативно-коммуникативные единицы (60% исследуемых фразеологизмов) и номинативные фразеологизмы (28% исследуемых единиц).

Проблема взаимодействия языка и культуры находится в фокусе внимания философов, культурологов и лингвистов с XIX века. Язык, по мнению некоторых ученых, с одной стороны, представляет собой компонент культуры и вступает с ней в отношения «часть (язык) – целое (культура)», с другой – является источником культуры, ее хранителем, надежным средством ее передачи последующим поколениям.

Любой естественный язык, представляя собой отражение мировидения языкового коллектива, фиксирует накопленный поколениями опыт, а также создает определенную колею, задел для мироосмысления последующими поколениями. Это мировидение кодируется носителями языка в том числе и при помощи «совокупности наименований предметов и их сочетаний, которые обладают помимо денотативного значения культуроносными смыслами» [Абакумова, 2022, *57*].

По мнению Б.А. Серебренникова, язык, будучи связанным с действительностью посредством знаковой соотнесенности, не отражает ее, а «отображает знаковым способом» [Телия, 1996, *6*] и представляет собой, таким образом, определенный инструмент концептуализации окружающего мира. Схожего мнения о функции языка придерживается и В. фон Гумбольдт, который называет язык «промежуточным звеном» между миром и человеком [Каленова, 2020, *8*].

Неоднородность и неидентичность условий, в которых проживают различные языковые коллективы, неизбежно приводят к возникновению национальной специфики языковых картин мира, манифестацией которой служит языковая семантика.

Именно фразеология, по мнению В.Н. Телия, «наиболее ярко передает неповторимую самобытность языка и культуры» [Телия, 1996, *215*], поскольку обладает богатой культурной коннотацией. По мнению Т.Н. Федуленковой, «природа значения фразеологических единиц тесно связана с фоновыми знаниями говорящих, с практическим опытом человека, с культурно-историческими традициями говорящих на данном языке» [Федуленкова, 2020, *145*]. Изучение семантики английских фразеологических единиц с компонентом «предмет посуды» способствует более глубокому пониманию и осознанию особенностей английского национального менталитета, поскольку предметы посуды имеют одно из первостепенных значений в жизни человека, будучи связанными с важным условием его существования, способствующим выживанию, – принятием пищи. Целью настоящего исследования, таким образом, послужило выявление особенностей ассоциативно-образного строя английского языка, ограниченного указанным тематическим разделом. Важно и то, что аксиологический аспект, проявляющийся в ценности того или иного предмета посуды для носителей языка, также находит свое отражение в семантике фразеологизмов как единиц образного переосмысления.

Для достижения указанной цели было необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, методом сплошной выборки выявить фразеологические единицы, имеющие в своем составе лексический компонент «предмет посуды»; во-вторых, провести количественный анализ отобранных фразеологизмов с целью определения частотности указанных компонентов в составе фразеологизмов; в-третьих, произвести анализ понятийных и функциональных характеристик предметно-семантического поля, выраженного фразеологическими единицами, в составе которых есть лексический компонент «предмет посуды».

В качестве иллюстративного материала использовалось 176 фразеологических единиц, отобранных из фразеологических словарей [Кунин, 2021; Cambridge English Dictionary, 2024; Farlex Dictionary of Idioms, 2024].

В практической части нашей работы были изучены фразеологизмы, имеющие в своем составе лексический компонент «предмет посуды». Выбор указанных компонентов был обусловлен их непосредственной связью с

принятием пищи, являющимся наиважнейшим условием выживания человека, следовательно, по нашему предположению, выбранные фразеологические единицы будут обладать широким спектром значений. При помощи метода сплошной выборки были обнаружены английские фразеологические единицы, содержащие в своем составе такие лексемы, как *a bottle (бутылка), a bowl (чаша, миска), a cup (чашка), a fork (вилка), a jar (стеклянная банка), a jug (кувшин), a kettle (чайник), a knife (нож), a mug (кружка), a pan (сковорода), a plate (тарелка), a platter (блюдо, тарелка), a pot (горшок), a skillet (сковорода с длинной ручкой), a spoon (ложка)*.

В процессе исследования были использованы следующие методы:

– метод сплошной выборки;

– описательный метод, состоящий в наблюдении, сопоставлении, обобщении, классификации и лингвистической интерпретации анализируемого материала;

– метод дефиниционного анализа, который позволил выделить единицы содержательного плана семантической структуры фразеологических единиц;

– метод фраземообразовательной комбинаторики, включающий в себя семный и компонентный анализ фразеологизмов.

Наиболее частотные компоненты «предмет посуды» в составе фразеологических единиц. По мнению А.И. Лызлова, «национально-культурная специфика ФЕ может проявляться на уровне их компонентов, которые несут смысловую нагрузку» [Лызлов, 2021, *44*].

Количественный анализ отобранных фразеологических единиц позволил сделать следующие выводы о частотности компонентов-наименований предметов посуды в составе фразеологических единиц, и, следовательно, об их большем или меньшем объеме смысловой нагрузки.

1. Наиболее распространенной в составе анализируемых фразеологизмов стала лексема *pot (горшок)*, которая входит в состав 26% исследуемых единиц. Широкое распространение лексемы *pot* в составе фразеологических единиц мы объясняем следующим: горшки изготавливались руками и из вполне доступного подручного материала (глины), следовательно, они являлись одним из первейших приспособлений для приготовления пищи.

2. Менее распространенными в составе исследуемых фразеологических единиц, но не менее важными для принятия пищи стали такие предметы посуды, как бутылка (bottle) и нож (knife). Лексемы *bottle* и *knife* входят в состав 15,5% и 14% изученных фразеологических единиц соответственно.

3. Такие предметы посуды, как тарелка (plate) и ложка (spoon), которые, в отличие от горшка (pot), используются для употребления готовой пищи, составляют 10% и 9% исследуемых фразеологизмов соответственно.

4. Каждый из компонентов *cup* и *fork* присутствует в 6% фразеологических единиц.

5. Компоненты *pan, kettle, mug, bowl, jar, jug, skillet* входят в состав 5%, 4%, 3%, 3%, 1,5%, 1,5%, 1,5% фразеологизмов соответственно.

Результаты количественного анализа представлены на рисунке 1.

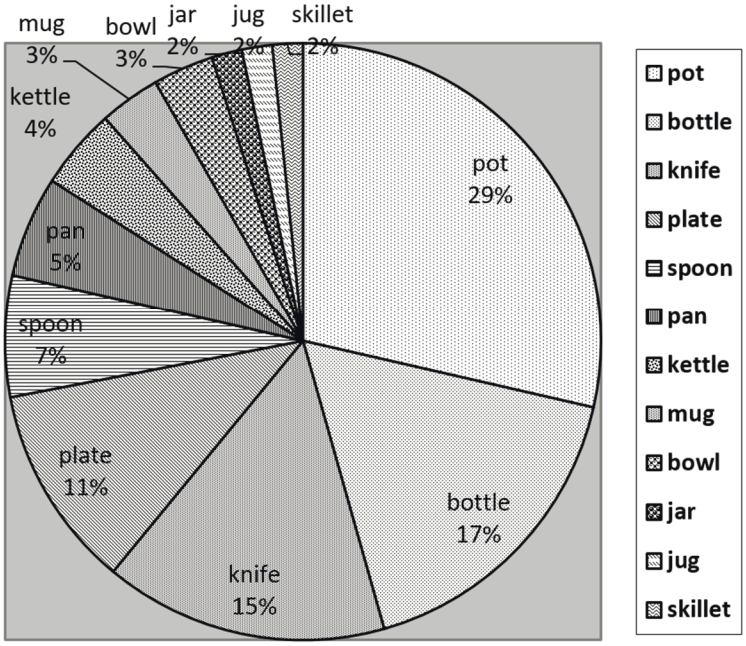

Рис. 1. Результаты количественного анализа частотности лексем – наименований посуды в составе исследуемых фразеологических единиц

Структурно-семантическая и грамматическая характеристика фразеологических единиц с компонентом «предмет посуды». Отобранные фразеологические единицы нами были разделены на несколько классов в зависимости от их структурно-семантической и грамматической принадлежности. Рассмотрим их в порядке количественной представленности.

1. К классу **номинативно-коммуникативных фразеологических единиц** относятся 60% всех фразеологических единиц с компонентом «предмет посуды». В этот класс фразеологических единиц входят глагольные ФЕ. Рассмотрим некоторые из них.

В основе полисемантичной ФЕ *keep the pot boiling* (1. To ensure that something remains active or engaging ‘поддерживать темп чего-то’ (здесь и далее перевод авторский. – *И. Ш.*). 2. To continue to rouse, incite, antagonize, or provoke someone or something[1] ‘продолжать стимулировать кого-то или что-то’) лежит метафорическое переосмысление соответствующего

[1] Здесь и далее примеры приводятся по словарю: Farlex Dictionary of Idioms. URL: https://idioms.thefreedictionary.com.

переменного словосочетания, и семантический перенос осуществляется на основе сходства действия (букв.: «поддерживать кипение в горшке»).

Еще одним примером номинативно-коммуникативной фразеологической единицы является глагольная ФЕ с сочинительной структурой *make a spoon or spoil a horn* (to do whatever it takes to achieve or accomplish something, even if it ruins something as a result /пан или пропал/), в основе образования которой лежит аллюзия на практику изготовления ложек из рогов крупного рогатого скота и овец в Шотландии, имеющую место быть вплоть до конца XIX века.

2. **Номинативные фразеологические единицы** составили 28% отобранных фразеологических единиц. Они выполняют функцию называния качеств, состояний, действий, явлений и предметов. В их состав входят фразеологизмы различных структурных типов.

Субстантивные фразеологические единицы составляют 79% отобранных номинативных фразеологизмов с компонентом «предмет посуды». Рассмотрим некоторые из них.

В основе образования субстантивной ФЕ *a storm / tempest in a teacup / teapot* (a disproportionate reaction of anger, concern or displeasure over some minor or trivial matter ‘буря в стакане воды’) лежит гиперболическая метафора, основанная на нереальной ситуации (букв.: «буря в кружке чая»).

Метонимическое переосмысление послужило способом образования еще одной субстантивной ФЕ *a greasy spoon* (a small restaurant or diner, especially one that serves fried foods ‘дешевое кафе, забегаловка, в которой подают в основном жареную пищу’). Первичным денотатом, подвергшимся метонимическому переосмыслению, стала покрытая жиром ложка, при помощи которой готовят и подают в основном жареную пищу в небольших ресторанах.

Адъективные фразеологические единицы составляют 17% номинативных фразеологических единиц.

Так, в основе образования некорпоративной адъективной ФЕ с сочинительной структурой *cork high and bottle deep* (very drunk ‘в сильном алкогольном опьянении’) лежит эвфемистическая замена денотата «очень пьяный», целью которой является завуалирование этой неприятной ситуации.

Компаративные адъективные ФЕ отличаются характерной двуплановостью значения, при которой субъект, будучи переменным элементом, находящимся в тексте, сравнивается с другим, фразеологически связанным объектом сравнения. «Первый компонент адъективных сравнений обычно употребляется в своем основном буквальном значении. Функция второго компонента всегда усилительная, так как он обозначает степень признака, выраженного первым компонентом» [Лотман, 2004, *334*].

Так, компаративная адъективная ФЕ *as handy as a small pot* (exceptionally useful or valuable ‘чрезвычайно полезный’) обладает ярко

выраженным положительным оценочным значением, обозначая исключительную важность предмета или человека.

Образность еще одной компаративной фразеологической единицы *as black as a skillet* (completely black; totally without light or colour ʻчерный, как смола’) возникает благодаря сравнению переменных элементов с чугунком, который много раз побывал в печи и покрылся толстым слоем гари.

Адвербиальные фразеологические единицы составляют 4% номинативных фразеологических единиц с компонентом «посуда». Характерной особенностью исследуемых фразеологических единиц стало наличие в них компонента *knife*, а также то, что они являются обстоятельственными адвербиальными фразеологическими единицами, обозначающими обстоятельства и условия, в которых совершаются действия.

Так, обстоятельство времени заключено во фразеологизме *before you can say «knife»* (very quickly; almost instantaneously ʻмгновенно, в ту же секунду’) , обстоятельство места – во ФЕ *at knifepoint* (in a position of having a knife pointed at one, as in an armed robbery ʻс ножом у горла’) .

3. **Коммуникативные фразеологические единицы** составили 10% исследуемых фразеологических единиц. К коммуникативным фразеологизмам относятся фразеологические единицы цельнопредикативного типа, являющиеся предложениями. Анализ изученного материала позволил разделить найденные фразеологические единицы на пословицы и поговорки, которые равнозначно представлены в исследуемом материале. Рассмотрим некоторые из них.

Грамматическая структура исследуемых пословиц разнообразна.

Так, структуру простого утвердительного предложения имеет пословица *every pot has a lid / cover* (the world contains a suitable or ideal romantic partner for everyone ʻна каждую кастрюлю найдется своя крышка’) с вариативным номинативным компонентом, тогда как пословица *a watched pot never boils* (when you want something to happen, paying attention to it will make the wait feel much longer ʻкогда чего-то ждешь, то время тянется’) представляет собой простое отрицательное предложение.

Назидательный смысл заложен в пословице со структурой сложноподчиненного предложения, в которой предложение, вводимое местоимением *who*, стоит между подлежащим he и остальными членами предложения, *he who gives fair words feeds you with an empty spoon* (positive or hopeful talk is not necessarily sincere or indicative of what will actually happen in the future ʻтот, кто говорит красивые слова, будто кормит из пустой ложки’): не стоит обольщаться красивыми словами, не факт, что они станут реальностью.

Коммуникативные фразеологические единицы непословичного характера (поговорки) носят разговорный характер, являются оценочными оборотами и, так же как и пословицы, имеют разнообразную грамматическую структуру.

Так, поговорка *fingers were made before forks* (it is all right to eat with one's fingers because people had to eat somehow before there were forks ʻпальцы появились раньше вилкиʼ) имеет структуру простого утвердительного предложения, тогда как поговорка *Hi / hello pot, meet kettle* (used to highlight a situation in which a person accuses someone or criticizes someone for something of which they themselves are guilty ʻчья бы корова мычалаʼ) – структуру побудительного предложения. Структуру простого отрицательного предложения имеет поговорка *there is no spoon* (the current problem or difficulty is only a figment of one's imagination ʻэта проблема всего лишь плод твоего воображенияʼ), являющаяся аллюзией на фильм «Матрица», в котором один из персонажей доказывает, что он и другие персонажи находятся в мире компьютерной симуляции, сгибая ложку силой разума и объясняя происходящее тем, что он может это сделать только потому, что ложки там на самом деле нет (there is no spoon).

4. **Междометные фразеологические единицы** являются наименее представленным классом в составе фразеологических единиц с компонентом «посуда» и составляют 2% исследуемых единиц. «В результате экспрессивного переосмысления междометные ФЕ превращаются в обобщенные выразители эмоций и волеизъявления, а иногда и того и другого вместе, вследствие чего значение подобных междометных образований является немотивированным» [Лотман, 2004, *420*].

Так, междометная фразеологическая единица *a pretty / fine kettle of fish* (a difficult or awkward situation; a mess ʻвот так дела! Вот так история!ʼ) свидетельствует о неприятном развитии событий. В основе ситуации, послужившей прототипом данного фразеологизма, лежит шотландский обычай устраивать пикник на берегу реки сразу после рыбной ловли. Свежепойманная рыба помещалась в кипящий сосуд на открытом огне и поедалась руками, которые сильно пачкались. Стоит отметить, что сам пикник так и назывался «a kettle of fish».

Интересным примером междометной фразеологической единицы является фразеологизм со структурой повелительного предложения *back in the knife drawer, Miss Sharp* (a response to a particularly snarky or cutting retort ʻну ты и остряк!ʼ), выражающий раздражение говорящего едким замечанием собеседника.

Семантико-тематическая классификация фразеологических единиц с компонентом «предмет посуды». В результате исследования мы распределили отобранные фразеологические единицы по шести фразеосемантическим группам (далее – ФСГ), каждая из которых описывает тот или иной фрагмент английской языковой картины мира. Рассмотрим каждую из них.

Фразеосемантическая группа «Многоплановость человеческой деятельности, чрезмерная занятость». Указанная ФСГ представлена

фразеологическими единицами, содержащими в своем составе такие лексемы, как *plate, bottle, skillet*.

Фразеологическая единица *to have a lot on one's plate* (to have a large or excessive amount of things to do or deal with ʻиметь большое или чрезвычайно огромное количество дел') вовсе не означает, что человек может похвастаться изобилием различных яств, а указывает на большое количество дел, требующих рассмотрения.

Фразеологическая единица *to keep all the plates spinning* (to have a number of different activities in progress; to deal with or oversee several different things at once ʻделать несколько вещей одновременно'), также имеющая в своем составе лексему *plate*, выражает необходимость успевать делать все дела сразу или контролировать несколько различных дел.

Номинативная фразеологическая единица *head cook and bottle washer* (one who is involved in many aspects of a particular situation ʻчеловек, вовлеченный в множественные аспекты одной и той же ситуации; и швец, и жнец, и на дуде игрец') часто описывает человека, который, с одной стороны, облечен властью (head cook), а с другой – вовлечен во все мелкие детали работы его организации (bottle washer).

Еще одним примером фразеологизма, имеющего значение «постоянно занятый, активный», является атрибутивная фразеологическая единица *(as) busy as popcorn on a skillet* (constantly busy, active, or occupied ʻкак белка в колесе'). Внутренняя форма приведенных примеров достаточно прозрачна.

Фразеосемантическая группа «Внешность человека, характер, умственные способности». Указанная ФСГ представлена фразеологическими единицами с лексемами *jug, bottle, knife, cup*.

Так, фразеологическая единица *jug ears* (ears that stick out markedly from the side of the head, thus resembling the handles of a jug ʻуши, торчащие по обе стороны головы, напоминающие ручки кувшина') представляет собой пример метафорической модели фразеологизации и подтверждение того, что человеку присуще врожденное чувство аналогии, которое «заставляет отыскивать сходство между самыми отдаленными сущностями: не только между предметами и отвлеченными понятиями» [Национально-культурная специфика во фразеологии, 2020, *22*].

Такая характеристика человека, как смелость и готовность взять ответственность на себя, заключена во фразеологической единице *to have a lot of bottle* (to have the will to act boldly; to have a lot of nerve ʻиметь волю действовать смело'). Можем предположить, что лексема *bottle* в этой фразеологической единице не случайна: именно «смелость» и бравада появляется у человека при употреблении спиртных напитков. Метонимическое переосмысление по модели «контейнер (бутылка) → содержимое (алкоголь) → свойства, приобретаемые после употребления содержимого (смелость, бравада)» лежит в основе образования этой фразеологической единицы.

Умственные способности человека выражены синонимичными номинативными фразеологическими единицами *not the sharpest knife in the drawer* и *not the sharpest pencil in the cup*, имеющими значение *not intelligent, dim-witted or prone to stupidity.* В основе образования этих фразеологических единиц, содержащих в своем составе лексемы *knife и cup*, лежит эвфемизация прямого наименования невысоких умственных способностей человека путем нейтрализации, завуалирования и смягчения наименования.

Антонимичной приведенным выше фразеологическим единицам представляется глагольная единица *to be full bottle on something* (to be very knowledgeable, well informed or enthusiastic about something ‘быть глубоко знающим, осведомленным или восторженно относящимся к чему-либо’), в семантике которой заключена положительная оценка умственных способностей человека.

Фразеосемантическая группа «Финансовое положение человека». Данная ФСГ представлена единицами, содержащими в своем составе такие лексемы, как *spoon, pot, cup.*

Так, фразеологическая единица *to be born with a silver spoon in one’s mouth* (to be born into a wealthy family ‘родиться в богатой семье’) указывает на финансовые и социальные преимущества, приобретаемые в результате рождения в богатой семье. Данный фразеологизм является отражением культурных ценностей англоязычного социума: при крещении ребенок из обеспеченной семьи одаривался серебряной ложкой, которая, по поверьям, защищала от негативной энергетики окружающих людей и прочила богатство и успех в финансовых делах.

Вычленение словосочетания *silver spoon* из приведенной выше фразеологической единицы привело к образованию узуального фразеологического деривата, имеющего значение *ample wealth that has been passed sown through inheritance* ‘огромное богатство, передаваемое по наследству’. Узуальная фразеологическая деривация является закономерным и отвечающим духу развития языка явлением, при котором фразеологический дериват имеет в своем составе опорный номинативный компонент. Эти номинативные компоненты-дериваты несут в себе элементы значения, присущие им в составе исходной фразеологической единицы.

Еще одним примером фразеологической единицы со значением «ситуация, в которой у человека настолько всего в избытке, что он не может вместить все блага» является единица *one’s cup runneth over (*one has such an abundance of good things or happy benefits that one is overwhelmed by them or cannot contain them). Архаичный глагольный компонент *runneth* свидетельствует о библейском происхождении данного фразеологизма.

Фразеосемантическая группа «Употребление алкоголя и последствия этого употребления». Состояние опьянения подвергается осмысле-

нию в английской культуре посредством фразеологических единиц, содержащих в своем составе лексему *bottle.* Как правило, это фразеологизмы, образованные в результате метонимического переосмысления свободных словосочетаний, которое выражается в переносе понятия, основанном не на сходстве, а на смежности явлений или понятий.

Номинативная фразеологическая единица *bottle baby* (one who is apt to get drunk; an alcoholic ʻчеловек, склонный к чрезмерному употреблению спиртных напитков, алкоголик’) образована в результате метафорического переосмысления словосочетания bottle baby (ребенок-искусственник, вскормленный из бутылочки) и указывает на схожесть зависимости малыша от питания из бутылочки и пристрастия человека к спиртным напиткам.

Последствия чрезмерного употребления алкоголя заключены в семантике фразеологизма *brown bottle flu* (a hangover or sickness from drinking ʻпохмелье, плохое самочувствие после принятия спиртных напитков’). Лексема *flu* в составе этой единицы указывает на схожесть симптомов гриппа (жар, головная боль, интоксикация организма) и похмелья.

Фразеосемантическая группа «Прием пищи и последствия ее принятия». Хороший аппетит человека отражен в значении двух фразеологических единиц: *to play a good knife and fork* (to eat vigorously ʻесть энергично’) и *to clean (one’s) plate up* (to eat all of the food that is on one’s plate ʻсъесть все, что у тебя на тарелке’), обладающих прозрачной внутренней формой. Лексемы *knife, fork, plate* непосредственно связаны с принятием пищи, причем вилка и нож (knife, fork) являются инструментами и их применение отражено в первой фразеологической единице посредством сочетания с глаголом *to play*, а тарелка (plate) представляет собой контейнер, в который кладут пищу.

Предостережение от переедания или потребления нездоровой пищи заключено в императивной фразеологической единице *don’t dig your grave with your own knife and fork* (do not overeat or pollute your body with unhealthy food and thus hasten your death ʻне копай себе могилу ножом и вилкой’), в которой, так же как и в примере выше, в одном фразеологизме присутствуют две лексемы: knife (нож) и fork (вилка).

Следует отметить, что лексема *spoon* встретилась только в одном фразеологизме, связанном с принятием пищи. Это фразеологическая единица, образованная в результате метонимического переосмысления свободного словосочетания *a greasy spoon*, упоминаемая нами выше.

Фразеосемантическая группа «Различные жизненные ситуации». Указанная ФСГ представлена фразеологизмами с положительной и отрицательной коннотацией.

Так, фразеологическая единица *to capture / catch lightning in a bottle* (to achieve or succeed at doing something that is incredibly difficult, unlikely,

and / or elusive ‘достичь чего-то невероятно сложного, недостижимого’), образованная посредством гиперболизации, другими словами, в результате намеренного преувеличения действия, описанного буквальным значением непереосмысленного словосочетания (поймать молнию в бутылку), обладает повышенной эмоциональностью и экспрессивностью.

Фразеологизм *life is a bowl of cherries* (life is wonderful or very pleasant, everything is going well ‘жизнь прекрасна’) с лексемой *bowl* обязан своим происхождением названию песни Лью Брауна и Рея Гендерсона и выражает беззаботность и легкость жизни.

Фразеологизмы с отрицательной коннотацией представлены единицами, содержащими в своем составе такие лексемы, как *bowl, pan, kettle, knife*.

Так, полисемантичной является фразеологическая единица *goldfish bowl* (1. A place or environment in which one has little or no privacy; 2. A situation in which it is not possible to keep things secret for any length of time ‘1. место или окружение, где невозможно иметь личное пространство. 2. Ситуация, при которой не представляется возможным держать вещи в секрете’). Этот фразеологизм образован в результате метафорического переосмысления свободного выражения goldfish bowl (аквариум для золотых рыбок) и обозначает невозможность укрыться от посторонних взглядов.

Еще одним примером сгущения красок и гиперболизации является номинативная фразеологическая единица *an atmosphere that you could cut with a knife* (a general feeling of great tension or malevolence ‘ситуация всеобщего напряжения и недоброжелательности’), имеющая в составе лексему *knife*.

Прототипом образования фразеологизма *Morton’s fork* (a situation when one is forced to take a decision in which either of the two outcomes will result in equally unpleasant or unfavourable consequences) является ситуация, в которой человек вынужден принять решение, заранее зная, что любое его действие приведет к неприятным или неблагоприятным последствиям. Данная фразеологическая единица представляет собой аллюзию на неудачную налоговую политику Джона Мортона, английского лорда-канцлера, при которой и богатые, и бедные были вынуждены платить сборы в казну и степень материальной обеспеченности населения при этом не учитывалась.

Подводя итог проведенному исследованию, мы приходим к следующим выводам.

Английские фразеологические единицы, имеющие в своем составе компонент «предмет посуды», представляют собой богатый источник образов и ассоциаций. В семантике английских фразеологических единиц, имеющих в своем составе компоненты, составляющие лексико-семантическую группу «Посуда», заключены стереотипы о поведении человека, его положительных и отрицательных характеристиках, кумуляция материальных, социальных и духовных законов общества, видение различных ситуаций.

Наиболее продуктивными лексемами указанной лексико-семантической группы, участвующими во фразообразовании, являются лексемы *pot, bottle, knife, plate, spoon*.

Ведущим структурно-семантическим типом исследуемых фразеологических единиц выступают номинативно-коммуникативные ФЕ, составляющие 60% исследуемого материала, далее следуют номинативные фразеологические единицы (28% исследуемых фразеологизмов), коммуникативные фразеологические единицы (10% от общего количества) и междометные фразеологические единицы, составляющие 2% от общего количества.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в более детальном изучении механизмов фразеологизации переменных словосочетаний с компонентом «предмет посуды», анализе фразеологически связанного значения указанных компонентов, а также в изучении способов реализации указанных единиц в контексте, в том числе с привлечением корпусного материала.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумова О.Б. Растительный код культуры в пословицах о правде и лжи // Интегративные и кросс-культурные подходы к изучению мышления и языка. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2022. С. 57–60.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. 2-е изд., доп. М.: Либроком, 2019. 216 с.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л.: Просвещение, 1973. 303 с.

Балли Ш. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980. 156 с.

Брутян Г.А. Язык и картина мира // НДВШ. Философские науки. 1973. № 1. С. 108–111.

Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140–161.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Грехнева Л.В., Шуляк Е.Н. Особенности репрезентации культурного кода в фразеологизмах с компонентами «дом», «семья» в русском и китайском языках // Нефтегазовые технологии и экологическая безопасность. 2022. № 1(73). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reprezentatsii-kulturnogo-koda-v-frazeologizmah-s-komponentami-dom-semya-v-russkom-i-kitayskom-yazykah (дата обращения: 04.04.2024).

Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Просвещение, 1984. 334 с.

Каленова Н.А. Лингвокреативный потенциал фразеологии повседневности // Известия ВГПУ. 2020. № 7(150). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-potentsial-frazeologii-povsednevnosti (дата обращения: 22.03.2023).

Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд. стер. М.: Просвещение, 2021. 1210 с.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебное пособие для институтов и фак. ин. яз. Дубна: Феникс+, 2005. 448 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. О семиотическом механизме культуры. СПб.: Искусство – СПБ, 2004. 704 с.

Лызлов А.И Аксиологическая динамика английской фразеологической системы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021. 44 с.

Национально-культурная специфика во фразеологии / А. Хатхе [и др.] // Norwegian Journal of Development of the International Science. 2020. № 49-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-vo-frazeologii (дата обращения: 02.01.2023).

Сабурова Н.А. Структура семантического поля пространства // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2002. № 2. С. 81–88.

Скляревская Г.Н. Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 58–66.

Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

Федуленкова Т.Н. Английская фразеология как объект лингвокультурологии и лингводидактики // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Нижний Новгород, 2020. С. 143–150.

Cambridge English Dictionary. URL: http://dictionary.cambridge.org/dictionary (дата обращения: 02.01.2024).

Farlex Dictionary of Idioms. URL: http://idioms.thefreedictionary.com (дата обращения: 12.04.2024).

I.A. Sheveleva
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of English and Teaching English,
Bryansk State University named after ac. I.G. Petrovsky
Bryansk, Russia

Structural and Semantic Peculiarities of the English Phraseological Units with the Component «an Item of Kitchenware»

The article studies the semantics of the English phraseological units that contain components from the thematic group «kitchenware» and also singles out the most common components – the names of the items of cutlery in the phraseological units. The relevance of studying this group of phraseological units, which has not yet been the subject of a separate study, is conditioned by the fact that preparing and eating food are the important parts of the cultural code of any people, encrypted, among other things, with the help of phraseological units of the language. Kitchenware being are tools, means and tools for preparing, consuming and aestheticizing the process of food consumption, contribute to the formation of cultural values of a linguistic community which are expressed, among other things, in the aesthetic and ethical norms of human behavior. Unlike linguistic units of other levels, phraseological units being units of secondary nomination, do not only contain accumulated information about the situations and events that occurred throughout the cultural and historical development of a particular linguistic community, but are also the building material of the secondary picture of the world. The semantics of phraseological units is a vivid expression of the national uniqueness of the linguistic picture of the world. As a result of the study, we divided the selected phraseological units into such phraseological groups as «versatility of human activity», «appearance, character and mental characteristics of a person», «financial situation of a person», «alcohol consumption and the consequences of this use», «food intake and consequences its intake», «various life situations». As a result of a quantitative analysis of the representation of components-names of utensils in phraseological units, we came to the

conclusion that the most common components in phraseological units are the lexemes pot (26% of the studied units), bottle (14.5%), knife (13%), plate (10%), spoon (9%). We associate the prevalence of these components with the special role of the kitchen utensils, designated by the corresponding lexemes, in particular, a pot is a container for both cooking and storing food, a bottle is a container for drinks, which are also are included in the gluttonic sphere of human life, and a plate (plate) and a spoon (spoon) are the most important tools for eating. It was also revealed that the leading structural-semantic types of the studied phraseological units were nominative-communicative units (60% of the studied phraseological units) and nominative phraseological units (28% of the studied units).

Keywords: *language and culture; semantics; semantic feature; phraseosemantic group; kitchenware.*

REFERENCES

Abakumova O.B. Vegetable code of culture in proverbs about truth and lies [Rastitel'nyi kod kul'tury v poslovitsakh o pravde i lzhi]. *Integrative and cross-cultural approaches to the study of thinking and language.* Moscow: Russian State Humanitarian University, 2022. P. 57–60 (in Russian).

Amosova N.N. Basics of English phraseology [Osnovy angliiskoi frazeologii]. The 2nd edition, added. Moscow: Librokom, 2019. 216 p. (in Russian).

Arnold I.V. Stylistics of modern English [Stilistika sovremennogo angliiskogo iazyka]. Leningrad: Prosveshchenie, 1973. 303 p. (in Russian).

Balli Sh. Contextual semantics [Kontekstnaia semantika]. Moscow: Nauka, 1980. 156 p. (in Russian).

Brutian G.A. Language and worldview [Iazyk i kartina mira]. *DVSh. Philological sciences.* 1973. No 1. P. 108–111 (in Russian).

Vinogradov V.V. About the main types of phraseological units in the Russian language [Ob osnovnykh tipakh frazeologicheskikh edinits v russkom iazyke]. *Selected works. Lexicology and lexicography.* Moscow, 1977. P. 140–161 (in Russian).

Gak V.G. Language conversions [Iazykovye preobrazovaniia]. Moscow: Languages of Russian culture, 1998. 768 p. (in Russian).

Grekhneva L. V., Shuliak E. N. Features of the representation of the cultural code in phraseological units with the component «home», «family» in the Russian and Chinese languages [Osobennosti reprezentatsii kul'turnogo koda v frazeologizmakh s komponentami «dom», «sem'ia» v russkom i kitaiskom iazykakh]. *Oil and gas technologies and environmental safety* . 2022, no. (73). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-reprezentatsii-kulturnogo-koda-v-frazeologizmah-s-komponentami-dom-semya-v-russkom-i-kitayskom-yazykah (accessed on April 4, 2024) (in Russian).

Gumbol'dt V. Selected works on linguistics [Izbrannye trudy po iazykoznaniiu]. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 334 p. (in Russian).

Kalenova N.A. Linguistic and creative potential of everyday phraseology [Lingvokreativnyi potentsial frazeologii povsednevnosti]. *Issues of VGPU.* 2020. No 7 (150). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokreativnyy-potentsial-frazeologii-povsednevnosti (accessed on March 22, 2023) (in Russian).

Kunin A.V. Large English-Russian phraseological dictionary [Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar']. The 5th edition, stereotyped. Moscow: Prosveshchenie, 2021. 1210 p. (in Russian).

Kunin A.V. Course of phraseology of modern English: a textbook for institutes and departments of foreign languages [Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka: uchebnoe posobie dlia institutov i fak. in.iaz]. Dubna: Feniks+, 2005. 448 p. (in Russian).

Lotman Iu.M. Semiosphere. On the semiotic mechanism of culture [Semiosfera. O semioticheskom mekhanizme kul'tury]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2004. 704 p. (in Russian).

Lyzlov A.I Axiological dynamics of the English phraseological system [Aksiologicheskaia dinamika angliiskoi frazeologicheskoi sistemy]. *Abstract of dissertation … doctor of Philological Sciences.* Moscow. 2021. 44 p. (in Russian).

Saburova N.A. Structure of the semantic field of space [Struktura semanticheskogo polia prostranstva]. *Philological sciences. Questions of theory and practice.* 2002. No 2. P. 81–88 (in Russian).

Skliarevskaia G.N. Language metaphor in the dictionary.Experience of system description [Iazykovaia metafora v slovare. Opyt sistemnogo opisaniia]. *Questions of linguistics.* 1987. No 2. P. 58–66 (in Russian).

Teliia V.N. Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects [Russkaia frazeologiia. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty]. Moscow: Languages of Russian culture,1996. 288 p. (in Russian).

Fedulenkova T.N. English phraseology as an object of linguoculturology, linguodidactics [Angliiskaia frazeologiia kak ob"ekt lingvokul'turologii i lingvodidaktiki]. *Bulletin of Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubova.* Nizhny Novgorod, 2020. P. 143–150 (in Russian).

Khatkhe A., Chitao I., Autleva F., Khuazheva N., Tesheva M., Shkhalakhova R. National and cultural specificity in phraseology [Natsional'no-kul'turnaia spetsifika vo frazeologii]. *Norwegian Journal of Development of the International Science.* 2020, no. 9–3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-kulturnaya-spetsifika-vo-frazeologii (accessed on January 2, 2023) (in Russian).

Cambridge English Dictionary. Available at: http://dictionary.cambridge.org/dictionary. (accessed on January 2, 2024) (in English).

Farlex Dictionary of Idioms. Available at: http://idioms.thefreedictionary.com. (accessed on April 12, 2024) (in English).

Ш.Р. Басыров

Донецкий государственный университет
Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-131-147

ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕЧЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Ключевые слова*: нечестное поведение; оценка; структура; семантика; семантическая группа; метафора; метонимия.*

Измена и предательство во все времена расценивались моральным сознанием как злодеяние и получали отрицательную оценку, так как они были связаны с нарушением верности общему делу, узам солидарности, дружбы, товарищества, любви, верности, расценивались как переход на сторону врага. Великие мудрецы и праведники рассматривали предательство и доносы как страшное зло.

[1] Исследование выполнено в рамках госбюджетной темы (№ госрегистрации 124012400351-9).

В статье исследуется семантика и структура стилистически маркированной лексики немецкого языка, обозначающей нечестное поведение человека, в частности донос, измену, предательство человека.

Многие слова анализируемой семантики носят эмоционально-экспрессивную окраску, которая создается посредством метонимического и метафорического переносов неодушевленных предметов или животных, птиц на человека. Высокую активность в этой связи обнаруживает метонимическая модель «атрибут одежды – наименование человека по этой одежде».

Четкая дифференциация немецких имен существительных по субъекту и/или объекту доноса обусловлена особенностями их словообразовательной структуры: композиты употребляются обычно для номинации осведомителей определенной организации, а непроизводные (корневые) слова характеризуются широким контекстом употребления.

В аксиологическом плане анализируемая лексика носит ярко выраженный пейоративный характер, что свидетельствует о негативном отношении немецкой языковой культуры к доносам, измене, предательству и к лицам, их совершившим.

Деривация оценочной лексики происходит по моделям и способам образования немецкого литературного языка. Субстантивные лексемы продуктивно образуются путем суффиксации и словосложения, а глаголы – префиксальным способом.

В качестве перспективы дальнейшего исследования предлагается рассмотрение данной проблематики в сопоставительном аспекте.

Настоящая статья посвящена исследованию языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле «Нечестное поведение человека». Ядро данного поля составляют глаголы и имена существительные со значениями «извещать, доносить, стучать и др.», «информатор, доноситель, стукач и т.п.», которые особенно многочисленны в разговорной речи и в различных социолектах (арго, жаргон, просторечье и др.) и обладают наиболее значительным оценочным потенциалом [Смирнова, 2021, *61*]. Обращение к заявленной теме продиктовано в первую очередь морально-этическими соображениями [Симонова, 2006; Старостина, 2004]. В «Словаре по этике» под редакцией А.А. Гусейнова и И.С. Кона представлены восемь негативных характеристик честности человека, среди которых, наряду с *вероломством*, *коварством, лицемерием, фарисейством, ханжеством* и *клеветой*, «почетные» места занимают *измена и предательство* [Словарь по этике, 1989, *105, 106, 268, 269*]. Измена и предательство во все времена расценивались моральным сознанием как злодеяние и получали всегда отрицательную оценку, так как они были связаны с нарушением верности общему делу, узам солидарности, дружбы, товарищества, любви, верности, расценивались как переход на сторону врага. Крайне негативно к измене, предательству, доносу относятся различные религии. Великие мудрецы и праведники рассматривали предательство и доносы как

страшное зло и боялись этого. Премудрый Соломон призывал свой народ изучать закон Божий и пребывать в божественных заповедях, чтобы через изучение закона Господня получить просвещение своей души, знание, рассудительность и таким путем защитить себя от клеветников, лжесвидетелей, предателей и доносчиков [Благонравие христиан, 2016]. Священная Книга «Коран» также осуждает клеветников, доносчиков, изменников и призывает мусульман: «О те, которые уверовали! Берегитесь многих мыслей! Ведь некоторые мысли – грех; и не выслеживайте, и пусть одни из вас не поносят за глаза других» [Коран, 1990, *423*]; «А если ты боишься от людей измены, то отбрось договор с ними согласно со справедливостью: поистине, Аллах не любит изменников!» [Коран, 1990, *159*].

Материалом для настоящего исследования послужили глагольные и субстантивные лексемы со значениями «доносить, выведать и т.п.», «доносчик, стукач, осведомитель и т.п», а также контексты их употреблений, полученные из словарей различного типа (толковых, разговорных, синонимичных и др.), интернет-источников, Национального корпуса немецкого языка. В материал исследования наряду с общеупотребительной лексикой включены также нестандартные языковые единицы, поскольку динамическое развитие языка, прежде всего его лексической системы, приводит к тому, что многие нестандартные единицы (коллоквиализмы, жаргонизмы, сленгизмы, арготизмы, просторечные и диалектные слова), являясь обычно стилистически маркированными словами, активно проникают в общеупотребительный язык [Земская, 1981; Нещименко, 2001; Петрищева, 2021]. В этой связи актуальными и справедливыми остаются мысли многих лингвистов и писателей прошлых времен. Достаточно вспомнить слова известного отечественного языковеда Л.В. Щербы о том, что «все изменения языка, которые потом проявляются и в монологической речи, куются и накопляются в кузнице разговорной речи» [Щерба, 1957, *125*].

Не утрачивает своей ценности и следующее риторическое высказывание французского писателя В. Гюго: «...с каких это пор ужас стал исключать исследование? С каких это пор болезнь стала изгонять доктора? Можно ли представить себе естествоиспытателя, который отказался бы изучать гадюку, летучую мышь, тарантула и швырнул бы их обратно во тьму, воскликнув: “Какая гадость!” Мыслитель, отвернувшийся от арго, походил бы на хирурга, отвернувшегося от бородавки или язвы. Он был бы подобен филологу, не решающемуся заняться каким-нибудь языковым явлением, или философу, не решающемуся вникнуть в какое-нибудь явление общественной жизни» [Гюго, 1972, *11*].

Глаголы со значением «доносить, предавать, изменять и т.п.». В плане семантики данные глаголы распадаются в немецком языке на несколько семантических групп.

Ряд глаголов описывает ситуацию, в которой субъект каузирует кого-л. или сам хитро и осторожно пытается путем расспросов объекта получить нужную информацию. Например:

(1) *Horche* ihn doch über diese Sache etwas *aus* [Большой немецко-русский словарь, 1980, *170*].

Внутренняя форма следующего глагола ассоциируется с рентгеновским лучом света, который как бы позволяет субъекту узнать что-либо тайное, скрываемое от других, настойчиво допытываясь об этом. Ср. его словарное толкование:

(2) *ableuchten* umg. <jn aushorchen, verhören. Eigentlich „den Lichtstrahl auf Dunkles richten“> [Küpper, 1987, *10*].

Следующая семантическая группа охватывает глаголы, обозначающие тайное наблюдение субъекта за кем-л., чем-л., стремление узнать что-л., часто копаясь в чужих вещах, документах и т.п. Субъектом таких действий может быть как профессиональный работник (см. (3а)), так и дилетант (см. (3б)), ср.:

(3) *spionieren* <Spionage treiben, als Spion tätig sein> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache,1980, *3498*]:

(3a) Wenn sie für Serbien *spionieren* wollten, so können sie sich nicht beklagen: man macht ihnen die Recherchen leicht;

(3b) Ihr Zimmermädchen seid gewohnt, durch das Schlüsselloch zu *spionieren* und davon behaltet Ihr die Denkweise, von einer Kleinigkeit, die Ihr wirklich seht, ebenso großartig wie falsch auf das Ganze zu schließen.

Ср. (3) и его производный префиксальный дериват, обозначающий тайное наблюдение за кем-л., чем-л.:

(4) *ausspionieren* <etwas., jmdn. durch heimliches Nachforschen zu entdecken trachten> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *374*]: Er hatte es schon immer riechen können, schon damals, in dem anderen Leben, in dem er Wache hatte stehen müssen, *ausspionieren,* hinterherschleichen, erkunden… o ja, er wusste, wie Gefahr roch.

Сходное значение с (4) имеет и арготический глагол *abmessen* rotw. <etwas ausspionieren> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *10*].

Следующие однокоренные глаголы (5) *spitzeln* и (6) *bespitzeln* этимологически связаны с арготизмами *Spitz / Spitzel* [Kluge, 1999, *780, 781*] и обозначают соответствующие им действия с негативной оценкой:

(5) *spitzeln* abwertend <als Spitzel tätig sein> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *3501*];

(6) *bespitzeln* abwertend <als Spitzel jmdn., etw. beobachten> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *556*]: Vom Vorsitzenden aufgefordert, das Wort Spitzel im Zusammenhang mit der vom Staatsanwalt gestellten Frage zurückzunehmen, weigerte sich Horn; er habe die Aufforderung, einen Kollegen zu *bespitzeln*, zu deutlich herausgehört.

Глагол *schnüffeln* и его префиксальные производные *aus- / be- / durch- / nach- / umherschnüffeln* являются стилистически маркированными дериватами с негативной коннотацией. Звукоподражательный характер данных глаголов актуализирует ассоциацию с собакой-ищейкой, которая осуществляет розыск людей, предметов по их запаху, следу. Приведем словарные толкования некоторых лексем и примеры их употребления:

(7) *schnüffeln* übertr. umg. abwertend. <In den Angelegenheiten und Sachen anderer Menschen neugierig und unberechtigt herumsuchen, spionieren>: Es ist nicht meine Art, in fremden Zimmern zu *schnüffeln* [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *3281*];

(8) *ausschnüffeln* umg. abwertend <etw., jmdn. Ausspionieren>: Was die Menschen nicht alles *ausschnüffeln*! [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *363*].

К глаголам (7), (8) семантически примыкает стилистически нейтральный глагол *auskundschaften* <etwas erkunden, etw., jmdn. ausfindig machen>: War bald der Feind in seiner vordersten Stellung, an einem Waldrand, *ausgekundschaftet* [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *337*].

В данную смысловую группу входят глаголы, субъект действия которых изменяет кому-л., тайно сообщает кому-л. секретные сведения, коварно выдает кого-л., что-л. и т.п.:

(9) *verraten* <jmdm., einer Sache die Treue brechen>: Er hat unsere gemeinsame Sache *verraten* [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *4095*];

(10) *zutragen* <jmdm. etwas heimlich mitteilen, hinterbringen>: Sie hat wirklich geglaubt, was man ihr über uns *zugetragen* hatte [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *788*], аналогично: *zubringen / zubläsen / flüstern* [Большой немецко-русский словарь, 1980, *635*; Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *247*];

(11) *anscheißen* grob <j-n hinterhältig anzeigen, verraten, verleumden. Der Schandfleck wird hier derb zu einer Verunreinigung mit Kot> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *36*]: Er lacht, ein unangenehmes, meckerndes Gelächter. «Lasst euch doch nicht *anscheißen*! Die wollen euch bloß dumm machen und lauern nur darauf, dass wir rauskommen sollen!»

Коллоквиальные глаголы *petzen* и *quatschen* обозначают, в частности, донос ученика учителю на своего одноклассника. Ср. их сходные словарные толкования:

(12) *petzen* umg. <j-n verraten, anzeigen, dem Lehrer melden> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *602*]: er hat es dem Lehrer *gepetzt* [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1981, *2772*];

(13) *quatschen* umg. <einen Übeltäter dem Lehrer melden> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *643*].

Следующие глаголы обозначают донос человека на кого-л., что-л. в определенное учреждение, ср.:

(14) *anzeigen* <etw., jmdn. einer Behörde melden, angeben> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *195*]: Solle er doch gleich ihren Laden übernehmen, gerne, liebend gerne sogar! Solle er sie doch *anzeigen*. Solle er doch ihren Laden zumachen und sich nach einem anderen Geschäftsführer umsehen;

(15) *angeben* < jmdn anzeigen, verraten> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *137*]: Etwas tun, das hieß aber, andere *angeben*, zum Beispiel melden: der und der hat einen ausländischen Sender abgehört;

(16) *denunzieren* abwertend <jmdn. aus niedrigen, meist egoistischen Beweggründen anzeigen, verdächtigen>: Er hatte mich beim Direktor *denunziert* [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *788*].

В данную группу входят глаголы зрительного и слухового восприятия, субъект которых хитростью, коварством и лестью пытается узнать у объекта что-л., ср.:

(17) *lauschen* <horchen, um heimlich, unbeobachtet etw. über etw., jmdn. zu erfahren> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1984, *2318*]: Meine Mutter riss hinter mir die Kellertür wieder auf und schrie: «Schon für diese Bemerkung hattest du noch eine verdient!» und lehnte die Tür nur an, um zu *lauschen*;

(18) *horchen* <aufmerksam, angestrengt hören, lauschen, um unbeobachtet etwas zu erfahren, jmdn. heimlich zu belauschen> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1984, *1896*]: Er *horchte* an der Tür [Wörter und Wendungen, 1972, *323*];

(19) *ausspähen* <etw., jmdn. Auskundschaften, ausspionieren> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1984, *372*]: Der Feind hatte ihn *ausgespäht*;

(20) *spitzen* <spähen, lauern, lauschen; zu erfahren, zu ergründen suchen. Man spitzt die Sinne und hat ein „scharfes und stechendes Auge“> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *784*];

(21) *überringeln* <etwas ergründen, verstehen. Man geht listig und geschmeidig vor, wie man es sich von einer Schlange vorstellt. Vorwiegend oberd.> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *860*];

(22) *aufpassen* landsch. <jmdn abpassen, jmdm auflauern> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *265*]: Sollte er nicht zu Hause sein und weiter auf Charlotte *aufpassen*? Aber er hatte es sich nicht nehmen lassen, mich nach Temple zu begleiten, was irgendwie auch wieder süß war;

(23) *lauern* <in feindlicher Absicht versteckt, hinterhältig auf jmdn., etw. warten> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1984, *2313*]: Der Unterstand des Wagens, hineingeduckt, der Motor summend, *lauern* auf den Gegner.

В словообразовательном отношении большинство проанализированных глаголов образуются префиксальным способом (около 30 ед.) (***zu****bringen,* ***zu****bläsen,* ***aus****schnüffeln,* ***auf****passen* и др.).

Отмечены непроизводные (корневые) глаголы (6 ед.) (*schnüffeln, lauern, spähen* и др.).

Единичными случаями представлены суффиксальные (*spion**ier**en),* префиксально-суффиксальные глаголы *(**be**spitz**el**n)* и глаголы, образованные путем конверсии *(spitzeln).*

Субстантивные лексемы со значением «осведомитель, стукач, шпион и т.п.» условно распадаются на две семантические группы: 1) профессиональные работники; 2) непрофессиональные работники. Добавим, что семантические границы между этими лексическими группами в разговорной речи часто носят нестрогий характер, то есть они могут взаимодополнять и/или взаимозаменять друг друга. Ср.:

(24) Der mutmaßliche *Spion* war im August in Potsdam festgenommen worden [https://corpora.wortschatz-leipzig.de];

(25) Ist das genug Auskunft für *einen Spion* des Gefühls, Herr Lachmann? [https://corpora.wortschatz-leipzig.de].

Выделенные семантические группы распадаются на более узкие подгруппы.

Лексемы семантической подгруппы «Разведчик, шпион, агент и т.п.» обозначают лицо, которое по поручению или в интересах правящей власти организованно занимается сбором тайной информации об экономическом или военном положении дел своих противников. Приведем контекстуальное употребление данных лексем:

(26) Erhatte für fremde Macht, den amerikanischen Geheimdienst *Spion* getrieben [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *3498*];

(27) «Schießen? Hierher hat sich höchstens mal ein *Aufklärer* verirrt. Geschossen haben wir bloß in der Ausbildung, auf einen Luftsack!» [https://de.wikipedia.org];

(28) Der Tote galt als russischer *Agent* [htpps://corpora.wortschatz-leipzig.de];

(29) Es ist nicht das erste Mal, dass man Spitzel und Provakateur einunseren Reihenschickt [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *3501*];

(30) *Kundschafter* wurden ausgeschickt, die sich vor Ort schon mal umsehen sollte [https://corpora.wortschatz-leipzig.de].

В немецком разговорном языке к рассматриваемым лексемам относится гендерно маркированный коллоквиализм *Horchsirene* <politische oder militärische Agentin> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *359*] ‘политическая и военная шпионка’(в поэме Гомера «Илиада» сирены – опасные соблазнительницы), а также контаминант *Spiogent* (← Spio(n) + (A)gent) [https://de.wikipedia.org].

Лексема *Rübenschwein* употребляется не только для обозначения подлого человека (So ein *Rübenschwein*!) [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1981, *3079*], но и для номинации шпиона тайной полиции или католической церкви [https://de.wikipedia.org].

К вышерассмотренной подгруппе примыкают лексемы, называющие человека, который доносит на своих сотрудников, сослуживцев и/или работает в определенном учреждении, службе либо сотрудничает с ними. Некоторые лексемы являются метонимиями, называющими человека по определенному атрибуту его одежды. Так, метонимия *Schlapphüte* служит для номинации сотрудников заграничных информационных агенств и сотрудников тайной службы, которые раньше во время работы носили большие фетровые шляпы с широкими полями. Сегодня данный обычай устарел, но значение тайного осведомителя за этой лексемой сохранилось:

(31) Die *Schlapphüte* hätten keine Ahnung von der Lage in Afghanistan gehabt, obwohl sie in Kabul einen ihrer größten Außenposten hatten und als gut vernetzt galten [https://corpora.wortschatz-leipzig.de].

Следующая метонимия *Trenchcoatbrigade* называет сотрудников министерства по охране конституции и работников других аналогичных служб:

(32) Ulf: «Es klingelt nur ein einziges Mal, zu den unmöglichsten Zeiten. Und dann sind Störgeräusche im Telefon». Britta: «Na, wenn das nicht unsere Spezis von der *Trenchcoatbrigade* sind» [https://www.munsmische.de].

В переносном значении употребляется также синекдоха *Deckmantel* (ширма, маска) для маскировки сомнительных действий, намерений, планов кого-л.:

(33) Dzaralo: «Diese caritative Aktion war doch nur der *Deckmantel* um mal wieder ein paar Millionen am Fiskus vorbeizuschleusen» [https://www.munsmische.de].

До объединения Германии (1990 год) композит *Abschnittsbevollmächtigter* (сокращенно: ABV) служил для номинации участкового уполномоченного Народной милиции ГДР (Восточная Германия), который всегда владел полной информацией обо всех событиях на своем участке, мог прийти к любому жильцу без уведомления, его впускали, информировали, а он затем обо всем доносил в соответствующие инстанции. Сегодня данная лексема обычно используется для обозначения человека, который постоянно пишет доносы на своего соседа. Некоторые домоуправления легитимно содержат людей, которые работают в качестве шпика и осведомителя:

(34) DDR 1981: Ronny: «Du, ich habe eine neue Scheibe gekriegt». Mandy: «Pst, da kommt der *Abschnittsbevollmächtigte*!» [https://www.munsmische.de];

(35) BRD 2005: Meyer zu Müller: «Siehste, Kalle, kaum sind wir am Ausziehen hat das der *Abschnittsbevollmächtigte* gleich weitergeleitet, und da kommen schon die Tintenpisser von der Hausverwaltung» [https://www.munsmische.de].

Лексема *Verwesungsschmutz* часто встречается в заголовках газет и журналов и употребляется в адрес тайной службы, которая представляет собой «государство в государстве». Данная служба была создана нацистами, сегодня она снабжает деньгами праворадикальные банды убийц, освобождает террористов, шпионит за депутатами бундестага, которые имеют альтернативную точку зрения на дальнейшее развитие страны [https://www.munsmische.de]:

(36) Karsten: «Ich verstehe das nicht. Seit ich bei der Demo da war, knackt es ab und zu im Telefon, es rauscht und knistert, und das Internet – da kannst du auf einmal jedes Byte mit Handschlag begrüßen! Die Telefonfirma hat aber gesagt, dass es keine bekannten Störungen gibt». Jörg: «Na, wenn da nicht die Schlapphüte vom *Verwesungsschmutz* bei dir in der Leitung hocken» [https://www.munsmische.de].

Двуслоговая аббревиатура (42) *GröBaZ* [grø:ba:ts] возникла на базе выражения **Grö**(ßter) **B**(erichterstatter) **a**(ller) **Z**(eiten) ʽкрупнейший докладчик (корреспондент) всех временʼ, которое, в свою очередь, появилось по аналогии с выражением генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, адресованным А. Гитлеру: «Mein Führer, Sie sind der *Größte Feldherr aller Zeiten*!» [https://www.munsmische.de].

Первоначально сокращение *GröBaZ* означало «признанный / уважаемый корреспондент среди журналистов», а после объединения Германии данная аббревиатура приобрела негативный оттенок и стала использоваться для обозначения доносчиков Штази (= Министерство государственной безопасности бывшей ГДР (Восточная Германия), тайная полиция) [https://www.munsmische.de].

Композит *Gema-Spitzel* имеет в качестве детерминативного компонента двуслоговую аббревиатуру Gema (← **Ge(**sellschaft) (für) **m**(usikalische) **A**(ufführungsrechte) (und) (mechanische) (Vervielfältigungsrechte) «Общество по правам музыкальных постановок и механическому размножению прав»). Данное общество (Гема) направляет шпиков (сотрудников заграничной службы) на представления для контроля выполнения своих приказов (музыкального заключения, названия ленты / группы и т.п.). Шпики приходят парами в трактир под видом завсегдатаев или в популярный клуб, одевшись словно на свидание, они сразу бросаются всем посетителям в глаза, хотя и пытаются вести себя незаметно, вызывают у всех антипатию, и прежде всего у хозяина заведения [https://www.mundmische.de]:

(37) Fritz-Kevin: «Hast du die beiden Fritzen gesehen, die gerade reingekommen sind?» Brunhilda: «Wie, die mit schwarzer Hose, Holzfällerhemd, Niefickerschuhe, verbeultes Studienrat-Cordjackett und nassgekämmt?» Fritz-Kevin:

«Ja, genau die! Das sind doch bestimmt zwei *GEMA-Spitzel*...» [https://www.mundmische.de].

Лексемы (38) *Wurmschleuder* (букв. червячный сепаратор / катапульта) и (39) *Tintenspion* (букв. чернильный шпион) обозначают соответственно сотрудника и солдата-канцеляриста: первый читает из любопытства все электронные письма своих коллег, а второй копается, словно червь, в личных делах и документах своих сослуживцев [https://www.mundmische.de].

Ср. (39) и семантически близкий коллоквиализм *Geheimsender* umg. <Soldat, der durch Anzeigen von Kameraden sich beim Vorgesetzten einschmeichelt. Er „sendet" insgeheim abträgliche Bemerkungen an den Vorgesetzten> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *277*].

Сходные значения обнаруживают метафорически переосмысленные композиты (40) *Meinungsblockwart*, (41) *Gesinnungssheriff* и (42) *Gesinnungsschnüffler*, которые называют яростного сторонника определенного политического режима и доносчика, сообщающего о взглядах (убеждениях, образе мыслей) его противников https://www.mundmische.de].

Добавим, что у композита (40) его второй компонент (*Blockwart*) может употребляться самостоятельно и означает ґлавный доносчик на соседей̓:

(43) Peter: «Kutte, mach schnell den Ölfleck unter deiner Karre weg! *Blockwart* Meier ist im Anmarsch!» Kutte: «Scheiße!» [https://www.mundmische.de].

Семантическую близость с рассмотренными выше единицами обнаруживает лексема *Türken-App*, в которой второй компонент *App* возник путем блендинга (контаминации) [Стрельцов, 2021, *115*], то есть соединения начальных сегментов первого и второго слова: **A**(rsch) + **P**(o)**p**(o). Эти три лексемы обозначают турецких эмигрантов в Германии, которые доносят турецкой тайной службе на критиков Эрдогана и его политики [https://www.mundmische.de].

В рассматриваемую подгруппу входит лексема *Informant* <jmd., der geheime Informationen liefert> [Duden, 1996, *370*]:

(44) Daraus folgt zwangsläufig, dass Tarassow ein *Informant* von Platonow war [https://de.wikipedia.org].

Отмечены также лексемы, номинирующие обычно ученика, который доносит учителю на своего одноклассника:

(45) Den *Petzer* werden wir nach der Schule schon verkloppen [Девкин, 1996, *548*].

Ср. толкование аналогичной отглагольной лексемы:

(46) *Quatscher* umg. <Schüler, der einen Mitschüler beim Lehrer anzeigt> (← *quatschen*umg. <einen Übeltäter dem Lehrer melden>) [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *643*].

Лексемы *Kollaborateur / Kollaborationist* имеют оттенок неодобрения и обозначают человека, добровольно сотрудничающего с оккупантами (от франц. *collaboration* – сотрудничество):

(47) Dann kamen erst die Amerikaner, und wir konnten endlich das Sowjetparadies in den Grüften verlassen und in die Wohnung zurück; aber auch die Amerikaner wurden nicht schlau aus all dem Durcheinander, die waren wohl doch erschrocken darüber, wie die Stadt nun wirklich aussah, und ich habe welche von denen weinen sehn, besonders ein paar Frauen, vor dem Hotel da an der Kathedrale – und was tauchte da alles an Menschen auf: deutsche Deserteure, versteckte Russen, Jugoslawen, Polen, russische Arbeiterinnen, weggelaufene KZ-Häftlinge, ein paar versteckte Juden – und wie sollten die nun feststellen, wer *Kollaborateur* gewesen war, wer nicht, und in welches Lager wer gehörte [https://de.wikipedia.org].

В оставшуюся группу входят лексемы с общим значением «доносчик / предатель / шпик и др.», которое может уточняться контекстом.

Ср. описание значения лексемы (55) *Meldemuschi* <Eine elende Petze / ein elender Denunziant. Besonders anzutreffen sind solche Individuen neuerdings bei Facebook> [https://www.mundmische.de].

Выявлены также лексемы, номинирующие человека, сообщившего о преступлении, выдавшего или очернившего / обманувшего кого-л., что-л., ср. толкования данных имен и их мотивирующих глаголов:

(48) *Anzeiger* <Denunziant, Angeber> (← *anzeigen*<etw., jmdn. einerBehördemelden, angeben> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *195*];

(49) *Anscheißer* vulg. abwertend <Betrüger, Verräter> (← *anscheißen*-vulg. abwertend <jmdn. betrügen> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *170*];

(50) *Angeber* <Denunziant> [18, т. 1, с. 137] (← *angeben* < jmdn. anzeigen, verraten>): Ihn hielten alle für Aufpasser und *Angeber* [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *137*].

Идея выслеживания может кодироваться внутренней формой звукоподражательных слов, обозначающих, в частности, тяжелое дыхание человека или поиск чего-л., кого-л. по запаху, подобно животному, и обладающих негативной коннотацией. Приведем словарные толкования данных звукоизобразительных коллоквиализмов и арготизмов, их мотивирующие основы и контексты употребления:

(51) *Schnüffler* umg. Abwertend <jmd., der in den Angelegenheiten und Sachen anderer Menschen etw. sucht, Spion, Spitzel> (← *schnüffeln* übert. umg. abwertend. <In den Angelegenheiten und Sachen anderer Menschen neugierig und unberechtigt herumsuchen, spionieren> Walter suchte bald darauf die Toilette auf, damit dieser *Schnüffler* Gelegenheit hätte, sein Gepäck zu durchstöbern [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976, *3281*];

(52) *Schnaufer* rotw. <Aufpasser> (← *schnaufen*): Der wird sich zergrübeln, warum sie eigentlich und wieso tot ist. Aber vermutlich wird er weiter keinen *Schnaufer* tun. Hüten wird er sich [https://www.mundmische.de].

Негативное со-значение отмечено и у синонимичного слова (53) *Aufpasser* abwertend <Schnüffler, Spitzel> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *265*] (← *aufpassen* landsch. <jmdn. abpassen, jmdm. auflauern >: Denn die zahlreichen Dolmetscher waren mitunter auch *Aufpasser*, die die Besucher aus dem Westen immer im Blick hatten [https://corpora.wortschatz-leipzig.de].

Следующие лексемы описывают сходную ситуацию, в которой адресант тайком сообщает адресату о чем-л., ком-л. Данные лексемы мотивируются соответствующими глаголами, в которых приставка *zu-* сообщает корневой морфеме смысл присоединения:

(54) *Zuträger* abwertend <jmd., der anderen heimlich über jmdn., etw. Mitteilung macht> (← *zutragen* <jmdm. etwas heimlich mitteilen>: Die Gestapo überließ einen so willfährigen *Zuträger* natürlich nicht sich selbst [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976, *4528*], аналогично:

(55) *Zubringer* (← *zubringen*) / *Zubläser* (← *zubläsen)* [https://www.mundmische.de].

В актуализации семантики доноса участвует, помимо чувства обоняния, слуховое восприятие. Ср. следующие лексемы с корневой морфемой *horch-*:

(56) *Horcher* <jmd., der einen anderen heimlich belauscht> (← *horchen* <aufmerksam, angestrengt hören, lauschen, um unbeobachtet etwas zu erfahren, jmdn. heimlich zu belauschen> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *1897*]: Dein Vater hat überall seine *Horcher* (Spione) gestellt, аналогично: *Horchmann*, *Aushorcher* (← *aushorchen* <jmdn. vorsichtig, hinterlistig ausfragen> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 19, *334*].

Приведем остальные лексемы с их толкованиями, мотивирующими основами и контекстами употребления:

(57) *Verräter* <jmd., der einen Verrat begangen hat> (← *verraten* <jmdm., einer Sache die Treue brechen> [Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1976, *4095*]: «Ach, mein Mädchen! Dieser Tag ist deshalb von äußerster Bedeutung, weil sich auf ebendiesem Ball herausstellen soll, wer in den Reihen der Wächter der *Verräter* ist, der die Informationen an die florentinische Allianz weitergeleitet hat [https://de.wikipedia.org];

(58) *Ableuchter* <Spitzel, der einen Kameraden aushorcht und über ihn an seinen Auftraggeber berichtet> (← *ableuchten* <j-n aushorchen, verhören. Eigentlich „den Lichtstrahl auf Dunkles richten“> [https://www.mundmische.de];

(59) *Denunziant* abwertend. <jmd., der aus niedrigen, meist egoistischen Beweggründen andere anzeigt, verdächtigt> (← *denunzieren* abwertend <jmdn. aus niedrigen, meist egoistischen Beweggründen andere anzeigen, verdächtigen>

[Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1980, *788*]: Unter uns war *ein Denunziant*;

(60) *Flüsterer* (← *flüstern* umg. <jmdm., etw. unter vier Augen sagen> [Wörterbuch der deutschen Umgangssprache, 1987, *247*].

В словообразовательном отношении субстантивные лексемы образуются различными способами и обнаруживают различную степень продуктивности.

Наиболее продуктивными являются суффиксальные имена (24 ед.), в деривации которых особенно активно участвует суффикс -er (*Anzeig**er**, Angeb**er**, Aufpass**er**, Zuträg**er**, Horch**er*** и др.) (20 ед.), отмечены единичные дериваты с суффиксами -e (Petz**e**), -ant (Denunzi**ant***)*, -ist (Kollaboration**ist**), -eur (Kollaborat**eur**).

Высокую продуктивность проявляет также словосложение, которое сопровождается обычно метафорическим или метонимическим переосмыслением основ (15 ед.) (*Verwesungsschmutz, Wurmschleuder, Tintenspion, Gesinnungssheriff* и др.).

Продуктивность остальных способов образования и структурных типов имен существительных невысока и не превышает трех единиц: сокращение (аббревиация) (3 ед.) (*Gema-Spitzel, Türken-App, Grö-Baz*), полусуффиксация (*Horch**mann***) и контаминация (*Spiogent*).

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Ядро семантического поля языковых единиц «Нечестное поведение человека» в немецком языке составляют глаголы и существительные, обозначающие предательство, измену, доносы и т.п.

Большинство имен и глаголов являются эмоционально-оценочными языковыми единицами, возникшими в процессе метонимического и метафорического переносов неодушевленных предметов или животных, птиц на человека. Особенно продуктивной является метонимическая модель «атрибут одежды – наименование человека по этой одежде».

Отличительной особенностью немецких субстантивных лексем становится их четкая дифференциация по субъекту и/или объекту доноса, что обусловлено, в частности, особенностями словообразования. Так, немецкие композиты чаще употребляются для номинации осведомителей определенной организации, напротив, лексемы с более простой словообразовательной структурой (непроизводные / корневые слова) обычно обладают широким контекстом употребления.

В плане оценки существительные и глаголы в немецком языке распадаются на две группы:

1) лексемы с ярко выраженной отрицательной оценкой (*Schnüffler / Zuträger / Verwesungsschmutz*; *denunzieren / ausschnüffeln / spitzeln*);

2) лексемы с невыраженной оценкой (*Agent, Kundschafter*, *auskundschaften / anzeigen*).

Лексемы с отрицательной оценкой количественно преобладают, что свидетельствует о негативном отношении немецкой языковой культуры к доносам / измене / предательству и к лицам, их совершившим.

У глаголов со значением *предавать / изменять / доносить* наблюдаются лексико-семантические сдвиги следующих типов:

1) каузация движения (нести, приносить, перемещать) → доносить / выдавать (*tragen / bringen → zutragen*; *zubringen*);

2) физиологические действия → донести / выдать / обмануть (*scheißen / pinkeln → anscheißen / anpinkeln*);

3) передача объекта → предавать, изменять *(geben → angeben*);

4) физическое воздействие на объект, часто с нанесением ему вреда → выдавать / предавать / донести *(spitzen → anspitzen*);

5) чувственное восприятие → выведать / разузнать (*schnüffeln → aus- / be- / durch- / nach- / umherschnüffeln*).

Активность данных семантических сдвигов неодинаковая, в целом она более высокая в типах 1, 2, 5.

Способы образования оценочной нестандартной лексики в целом совпадают с процессами образования нормированных (литературных) слов в немецком языке.

Субстантивные лексемы продуктивно образуются суффиксальным способом и путем словосложения, а глаголы – префиксальным способом.

ЛИТЕРАТУРА

Благонравие христиан / пер. с греч.: А.Ф. Козлов [и др.]. М.: Изд-во Братства во имя Святой Троицы, 2016. 637 с.

Гюго В. Отверженные // Гюго В. Собр. соч. В 10 т. М.: Правда, 1972. Т.6. 629 с.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 275 с.

Коран / пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Волокнор, Трекингтур, 1990. 727 с.

Кушнерик В. Фоносемантизм у германських і слов'янських мовах. Чернівці: Рута, 2004. 370 с.

Нещименко Г.П. Динамика речевого стандарта современной публичной коммуникации: проблемы, тенденциии развития // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 98–132.

Петрищева Е.И. Стилистически маркированные наименования лиц по родственным отношениям: сопоставительный аспект: автореф. дис. … канд. филол. наук. Донецк, 2021. 22 с.

Симонова Е.В. Семантическое поле «нечестное поведение» в истории русского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 2006. 28 с.

Словарь по этике / под ред А.А. Гусейнова и И.С. Кона. 6-е изд. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1(53). С. 61–76.

Старостина Е.В. Фреймовый анализ русских глаголов поведения (на материале ассоциативных реакций): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 28 с.

Стрельцов А.А. Классификация слов, образованных посредством блендинга: словообразовательный аспект // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 4(56). С. 53–65.

Щерба Л.В. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113–129.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ПРИМЕРОВ

Большой немецко-русский словарь: в 2 т. / сост. Е.И. Лепинг [и др.]; под рук. О.И. Москальской. М.: Рус. яз., 1980. Т. 1. 760 с.; Т. 2. 656 с.

Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики: Свыше 12 000 слов. 2-е изд., стереотип. М.: РУССО, 1996. 768 с.

Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache. 21., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag., 1996. 910 S.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erw. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 1999. 921 S.

Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, GmbH, Stuttgart, 1987. 959 S.

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1972–1981. Bd. I. 1675 S.; Bd. II. 1600 S.; Bd. III. 2412 S.; Bd. IV. 3212 S.; Bd. V. 4012 S.; Bd. VI. 4579 S.

Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von Erhard Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Küfner. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1972. 818 S.

https://corpora.wortschatz-leipzig.de (дата обращения: 05.04.2024).

https://de.wikipedia.org/wiki/Gröfaz (дата обращения: 05.04.2024).

https://www.mundmische.de (дата обращения: 12.09.2022).

Sh.R. Basyrov
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Germanic Philology,
Donetsk State University
Donetsk, DPR, Russia

Evaluative Vocabulary Denoting Dishonest Behavior in the German Language

Unfaithfulness and betrayal have always been viewed as a crime from a moral standpoint and received negative evaluation since they were associated with a violation of loyalty to a common cause, the bonds of solidarity, friendship, camaraderie, love, fidelity, and deserting to enemy. Great sages and righteous people considered betrayal and delations as a terrible evil.

This article deals with the semantics and structure of stylistically marked vocabulary denoting dishonest human behavior in the German language, in particular a delation, treason, adultery, betrayal etc.

Many words of the semantics under analysis have an emotional and expressive connotation which has occurred through metonymic and metaphorical transfers of inanimate objects or animals, birds to humans. The metonymic model «a clothing item – a name of a person based on this clothing item» demonstrates high productivity in this regard.

A distinctive differentiation of German nouns by subject and/or object of delation is due to the peculiarities of their word formation structure: composites are typically

used to nominate informants of a certain organisation, and non-derivative (root) words are characterised by a broad context of use.

In axiological terms, the vocabulary under analysis is of a distinct pejorative character which indicates the negative attitude of German linguistic culture towards delations, treason, adultery, betrayal and those who committed them.

The derivation of evaluative vocabulary occurs according to the models and methods of formation of German literary language. Substantive lexemes are productively formed by suffixation and compounding, and verbs by a prefixal method respectively.

As a further research perspective, it is proposed to consider this issue in a comparative aspect.

Keywords: *dishonest behavior; evaluation; structure; semantics; semantic group; metaphor; metonymy.*

REFERENCES

Good behavior of Christians [Blagonrawie chrictian]. Translation from Greek by A.V. Koslow [and others]. Moscow, 2016. 637 p. (in Russian).

Hugo V. Les Miserables [Otwerzhennye]. *Collection in 10 volumes*. Moscow: Pravda, 1972. Vol. 6. 629 p. (in Russian).

Semckaja E.A., Kitajgorodckaja M.W., Schirjaew E.N. [Rucckaja rasgowornaja retsch']. *General issues. Word formation. Syntax*. Moscow: Nauka, 1981. 275 p. (in Russian).

Koran [Koran]. Translation and commentaries by. I.Ju. Kratschkovckii. Moscow: Woloknor, Trekingtur, 1990. 727 p. (in Russian).

Kuschnerik W. Phonosemantism in Germanic and Slavic languages [Vonocemantism u germanc'kich i clowjanc'kich mowach]. Tscherniwzi: Ruta, 2004. 370 p. (in Ukrainian).

Neshimenko G.P. Dynamics of the speech standard of modern public communication: problems, development trends [Dinamika retschewogo ctandarta cowremennoj publitschnoj kommunikazii: problemy, tendeniziiraswitija]. *Questions of linguistics*. 2001. No 1. P. 98–132 (in Russian).

Petrishewa E.I. Stylistically marked names of persons based on family relationships: a comparative aspect [Ctilictitschecki markirowannye naimenowanija liz po rodctwennym otnoschenijam: copoctawitel'nyj acpekt]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences*.Donezk, 2021. 22 p. (in Russian).

Cimonowa E.W. Semantic field «dishonest behavior» in the history of the Russian language [Cemantitscheckoe pole «netschectnoe powedenie» w ictorii rucckogo jasyka]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences*. Uva, 2006. 28 p. (in Russian).

Ethics Dictionary [Clowar' po jetike] Edited by A.A. Gucejnow and C.Kon. The 6th edition. Moscow: Politisdat, 1989. 447 p. (in Russian).

Smirnova L.G. Evaluative potential of a noun in Russian [Ocenochnyj potencial sushhestvitel'nogo v russkom jazyke]. *Issues of Smolensk State University*. 2021. No 1(53). P. 61–76 (in Russian).

Starostina E. W. Frame analysis of Russian verbs of behavior (based on associative reactions) [Vrejmowyj analis rucckich glagolow powedenija (na materiale accoziatiwnych reakzij)]. *Abstract of dissertation ... candidate of Philological Sciences*. Saratov, 2004. 28 p. (in Russian).

Ctrel'zow A.A. Classification of words formed through blending: word-formation aspect [Klaccivikazija clow, obrasowannych po credctwom blendinga: clowoobrasowatel'nyj acpekt]. *Issues of Smolensk State University*. 2021, no. 4(56), pp. 53–65 (in Russian).

Sherba L.W. Modern Russian literary language [Cowremennyj rucckij literaturnyj jasyk]. *Selected Works on the Russian Language*. Moscow, 1957, pp. 113–129 (in Russian).

LIST OF SOURCES OF EXAMPLES

Large German-Russian dictionary in 2 parts [Bol'schoj nemezko-rucckij clowar': w 2-ch t.]. Compiled by E.I. Leping, N.P. Ctrachowa, N.I. Vilitschewai [and others]. Moscow: Ruc. jas., 1980. Vol. 1. 760 p.; Vol. 2. 656 p. (in German and Russian).

Dewkin W.D. German-Russian colloquial dictionary [Nemezko-rucckijclowar' rasgowornojlekciki]. Over 12 000 words. The 2nd edition, stereotyped. Moscow: RUCCO, 1996. 768 p. (in German and Russian).

Duden. Rechtschreibung der deutschen Sprache. 21., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1996. 910 S. (in German).

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 23., erw. Aufl. Berlin; New York; de Gruyter, 1999. 921 S. (in German).

Küpper Dr. Heinz. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. Ernst Klett Verlag für Wissen und Bildung, GmbH, Stuttgart, 1987. 959 S. (in German).

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache / R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1972 - 1981. Bd. I. 1675 S.; Bd. II. 1600 S.; Bd. III. 2412 S.; Bd. IV. 3212 S.; Bd. V. 4012 S.; Bd. VI. 4579 S. (in German).

Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Herausgegeben von Erhard Agricola unter Mitwirkung von Herbert Görner und Ruth Küfner. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1972. 818 S. (in German).

Available at: https://corpora.wortschatz-leipzig.de (accessed on April 5, 2024) (in German).

Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Gröfaz (accessed on April 5, 2024) (in German).

Available at: https://www.mundmische.de (accessed on September 12, 2022) (in German).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.И. Гальцов, А.Д. Макей
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
Калининград, Россия

УДК 93(470)«19»

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-148-163

ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ЧИНОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1883–1885 ГОДАХ

Ключевые слова: *Российская империя; гражданское чинопроизводство; устав; чиновники; реформа; бюрократический аппарат.*

На основании новых данных, полученных из неопубликованных документов Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), изучается деятельность Особого секретного совещания, которое в 1883–1885 годах разрабатывало проект нового Устава о службе гражданской. В этом документе были предложены коренные преобразования российской системы чинопроизводства, включая полную отмену чинов с заменой их на иерархию должностей. Однако из-за разногласий между министерствами проект не был принят Государственным советом. Изучение межведомственных и внутриведомственных документов высших и центральных государственных учреждений на основе ивент-анализа, хронологического и ретроспективного методов исследования позволило выяснить отношение учреждений к проекту устава и определить причины, по которым они отказались его принять. Результаты такого исследования в целом расширяют наши представления о причинах неудач попыток реформирования гражданской службы, которые неоднократно предпринимались в Российской империи на протяжении XIX – начала XX века.

Актуальность темы исследования находится в русле традиционного интереса к историческому опыту функционирования бюрократического аппарата Российской империи XIX – начала XX века в контексте повышенного внимания различных исследователей к деятельности современного российского государственного механизма.

К XIX веку система гражданской службы, одна из основ государственности Российской империи, нуждалась в обновлении в условиях усложнявшихся задач государственного механизма. На эффективность гражданской

службы, помимо прочего, негативно влияло параллельное существование чинов по Табели о рангах, получение которых далеко не во всех случаях было связано с продвижением по лестнице должностей в гражданской службе [Егоров, 2013, *171–172*]. Эту и другие проблемы функционирования гражданской службы в России правительство пыталось решить на протяжении XIX – начала XX века, создавая специальные временные совещательные органы.

Начиная с XIX века история гражданской службы становится важным предметом исследования правоведов, историков права и историков России [Архипова, Сенин, Румянцева, 2001; Воротников, 2005; Макей, 2023; Оболонский, 2011]. Изучались различные аспекты этой истории, включая проблемы, связанные с гражданским чинопроизводством, и то, как они решались правительством [Барыкина, 2018; Ерошкин, 1960; Корелин, 1979; Ружицкая, 2009; Соловьев, 2018]. Но при этом сама деятельность временных правительственных органов по реформированию гражданской службы и чинопроизводства не стала до сих пор предметом детального анализа в силу разных причин, в том числе из-за отсутствия полноценной документальной базы, относящейся к истории первой половины XIX века.

В предлагаемой читателю статье сделана попытка изучить на основе сохранившихся архивных источников РГИА работу созданного при императоре Александре III четвертого в XIX веке правительственного органа по пересмотру устава о службе гражданской[1].

По поручению императора 28 октября 1883 года было образовано Особое секретное совещание под председательством управляющего Собственной его императорского величества канцелярией статс-секретаря С.А. Танеева [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7г, *3*]. В состав Совещания вошли высшие чиновники, имевшие непосредственное отношение к деятельности гражданской службы[2].

В записке председателя Совещания С.А. Танеева была выделена основная проблема для обсуждения: «В погоне за чинами, постоянно усиливающейся и охватывающей часть нашего общества, иных привлекает желание приобрести сословные преимущества, соединенные с чинами, а других – тщеславие или надежды на карьеру, надежды, в большинстве случаев, не оправдывающиеся. Опыт указывает, что такое, совершенно искусственное, привлечение большей части умственных сил общества на правительственную

[1] На протяжении XIX века в Российской империи действовали пять комиссий и комитетов по реформированию Устава о службе гражданской (1826, 1846, 1856, 1883, 1895 годы) [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7г, *1–2*; Шепелев, 1999, *180–181*].

[2] Министр императорского двора и уделов И.И. Воронцов-Дашков, главноуправляющий кодификационным отделом при Государственном совете статс-секретарь Э.В. Фриш, временно исполняющий должность главноуправляющего Четвёртым отделением Собственной е.и.в. канцелярии сенатор Н.Н. Герард, председатель департамента законов Государственного совета статс-секретарь барон А.П. Николаи, председатель Комиссии по устройству приюта для вдов и сирот заслуженных гражданских чиновников статс-секретарь К.К. Ренненкампф, государственный секретарь А.А. Половцов, член Государственного совета М.С. Каханов [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7г, *3–4*].

службу сопряжено с весьма невыгодными последствиями для всего государства» [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7г, *6*]. По мнению С.А. Танеева, гражданские чины утратили свое первостепенное значение, и поэтому главной целью Совещания становилась отмена всей системы гражданских чинов. Из-за высоких ожиданий среди сторонников отмены чинов Особое совещание 1883 года стало именоваться «чиноистребительной комиссией» [Дневник Половцова, 1966, *400*]

Члены Совещания при поддержке министерств и главноуправляющих ведомств собрали обширные списки служащих с 1858 по 1884 год для определения масштаба проблемы несоответствия между чином и классом должности [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7е, *4*]. В результате данные, представленные Совещанием в записке «По проекту основных начал преобразования порядка прохождения гражданской службы», отражали четко выраженную динамику роста бюрократического аппарата, что вызывало беспокойство правительства [Соловьев, 2017, *57–58*; Кунавин, 2019, *81–82*]. По сведениям Совещания, число тайных советников увеличилось более чем втрое, а число действительных тайных советников – почти в три с половиной раза [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7е, *20–21*]. П.А. Зайончковский, опираясь на данные Совещания, подчеркивал: «Из числа лиц, помещенных в официальных списках чинов 1883–1884 г. IV класса, не более 60% занимают должности, соответствующие своему классу, их чину или стоящие на одну степень выше или ниже сего последнего...» [Зайончковский, 1978, *46–47*].

В документах Совещания с полной решимостью утверждалось, что существовавшая система, основанная на Табели о рангах, устарела и не соответствовала ни гражданской, ни военной службе. Объяснялось это в том числе тем, что с момента введения Табели о рангах произошли серьезные изменения, которые нарушили иерархический принцип службы по чинам [Шепелев, 1991, *47–48*].

Принимая во внимание опыт трех неудачных попыток реформирования гражданского чинопроизводства в течение XIX века, Совещание подготовило концепцию проекта устава о службе гражданской. Ключевым предполагаемым изменением должна была стать полная отмена гражданских чинов с заменой их на иерархию должностей, с сохранением прав, присвоенных ранее чинами. Согласно новому принципу, предлагалось прекратить по гражданскому ведомству любое повышение в чинах отдельно от повышения в должностях [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7е, *18*]. Выработанные идеи 28 октября 1883 года были направлены на рассмотрение императору, который кратко ответил: «Согласенъ» [Там же, *18–19*]. После этого одобрения Совещание перешло к детальной разработке проекта[3].

[3] Александр III после рассмотрения журнала первого заседания Особого совещания 2 апреля 1884 года написал в нем следующее: «Совершенно одобряю этот взгляд и предполагаемое направление этого дела для дальнейшей разработки» [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7г, *18–19*].

Ключевым направлением деятельности Совещания стала разработка положения по отмене во всех ведомствах гражданского чинопроизводства, как исторического анахронизма, и выработка нового порядка прохождения гражданской службы исключительно на основе иерархии должностей. С учетом этого решено было сократить количество степеней гражданской службы до одиннадцати, аналогично военному ведомству [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7д, *23*]. Для сохранения принципа иерархии должностей Совещание предложило приравнять должности первых четырех классов к генеральским и адмиральским чинам соответствующих степеней. В рамках нового порядка предполагалось также приравнять должности 5-го класса к чину полковника и капитана первого ранга; должности 6-го класса приравнивались к чину подполковника и капитана 2-го ранга; должности 7-го класса к чину капитана, ротмистра и лейтенанта; должности 8-го класса к чину штаб-капитана и штаб-ротмистра; должности 9-го класса к чину поручика и мичмана; должности 10-го класса к чину подпоручика и корнета, тогда как должности 11-го класса к чину прапорщика запаса [Там же, *25*]. Совещание признавало, что новый принцип иерархии должностей потребовал бы соединения в одном разряде некоторых гражданских должностей, распределенных по разным классам. Данный принцип одобрили большинством голосов Совещания. В результате была выработана следующая градация должностей: старший и младший столоначальники; делопроизводители высшего, среднего и низшего оклада [Там же, *25–26*].

Несмотря на поддержку идеи уничтожения чинов со стороны большинства членов Совещания, время от времени возникали предложения, которые не соответствовали положению нового проекта. На одном из заседаний Совещания, как отмечалось в отчете, появилась идея сохранения первых из общего числа чинов. Речь шла о сохранении степени действительного тайного советника и тайного советника в виде «почетных званий» [Там же, *45*]. Против этого категорически выступил статс-секретарь А.А. Половцов [Дневник Половцова, 1966, *56*]. Он утверждал, что любая форма сохранения чиновных степеней таит в себе опасность их возможного восстановления. В беседах с императором А.А. Половцов подчеркивал: «А сверх того, чины отвлекают от деловой деятельности, особливо из провинции, умножают число тунеядцев, которые числом годов жизни приобретают чины, а потом являются полными претензий и на получение мест, и на казенные деньги в форме содержаний, и особливо пенсий» [Дневник Половцова, 1966, *100–101*]. В свою очередь, сторонники сохранения чинов указывали на то, что главное несовершенство гражданского чинопроизводства заключалось в сохранении значительного числа низших иерархических степеней, через которые проходило огромное число мелких служащих, стремящихся к получению сословных прав [Белых, 2023, *105*]. В то время как высшие степени, в частности первые два чина, по их мнению, присваивались императором и не могли быть подвержены высокому риску коррупции [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7д, *44–45*].

В условиях продолжающихся споров окончательное решение по данному вопросу всячески откладывалось [Там же, *46–47*].

В ходе рассмотрения частных вопросов Совещание остановилось на определении обязательного стажа в одной должности для приобретения прав на повышение по службе. В России принцип последовательного прохождения лицами гражданской службы, начиная с низких должностей, был закреплен в Уставе о службе гражданской 1835 года. Этот принцип был отражен в нескольких положениях, таких как правило о назначении на места сообразно чину и классу должности (уст. сл. гр. ст. 155) и установленные сроки для производства в чины (там же, ст. 341) [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 13а, *100–101*]. При совокупном действии данных положений определялось, что лицо, никогда не служившее, не могло в общем порядке службы получить высокое назначение, не пройдя предварительно низших должностей [Там же, *100*].

В основу нового проекта гражданской службы было предложено положить частные инициативы Александра II по регулированию деятельности судебных ведомств. В Судебных уставах императора Александра II содержался ряд статей (ст. 203 и ст. 206–208 суд. уст.), в которых был заложен принцип службы для судебного ведомства. Согласно этому принципу должности председателей, товарищей председателей и членов судебных мест могли быть замещаемы только лицами, состоявшими не менее трех лет в низших судебных должностях, причем, кроме срока пребывания, соблюдалась также строгая последовательность прохождения должностей [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7д, *52*]. На тех же началах, по мнению Совещания, могли бы быть установлены правила прохождения службы во всех гражданских ведомствах. При этом для получения высших должностей, начиная с 6-го класса, сроки выслуги лет определялись средней продолжительностью службы – от шести до девяти лет. Кроме того, начиная с 6-го класса должностей повышение по службе могло быть возможным при строгом соблюдении иерархии должностей с учетом пребывания в каждой должности примерно от двух до трех лет [Там же, *55*].

Вопросы, связанные с преимуществами, которые давало образование для продвижения по службе, в Особом совещании специально не рассматривались. Объяснялось это тем, что в 1875–1880 годах под руководством члена Государственного совета И.Д. Делянова действовала известная «Деляновская комиссия» по пересмотру университетского устава 1863 года, представившая 30 сентября 1880 года в Государственный совет выработанный проект нового устава, в котором, помимо прочих консервативных изменений, были отменены привилегии для учебных заведений относительно предоставления их воспитанникам служебных преимуществ [Там же, *61*]. Поскольку И.Д. Делянов, ставший в 1882 году министром народного просвещения, был активным проводником консервативных идей Каткова – Победоносцева и всего политического курса нового императора и имел близкие связи с членами Особого совещания, большинство его членов

поддержало те положения проекта «Деляновской комиссии», которые касались проблем образования чиновников, что нашло отражение в проекте Устава о службе гражданской.

Не менее значимая задача для Особого совещания 1883 года заключалась в решении вопроса о том, следует ли при отмене чинопроизводства предоставлять чиновникам, проработавшим определенное время в одной должности, дополнительные надбавки к жалованию или же оставить данное положение без изменений [Там же, *69*]. В отчете Совещания подчеркивалось, что материальное вознаграждение за труд чиновников является предметом «особой заботливости правительства». Вместе с тем размеры окладов должны определяться в одинаковой мере вне зависимости от ведомств [Там же, *70*]. Однако, осознавая, что уровень надбавок зависит от финансовых возможностей правительства, Совещание сочло целесообразным рассмотреть данные вопросы после принятия проекта совместно с правительством.

Кроме того, Совещание предприняло попытку определить, на каких основаниях могли быть допускаемы переходы из военной службы в гражданскую при упразднении гражданских чинов. В таких случаях предлагалось отменить ст. 169 о том, что военные чины могут быть назначаемы на высшие гражданские должности с сохранением прав военной службы [Там же, *73–74*]. Что касается перехода из военной службы в гражданскую (глава VI ст. 64), то Совещание полагало, что такой переход должен соответствовать общим принципам передвижений для гражданских ведомств, определяемым проектом [Там же, *74*].

Решался также вопрос об использовании гражданскими чиновниками титулов в соответствии с ранее полученными чинами в случае отмены последних. Совещание обратило внимание на то, что в Своде законов не содержалось никаких постановлений по данному вопросу и присвоение того или иного титула чиновникам осуществлялось исключительно на основе обычаев. Было решено, что по новым нормам титулы могут присваиваться чиновникам в соответствии с занимаемой должностью, а именно: титул высокопревосходительства для должностей 1-го и 2-го класса, титул превосходительства – для 3-го и 4-го класса, титул высокородия – для 5-го класса, высокоблагородия – для 6–8-го класса. Всем остальным должностям соответствовал титул благородия [Там же, *75–76*].

В пояснительной записке председателя Совещания С.А. Танеева были выделены два ключевых ожидания от нового проекта гражданской службы: сокращение притока лиц недворянских сословий в столичные правительственные учреждения и увеличение финансовой поддержки правительства. Учитывая положительный опыт деятельности судебных и акцизных ведомств, в которых организация служащих основывалась не на чинах, а на последовательности должностей, члены Совещания надеялись на поддержку правительством нового проекта устава о гражданской службе.

Выработанные положения нового проекта устава были переданы его председателем в Государственный совет 14 мая 1885 года, а в июне 1885 года официальные материалы Совещания были разосланы всем министерствам с обязательством представить отзывы к середине октября [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 7в, *18*].

Согласно отзывам ведомств, предложение об упразднении чинопроизводства с введением иерархии должностей было ими отклонено[4]. Интересно отметить, что даже некоторые члены Особого совещания, которые согласились с основными положениями проекта устава о гражданской службе, отменявшего систему чинопроизводства, при обсуждении проекта в своих ведомствах стали менять позицию в целом в пользу сохранения чинов.

Так, министр императорского двора и уделов и член Особого совещания И.И. Воронцов-Дашков в своей записке отмечал, что изначально поддерживал отмену гражданских чинов, видя в этом средство против канцеляризма [Там же, *15–16*]. Однако после более внимательного изучения деятельности гражданских учреждений он изменил свой взгляд, поскольку пришел к выводу, что с упразднением чинов вредные стороны чиновничества, такие как канцеляризм, беспечность, разобщенность и пр., вряд ли исчезнут [Там же, *17*]. По его мнению, отмена чинов могла бы вновь создать ситуацию борьбы за должностной рост и актуализировать проблему несоответствия статуса служащего [Там же, *18–19*]. Кроме того, И.И. Воронцов-Дашков отмечал, что уничтожение чинов вынудило бы правительство конкурировать с коммерческими учреждениями путем повышения окладов служащих, что стало бы непосильным для казны.

С другой стороны, министр соглашался с тем, что российское законодательство в целом не было приспособлено к современным государственным потребностям и нуждалось в пересмотре. Многие чиновники, по его мнению, занимали не соответствующие рангу должности. Производство чином выше должностного класса влекло за собой большую путаницу [Там же, *19–20*]. Тем не менее возрождение достоинства чина, закрепленное Табелью о рангах, по мнению министра, восстановило бы его былое величие и послужило бы стимулом для привлечения талантливых лиц на гражданскую службу.

[4] В документах Особого совещания 1885 года сохранились отзывы: министра юстиции, действительного тайного советника Н.А. Манасеина; министра путей сообщения, генерал-адъютанта К.Н. Посьета; министра финансов, действительного тайного советника Н.Х. Бунге; государственного контролера, статс-секретаря Д.М. Сольского; управляющего морским министерством И.А. Шестакова; обер-прокурора Святейшего синода, статс-секретаря К.П. Победоносцева; министра внутренних дел и шефа Корпуса жандармов Д.А. Толстого; министра иностранных дел, статс-секретаря Н.К. Гирса; управляющего делами Комитета министров, статс-секретаря А.Н. Куломзина; министра государственных имуществ, статс-секретаря М.Н. Островского; министра просвещения И.Д. Делянова; товарища министра внутренних дел, статс-секретаря И.Н. Дурново [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *355*; ф. 1200, оп. 1, д. 14в, *200*].

О необходимости пересмотра всего законодательства, касающегося гражданской службы, писал и главноуправляющий кодификационным отделом при Государственном совете и член Особого совещания 1883 года Э.В. Фриш, согласившись при этом с основными принципами проекта устава [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *14*].

Другой член Особого совещания, исполнявший обязанности главноуправляющего Собственной е.и.в. Канцелярией по учреждениям императрицы Марии, сенатор Н.Н. Герард также не высказал возражений против основных положений проекта устава, но при этом подчеркнул, что при его разработке недостаточно внимания уделялось значению, присущему чинопроизводству не только в государственной службе, но также в сословном и социокультурном контексте [Там же, *20–21*]. В новом проекте устава предлагалось установить правило, согласно которому право на получение дворянства предоставлялось лишь должностям не ниже четвертого класса, что нарушало, по мнению Н.Н. Герарда, устоявшийся, более демократичный принцип, закрепленный в Табели о рангах [Там же, *21–22*].

Одним из немногих, кто выступил на стороне полной отмены чинов, был управляющий Морским министерством генерал-адъютант И.А. Шестаков [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14а, *7–16*]. Главным аргументом для него в этом деле было то, что чины отжили свой век, поскольку злоупотребление ими достигло степени, которую нельзя искоренить законами, когда, например, лица совершенно несходного служебного положения пользуются одинаковыми чинами: «...тайные советники, министры, в одном и том же чине состояли с директором департамента и регистратором, который лишь отмечал в журнале приносимые пакеты» [Там же, *10–11*]. Шестаков говорил о сложностях в реализации реформы, так как отношение к отмене чинов в среде высшей бюрократии разделилось: часть из них, вероятно, основываясь на уважении к Табели о рангах, «велят прислуге называть себя генералами», другая часть едва ли серьезно обеспокоена чинами [Там же, *7–8*].

Категорически против отмены чинов выступил министр внутренних дел и шеф жандармов Д.А. Толстой. Он вспомнил при этом известную в свое время записку С.С. Уварова Николаю I, в которой говорилось: «...уничтожение Табели о рангах не представляет ничего, кроме жертвы и добровольного уничтожения сильнейшего орудия высшей власти» [Там же, *29*].

Однако не все высшие чиновники считали, что идеи Уварова были актуальны в 80-х годах XIX века [Евреинов, 1887, *52*]. В частности, государственный секретарь и член Особого совещания А.А. Половцов недвусмысленно возразил Д.А. Толстому: «...предположение об уничтожении чинов может вызвать возобновление высказанной гр. Уваровым мысли, будто такая мера может нанести ущерб самодержавию, но что, по моему мнению, самодержавию, напротив, полезно иметь хороших чиновников, и не больше того, сколько их

нужно» [Дневник Половцова, 1966, *253*]. В данном отношении нельзя не согласиться со словами российского историка Л.Е. Шепелева о том, что письмо Уварова надолго оставалось главным идейным орудием консерваторов в сохранении гражданских чинов [Шепелев, 1999, *176*].

Позицию большинства ведомств по вопросу реформы чинопроизводства выразил товарищ министра внутренних дел, статс-секретарь И.Н. Дурново. Он настаивал на том, что практика чинопроизводства, развивавшаяся в последние десятилетия, не являлась аномальной с учетом незначительных отступлений от строгого соотношения с классами [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *34*]. И.Н. Дурново сомневался в необходимости таких радикальных мер для устранения «некоторых недочетов» в практике чинопроизводства [Там же, *35–36*].

Такого же мнения придерживался и министр юстиции Н.А. Манасеин. Он указывал, что равного соотношения чина и служебного положения должностного лица никогда не существовало [Там же, *42*]. По его мнению, установленная система наименований классных чинов по Табели о рангах указывала не на ранг служащего, а, скорее, на должность, которую он занимал на гражданской службе [Там же, *43*]. В результате, согласно уставу, лицо, занимавшее определенную должность, могло и не иметь соответствующего чина [Там же, *43*]. Таким образом, проблема несоответствия чинов не рассматривалась им как серьезная угроза для правительства, в отличие от проблем, связанных с коррупцией [Там же, *44–45*]. По мнению министра юстиции, чины служили мерилом заслуг чиновников, и, очевидно, невозможно было недооценивать их значение на государственной службе [Там же, *50*].

С другой стороны, Н.А. Манасеин признавал наличие большого количества случаев несоответствия чинов и должностей, особенно при производстве в высшие чины. Согласно данным министра, до 40% лиц, произведенных в чин действительного статского советника, не имело по закону на него прав [Там же, *54–55*]. Тем не менее министр был убежден в том, что факт чрезмерного производства в чины сам по себе не может служить основанием для их полного уничтожения, поскольку за ними сохранялась польза в привлечении на службу талантливых лиц [Миронов, 2014, *501*].

Министр народного просвещения И.Д. Делянов также полагал, что все указанные Особым совещанием недостатки в системе чинопроизводства не представляли серьезных проблем, которые могли бы убедить его ведомство пойти на отмену чинов [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *66*]. Он подчеркивал, что введение чиновных рангов Петром I представляло собой историческое событие, и призывал к особой осторожности при рассмотрении радикальных реформ [Там же, *68*]. И.Д. Делянов подчеркивал, что ключевая идея чинов заключалась в формировании государственного почета и имела важное значение для тех, кто выбирал путь в государственной или частной службе. В отчете он ясно указывал, что наш государственный строй «есть

строй сословный», где путь государственной службы определяет место в обществе [Там же, *69–70*]. С учетом этого И.Д. Делянов пришел к выводу, что необходимо не столько отменить чины, сколько восстановить их авторитет путем строгого наказания за злоупотребления в гражданском чинопроизводстве [Там же, *72*].

Министр государственных имуществ М.Н. Островский указывал, что все предыдущие комитеты по реформированию гражданского чинопроизводства «ожидало разочарование» из-за несвоевременности выработанных проектов [Там же, *75–76*]. Данное соображение, по его мнению, сохраняло силу и в случае с Особым совещанием 1883 года. Министр, подобно своим коллегам, признавал, что действовавшая практика в гражданском чинопроизводстве нарушала ряд законов и положений и чиновники зачастую производились чином выше занимаемой ими должности. Эта тенденция, по его мнению, была замечена на разных уровнях гражданской службы [Там же, *77*]. Министр был убежден, что, хотя данное явление нельзя считать нормальным, нельзя также игнорировать влияние чина на формирование престижа государственной службы. Он высказывал сомнения относительно возможности правительства выделить значительные ресурсы на проведение широкомасштабной реформы чинопроизводства [Там же, *77–78*].

Министр иностранных дел, статс-секретарь Н.К. Гирс утверждал, что столь радикальные преобразования гражданского чинопроизводства нежелательны [Там же, *86–87*]. Он подчеркивал, что чин для лица, посвящающего себя исключительно государственной службе, придавал ему известное общественное положение. Чин определял степень образования, полученного лицом при поступлении на службу, и служил мерилом его профессиональной деятельности [Там же, *88*]. Министр считал, что отмена чинов могла бы привести к массовому переходу служащих в коммерческую сферу и поэтому чины следовало сохранить.

Министр финансов Н.Х. Бунге отмечал особую роль гражданских чинов в общественной и государственной жизни [Там же, *91*]. Он считал, что преобразование государственного механизма при уничтожении чинов приведет к понижению престижа гражданской службы. Однако министр признавал проблему расточительности в чинопроизводстве [Соловьев, 2003, *224–225*]. Он указывал, что, согласно данным за 1885 год, только по министерствам финансов и внутренних дел насчитывалось 685 чиновников, имевших чин 4-го класса действительного статского советника [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *97*]. Тем не менее он выступил против отмены чинов [Там же, *101*].

Министр путей сообщения, генерал-адъютант К.Н. Посьет считал, что чин перестал служить эффективным мерилом заслуг и служебного положения из-за отсутствия должной строгости в чинопроизводстве [Там же, *103–104*]. По его мнению, организация гражданской службы не на чинах, а на постепенности должностей стала бы более эффективной. Однако он признавал, что Табель о

рангах сохраняла довольно важное историческое значение в вопросе гражданского чинопроизводства и полная отмена чинов, возможно, не является единственным решением. Вместо этого министр предлагал отменить выслугу лет и сократить число гражданских чинов [Там же, *106*].

За поиск компромиссных решений в вопросе отмены чинов выступал государственный контроллер, статс-секретарь Д.М. Сольский [Шилов, 2002, *669–670*]. Соглашаясь с тем, что система гражданских чинов устарела и не вполне соответствовала целям гражданской службы, он в целом поддерживал идею отмены чинов, но при этом с сожалением признавал, что правительство «не в состоянии ныне, и никогда не будет в состоянии» увеличивать оклады чиновников при полной отмене чинов [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *123*]. Их упразднение не приведет к повышению эффективности гражданской службы без тщательного пересмотра всех ее основополагающих норм [Там же, *112; 114–115*].

Обер-прокурор Святейшего синода К.П. Победоносцев, считая, что для реформирования устава о службе гражданской не требуется такой радикальной меры, как полная отмена чинов [Там же, *125*], обратил внимание на социальную сторону проблемы. Он полагал, что существование чинов имеет весьма важное значение для государственной службы, особенно в условиях развивающейся экономической деятельности и появления новых коммерческих и промышленных предприятий [Миронов, 2014, *203*]. Подчеркивал, что чины попрежнему определяли ранг и место служащего в социальной иерархии, особенно в чиновничьей среде [Архипова, Сенин, Румянцева, 2001, *172–173*]. С чинами помимо денежных выплат соединялись различные сословные права, к которым можно отнести право на дворянство, право на помещение детей в известные привилегированные учебные заведения, право на получение титула и др. [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *130*]. Кроме того, в определенных ведомствах чины служили основанием для назначения эмеритуры и распределения казенных квартир между чиновниками. По мнению обер-прокурора, отмена чинов неизбежно привела бы к уменьшению числа людей, стремящихся в гражданскую службу [Там же, *127*].

В отчете статс-секретаря А.Н. Куломзина, управляющего делами Комитета министров, также отмечалось, что проблема несоответствия чина и должности, заявленная Особым совещанием, не была следствием отступлений от действующих законов гражданской службы [Там же, *142*]. Он ссылался на статьи 156 и 287 третьего тома действующего Устава о службе гражданской, которые с целью обеспечения государственной службы «составом служащих, хорошо подготовленных и близко знакомых со всеми потребностями службы и делопроизводства» предоставляли министерствам определенную свободу действий при выборе лиц для занятия должностей [Там же, *143–144*]. Следовательно, несоответствие чина и должности, по

мнению А.Н. Куломзина, не представляло угрозы для правительства, а, скорее, выступало некоторой особенностью кадровой практики, тогда как принятие столь радикальной меры, как упразднение чинов, может привести к кадровому голоду [Там же, *148–149*].

Суммируя результаты экспертизы материалов Особого совещания, которая была проведена в министерствах и ведомствах, можно сделать следующие выводы. Радикальная идея упразднения чинов не получила поддержки большинства высших чиновников. При этом, однако, практически у всех существовало в той или иной степени осознание необходимости улучшения всей системы государственной службы и порядка чинопроизводства. Основные аргументы в защиту чинов в целом оставались ожидаемо-традиционными, по большому счету в русле охранительной позиции высших чиновников, которую они занимали при обсуждении предыдущих проектов реформы гражданской службы.

Противники радикальной реформы считали, что в социальном плане отмена чинов могла привести к потере сословных привилегий и особого статуса чиновников в обществе. В материальном или финансовом отношении последствия такого решения пугали еще большими издержками. Многие министры отмечали, что в XIX веке труд гражданских служащих возрастал с усложнением государственного управления и увеличением делопроизводства, что требовало притока новых кадров и увеличения жалования. Однако оклады чиновников оказывались несоразмерными ни с количеством труда каждого из них, ни с постоянно возраставшей дороговизной жизни, что вызывало отток части квалифицированных специалистов в коммерческие структуры. Министры откровенно подчеркивали, что в казне не имелось нужных средств для финансирования реформы, а с отменой гражданских чинов пришлось бы в разы повышать оклады. С другой стороны, права на пенсию, получаемые гражданскими служащими, не гарантировали им достойной жизни после ухода со службы, тогда как чин, определявший ранг служащего, сохранялся и после ухода на пенсию, что придавало ему особый вес в глазах чиновников и дополнительные материальные преимущества [Баринова, Трубицын, 2023, *680*]. Вполне возможно, что отмена чинов была бы осуществима, если бы были решены все финансовые вопросы, связанные с реформой. Однако, как отмечал статс-секретарь Д.М. Сольский, «власть не стремилась резко увеличивать финансирование гражданской службы и это надо было учитывать при отмене чинов» [РГИА, ф. 1200, оп. 1, д. 14б, *122*].

Изучив мнения руководителей министерств и ведомств и подводя итоги деятельности Особого совещания в декабре 1886 года, его председатель С.А. Танеев мог только предложить ограничиться усилением контроля за порядком чинопроизводства. Известный исследователь политической истории России XIX века В.Г. Чернуха оценивала итоги деятельности Особого совещания 1883 года как личную неудачу Александра III, который, действительно,

был готов пойти на отмену чинов в России, но под давлением высшей бюрократии вынужден был отступить [Чернуха, 2001, *18*]. Ознакомившись с итоговым предложением Особого совещания, император в записке А.А. Половцову в растерянности спрашивал: «По-моему, чиновничество желает провалить это дело, а я этого не желал бы. Что делать и как повести его, чтобы добиться результата?» (цит. по: [Дневник Половцова, 1966, *505*]). В надежде добиться своей цели Александр III в 1892 году распорядился восстановить Особое совещание, но на этот раз при Собственной е.и.в. Канцелярии. Однако новый проект реформирования системы чинопроизводства, предложенный императору в следующем году, мало чем отличался от предыдущего. Желание царствующих особ избавиться от архаичного института в государственном управлении к концу XIX века окончательно стало навязчивой и нереализуемой идеей.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова Г.Г., Сенин А.С., Румянцева Н.Ф. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учебное пособие. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 230 с.

Баринова Е.П., Трубицын И.О. Канцелярские служители дворянской корпорации второй половины XIX – начала XX вв. // Via in Tempore. История. Политология. 2023. № 50(3). С. 673–684.

Барыкина И.Е. Государственное управление России второй половины XIX века: особые формы и специальные институты // Санкт-Петербургский институт истории РАН. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.

Чернуха В.Г. Александр III. Воспоминания, дневники, письма. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2001. 223 с.

Белых А.А. Три века Табели о рангах // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 58(2). С. 97–113.

Воротников А.А Бюрократия в российском государстве: историко-теоретический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2005. 488 с.

Дневник государственного секретаря А.А. Половцова / ред., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского. В 2 т. М.: Наука, 1966. Т. 1. 552 с.

Евреинов В.А. Гражданское чинопроизводство в России: ист. очерк. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1887. 387 с.

Егоров В.П., Слиньков А.В. История государственного аппарата и чиновничества в России: учеб. пособие. М.: Юридический институт МИИТа, 2013. 282 с.

Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1960. 396 с.

Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М.: Мысль, 1978. 288 с.

Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. М.: Наука, 1979. 303 с.

Кунавин К.С. «Единственно от высочайшего соизволения»? Высшее гражданское чинопроизводство в России XIX – начала XX в. сквозь призму теории самоорганизованной критичности // Историческая информатика. М., 2019. С. 74–89.

Макей А.Д. Эволюция гражданского чинопроизводства в Российской империи в XVIII–XIX веках // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 39–52.

Миронов Б.Н. Российская империя. От традиции к модерну. Т. 2. СПб., 2014. 908 с.

Оболонский А.В. Кризис бюрократического государства: реформы государственной службы: международный опыт и российские реалии. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. 443 с.

Российский государственный исторический архив.

Ружицкая И.В. Просвещенная бюрократия. 1800–1860-е гг. М.: Изд-во Института российской истории РАН, 2009. 342 с.

Соловьев К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 351 с.

Соловьев К.А. Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.

Соловьев Я.В. Министерство финансов Российской империи в 1858–1903 гг.: Организация и функционирование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 383 с.

Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи / отв. ред. Б.В. Ананьич. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 225 с.

Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб.: Искусство, 1999. 477 с.

Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи 1802–1917 гг.: биобиблиогр. справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. 830 с.

V. I. Galtsov
PhD in History, Professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

A.D. Makey
Postgraduate Student,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

An Attempt to Reform the Civil Rank System in the Russian Empire in 1883–1885

Based on new data from unpublished documents of the Russian State Historical Archive (RSHA), this study examines the activities of the Special Secret Meeting, which developed a draft of a new Civil Service Statute from 1883 to 1885. This document proposed fundamental reforms to the Russian system of ranks, including the complete abolition of ranks and their replacement with a hierarchy of positions. However, due to disagreements between ministries, the project was not approved by the State Council. The study of interdepartmental and intradepartmental documents from higher and central state institutions, using event analysis, chronological, and retrospective research methods, revealed the institutions' attitudes towards the draft statute and identified the reasons for their refusal to adopt it. The findings of this research broaden our understanding of the reasons behind the failures of attempts to reform the civil service repeatedly made in the Russian Empire throughout the 19th and early 20th centuries.

The relevance of the research topic lies in the traditional interest in the historical experience of the functioning of the bureaucratic apparatus of the Russian

Empire in the 19th and early 20th centuries, in the context of increased interest from various researchers in the activities of the modern Russian state mechanism.

Keywords: *Russian Empire; civil rank production; regulations; officials; reform; bureaucratic apparatus.*

REFERENCES

Archipova G.G., Senin A.S., Rumyantseva N.F. History of Public Service in Russia. 18th– 20th centuries: Textbook [Istoriya gosudarstvennoj sluzhby v Rossii. XVIII–XX veka: uchebnoe posobie]. Moscow: RGGSU, 2001. 230 p. (in Russian).

Barinova E.P., Trubitsyn I.O. Chancellery Officials of the Noble Corporation from the Second Half of the 19th to the Beginning of the 20th Centuries [Kancelyarskie sluzhiteli dvoryanskoj korporacii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vv.]. *Via in Tempore. History. Political Science.* 2023. No 50(3). pp. 673–684 (in Russian).

Barykina I.E. State Governance in Russia in the Second Half of the 19th Century: Special Forms and Special Institutions [Gosudarstvennoe upravlenie Rossii vtoroj poloviny XIX veka: osobye formy i special'nye instituty]. St. Petersburg: Nestor-History, 2018. 368 p. (in Russian).

Chernukha V.G. Alexander III. Memoirs, Diaries, Letters [Aleksandr III. Vospominaniya dnevniki pis'ma]. St. Petersburg: Publishing House of the Pushkin Fund, 2001. 223 p. (in Russian).

Belikh A.A. Three Centuries of Table of Ranks [Tri veka Tabeli o rangah]. *Bulletin of Moscow University*. Series 6. Economics. Moscow, 2023. No 58(2). pp. 97–113 (in Russian).

Vorotnikov A.A. Bureaucracy in the Russian State: Historical and Theoretical Aspect [Byurokratiya v rossijskom gosudarstve: istoriko-teoreticheskij aspekt]. *Dissertation … doctor of Law Sciences*. Saratov, 2005. 488 p. (in Russian).

Diary of State Secretary A. A. Polovtsov: in 2 volumes [Dnevnik gosudarstvennogo sekretarya A. A. Polovcova: V 2 t.]. Edited, biographical essay and commentary by P.A. Zaionchkovsky. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1966. 552 p. (in Russian).

Evreinov V.A. Civil Service in Russia: Historical Essay [Grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii: ist. ocherk]. St. Petersburg: A.S. Suvorin Printing House, 1887. 387 p. (in Russian).

Egorov V.P., Slinkov A.V. History of the State Apparatus and Civil Service in Russia: Textbook [Istoriya gosudarstvennogo apparata i chinovnichestva v Rossii: ucheb. posobie]. Moscow: Legal Institute of MIIT, 2013. 282 p. (in Russian).

Eroshkin N.P. Essays on the History of Pre-Revolutionary State Institutions in Russia [Ocherki istorii gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii]. Moscow: Higher School, 1960. 396 p. (in Russian).

Zaionchkovsky P.A. Government Apparatus of Autocratic Russia in the 19th Century [Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v]. Moscow: Mysl, 1978. 288 p. (in Russian).

Korelin A.P. Nobility in Post-Reform Russia [Dvoryanstvo v poreformennoĭ Rossii]. Moscow: Nauka, 1979. 303 p. (in Russian).

Kunavin K.S. «Solely by the Highest Favor»? High Civil Service in Russia from the 19th to the Early 20th Century through the Prism of Self-Organized Criticality Theory [«Edinstvenno ot vysochajshego soizvoleniya»? Vysshee grazhdanskoe chinoproizvodstvo v Rossii XIX –nachala XX v. skvoz' prizmu teorii samoorganizovannoj kritichnosti]. *Historical Informatics*. Moscow, 2019. pp. 74–89 (in Russian).

Makey A.D. Evolution of Civil Service in the Russian Empire in the 18th–19th Centuries [Evolyuciya grazhdanskogo chinoproizvodstva v Rossijskoj imperii v XVIII –XIX vekah]. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. No 1. pp. 39–52 (in Russian).

Mironov B.N. Russian Empire. From Tradition to Modernity. Vol. 2 [Rossijskaya imperiya. Ot tradicii k modernu. T.2]. St. Petersburg, 2014. 908 p. (in Russian).

Obolonsky A.V. Crisis of Bureaucratic State: Civil Service Reforms: International Experience and Russian Realities [Krizis byurokraticheskogo gosudarstva: reformy gosudarstvennoj sluzhby: mezhdunarodnyj opyt i rossijskie realii]. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2011. 443 p. (in Russian).

Russian State Historical Archive (in Russian).

Ruzhitskaya, I.V. Enlightened Bureaucracy. 1800–1860s [Prosveshchennaya byurokratiya. 1800–1860-e gg.]. Moscow: Institute of Russian History RAN Publishing House, 2009. 342 p. (in Russian).

Solovyov K.A. Political System of the Russian Empire in 1881 – 1905: Legislative Issues [Politicheskaya sistema Rossijskoj imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva]. Moscow: Political Encyclopedia, 2018. 351 p. (in Russian).

Solovyov K.A. Master of the Russian Land? Autocracy and Bureaucracy in the Modern Era [Hozyain zemli russkoj? Samoderzhavie i byurokratiya v epohu moderna. Moscow: New Literary Review, 2017. 296 p. (in Russian).

Solovyov Ya.V. Ministry of Finance of the Russian Empire in 1858 – 1903: Organization and Functioning [Ministerstvo finansov Rossijskoj imperii v 1858–1903 gg.: Organizaciya i funkcionirovanie]. *Abstract of dissertation ... candidate of Historical Sciences.* Moscow, 2003. 383 p. (in Russian).

Shepelev L.E. Titles, Uniforms and Orders of the Russian Empire [Tituly, mundiry i ordena Rossijskoj imperii]. Edited by B.V. Ananich. Leningrad: Nauka, 1991. 225 p. (in Russian).

Shepelev, L. E. Official World of Russia: 18th - Early 20th Centuries [Chinovnyj mir Rossii: XVIII –nachalo XX v]. St. Petersburg: Iskusstvo, 1999. 477 p. (in Russian).

Shilov D.N. Statesmen of the Russian Empire 1802 – 1917: Bio-bibliographic Directory [Gosudarstvennye deyateli Rossiĭskoĭ imperii 1802–1917 gg.: biobibliogr. spravochnik]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2002. 830 p. (in Russian).

О.В. Кобец

Смоленский государственный университет спорта
Смоленск, Россия

УДК 94(47).084(3,5,6)

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-163-180

БЕЛОРУСИЗАЦИЯ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В 1920-е ГОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

Ключевые слова: *национальная политика; коренизация; белорусизация; РСФСР; российско-белорусское приграничье; историография.*

В статье дается анализ современных публикаций по политике белорусизации, проводившейся в российских регионах в 1920-е годы. В обзоре не затрагиваются публикации белорусских и зарубежных исследователей о практике реализации новой советской национальной политики в территориальных границах Белорусской республики. Основное внимание обращено на три приграничные с Белоруссией российские губернии – Псковскую, Смоленскую и Брянскую. В то же время не оставлены без внимания и восточные террито-

[1]Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, https://rscf.ru/project/24-28-00859/.

рии РСФСР – Урал, Сибирь, Дальний Восток, где белорусы оказались в результате переселенческой политики, особенно в начале XX века в ходе проведения столыпинской аграрной реформы.

Белорусизация, как часть общей политики коренизации, провозглашенной в 1923 году на XII съезде РКП(б), в современных исследованиях тесно увязывается с необходимостью показать новые принципы и направления советской национальной политики по развитию белорусской государственности и культуры в противовес всемерной полонизации, проводимой правительством Пилсудского на отошедших Польше по Рижскому мирному договору 1921 года западных украинских и белорусских землях. Значительная роль в этом процессе отводилась расширению государственных границ БССР за счет российских территорий, особенно в 1924 и 1926 годах.

Однако какой-либо реальной поддержки со стороны местных властей, считавших вплоть до конца 1920-х годов белорусов частью русского населения, а также в связи с уже состоявшейся к середине десятилетия значительной саморусификацией белорусского населения в российских регионах белорусизация не нашла. Формально эти задачи постоянно находились в повестке дня партийных и советских органов власти во второй половине 1920-х годов, но весомой практической реализации они так и не получили.

В соответствии с решениями X и XII съездов РКП(б) политика белорусизации предполагала реализацию широкого спектра задач в сфере национальной культуры, образования, государственного строительства и других направлений в территориальных границах советской Белоруссии. Этими вопросами в республике занималась специально созданная Центральная национальная комиссия ЦИК БССР. Именно она и определила основное содержание понятия «белорусизация». Применительно к БССР под белорусизацией следовало понимать «развитие белорусской культуры (школы, вузы на белорусском языке, белорусская литература, издание белорусских книг, научно-исследовательская работа по всестороннему изучению Белоруссии и т.д.); выдвижение белорусов на партийную, советскую, профессиональную и общественную работу; перевод партийного, государственного, профессионального, кооперативного аппаратов и частей Красной Армии на белорусский язык» [Практическое разрешение, 1927, *9*].

Однако российский Наркомпрос, которому было поручено курирование вопросов новой советской национальной политики в пределах РСФСР, поставил задачу осуществления белорусизации и в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. В первую очередь это касалось трех приграничных губерний – Псковской, Смоленской и Брянской. Но одновременно проведение белорусизации требовалось и от регионов Урала, Сибири и Дальнего Востока, где в результате переселенческой политики разных лет оказалось немалое число белорусов. По данным всесоюзной переписи населения 1926 года, из почти 4 млн 740 тыс. человек общей

численности белорусов в СССР около 400 тысяч проживали за пределами европейской части страны, в большей степени далеко за Уралом [Всесоюзная перепись, 1928, *XXIV–XXV*].

Во всех российских регионах (после окончательных административно-территориальных преобразований, особенно 1924 и 1926 годов) задачи белорусизации были существенно «мягче», и сводились они в первую очередь к изучению белорусского языка и переводу отдельных школ и политпросвет учреждений на белорусский язык.

К настоящему времени проблематика проводившейся в 1920-е годы политики коренизации и белорусизации как ее составной части вызывает все больший исследовательский интерес у представителей не только белорусской, что в целом объяснимо, но и российской, а также зарубежной исторической науки. Не затрагивая в настоящем историографическом обзоре оценки процесса и результатов белорусизации в БССР, рассмотрим наработанные исследовательские подходы в современной российской историографии.

Однако начать обзор следует все же с первой работы по вопросам белорусизации, появление которой относится к самому началу 1930-х годов. Ее автором стал Зиновий Григорьевич (Зельман Соломонович) Островский, который работал в секретариате президиума Всероссийского центрального исполнительного комитета и уже на закате политики белорусизации являлся инструктором отдела национальностей ВЦИК. Небольшая по объему брошюра «Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР» [Островский, 1931] уже в самом своем названии на первое место ставит имевшие место проблемы в ходе реализации двух параллельных процессов в части новой советской национальной политики: украинизации и белорусизации.

По данным автора работы, в середине 1920-х годов, то есть на момент наиболее активной фазы белорусизации, в РСФСР проживало 724 тыс. белорусов [Островский, 1931, *21*]. Из этого числа около 323 тыс. человек (45%) приходилось на Сибирь, 41 тыс. – на Амурский, Хабаровский и Владивостокский округа Дальневосточного края [Островский, 1931, *21*]. В вышедшей в 2011 году коллективной монографии «Белорусы в Сибири» достаточно детально представлен процесс появления и расселения белорусов в Сибири начиная с XVII века, особенно в ходе переселенческой столыпинской политики начала XX века. Основной мотивацией для переселенцев являлось белорусское малоземелье [Белорусы в Сибири, 2011]. В Западной области, в которую как раз входили Смоленская, Брянская и значительная часть Псковской губернии, белорусов насчитывалось 79 тыс. человек [Островский, 1931, *21*].

Однако для полного понимания восприятия в российских регионах целей и задач белорусизации следует к цифрам белорусов «по народности» добавить и показатели «по языку». Последние же очень убедительно свидетельствуют об имевшем место на протяжении десятилетий процессе «саморусификации» российских белорусов. Перепись 1926 года показывает,

что даже в целом по СССР белорусами по языку себя считали только 73% населения, в европейской же части страны и того меньше – 72%, а на остальных территориях РСФСР – лишь 0,27%, при том что записавших себя белорусами по народности в них было 8,33% [Всесоюзная перепись, 1928, *XXIV–XXV*].

По оценке Островского, белорусизация в регионах РСФСР проводилась слабо и даже плохо [Островский 1931, *3, 56*]. Связано это было с общей недооценкой местными работниками «политического и культурного значения белорусизации» [Островский, 1931, *56*], а также с тем, что местные власти считали живших в РСФСР белорусов «ассимилированными», не претендующими «на белорусскую школу» и потому «вели работу среди них на русском языке» [Островский, 1931, *56, 57*]. А в части коренизации советского аппарата даже и не предпринимали никаких попыток в этом направлении [Островский, 1931, *57*].

Таковы оценки из далеких 1930-х годов со стороны непосредственно ответственных за белорусизацию в РСФСР государственных чиновников. Следует подчеркнуть, что такие характеристики относятся не только к пограничным с БССР российским регионам, но и к удаленным восточным территориям.

Об истоках политики белорусизации. Нам представляется, что к настоящему времени наибольший вклад в разработку проблематики белорусизации внес доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Юрий Аркадьевич Борисенок. Центральная тема научных изысканий Ю.А. Борисенка – тройственная линия отношений: Москва – Минск – Варшава – в межвоенный период. Политика белорусизации относится как раз к данному времени, и, как отмечает автор в своей монографии 2013 года «На крутых поворотах белорусской истории» [Борисенок, 2013], это и есть один из таких «крутых поворотов», радикально изменивший жизнь белорусов, находившихся вне польского господства после Рижского мирного договора 1921 года. Он утверждает, что основа новой советской национальной политики после X и XII съездов РКП(б) находится «именно в русле геополитической ситуации, сложившейся по окончании военных действий Красной армии в Польше», то есть главным был именно внешний фактор, а не забота «вождя народов» о «белорусской нации социалистического образца» [Борисенок, 2013, *23–24*].

Именно в это время, в оценке Ю.А. Борисенка, и начинается «решение белорусского вопроса путем белорусизации», поскольку стало окончательно ясно, что большевикам «не избежать достаточно длительного и беспокойного соседства с II Речью Посполитой», которая не собиралась «ни учитывать национальные права белорусов... на своей территории, ни проводить на практике так стройно выглядевшую на бумаге теорию федерализма» [Борисенок, 2013, *128*]. В таком контексте только что созданной Социалистической Советской Республике Белоруссия (ССРБ) «пришлось придать белорусский языковый и культурный облик» [Борисенок, 2013, *133–136*].

Ю.А. Борисенок считает, что как раз именно с этим надо связывать расширение границ БССР в 1924 году [Борисенок, 2013, *130*]. Такой же оценки придерживается в данном вопросе и Дарья Александровна Короткова, научный сотрудник Института славяноведения РАН. В работе «“Укрупнение БССР” в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше» [Короткова, 2018] автор отмечает, что расширение границ Белорусской республики за счет российских территорий привело не только к росту просоветских настроений в Польше, но и к констатации в польской прессе того, что в белорусском вопросе советская политика оказалась значительно успешнее польской [Короткова, 2018, *58*]. В развитие отмеченного положения Ю.А. Борисенка автор статьи заключает, что «решение о расширении БССР было продиктовано во многом внешнеполитическими причинами, а вопрос об отношении населения присоединяемых областей к белорусскому языку и самому этому присоединению оставался по большому счету второстепенным. Главный же эффект – признание советской национальной политики наиболее отвечающей интересам белорусов и, тем самым, дискредитация польских властей в глазах белорусского меньшинства в Польше – был достигнут» [Короткова, 2018, *59*]. Практическая сторона политики белорусизации в республике «активно способствовала деполонизации населения Белоруссии» [Борисенок, 2013, *64*].

Схожую позицию высказывает в своей работе «Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е годы: цели, методы и результаты» и научный сотрудник Центра истории народов России ИРИ РАН Константин Сергеевич Дроздов [Дроздов, 2022]. По мнению автора, в «правильном решении белорусского вопроса» заинтересован был, прежде всего, Народный комиссариат иностранных дел, которому нужны были меры, чтобы «решительно и быстро повлиять на настроение как белорусской народной интеллигенции, так и широких крестьянских масс и повернуть окончательно их ориентацию в сторону Советских Республик» [Дроздов, 2022, *207*]. И здесь как нельзя лучше подходили укрупнение БССР, расширение ее границ, а также открытие белорусских школ как в советской Белоруссии, так и за ее пределами, то есть на территории РСФСР, «где проживали компактной массой белорусы (в Витебской, Гомельской и Смоленской губерниях)» [Дроздов, 2022, *208*]. Очевидно, автор имеет в виду три уезда Витебской губернии, что вскоре перейдут в состав Псковской губернии, – Себежский, Невельский, Велижский, а из Гомельской в Брянскую – Новозыбковский, Стародубский и Клинцовский.

О белорусизации в российском приграничье. В этой же работе К.С. Дроздова есть не совсем бесспорное утверждение о том, что тема советской политики белорусизации на территории РСФСР в 1920–1930-е годы в отечественной историографии практически не изучена [Дроздов, 2022, *204*]. Конечно, такого большого объема публикаций, как это имеется в части белорусизации в БССР, по российским регионам действительно нет. Хотя,

к примеру, на уровне Смоленской губернии данная проблематика проработана достаточно многосторонне и полно, особенно в вопросах существенного сокращения численности белорусского населения начиная с конца XIX века, состояния школьной системы в эпоху нэпа, кадровой проблемы, связанной со знанием белорусского языка, и некоторых других аспектов [Кобец, 2021а; 2021б; Кобец, 2020; Кобец¸ Кодин, 2021; 2022; Кодин, Кобец, 2019а; 2019б; 2019в; 2021].

Обобщенные оценки процесса белорусизации на Смоленщине можно представить следующими позициями. В сравнении с соседними приграничными с Белоруссией регионами – Псковской и Брянской губерниями – белорусизация здесь началась, по меньшей мере на уровне обсуждений проблемы и разработки необходимых к реализации мер, на несколько лет раньше – с 1923 года. Имевший место на протяжении предшествующих десятилетий процесс саморусификации смоленских белорусов привел к такому значительному численному их падению, что это давало основания местным властям говорить об отсутствии в уездах и волостях белорусов, а следовательно, и ненужности этой политики. Неразрешимой оказалась и кадровая проблема: в губернии не нашлось и не появилось вплоть до конца 1920-х годов школьных учителей, знающих белорусский язык, что реально не позволяло осуществлять перевод школ на белорусский язык и даже просто преподавать его как учебный предмет.

В своей довольно объемной рецензии на монографию Е.В. Кодина и О.В. Кобец «Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы», в целом разделяя позиции и оценки авторов, Ю.А. Борисенок дополняет авторский концепт важным пояснением того, почему политика белорусизации в российских регионах была существенно слабее в сравнении с украинизацией. Показав высокий уровень заинтересованности в проведении в российских регионах политики украинизации самой центральной власти УССР и различные формы содействия этому, автор с определенным сожалением замечает, что «ничем подобным власти БССР не обладали, их помощь белорусизации в РСФСР сводилась к организации краткосрочных курсов для переподготовки учителей в Минске, финансировавшихся Центральным белорусским бюро Наркомпроса РСФСР, присылкой учебной и методической литературы и эпизодическим проведением фольклорно-этнографических экспедиций сотрудниками Инбелкульта... В результате дело белорусизации на Смоленщине было практически целиком отдано на усмотрение местных властей, вынужденных, впрочем, считаться с постоянным контролем Наркомпроса РСФСР» [Борисенок, 2022, *475*]. Хотя на контроль Москвы, дополним мы Ю.А. Борисенка, в этом вопросе у местных властей всегда имелись вполне весомые аргументы и объяснения слабой работы по белорусизации в регионе.

Ранее озвученный тезис К.С. Дроздова о неразработанности темы белорусизации может в полной мере быть отнесен к Брянской губернии. Здесь данная проблематика была затронута лишь в контексте численности национальных меньшинств в коллективной работе «История Брянского края. XX век» [История Брянского края, 2003]. Показывая изменения национального состава Брянской губернии в 1920–1930-е годы, авторы, оперируя цифрами переписи населения 1926 года, считают, что у брянских властей было гораздо больше оснований к проведению в губернии «точечной» украинизации, нежели белорусизации: здесь во всех уездах, включая приграничные с Украиной и Белоруссией, существенно преобладало русское население. Затем шло украинское население. Украинцы составляли 36% в Стародубском уезде, 16% – в Новозыбковском, менее 13% – в Почепском и около 6% – в Клинцовском. Белорусов же к этому времени осталось совсем немного: в Новозыбковском уезде – около 3%, в Клинцовском – около 2%. Из восточных уездов лишь в Бежицком численность украинцев и белорусов была заметной (соответственно 1% и 0,7%) [История Брянского края, 2003, *127*]. Это было связано в первую очередь с активными миграционными процессами второй половины XIX – начала XX века, усилившейся политикой русификации [История Брянского края, 2003, *13*], а также с возникшей угрозой отторжения западной части Брянщины от России в годы Гражданской войны, когда «многие жители, ранее относившие себя к белорусам или украинцам, предпочли назвать себя русскими» [История Брянского края, 2003, *127*].

Вопросам этнического состава Псковской губернии исследователями уделено значительно больше внимания в сравнении с Брянской губернией 1920-х годов. При этом первенство в разработке проблематики национального состава здесь следует отдать специалистам, занимающимся вопросами исторической географии.

Профессор кафедры географии Псковского государственного университета Андрей Геннадьевич Манаков самыми «белорусскими» уездами губернии к фактическому началу белорусизации в регионе называет переданные из Витебской губернии в 1926 году три уезда: Себежский, где было зарегистрировано 27,5% белорусов и 68,5% русских, Невельский – 32% белорусов и 61% русских и Велижский – 35% белорусов и 59,5% русских [Манаков, 2013, *174*]. И приводит показательный пример: в 1920-х годах был поставлен вопрос о преподавании в сельских школах Невельского уезда белорусского языка, так как этот уезд был признан белорусским. Но фактически из этого ничего не вышло, поскольку «переходный характер этнического самосознания местного населения привел в XX веке к почти полной ассимиляции белорусов. Несмотря на сохранение некоторых белорусских черт в говорах в сельской местности, почти все население считает себя русским» [Манаков, 2013, *174–175*].

Виталий Сергеевич Дементьев, будучи аспирантом кафедры географии Псковского государственного университета, активно разрабатывал тему этнического и конфессионального состава населения Псковской губернии, в том числе и периода белорусизации. Он также отмечает, что на 1927 год после передачи указанных выше витебских уездов в состав Псковской губернии белорусское население Псковщины было сконцентрировано в Великолукском округе. И перечисляются «территории компактного проживания белорусов» в округе с указанием процентов их от общей численности жителей уездов: Велижский – 13,5%, Идрицкий – 4,9%, Невельский – 6,3%, Новосокольнический – 1,9%, Пореченский – 28,5%, Пустошкинский – 10,3%, Себежский – 1,2%, Торопецкий – 1,2%, Усвятский – 5,8% и Усмынский – 5,5%. В целом по округу доля белорусов составляла 3,8%. И далее следовал вывод: «Большинство белорусов в пределах рассматриваемой территории сильно обрусело, т. к. подавляющая их часть считала родным русский язык, и лишь 3% – белорусский» [Дементьев, 2015, *92*].

Непосредственно же белорусизации на Псковщине к настоящему времени посвящено одно историческое исследование за авторством профессора Псковского государственного университета Анатолия Васильевича Филимонова. Это его статья 2016 года в сборнике научных трудов Витебского университета им. П.М. Машерова «Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.)» [Филимонов, 2016].

Исследование А.В. Филимонова свидетельствует, что к решению вопросов белорусизации губерния начала подступать лишь в середине 1920-х годов, когда Псковский губисполком поручил губернскому отделу народного образования в 1925 году еще только «выяснить необходимость и целесообразность открытия школ с обучением на белорусском языке» [Филимонов, году, и в 1927 году. До практических же мероприятий дело не доходило по причине непреодоления «настроения значительной части руководящих работников о ненужности работы с белорусским населением», поскольку таковое, в их понимании, в губернии отсутствовало [Филимонов, 2016, *47*]. И даже губернский комитет ВКП(б) исходил из того, что базовым условием перевода школ и изб-читален на белорусский язык должно было быть только желание самого населения, которое еще следовало «пробудить в самом белорусском населении», как и потребность в изучении своего родного языка [Филимонов, 2016, *48*]. Обсуждение этих вопросов затянулось вплоть до 1928 года, когда было намечено создать «сеть школ», в которых предусматривалось введение белорусского языка. Таковых по плану было одиннадцать [Филимонов, 2016, *54*]. Фактически же, как замечает А.В. Филимонов, «белорусскими» эти школы можно было назвать лишь с «большой долей условности», поскольку преподавание всех предметов, за исключением белорусского языка, велось в них на языке русском [Филимонов, 2016, *54*].

Очевидно, что псковские власти, так же как и смоленские, не форсировали процесс белорусизации, относясь к нему как к очередной из бесконечного перечня разного рода кампаний, причем далеко не первостепенной важности. Особенно в ситуации, когда само белорусское население губернии не приветствовало белорусизацию: по переписи 1926 года из 34 277 человек, зачисливших себя в белорусы по народности, только 1258 человек, то есть 0,07% населения губернии, сделали это по языку. Показатели соседних Смоленской и Брянской губерний были также низкими, но не настолько: на Смоленщине в белорусы по народности «записалось» 20 408 человек, из них по языку – только 4366, то есть 0,19% населения губернии; на Брянщине соответственно 21 060 и 4716 человек, или 0,24% всей численности населения [Всесоюзная перепись, 1928, *46–48*].

В оценке К.С. Дроздова, во всех российских регионах, как в западных, так и в восточных, белорусизация осуществлялась слабо, и в период с 1925 по 1928 год «центральные и местные власти смогли добиться лишь минимальных результатов» [Дроздов, 2022, *213*]. Основной причиной продолжала оставаться одна и та же: «нежелание местных работников признавать белорусов, проживавших в России, отдельным от русских (великороссов) народом и уж тем более национальным меньшинством» [Дроздов, 2022, *213*]. Да и белорусскую школу, в отличие от украинской, «приходилось создавать с нуля», поскольку не было необходимых для этого педагогических кадров [Дроздов, 2022, *216*]. В итоге, по мнению автора, только к началу 1930-х годов политика белорусизации народного образования «смогла достичь некоторых положительных результатов» [Дроздов, 2022, *219*]. В пример приводится центральная часть Западной области – Смоленщина. Хотя к этому времени задачи белорусизации, как на Смоленщине, так и во всех других российских регионах, будут полностью заменены проблемами введения всеобуча. При этом трудно не согласиться с К.С. Дроздовым в том, что в 1930-е годы на русско-белорусском пограничье возобновился процесс естественной ассимиляции белорусского населения, а затем под воздействием административной русификации территории РСФСР начался процесс смены национальной идентичности [Дроздов, 2022, *222*]. Но это будет происходить уже вне хронологических рамок белорусизации.

Основную разницу между белорусизацией и украинизацией К.С. Дроздов, так же как и Ю.А. Борисенок, видит в активной позиции, заинтересованности и вовлеченности в процесс коренизации государственных структур УССР. Белорусы же пришли «…к моменту больших политических перемен в Европе, окончания Первой мировой войны и распада Российской империи», по оценке Ю.А. Борисенка, «с крайне рискованным багажом: национальный язык находился под реальной угрозой исчезновения, национальной элиты не было – зародившееся в начале XX века белорусское национальное движение таковым стать не успело» [Борисенок, 2013, *93*].

Аспирант кафедры истории России Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина Никита Александрович Осипов в недавно опубликованных работах [Осипов, 2023а; 2023б] акцентирует внимание на том, что в Белоруссии на первое место ставился вопрос территориального укрупнения республики. Хотя его утверждение, что политика белорусизации началась на несколько лет позже украинизации именно из-за того, что руководство БССР до 1926 года «было занято вопросами укрупнения республики» [Осипов, 2023б, *31*], исторически не совсем выверенное, поскольку в сентябре 1927 года председатель нацкомиссии при ЦИК БССР А.И. Хацкевич уже докладывал в Москве о заметных итогах белорусизации, о чем детально прописано в книге Ю.А. Борисенка «На крутых поворотах белорусской истории». К осени же 1929 года «градус белорусизации» уже существенно снизился, «активная фаза» белорусизации завершилась [Борисенок, 2013, *145*]. То есть все основные компоненты политики белорусизации были к тому времени проведены. Причем данное утверждение во многом будет справедливо и для российских регионов. Начавшаяся в 1929 году новая волна административно-территориальных преобразований и всеобуч окончательно отодвинут задачи белорусизации на дальний план.

При этом нет оснований согласиться с Ю.А. Борисенком в оценке начального этапа белорусизации в приграничных российских регионах. По его мнению, инициированное комиссией В.М. Молотова решение политбюро ЦК РКП(б) от 12 июля 1923 года не только признавало принципиально необходимым расширение границ БССР, но и отменило всякие препятствия к открытию белорусских школ с применением белорусского языка и за пределами республики. Витебская, Гомельская и Смоленская парторганизации получили соответствующие указания; создание белорусских школ началось уже с 1923–1924 учебного года, еще до окончательного решения проблемы границ [Борисенок, 2013, *61*]. Однако «получить указания» Москвы вовсе не означало их одномоментного исполнения. Документы местных архивов свидетельствуют лишь об обсуждении поставленных задач, но никак не об их скором исполнении.

В целом же под белорусизацию планировалось «запустить» ни много ни мало, а целых 68 уездов, где белорусское население или преобладало, или было в значительных группах, пишет Ю.А. Борисенок [Борисенок, 2013, *100*]. «Попали в список» и Смоленская губерния, и Тверская, и Калужская, и Орловская. Такие же установки были адресованы и восточным регионам РСФСР, где компактно проживали белорусы-переселенцы.

Белорусизация в восточных регионах РСФСР. Научная разработка политики белорусизации в сибирских и дальневосточных регионах еще только начинается. Рассмотрим некоторые из современных публикаций.

Особый интерес представляет совместное исследование двух старших научных сотрудников Института проблем освоения Севера Сибирского

отделения РАН – Романа Юрьевича Федорова, защитившего впоследствии диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук, и Аксаны Александровны Богордаевой – «Прошлое и настоящее Таборинского белорусского национального района» [Федоров, Богордаева, 2013].

Статья посвящена историко-этнографическим исследованиям мест компактного проживания белорусских крестьян-переселенцев на территории Таборинского района Свердловской области. Авторы в начале статьи отмечают, что их заинтересовал эксперимент по приданию статуса белорусского национального района Таборинскому району Уральской области (ныне Таборинский район Свердловской области) [Федоров, Богордаева, 2013, *131*]. По мнению авторов, причиной наделения таким статусом района в 1932 году Свердловским обкомом партии послужил тот факт, что, по примерным подсчетам, около 65–70% его населения составляли белорусы [Федоров, Богордаева, 2013, *131*]. В начале 1930-х годов в районе была предпринята попытка «коренизации аппарата»: введение белорусов в сельсоветы, судебные органы, милицию и культпросвет учреждения [Федоров, Богордаева, 2013, *131*]. Была развернута активная работа по введению белорусского языка в делопроизводство и образовательный процесс. Для этих целей в районном центре, селе Таборы, была открыта школа по изучению белорусского языка, посещение которой стало обязательным для большинства служащих. Также принимались меры по переводу преподавания в общеобразовательных школах на белорусский язык [Федоров, Богордаева, 2013, *131*]. Во второй половине 1930-х годов эксперимент по созданию белорусского национального района был постепенно свернут [Федоров, Богордаева, 2013, *132*]. Этому способствовали как произошедшие в тот период изменения в национальной политике СССР, направленные на борьбу с «местным национализмом», так и достаточно пассивная реакция на нововведения подавляющего большинства населения района [Федоров, Богордаева, 2013, *132*].

В своей докторской диссертации Р.Ю. Федоров, к тому времени ставший старшим научным сотрудником Тюменского научного центра СО РАН, отмечает, что благодаря политике белорусизации начиная со второй половины 1920-х годов значительная часть переселенцев официально получила этнический статус белорусов, что нашло свое отражение в результатах всесоюзной переписи населения 1926 года [Федоров, 2020, *23*]. В это время большинство переселенцев отождествляло себя с белорусами, однако к середине 1930-х годов, в связи с изменениями в национальной политике СССР, процесс белорусизации в местах компактного проживания переселенцев на территории Сибири и Дальнего Востока был свернут [Федоров, 2020, *30*].

Исследованием процессов белорусизации в Тарском Прииртышье (нынешняя Омская область) в рамках широкой темы этносоциальной истории славянского населения Западной Сибири занимается доцент кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского Анна Алексеевна Крих. В работе

«Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая “реальность”» автор отмечает, что к местам компактного проживания выходцев с территорий, которые отошли в состав БССР, относилось и Тарское Прииртышье, урманная часть которого в начале XX века целенаправленно заселялась мигрантами из Западного края. На этой территории в середине 1920-х годов было 304 населенных пункта, в которых преобладало белорусское население [Крих, 2015, *125*]. Выходцы из белорусских губерний образовывали своеобразные «кусты» деревень.

В начале 1920-х годов никакой организационной работы среди белорусов Тарского Прииртышья не велось, но к середине десятилетия ситуация меняется: в Тарском округе создается 12 белорусских сельсоветов, предпринимаются попытки создания белорусских школ [Крих, 2015, *126*]. Но дальше такого рода попыток дело со школами не пошло. А.А. Крих объясняет это, ссылаясь на оценки краевых чиновников: «из состава национальных меньшинств белорусы… почти совершенно обрусели, поэтому нет надобности вести среди них работу на их родном языке, да и сами они от этого отказываются…» [Крих, 2015, *127*]. Отказ же от политики коренизации в начале 1930-х годов не только прервал процесс белорусизации в Сибири, но и означал, что «переход от локальной идентичности к национальной идентификации был завершен преимущественно в пользу ассоциирования с русской национальностью» [Крих, 2015, *127*]. По сути, это стало логическим завершением того, что уже выявила всесоюзная перепись населения 1926 года. Из 360 тысяч белорусов, проживавших за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке, по языку в белорусы зачислили себя только 5040 человек, то есть 1,39% от общей численности [Всесоюзная перепись, 1928, *XXIV–XXV*]. Что фактически означало полную саморусификацию белорусских переселенцев.

Об аналогичных процессах свидетельствует и коллективная монография сибирских и белорусских ученых «Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв.», в которой отдельная глава посвящена заявленной нами проблематике – «Российская грань белорусизации» [Очерки истории белорусов в Сибири, 2002].

Белорусизация в российских регионах, и не только в приграничных с БССР губерниях, но и далеко на востоке страны, должна была, по виденью Москвы, еще сильнее подчеркнуть преимущества новой советской национальной политики, в первую очередь в противовес полонизации, проводимой правительством Пилсудского на западных белорусских и украинских землях. Однако она не получила ни какой-либо видимой, ни тем более активной поддержки со стороны местных властей и населения российских регионов, в том числе и от самих белорусов. Неприятие данной политики не вылилось в какие-либо активные формы протеста или сопротивления. По-

следнее было заметно лишь в двух регионах, которые до начала белорусизации входили в состав РСФСР, – в Витебской и Гомельской губерниях. Здесь даже перепись 1920 года показала значительное преобладание «российской» идентичности над «белорусской», подчеркивает Ю.А. Борисенок [Борисенок, 2013, *123*]. В состав БССР были переданы восемь уездов Витебской, шесть уездов Гомельской и один уезд Смоленской губернии. Власти двух «приговоренных» к объединению с Белоруссией российских губерний отчаянно сопротивлялись. Именно на этих территориях «активнее всего раздавались протесты против коренизационной политики большевиков» [Борисенок, 2013, *100*]. В данном контексте показательно название одного из разделов книги Ю.А. Борисенка – «Полоцкое движение сопротивления» [Борисенок, 2013, *149*].

В целом в современной отечественной историографии по политике белорусизации в российских регионах в 1920-е годы активно формируются направления исследований со следующими выводами:

– в середине 1920-х годов, то есть ко времени, когда белорусизация в российских губерниях с компактным проживанием белорусского населения вступила в активную фазу обсуждения, белорусы не стали активными сторонниками этой политики, поскольку большая их часть уже саморусифицировалась, определив свои родным языком русский язык, который давал широкие возможности, особенно для молодежи, в социальных лифтах мощного индустриального развития российских территорий; фактически белорусов по языку стало настолько мало, что белорусизация как национальная политика вряд ли была оправданна;

– на протяжении всех 1920-х годов местные российские органы власти ни в одном из приграничных регионов не отказались от своих убеждений, что белорусское население являлось в их губерниях не национальным меньшинством, а частью русского населения с некоторыми особенностями белорусских говоров, из чего следовал вывод о ненужности белорусизации для их территорий;

– в отличие от украинских центральных государственных органов, активно поддерживавших процессы украинизации в российских регионах и политически, и материально, и в кадровом отношении, власти БССР к российским территориям с белорусским населением практически не имели никакого отношения – всеми вопросами ведал Наркомпрос РСФСР, перед которым стояли свои более приоритетные задачи: вначале спасение снятых с центрального финансирования школ в эпоху нэпа, затем значительное расширение школьной сети для реализации задач всеобуча, ликвидации неграмотности и многих других.

Очевидно, что в связи со сложными межгосударственными отношениями в современном мире вопросы политики коренизации, а следовательно и белорусизации как ее органической составляющей, будут привлекать к себе

еще больше внимания исследователей, что приведет к разработке новых направлений, концептуальных подходов, положений, оценок и выводов.

ЛИТЕРАТУРА

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии, 2011. 422 с.

Борисенок Ю.А. «Белорусизация» 1920-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 133–136.

Борисенок Ю.А. Динамика трансформации социокультурных процессов на белорусских землях в первой половине XX в.: современное состояние историографии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2014. № 18(140). С. 80–94.

Борисенок Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории: Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века. М.: Родина МЕДИА, 2013. 351 с.

Борисенок Ю.А. Польский фактор в национальной политике советской власти в Белоруссии в 1920–1930-е годы // Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 55–65.

Борисенок Ю.А. Смоленский вариант белорусизации 1920-х гг. // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 463–478.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: краткие сводки. Вып. 4: Народность и родной язык населения СССР. М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. 138 с.

Дементьев В.С. Характер расселения и этнический состав населения Псковского региона в период с 1926 по 1939 гг. // Псковский регионологический журнал. 2015. № 24. С. 88–105.

Дроздов К.С. Белорусизация в Советской России в 1920–1930-е гг.: цели, методы и результаты // История народов России в исследованиях и документах: К юбилею В.В. Трепавлова. Вып. 9. М.: Институт российской истории РАН, 2022. С. 204–225.

История Брянского края. XX век / под ред. В.В. Крашенинникова. Клинцы, 2003. 449 с.

Кобец О.В. Белорусизация «по Рудлингу» // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы исследовательского проекта «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок» / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 6. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2020. С. 32–39.

Кобец О.В. «Приговоренные к белорусизации»: смоленские белорусы в 1920-е годы (к вопросу о численности) // Известия Смоленского государственного университета. 2021. № 1(53). С. 199–217.

Кобец О.В. Белорусизация: разные подходы и оценки в зарубежной историографии // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы исследовательского проекта «Современное зарубежное историческое белорусоведение: эволюция методологических подходов и оценок» / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 7. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. С. 46–55.

Кобец О.В., Кодин Е.В. Белорусизация на Смоленщине, 1920-е годы: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. 165 с.

Кобец О.В., Кодин Е.В. Белорусизация: разные подходы и оценки в зарубежной историографии // Вопросы истории. 2022. № 4(2). С. 155–165.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Белоруссизация в российско-белорусском приграничье: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Гістарычны лёс беларускай савецкай дзяржаўнасці (да 100-годдзя абвяшчэння Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі Беларусі): зб. артыкулаў / рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2021. С. 311–339.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Белорусы Смоленщины в эпоху белорусизации (1920-е годы) // Феномен границы в глобализирующемся мире: материалы международной научно-практической online-конференции. Витебск: Витебский государственный университет, 2020. С. 85–87.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Политика и практика белорусизации в Западном регионе России: Смоленщина, 1921–1925 гг. // Studia Internationalia: материалы VII международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.» (27–28 июня 2019 г.). Брянск: РИО Брянского государственного университета, 2019. С. 121–126.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Смоленщина, 1921–1925 годы: белорусизация сверху? // Известия Смоленского государственного университета. 2019. № 2(46). С. 164–177.

Кодин Е.В., Кобец О.В. Белорусизация в российско-белорусском приграничьи: Смоленщина, 1924–1929 гг. // Белорусская думка. 2019. № 8. С. 85–91.

Короткова Д. «Укрупнение БССР» в 1923–1924 годы: фактор советского влияния в Польше // Славяноведение. 2018. № 5. С. 48–59.

Крих А.А. Белорусизация в Тарском Прииртышье: механизмы учета населения и этнографическая «реальность» // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул, 28–30 октября 2015 года). Вып. 9. Барнаул: Алтайская государственная педагогическая академия, 2015. С. 124–128.

Манаков А.Г. Российско-белорусское порубежье: Историко-географическая детерминация // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 169–176.

Осипов Н.А. Особенности национального строительства в 1920–1930-е гг. на территории УССР и БССР. Сравнительный анализ // Этнические меньшинства в истории России: материалы IV Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 27–28 октября 2023 года). СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2023. С. 46–51.

Осипов Н.А. Сравнительный анализ национальной политики СССР в 1920–1930-е гг. на примере украинизации и белорусизации // История повседневности. 2023. № 3. С. 28–46.

Островский З.С. Проблема украинизации и белоруссизации в РСФСР / под ред. и с предисл. А. Рахимбаева. М.: «Власть советов» при Президиуме ВЦИК, 1931. 83 с.

Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. / отв. ред. М.П. Костюк, В.А. Ламин. Новосибирск, 2002. 241 с.

Практическое разрешение национального вопроса в Белорусской Социалистической Советской Республике. Ч. I: Белорусизация. По материалам Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР. Минск: Издание Центральной Национальной Комиссии ЦИК БССР, 1927. 151 с.

Федоров Р.Ю. Особенности традиционной культуры и динамика этнокультурных процессов у белорусских крестьян-переселенцев Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XXI века): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2020. 49 с.

Федоров Р.Ю., Богордаева А.А. Прошлое и настоящее Таборинского белорусского национального района // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 10-1. С. 131–137.

Филимонов А.В. Белорусы в Псковском крае (1920-е гг.) // Ученые записки УО ВГУ имени П.М. Машерова: сборник научных трудов. Т. 22. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова. 2016. С. 45–55.

O.V. Kobets
PhD in History, Associate Professor,
Head of the Faculty of Postgraduate Studies,
Smolensk State University of Sports
Smolensk, Russia

Belarusization in Russian Regions in the 1920s in Modern Russian Historiography

The article presents a historiographical review of publications on the policy of Belarusization carried out in the Russian regions in the 1920s. This work does not address the publications of Belarusian and foreign researchers on the practice of implementing the new Soviet national policy within the territorial borders of the

Belarusian Republic. The main attention is paid to the three Russian provinces bordering Belarus – Pskov, Smolensk and Bryansk. At the same time, the eastern territories of the RSFSR – the Urals, Siberia, and the Far East, where Belarusians found themselves as a result of the resettlement policy, especially at the beginning of the 20th century during the Stolypin agrarian reform, were not ignored.

Belarusization, as part of the general policy of Korenization, proclaimed in 1923 at the XII Congress of the Russian Communist Party (b), in modern research is closely linked to the need to show new principles and directions of Soviet national policy for the development of Belarusian statehood and culture in contrast to the all-out polonization carried out by the Pilsudski government in Western Ukrainian and Belarusian lands ceded to Poland by the Riga Peace Treaty of 1921. A significant role in this process was assigned to the expansion of the state borders of the BSSR at the expense of Russian territories, especially in 1924 and 1926.

However, Belarusization did not find any real support from the local authorities, who considered Belarusians to be part of the Russian population until the end of the 1920s, as well as due to the significant self-Russification of the Belarusian population in the Russian regions that had already taken place by the middle of the decade. Formally, these tasks were constantly on the agenda of the party and Soviet authorities in the second half of the 1920s. But they have not received any significant practical implementation.

Keywords: *national policy; Korenization; Belarusization; RSFSR; Russian-Belarusian border area; historiography.*

REFERENCES

Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture [Belorusy v Sibiri: sohranenie i transformacii jetnicheskoj kul'tury]. Edited by E.F. Fursova. Novosibirsk: the Institute of Archeology and Ethnography, 2011. 422 p. (in Russian).

Borisenok Yu.A. «Belarusization» of the 1920s [«Belorusizacija» 1920-h godov]. *Questions of history.* 2008. No 6. pp. 133–136 (in Russian).

Borisenok Yu.A. Dynamics of transformation of socio-cultural processes in the Belarusian lands in the first half of the XX century: the current state of historiography [Dinamika transformacii sociokul'turnyh processov na belorusskih zemljah v pervoj polovine XX v.: sovremennoe sostojanie istoriografii]. *Bulletin of RGGU*. Series: Political science. Story. International relationships. Foreign Regional Studies. Oriental studies. 2014. No 18(140). pp. 80–94 (in Russian).

Borisenok Yu.A. On the sharp turns of the Belarusian history: Society and state between Poland and Russia in the first half of the 20th century [Na krutyh povorotah belorusskoj istorii: Obshhestvo i gosudarstvo mezhdu Pol'shej i Rossiej v pervoj polovine XX veka]. Moscow: Rodina MEDIA, 2013. 351 p. (in Russian).

Borisenok Yu.A. The Polish factor in the national policy of the Soviet government in Belarus in the 1920s – 1930s [Pol'skij faktor v nacional'noj politike sovetskoj vlasti v Belorussii v 1920 – 1930-e gody]. *New and recent history.* 2013. No 6. pp. 55–65 (in Russian).

Borisenok Yu.A. Smolensky variant of the Belarusization of the 1920s. [Smolenskij variant belorusizacii 1920-h gg.]. *Slavic almanac.* 2022. No 3–4. pp. 463–478 (in Russian).

The All-Union population Census of December 17, 1926: brief summaries. [Vsesojuznaja perepis' naselenija 17 dekabrja 1926 g.: kratkie svodki]. *Issue 4: Nationality and native language of the population of the USSR*. Moscow: CSU USSR, 1928. 138 p. (in Russian).

Dementiev V.S. The nature of settlement and the ethnic composition of the population of the Pskov region in the period from 1926 to 1939. [Harakter rasselenija i jetnicheskij sostav naselenija Pskovskogo regiona v period s 1926 po 1939 gg.]. *Pskov Regionalological Journal*. 2015. No 24. pp. 88–105 (in Russian).

Drozdov K.S. Belarusization in Soviet Russia in the 1920s-1930s: goals, methods and results [Belorusizacija v Sovetskoj Rossii v 1920-1930-e gg.: celi, metody i rezul'taty]. *History of the peoples of Russia in research and documents: To the anniversary of V.V. Trepavlova.* Issue 9. Moscow: Institute of Russian History RAS, 2022. pp. 204–225 (in Russian).

The history of the Bryansk region. XX century [Istorija Brjanskogo kraja. XX veka]. Edited by V.V. Krasheninnikova. Klincy, 2003. 449 p. (in Russian).

Kobets O. V. Belarusization «by Rudling» [Belorusizacija «po Rudlingu»]. *Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project «Modern foreign historical Belarusian studies: the evolution of methodological approaches and assessments»*. Edited by E.V. Kodin. Issue 6. Smolensk: SmolGU, 2020. pp. 32–39 (in Russian).

Kobets O.V. «Sentenced to Belarusization»: Smolensk Belarusians in the 1920s (to the question of numbers) [«Prigovorennye k belorusizacii»: smolenskie belorusy v 1920-e gody (k voprosu o chislennosti)]. *Issues of Smolensk State University*. 2021. No 1. pp. 199–217 (in Russian).

Kobets O.V. Belarusization: different approaches and assessments in foreign historiography [Belorusizacija: raznye podhody i ocenki v zarubezhnoj istoriografii]. *Russia and Belarus: history and culture in the past and present: materials of the research project «Modern foreign historical Belarusian studies: the evolution of methodological approaches and assessments»*. Edited by E.V. Kodin. Issue 7. Smolensk: SmolGU, 2021. pp. 46–55 (in Russian).

Kobets O.V., Kodin E.V. Belarusization in the Smolensk region, 1920s [Belorusizacija na Smolenshhine, 1920-e gody]. Monograph. Smolensk: SmolGU, 2021. 165 p. (in Russian).

Kobets O.V., Kodin E.V. Belarusization: different approaches and assessments in foreign historiography [Belorusizacija: raznye podhody i ocenki v zarubezhnoj istoriografii]. *Questions of history.* 2022. No 4 (2). pp. 155–165 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Belarusization in the Russian-Belarusian borderlands: Smolensk region, 1924-1929 [Belorussizacija v rossijsko-belorusskom prigranich'i: Smolenshhina, 1924 – 1929 gg.] . *Gistarychny ljos belaruskaj saveckaj dzjarzhaŭnasci (da 100-goddzja abvjashchjennja Sacyjalistychnaj Saveckaj Rjespubliki Belarusi).* Edited by A.A. Kavalenja. Minsk: Belaruskaja navuka, 2021. pp. 311–339 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Belarusians of Smolensk region in the era of Belarusization (1920s) [Belorusy Smolenshhiny v jepohu belorusizacii (1920-e gody)]. *The phenomenon of borders in a globalizing world: materials of the international scientific and practical online conference* . Vitebsk: Vitebsk State University, 2020. pp. 85–87 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Policy and practice of Belarusization in the Western region of Russia: Smolensk region, 1921-1925 [Politika i praktika belorusizacii v Zapadnom regione Rossii: Smolenshhina, 1921-1925 gg.]. *Studia Internationalia: materials of the VII international scientific conference «Western region of Russia in international relations of the X-XX centuries» (June 27–28, 2019)*. Bransk: Bransk State University, 2019. pp. 121–126 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Smolensk region, 1921-1925: Belarusization from above? [Smolenshhina, 1921-1925 gody: belorusizacija sverhu?]. *Issues of Smolensk Stte University.* 2019. No 2 (46). pp. 164–177 (in Russian).

Kodin E.V., Kobets O.V. Belarusization in the Russian-Belarusian borderlands: Smolensk region, 1924-1929. [Belorusizacija v rossijsko-belorusskom prigranich'i: Smolenshhina, 1924-1929 gg.]. *Belarussian thought.* 2019. No 8. pp. 85–91 (in Russian).

Korotkova D. «Consolidation of the BSSR» in 1923–1924: the factor of Soviet influence in Poland [«Ukrupnenie BSSR» v 1923–1924 gody: faktor sovetskogo vlijanija v Pol'she]. *Slavic studies.* 2018. No 5. pp. 48–59 (in Russian).

Krikh A.A. Belarusization in the Tarsky Irtysh region: population registration mechanisms and ethnographic «"reality» [Belorusizacija v Tarskom Priirtysh'e: mehanizmy ucheta naselenija i

jetnograficheskaja «real'nost'»]. *Ethnography of Altai and adjacent territories: materials of the international scientific conference dedicated to the 25th anniversary of the Center for Oral History and Ethnography of the Laboratory of Historical Local History of the Altai State Pedagogical University (Barnaul, October 28–30, 2015).* Vol. 9. Barnaul: Altai State Pedagogical Academy, 2015. pp. 124–128 (in Russian).

Manakov A.G. Russian-Belarusian borderlands: Historical and geographical determination [Rossijsko-belorusskoe porubezh'e: Istoriko-geograficheskaja determinacija]. *Pskov Regionalological Journal*. 2013. No 16. pp. 169–176 (in Russian).

Osipov N.A. Features of national construction in the 1920s-1930s on the territory of the Ukrainian SSR and the BSSR. Comparative analysis [Osobennosti nacional'nogo stroitel'stva v 1920-1930-e gg. na territorii USSR i BSSR. Sravnitel'nyj analiz]. *Ethnic minorities in the history of Russia: materials of the IV International scientific conference (St. Petersburg, October 27–28, 2023)*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2023. pp. 46–51 (in Russian).

Osipov N.A. Comparative analysis of the national policy of the USSR in the 1920s-1930s on the example of Ukrainization and Belarusization [Sravnitel'nyj analiz nacional'noj politiki SSSR v 1920–1930-e gg. na primere ukrainizacii i belorusizacii]. *History of everyday life.* 2023. No 3. pp. 28–46 (in Russian).

Ostrovsky Z.S. The problem of Ukrainization and Belarusization in the RSFSR [Problema ukrainizacii i belorussizacii v RSFSR]. Edited by A. Rahimbaev. Moscow: «Vlast' sovetov» pri Prezidiume VCIK, 1931. 83 p. (in Russian).

Essays on the history of Belarusians in Siberia in the XIX–XX centuries [Ocherki istorii belorusov v Sibiri v XIX–XX vv.] Edited by M.P. Kostjuk, V.A. Lamin. Novosibirsk, 2002. 241 p. (in Russian).

Practical resolution of the national question in the Belarusian Socialist Soviet Republic. Part I: Belarusization [Prakticheskoe razreshenie nacional'nogo voprosa v Belorusskoj Socialisticheskoj Sovetskoj Respublike. Ch I: Belorusizacija]. *Based on materials from the Central National Commission of the Central Executive Committee of the BSSR*. Minsk: Publication of the Central National Commission of the Central Executive Committee of the BSSR, 1927. 151 p. (in Russian).

Fedorov R.Yu. Features of traditional culture and dynamics of ethnocultural processes among Belarusian migrant peasants of Siberia and the Far East (second half of the 19th – beginning of the 21st century) [Osobennosti tradicionnoj kul'tury i dinamika jetnokul'turnyh processov u belorusskih krest'jan-pereselencev Sibiri i Dal'nego Vostoka (vtoraja polovina XIX – nachalo XXI veka)]. *Abstract of dissertation ... doctor of Historical Sciences*. Tyumen, 2020. 49 p. (in Russian).

Fedorov R.Yu., Bogordaeva A.A. The past and present of the Taborinsky Belarusian National district [Proshloe i nastojashhee Taborinskogo belorusskogo nacional'nogo rajona]. *Current problems in the humanities and natural sciences*. 2013. No 10-1. pp. 131–137 (in Russian).

Filimonov A.V. Belarusians in the Pskov Region (1920s) [Belorusy v Pskovskom krae (1920-e gg.)]. *Scientific notes of the Voronezh State University named after P.M. Masherov: collection of scientific works*. Vol. 22. Vitebsk: Vitebsk State University named after P.M. Masherov, 2016. pp. 45–55 (in Russian).

М.В. Попов, А.К. Шитов

Уральский государственный педагогический университет
Екатеринбург, Россия

УДК 378.113+377; 94(47)+929(092)

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-181-194

ЯКОВ ДЕНИСОВИЧ ПЕТРОВ: СМОЛЕНСКИЙ УЧИТЕЛЬ ВО ГЛАВЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *личность в истории; педагогическое образование; история образования; история Урала; Великая Отечественная война.*

В настоящей публикации авторы продолжили работу по изучению личности директора Свердловского государственного педагогического института Якова Денисовича Петрова, занимавшего этот пост дольше, чем кто-либо другой из возглавлявших данный вуз, и его роли в развитии системы высшего педагогического образования Свердловской области.

На основании выявленных авторами и неизвестных ранее материалов, отложившихся в архивных учреждениях Свердловской и Смоленской областей, авторами были детально проанализированы особенности ранней биографии директора института. Это позволило достаточно полно ответить на вопросы, связанные с социальным происхождением Петрова, которое в 1920–1930-е годы являлось для партийно-советских чиновников одним из главных критериев оценки политических и деловых качеств коммуниста и служащего. Источники дают возможность проследить постепенное продвижение смолянина по карьерной лестнице: от сельского учителя до опытного управленца.

В то же время авторы отказались от характерного для советских историков историко-партийного подхода в освещении работы Свердловского педагогического института в первые годы служебной деятельности Я.Д. Петрова. Специально подчеркивается личное участие директора в решении кадровых и материально-бытовых проблем вуза. Авторы обращают внимание читателей на то, что в тяжелейших условиях военного лихолетья решение Я.Д. Петровым государственных задач по развитию и повышению качества высшего педагогического образования в Свердловской области было вполне успешным. Во многом это стало результатом богатого опыта, который был накоплен Яковом Денисовичем в годы работы в системе народного просвещения как на уровне Смоленщины, так и в Народном комиссариате просвещения РСФСР.

Историко-антропологические исследования, позволяющие раскрыть роль личности в историческом процессе, уже давно стали одним из актуальных

направлений отечественной исторической науки. Свидетельством тому является значительное количество публикаций, посвященных отдельным персоналиям, которые внесли значительный вклад в развитие государственных структур нашего государства. Среди этих работ особую когорту составляют исследования, направленные на изучение жизненного пути руководителей учреждений науки и образования и осуществленные на основе ставших доступными для исследования документальных комплексов. Примером таких публикаций, написанных только по материалам Уральского региона, можно назвать изданный под авторством И.С. Капцуговича в формате документально-публицистического очерка двухтомник «Пермский педагогический в судьбах людей» [Капцугович, 2006]. Под руководством авторского коллектива сотрудников педагогического вуза Челябинска на основе многочисленных документов и фотоматериалов центральных и региональных архивов написан труд по истории университета [Челябинский государственный педагогический университет, 2004]. Нельзя не отметить и специальное исследование, посвященное научно-педагогическим работникам высшей квалификации – профессорам этого учебного заведения [Профессора Челябинского государственного педагогического университета, 2004]. Краткие историко-биографические сведения о руководителях системы высшего педагогического образования в Свердловске представлены в опубликованных трудах А.М. Лушникова [Уральский государственный педагогический университет, 2000], В.А. Козлова [Очерки истории Уральского государственного педагогического университета, 2001] и научно-публицистическом издании «В ответе за учительское счастье» [В ответе за учительское счастье, 2015].

В настоящем исследовании авторы продолжают свою работу по реконструкции истории высшего педагогического образования на Среднем Урале, вновь обращаясь к исследованию истории Уральского государственного педагогического университета в период, когда им руководил Яков Денисович Петров. Ранее [Попов, Шитов, 2021] авторами были представлены сведения о служебной деятельности Якова Денисовича Петрова в 1945–1953 годах в качестве директора Свердловского государственного педагогического института (далее – СГПИ), являвшегося в послевоенные годы одним из крупнейших педагогических вузов Уральского региона. В данной статье авторы предприняли попытку осветить становление Якова Денисовича как опытного советского управленца и его роль в развитии Свердловского педагогического института в годы военного лихолетья. Это стало возможным во многом благодаря получению доступа к неизученным и недоступным ранее архивным материалам, отложившимся в архивных учреждениях Свердловской и Смоленской областей.

30 декабря 1941 года в СГПИ произошли внеплановые кадровые перестановки. Возглавлявший с 1939 года региональный педагогический вуз Андрей Федорович Елютин был назначен директором Уральского государственного университета. На его место приказом Народного комиссариата

просвещения был назначен Яков Денисович Петров – 36-летний уроженец Смоленской губернии, к тому времени имевший за плечами достаточно богатый опыт работы в системе образования.

Как свидетельствует личное дело нового директора СГПИ, он родился в 1905 году в деревне Борода Троицкой волости Демидовского уезда Смоленской губернии в семье крестьянина [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *3*]. Впрочем, в автобиографии, написанной в 1950 году, Яков Денисович добавляет, что он по происхождению из «крестьян-середняков» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *5*]. Это дополнение было существенным и прежде, когда чиновники активно выявляли классовых врагов в стране, связывая их враждебность с «чуждым социальным происхождением», специально не упоминалось. Так, в 1925 году в заявлении в Понизовскую партийную ячейку с просьбой о принятии в кандидаты в члены РКП(б) Петров пишет об имущественном положении своей семьи: «Отец мой сейчас имеет следующее имущество: 7 десятин земли, одна корова, одна лошадь, 8 едоков семьи» [ГАНИСО, ф. 3, оп. 14, д. 4217, т. 2, *2*].

Получить среднее образование в бедной семье, где дети с малых лет заняты тяжелым трудом в крестьянском хозяйстве, в начале 1920-х годов было чрезвычайно сложно. В автобиографии, написанной в марте 1925 года, Яков Петров указывает, что он в подростковом возрасте не трудился в семье родителей, а работал по найму и жил у бездетного крестьянина Ивана Азарова [ГАНИСО, ф. 3, оп. 14, д. 4217, т. 2, *3*]. Видимо, жизнь в семье, где не было детей, и определенная личная экономическая самостоятельность дали юноше возможность получить в те годы достаточно высокий для сельской местности уровень образования. Окончив двухклассное начальное училище в 1919 году, он прошел обучение в Демидовской школе II ступени [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *5*].

К моменту окончания школы, к 1924 году, окончательно сформировались политические взгляды Якова Денисовича: он стал активно поддерживать политику большевиков, вступил в ряды РЛКСМ, работал первые месяцы после окончания школы политорганизатором при райвоенкомате и заведующим избой-читальней в деревне Фощево Демидовского уезда Смоленской губернии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *5*]. По традиции в то время «избач» совмещал свою должность с выполнением обязанностей секретаря комсомольской ячейки. Особое значение для получения политического доверия местных активистов имела успешная деятельность сельского политпросветработника Я.Д. Петрова в 1924 году в учетно-налоговом аппарате волостного исполкома, участие в кампаниях по сбору налогов с населения [ГАНИСО, ф. 3, оп. 14, д. 4217. т. 2, *3*].

Комсомольским руководством Яков Денисович был направлен для учебы на двухмесячных педагогических курсах при губернском отделе народного образования, что позволило ему начать учительскую деятельность в сельских начальных школах Смоленской губернии [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688,

3]. При этом в документах того периода молодой учитель постоянно подчеркивал, что работа в личном крестьянском хозяйстве продолжала быть одним из важнейших источников его материального благосостояния [ГАНИСО, ф. 3, оп. 14, д. 4217, т. 2, *7*]. Это имело значение в связи с тем, что, когда в 1925 году Петров подал заявление о приеме в кандидаты в члены РКП(б), встал вопрос о его социальной принадлежности: если считать его учителем, то он служащий и относится к третьей категории принимаемых в партию, что требует рекомендаций пяти коммунистов не менее чем с пятилетним партийным стажем. Но в случае, если он крестьянин, по своему социальному происхождению он относится ко второй категории и достаточно трех рекомендаций. В условиях доколхозной деревни найти пятерых согласившихся дать рекомендацию и имеющих соответствующий партстаж коммунистов было сложно, и поэтому будущий директор СГПИ был принят в кандидаты в члены ВКП(б) лишь в марте 1927 года по третьей категории с условием прохождения двухлетнего кандидатского стажа [ГАНИСО, ф. 3, оп. 14, д. 4217, т. 2, *4 об.*].

Ситуация изменилась с началом «сплошной» коллективизации в конце 1929 года. Вероятно, поддержка партийной линии в колхозном движении позволила сельскому учителю в апреле 1930 года стать членом ВКП(б) [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *3*]. Это, в свою очередь, обусловило выдвижение будущего директора СГПИ на руководящую работу в органах народного образования. В 1929 году Я.Д. Петров занимает должность инструктора Ярцевского отдела народного образования, а с начала 1930-х годов работает на должности заведующего районо в различных районах Смоленской области [ГАНИСО, ф. 3, оп. 14, д. 4217, т. 2, *3*]. В 1933 году Смоленский обком ВКП(б) и облоно командировали его на учебу в академию (пединститут) Коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *5 об.*]. К сожалению, об этом периоде жизни Якова Денисовича практически нет никакой информации, однако отдельные публикации архивных документов позволяют говорить о том, что уже в начале своей административной деятельности он выполнял государственно важные служебные задания. Так, находясь в должности заведующего Краснинского районо Смоленской области, в октябре 1932 года Я.Д. Петров принимал участие в проверке Краснинской трудовой колонии подростков. Совместно с инспектором охраны детства Дебенец и школьным инструктором Нестеренко они пришли к выводу о необходимости передачи результатов проверки в районную рабоче-крестьянскую инспекцию для привлечения к ответственности виновных в «безобразном отношении к государственным детям» [Дети и молодежь Смоленщины, *334–335*].

Пройдя обучение в пединституте в 1937–1940 годах, Я.Д. Петров учился в аспирантуре уже Московского пединститута им. В.И. Ленина, защитил кандидатскую диссертацию по педагогике и был направлен на работу в Наркомат просвещения РСФСР, где занимал должность заместителя

начальника Управления высшей школы и педучилищ [Архив Уральского государственного педагогического университета, ф. 1, оп. 3, д. 98, *2*].

Назначение наркомом просвещения РСФСР В.П. Потемкиным на руководящую должность в региональный вуз своего бывшего помощника, заместителя начальника Управления высшей школой, в конце 1941 года было связано с тем, что осенью-зимой 1941 года многие московские чиновники были эвакуированы в тыловые районы страны, в том числе на Урал.

Вступление Я.Д. Петрова в должность директора СГПИ произошло в наиболее тяжелый для советской страны период Великой Отечественной войны, что нашло свое отражение в состоянии системы высшего образования в 1941/42 учебном году: в этом году в целях увеличения выпуска специалистов из высших учебных заведений ВКВШ ввел на период военного времени новые учебные планы с сокращенными сроками обучения – 3,5 года для вузов с пятилетним обучением студентов и 3 года – для вузов с четырехлетним. Общее количество учебных часов в основном сохранялось на довоенном уровне. Сокращение сроков обучения достигалось за счет уменьшения продолжительности зимних и летних каникул, времени на производственную практику и дипломное проектирование, увеличения рабочей недели с 36 до 42 часов. Учебные планы были переработаны таким образом, что это в незначительной степени отразилось на объеме программного материала и перечня учебных дисциплин [Гузненко, Попов, 2014, *12*].

Положение особенно острым было в военную зиму из-за резкого ухудшения материально-бытовых условий преподавателей, сотрудников и студентов, передачи большого числа учебных помещений и общежитий вузов эвакуированным из прифронтовых областей в Свердловск предприятиям.

Вступивший в должность руководителя СГПИ 20 декабря 1941 года, Я.Д. Петров сразу же столкнулся с тем, что в условиях военного времени решением правительственных органов здания студенческих общежитий, столовая, транспорт и топливо, принадлежавшие институту, были переданы для других нужд. Это поставило СГПИ перед угрозой закрытия [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 176, *5*]. Новый директор, вступая в должность, на партийном собрании 11 января 1942 года отметил, что «районные и городские организации смотрели на институт как на источник рабочей силы» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 11, *2*]: до 15 октября 1941 года студенты и сотрудники находились на уборке урожая в колхозах и совхозах, а с наступлением зимы целые студенческие группы отвлекались от учебы для работы на заводах [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 176, *6*]. И тем не менее в этой чрезвычайной ситуации институт продолжал свою деятельность: учебные занятия проходили в здании по ул. Малышева, 68 и в двух средних школах города в третью смену. Поскольку в учебном заведении не было даже трехдневного запаса топлива, температура в учебных аудиториях редко повышалась более +7, +8°С.

Одной из главных проблем, которые пришлось решать Петрову в начале своей директорской деятельности, была организация питания преподавателей, сотрудников и студентов. Уже в январе 1942 года благодаря запросам Якова Денисовича горторг прикрепил 2000 человек из СГПИ к столовой других ведомств. Нуждающиеся в питании могли получать обеды в термосах, была организована выдача их на дом [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 11, *45*]. После того как в начале февраля 1942 года открылась институтская столовая, Я.Д. Петров в докладной записке от 10 февраля 1942 года поставил вопрос перед облисполкомом об открытии коммерческого буфета в вузе и прикреплении высококвалифицированных профессоров института к столовой, где в закрытом режиме обслуживались представители партийно-советского актива [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *8*].

Однако недостаток выделяемого государством продовольствия был настолько серьезным, что на партсобрании 2 февраля 1942 года Петров заявил: коллектив вуза «должен быть готов к еще большему сокращению фондов продуктов питания» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 11, *3*].

В этой ситуации Яков Денисович считал, что недостаток продовольствия следует восполнять чрезвычайными мерами. Уже в феврале 1942 года директор СГПИ предложил ознакомить коллектив вуза с основами сельскохозяйственного производства на специальных курсах с тем, чтобы использовать их труд в подсобном хозяйстве учебного заведения [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 176, *7*]. 9 мая 1942 года постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР такие хозяйства стали создаваться при вузах [Гузненко, Попов, 2014, *11*]. В СГПИ студенты, сотрудники и преподаватели трудились в подсобном хозяйстве Сухоложского района. Здесь весной 1943 года планировалось засеять 15 гектаров картофеля, 8 – овощей и 12 – зерновых культур. Копка во время посевной выполнялась вручную, так как лошади были чрезвычайно истощены [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 12, *8*].

Безусловно, участие в сельскохозяйственных работах лишало студентов возможностей каникулярного отдыха. Однако ко всем уклоняющимся дирекция вуза применяла репрессивные меры [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 12, *18*]. Для преподавателей и сотрудников стала обязательной работа на индивидуальных огородах, находящихся в пригородной зоне.

Вторым направлением в деятельности директора, требующим чрезвычайных мер и немедленных результатов, являлась заготовка топлива для института и помощь студентам, проживавшим на частных квартирах и нуждавшимся в угле и дровах. Как уже отмечалось, в зимние месяцы холод в учебных помещениях был таким, что студенты присутствовали на занятиях в верхней одежде. Поставки угля и дров были минимальными, единственным выходом являлась организация вывоза топлива с лесных делянок самими преподавателями, сотрудниками и студентами. Но в распоряжении института отсутствовал свой гужевой и автомобильный транспорт. Тем не менее Я.Д. Петров требовал

от подчиненных выполнения установленных дирекцией норм заготовки топлива. Например, выступая на партсобрании в СГПИ в августе 1943 года, он потребовал от преподавателей немедленно приступить к заготовке дров [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 12, *17*], а в декабре того же года директор подверг критике ряд ведущих преподавателей, не выполнявших норм заготовок топлива. По его словам, в лесу имелось 500 м^3 дров, но в условиях морозов, отсутствия необходимых транспортных средств «доставка их затруднена» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 12, *26*]. Конечно, всё это было чрезвычайными мерами, вызванными тяжелейшими условиями войны, которые часто не давали ожидаемых результатов. В отчете о работе бюро партийной организации СГПИ с 1 декабря 1942 года по 14 марта 1944 года говорится, что «из-за отсутствия транспорта, частные квартиры дровами не были обеспечены, что вызывает конфликты с квартиросдатчиками и угрозу размещения студентов» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 13, *42*].

Следует отметить, что Я.Д. Петров признавал факт недостаточной эффективности чрезвычайных мер и считал их временными. Например, на партийном собрании в феврале 1945 года он заявил, что «подсобные хозяйства так же не приносят большой пользы, хотя убытка тоже не дают, оправдывая только затраты рабочей силы, тем более что эта рабочая сила дешева (студенты работают в собственном хозяйстве)» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 14, *12–13*].

Конечно, собранный урожай в подсобном хозяйстве поступал в вузовскую столовую и стал добавкой к студенческому питанию. Однако гораздо большее значение имело решение СНК СССР от 10 февраля 1942 года «О снабжении студентов институтов и университетов по нормам рабочих промышленности, транспорта и связи». Исходя из этого постановления, с июня 1942 года студентам стали выдавать те же промтоварные карточки, что и рабочим.

Используя связи в Наркомпросе РСФСР, Я.Д. Петров добился поддержки московскими чиновниками своих требований к местному руководству о содействии пединституту в получении помещений для учебных занятий и расселения студентов: Наркомпрос в сентябре и октябре 1942 года направил пять телеграмм в адрес Свердловского облисполкома и обкома партии по этому вопросу. В результате вузу было предоставлено помещение по ул. Карла Либкнехта, 9 [История Уральского государственного педагогического университета, 2005, *32*].

18 июня 1942 года СНК СССР, проанализировав итоги работы вузов по сокращенным учебным программам, восстановил прежние сроки обучения в высших учебных заведениях; практически все институты в 1942/43 уч. году вернулись к работе по довоенным учебным планам [Гузненко, Попов, 2014, *12*]. Однако Я.Д. Петров понимал, что не следует преувеличивать изменения в материальном положении СГПИ и студентов: оно продолжало оставаться тяжелым и на заключительном этапе войны. В отчете о работе

партийной организации педвуза в апреле 1945 года указывается как достижение то, что наконец-то каждый студент, проживающий в общежитии, «имеет отдельную койку», а инвалиды Великой Отечественной войны – и постельное белье [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 14, *26*].

В этом же отчете имеется информация, что многим студентам и сотрудникам не хватает продуктов для питания, поэтому в 1944/45 учебном году институт получал ежемесячно 100 кг хлеба для раздачи нуждающимся [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 14, *27*]. Не происходило кардинальных изменений и в обеспечении вуза учебными помещениями и помещениями для проживания студентов. В отчете института за 1944/45 учебный год отмечалось, что жилищные условия, как и ранее, были весьма тяжелые: «Студенты, жившие на частных квартирах, были разбросаны в большинстве по окраинам города, часто далеко от трамвая, в ряде случаев проживали в одной квартире хозяевами. Ряд преподавателей института также живет в неудовлетворительных квартирах» [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 59, *69–70*]. Полученное в распоряжение СГПИ здание по ул. Карла Либкнехта, 9 из-за отсутствия необходимой мебели и оборудования невозможно было использовать для учебных целей вплоть до окончания войны.

В этих тяжелейших условиях директор СГПИ считал необходимым опираться на энтузиазм и патриотизм преподавателей, сотрудников и студентов. Главная задача вуза в докладной записке в Свердловский облисполком от 10 февраля 1942 года была определена Я.Д. Петровым так: «В условиях Отечественной войны Педагогический институт обязан в более короткие сроки подготовить квалифицированных преподавателей для работы в школах, а также вооружать учащуюся молодежь необходимыми воинскими знаниями для защиты родины» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 176, *5*]. Выступая на партийном собрании 14 февраля того же года, Я.Д. Петров прямо заявил: «…у некоторых студентов существует неправильное мнение, что учеба не является патриотическим делом. Это мнение нужно рассеять» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 11, *6*].

Несмотря на крайнее напряжение сил в годы военного лихолетья, Петров всегда отмечал энтузиазм и патриотическую настроенность в деятельности коллектива вверенного ему высшего учебного заведения. Яков Денисович подчеркивал, что, несмотря на холод и голод зимы 1941/42 года, «неявка на экзамены без уважительных причин была редким явлением» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 37, д. 176, *6*]. Характерным для военного времени был безвозмездный труд советских людей в помощь фронту. В 1943 году коллективом СГПИ было отработано в помощь фронту 10 000 трудодней. Летом 1943 года Свердловский пединститут выделил из числа студентов, сотрудников и преподавателей 250 человек для работы на предприятиях, в колхозах и совхозах [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 13, *44*].

Кроме того, как отмечается в отчете о работе партбюро СГПИ, с 1 декабря 1942 года по 14 марта 1944 года «ремонт учебных зданий и приведение

в порядок учебных кабинетов, библиотеки и лаборатории был произведен силами преподавателей, студентов и работников института» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 13, *4*]. Однако, несмотря на все трудности, оценивая подготовку к новому 1943/44 учебному году, Петров заявил, что «настроение студентов в основном здоровое» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 12, *8*]. В 1943/44 учебном году пропуски занятий по неуважительным причинам в педвузе составляли всего 1% учебного времени, а в 1944/45 учебном году их количество еще более снизилось [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 14, *22*]. Выступая на партсобрании СГПИ 7 декабря 1943 года, Яков Денисович отметил, что, несмотря на серьезную ограниченность фондов питания в институте и проблемы в снабжении топливом, «посещаемость студентов неплохая, выполнение учебного плана по пединституту 97,2%, а по учительскому 94%» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 12, *26*].

В годы войны местные партийно-советские органы контролировали деятельность высших учебных заведений в Свердловске, давали оценку работе дирекции вузов по организации учебного процесса. Например, осенью 1944 года серьезной критике подверглось руководство лесотехнического и сельскохозяйственного институтов, а что касается СГПИ, то, как отмечал заведующий отделом школ Свердловского обкома ВКП(б) Ф. Радько, в Уральском индустриальном и медицинском институтах «улучшилась организация педагогического процесса… создается твердый график занятий…». Учебный процесс «организован по материалам, полностью отражающим все то новое, прогрессивное, что внесла война в науку, технику, культуру, производство» [Уральский рабочий, 1944]. 4 апреля 1944 года на бюро Свердловского городского комитета партии отчитывался Я.Д. Петров, работа вуза горкомом ВКП(б) была признана удовлетворительной [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 13, *51*].

Большое значение как для работы педвуза, так и лично для Якова Денисовича имел вопрос о кадровом составе преподавателей СГПИ. Это было связано с тем, что в условиях военного времени профессорско-преподавательский состав вуза не был постоянным. Если в 1941/42 учебном году в штате СГПИ насчитывалось 107 научных работников, то в 1943/1944 году в институте работало 102 преподавателя, при этом часть кафедр, особенно русской литературы, основ марксизма-ленинизма, не была укомплектована [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 46, *5*; д. 54, *3*]. Как отмечал директор института в своем отчете, это было связано с тем, что, несмотря на большое число заявлений, поданных и утвержденных советом института, к началу учебного года часть избранных работников не явилась, а часть покинула вуз в течение 1-го и 2-го семестров [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 46, *4*]. Такая текучка среди преподавателей естественным образом обостряла вопрос укрепления научного потенциала вверенного Якову Денисовичу педвуза.

В одной из последних публикаций по истории СГПИ авторы уже упоминали, что во многом благодаря личным связям Я.Д. Петрова с руководством

Наркомпроса в вузе был решен вопрос о возможности проведения защит диссертаций в условиях эвакуации [Попов, Шитов, 2023, *250*]. В результате за годы Великой Отечественной войны 11 работников института защитили свои диссертации [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 50, *5*]. Среди них – М.Я. Сюзюмов, А.А. Соколов, Д.Л. Похилевич, В.Н. Розенталь, А.П. Громова, П.А. Вовчок, Н.Н. Амосова, Н.А. Чирков, Н.М. Катериночкин, В.А. Степанов [Очерки, 2001, *43*].

Несмотря на имеющиеся в подборе кадров проблемы, директор неоднократно отмечал в отчетах, что институт располагает достаточно квалифицированными кадрами. Однако вопрос воспроизводства научных работников был одним из актуальных для Якова Денисовича: именно в годы его руководства вузом в ноябре 1943 года в СГПИ была начата подготовка аспирантов по специальностям, позволявшим обеспечить в дальнейшем преподавание общеобразовательных и специальных предметов. В аспирантуру зачислялись проявившие себя в науке преподаватели и сотрудники. Каждый из них шел на обучение к конкретному известному ученому, и для каждого кандидата, как правило, запрашивалось разрешение Москвы. Первые аспиранты были зачислены по кафедре физики – Ю.Г. Баташов (научный руководитель – профессор А.А. Соколов) и по кафедре основ марксизма-ленинизма – Ф.М. Венгер (научный руководитель – профессор С.З. Каценбоген) [Игошев, Булах, 2013, *12*]. С целью выполнения планов научно-исследовательской работы преподавателям, работавшим над докторскими диссертациями, среди которых были доценты Н.П. Руткевич, В.С. Мерлин, и аспирантам предоставлялись научные командировки и дополнительные отпуска [ГАСО, ф. Р-2162, оп. 1, д. 59, *60*].

Если говорить о Я.Д. Петрове как об администраторе, то хотелось бы отметить требовательность директора к своим подчиненным. Так, на партийном собрании института 14 февраля 1942 года Яков Денисович выступил с резкой критикой в адрес заведующего кафедрой литературы, недавно эвакуированного из центральной России Т.П. Ломтева и проработавшего в течение четырех лет в должности заведующего кафедрой географии А.Н. Григорьева. И тот и другой, с точки зрения Петрова, не справлялись со своей работой. Встретившись с возражениями с их стороны, директор со всей строгостью заявил: «Нужно освободиться от болтунов» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 11, *6*]. Ставя вопрос о необходимости жестких требований к трудовой дисциплине в условиях военного времени, Я.Д. Петров утверждал: «Сейчас вопросы единоначалия неизбежны» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 13, *51*].

В то же время хотелось бы отметить, что даже в чрезвычайной ситуации военного времени продолжали в определенной степени действовать демократические нормы в деятельности партийных организаций, в том числе в высших учебных заведениях. Результаты тайного голосования на выборах в состав бюро парторганизации СГПИ в определенной мере позволяют дать оценку степени доверия коммунистов, да и всего коллектива института, своему руководителю. 14 марта 1944 года из 21 члена парторганизации педвуза меньше всего голосов против (два голоса) получил Я.Д. Петров. Остальные

избранные имели 3–6 голосов против [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 13, *40*]. Характерно, что, как правило, в тот период именно главы администраций различных учреждений получали большое количество «черных шаров» на выборах в состав партийных органов. Будучи членом бюро, Яков Денисович принимал участие в качестве преподавателя в деятельности политшколы, которая имела целью подготовить кандидатов в члены ВКП(б) к вступлению в партию: в мае 1944 года он проводил занятия с учащимися в этой школе по теме «Устав ВКП(б)» [ЦДООСО, ф. 240, оп. 1, д. 14, *24*].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны деятельность Петрова проходила в условиях согласованности и результативности действий партийно-государственного руководства различных уровней. Накопленный Я.Д. Петровым опыт партийной работы и руководства педагогическими коллективами, начиная от заведующего избой-читальней и учителя школы I ступени и заканчивая должностью заместителя ГУВУЗа Министерства просвещения РСФСР, позволил обеспечить бесперебойное функционирование регионального педагогического вуза в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны. В то же время применение Петровым в своей управленческой деятельности чрезвычайно-командных методов руководства вузом с опорой на энтузиазм и патриотизм советских людей, готовых к любым жертвам для победы над врагом, позволило директору СГПИ сохранить Свердловский пединститут как центр подготовки учительских кадров на Урале, мобилизовать коллектив педвуза для поддержки усилий государства в сохранении минимального уровня жизнеобеспечения студентов, сотрудников и преподавателей и организации помощи фронту. Работа Я.Д. Петрова в качестве директора педвуза в 1941–1945 годах была отмечена медалью за доблестный труд в годы Великой Отечественной войны [ЦДООСО, ф. 4, оп. 66, д. 2688, *4*].

Благодарности. Авторы выражают благодарность Областному государственному казенному учреждению «Государственный архив новейшей истории Смоленской области» и лично директору Татьяне Ивановне Тарасенковой за оказанную помощь в поиске материалов.

ЛИТЕРАТУРА

Архив Уральского государственного педагогического университета. Ф. 1. Оп. 3. Д. 98.

В ответе за учительское счастье: 85 лет Уральскому государственному педагогическому университету. Екатеринбург: Форт Диалог-Исеть, 2015. 189 с.

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 46.

ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 54.

ГАСО. Ф. Р-2162. Оп. 1. Д. 59.

Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 14. Д. 4217. Т. 2.

Гузненко З.И., Попов М.В. Подготовка учительских кадров в Свердловске в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. 2014. № 12. С. 8–15.

Дети и молодежь Смоленщины: 1920–1930-е годы: документы и материалы. Смоленск: Маджента, 2006. 528 с.

Игошев Б.М., Булах В.Н. Страницы истории аспирантуры СГПИ – УрГПУ (1943–2013 гг.). Екатеринбург: [б. и.], 2013. 124 с.

История Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург: [б. и.], 2005. 173 с.

Капцугович И.С. Пермский педагогический в судьбах людей: документально-публицистический очерк. Пермь: Кн. мир, 2006. Кн. 1. 373 с.

Очерки истории Уральского государственного педагогического университета. Екатеринбург: [б. и.], 2001. 225 с.

Попов М.В., Шитов А.К. Директор Свердловского государственного педагогического института Я.Д. Петров и создание системы аспирантской подготовки в Свердловском пединституте (к 80-летию аспирантуры УрГПУ) // Запад, Восток и Россия: Вопросы всеобщей истории. 2023. № 26. С. 248–255.

Попов М.В., Шитов А.К. Директор Я.Д. Петров и Свердловский педагогический институт в 1945–1953 гг. // Педагогическое образование в России. 2021. № 3. С. 22–29.

Профессора Челябинского государственного педагогического университета: биографии. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 243 с.

Уральский государственный педагогический университет: летопись-хроника 1930–2000. Екатеринбург: УрГПУ, 2000. 426 с.

Уральский рабочий. 1944. 1 окт.

Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 37. Д. 176.

ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 66. Д. 2688.

ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 11.

ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 12.

ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 13.

ЦДООСО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 14.

Челябинский государственный педагогический университет. 2-е изд., испр. и доп. Челябинск: ЧГПУ, 2004. 272 с.

M.V. Popov
PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of Russian History,
Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

A.K. Shitov
PhD in History, Associate Professor,
Chair of Law, Economics and their Teaching Methods,
Ural State Pedagogical University
Yekaterinburg, Russia

Yakov Denisovich Petrov: Smolensk Teacher at the Head of the Regional Pedagogical University during the Great Patriotic War

In this publication, the authors continued their work on the study of the personality of the director of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute, Yakov Denisovich Petrov, who held this post more than anyone else who headed this university, and his role in the development of the system of higher pedagogical education in the Sverdlovsk region.

Based on the materials identified by the authors and previously unknown materials deposited in archival institutions of the Sverdlovsk and Smolensk regions, the authors analyzed in detail the features of the early biography of the director of the institute. This allowed us to fully answer questions related to Petrov's social background, which in the 1920s and 1930s was one of the main criteria for evaluating the political and business qualities of a communist and an employee for party and Soviet officials. And his gradual advancement up the career ladder: from a rural teacher to an experienced manager.

At the same time, the authors abandoned the historical-party approach in consecrating the work of the Sverdlovsk Pedagogical Institute in the early years of Ya.D. Petrov's official activity, which is characteristic of Soviet historians. The personal participation of the director in solving the personnel and material problems of the university is specially investigated. The authors draw readers' attention to the fact that Petrov's solution of state tasks for the development of higher pedagogical education in the Sverdlovsk region and improving its quality in the most difficult conditions of the war years were quite successful. In many ways, this was the result of the rich work experience that Yakov Denisovich had accumulated during his years working in the public education system of the Smolensk region and in the People's Commissariat of Education of the RSFSR.

Keywords: *personality in history; pedagogical education; history of education; history of the Urals; the Great Patriotic War.*

REFERENCES

Archive of the Ural State Pedagogical University [Arkhiv Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. File 1. Inventory 3. Case 98. (in Russian).

Responsible for teacher's happiness: 85 years of the Ural State Pedagogical University [V otvete za uchitel'skoe schast'e: 85 let Ural'skomu gosudarstvennomu pedagogicheskomu universitetu]. Yekaterinburg: Fort Dialog-Iset, 2015. 189 p. (in Russian).

The State Archive of the Sverdlovsk region (GASO) [Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO)]. F.R-2162. Inventory 1. Case 46. (in Russian).

GASO F. R-2162. Inventory 1. Case 54. (in Russian).

GASO F. R-2162. Inventory 1. Case 59. (in Russian).

The State Archive of the Modern History of the Smolensk region (GANISO) [Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti (GANISO)]. File 3. Inventory 14. Case 4217. Vol. 2. (in Russian).

Guznenko Z. I. Popov M.V. Teacher training in Sverdlovsk during the Great Patriotic War [Podgotovka uchitel'skikh kadrov v Sverdlovske v gody Velikoi Otechestvennoi voiny]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2014. No 12. pp. 8–15 (in Russian).

Children and youth of Smolensk region: 1920−1930s: documents and materials. [Deti i molodezh' Smolenshchiny: 1920−1930-e gody: dokumenty i materialy]. Smolensk: Magenta, 2006. 528 p. (in Russian).

Igoshev B.M. Bulakh V.N. Pages of the history of the graduate school of SSPI – USPU (1943–2013) [Stranitsy istorii aspirantury SGPI – UrGPU (1943–2013 gg.)]. Yekaterinburg: [without indicating the publisher], 2013. 124 p. (in Russian).

The history of the Ural State Pedagogical University [Istoriia Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. Yekaterinburg: [without indicating the publisher], 2005. 173 p. (in Russian).

Kaptsugovich I.S. Perm Pedagogical Institute in the destinies of people: a documentary and journalistic essay [Permskii pedagogicheskii institut v sud'bakh liudei: dokumental'no-publitsisticheskii ocherk]. Perm, 2006. Book 1. 2006. 373 p. (in Russian).

Essays on the history of the Ural State Pedagogical University [Ocherki istorii Ural'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta]. Yekaterinburg: [without indicating the publisher], 2001. 225 p. (in Russian).

Popov M.V., Shitov A.K. Director of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute Ya.D. Petrov and the creation of a postgraduate training system at the Sverdlovsk Pedagogical Institute (to the 80th anniversary of the graduate school of USPU) [Direktor Sverdlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta Ia. D. Petrov i sozdanie sistemy aspirantskoi podgotovki v Sverdlovskom pedinstitute (k 80-letiiu aspirantury UrGPU)]. *West, East and Russia: Questions of General History.* 2023. No 26. pp. 248–255 (in Russian).

Popov M.V., Shitov A.K. Director Y.D. Petrov and the Sverdlovsk Pedagogical Institute in 1945-1953 [Direktor Ia.D. Petrov i Sverdlovskii pedagogicheskii institut v 1945-1953 gg.]. *Teacher education in Russia.* 2021. No 3. pp. 22–29 (in Russian).

Professors of Chelyabinsk State Pedagogical University: biographies. [Professora Cheliabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta: biografii]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University, 2004. 243 p. (in Russian).

Ural State Pedagogical University: chronicle 1930–2000 [Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet: letopis'-khronika 1930–2000]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2000. 426 p. (in Russian).

The Ural worker [Ural'skii rabochii]. October 1, 1944. (in Russian).

Center for Documentation of Public Organizations of the Sverdlovsk region (CDOOSO) [Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti (TsDOOSO)]. File 4. Inventory 37. Case 176. (in Russian).

CDOOSO. File. 240. Inventory1. Case 11. (in Russian).

CDOOSO. File 240. Inventory1. Case 12. (in Russian).

CDOOSO. File 240. Inventory1. Case 13. (in Russian).

CDOOSO. File 240. Inventory1. Case 14. (in Russian).

CDOOSO. File 4. Inventory 66. Case 2688. (in Russian).

Chelyabinsk State Pedagogical University [Cheliabinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet]. The 2nd edition, revised and added. Chelyabinsk: Chelyabinsk State Pedagogical University, 2004. 272 p. (in Russian).

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет
Воронеж, Россия

УДК 94(410)

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-194-209

АНГЛИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ

Ключевые слова: *Англия; национализм; интеллектуал; политика памяти; историография как форма исторической политики; англосаксонизм.*

Автор анализирует особенности и направления развития английской академической историографии, сфокусированной на изучении истории и наследия Англии до 1066 года, как формы политики памяти. Предполагается, что политические элиты Великобритании не проводят политику памяти в ее

классических формах. Поэтому автор указывает на то, что роль, аналогичную функциям исторической политики в Европе, в Англии играет академическая историография. Целью исследования является анализ роли, места и значения исследований, сфокусированных на истории англосаксонской Англии, в контекстах развития политики памяти и мемориальной культуры. Новизна исследования состоит в изучении академической историографии как формы исторической политики в обществе, где государственные институты памяти и мемориальные законы отсутствуют. В статье показано, что 1) англосаксонские нарративы в современной мемориальной культуре стали формой националистического исторического воображения, 2) акторами и агентами исторической политики являются как историки, так и интеллектуальное сообщество в целом, так как правящие элиты дистанцируются от участия в политике коллективной исторической памяти, 3) англосаксонские нарративы в историческом воображении представляют собой проявление английского культурного национализма, так как его политические формы и измерения неразвиты. Предполагается, что академические историки в современной Англии выступают одновременно важными и вынужденными участниками исторической политики, национализируя историю до 1066 года, подчеркивая значение прошлого в современной идентичности. В статье показано, что современная английская историография в политике памяти и мемориальной культуре фактически играет роль политического эксперта и агента, который формирует и продвигает представления о прошлом, инструментализируя историю как политический ресурс.

Утверждения о том, что современные политические элиты для сохранения собственной власти и воспроизводства лояльности со стороны граждан в отношении того или иного режима активно используют факты прошлого, облекая их в историческую политику или политику памяти, в современной междисциплинарной историографии стали общим местом. Не является исключением из этой универсальной логики трансформации истории в современном мире и Великобритания. Что касается Англии, то этот регион в историографии в наименьшей степени соотносится с феноменом национализма. Английский национализм в сравнении с валлийским, ирландским или шотландским исследован в гораздо меньшей степени. Поэтому изучение политики памяти и ее связи как с развитием английской идентичности, так и с динамикой и проявлениями политического, гражданского и этнического национализма в современной российской историографии обретает особую актуальность.

Сфера доминирования английского национализма в современной Великобритании сместилась в направлении культурных и интеллектуальных активностей. Поэтому *целью* автора статьи является анализ роли, которую исследования об области истории англосаксонской Англии играют в совре-

менной Великобритании в контекстах развития политики памяти и функционирования мемориальной культуры, если принять во внимание то, что в этой стране историческая политика в ее классической форме не проводится.

В число *задач* автора входит изучение основных этапов развития историографии англосаксонской Англии как формы развития национализма, выделение важнейших тематических направлений в развитии английской исторической науки, сфокусированной на изучении англосаксонского периода, как формы функционирования национального самосознания и националистического воображения, определение возможных перспектив дальнейшего развития английского национализма, ограниченного культурными и интеллектуальными проявлениями современной английской историографии, сфокусированной на изучении истории англосаксонской Англии.

Методологически статья опирается на достижения междисциплинарной историографии, достигнутые в рамках мемориального поворота. В рамках изучения памяти и мемориальной культуры историческая политика и политика памяти, а также результаты их развития, представленные разного рода конструктами, включая этнические и политические идентичности, воспринимаются через призму социального конструктивизма. В современной научной литературе участники исторической политики обозначаются как «акторы» или «агенты» [Winter, Prost, 2020, *173–192*], что позволяет отнести к их числу и историков как представителей формально академического сообщества [Кирчанов, 2020, *291–317*], если их активность фактически направлена на наделение той или иной группы собственной национальной историей, воспринимаемой в качестве одной из системных характеристик идентичности.

Состав активных участников такой политики, как правило, ограничивается политическими элитами или лояльными им интеллектуалами [Barash, 2016]. В целом современный английский социум характеризуется гетерогенным характером, что оказывает существенное влияние на историческое воображение в его рамках. Память современного общества неоднородна, воспроизводя разные культуры памяти, степень актуализации, визуализации и (ре)презентации которых в общественных и публичных пространствах может быть различной [Wiersma, 2009, *15–28*].

Таким образом, историческая память анализируется как социальный и культурный конструкт, созданный благодаря нескольким поколениям английских интеллектуалов, которые изучали историю Англии. Примечательно, что сами эти интеллектуалы не воспринимали себя в качестве националистов, а стали таковыми в политическом и историческом воображении современных поколений английских и европейских историков, которые склонны подчеркивать центральную и решающую роль интеллектуалов, в том числе и своих предшественников историков, как в становлении национализма, так и в развитии национальной идентичности.

Проявления национализма в английской историографии средневековой истории разнообразны, но первыми объектами такой националистической инструментализации прошлого становились англосаксы и история англосаксонской Англии.

Средневековье «часто предоставляло материал для развития элементов различных националистических нарративов» [Readman, 2022, *1174–1208*], хотя степень проявления национализма в английской медиевистике не может быть определена как высокая. В актуализации национальной компоненты в восприятии истории Англии как национальной главную роль играют англосаксонские нарративы [Melman, 1991, *575–595*], связанные с формированием и воспроизводством в историческом воображении англосаксонских образов [Кирчанов, 2023, *39–45*], которые в современном националистическом воображении успели стать относительно устойчивой изобретенной традицией [Melman, 1991, *575–595*], сложившейся в ее националистической версии несколькими столетиями ранее [Brackmann, 2012, *256*], чему предшествовали формирование и проработка англосаксонского мифа в XVII–XIX веках [Frazier, 2013, *244*].

В этом отношении изобретение и конструирование истории англосаксонского присутствия, исторического и политического опыта королевств стало пространством как конструирования прошлого, так и его политизации. Поэтому концепты, связанные с понятиями «англы», «саксы», «англосаксы» и производными от них, стали изобретенными традициями, в воспроизводство которых были вовлечены историки. Историки в современной истории национализма сыграли одну из ведущих ролей [Lawrence, 2013, *713–730*], внеся свой вклад в универсализацию и институционализацию нации как политической категории [Suny, 2001, *862–869*], предложив ей прошлое, оформленное в виде национальной истории [Bruce, 2000, *313*].

Анализируя роль последних, во внимание следует принимать и то, что степень их участия и вовлеченность в консолидацию идентичности и продвижение национализма была меньше аналогичного участия историков в странах Европы [Díaz-Andreu, 2007, *486*]. Тем не менее в той интеллектуальной и историографической ситуации, которая исторически сложилась в Англии, комплекс нарративов, связанных с описанием, воображением и изобретением англосаксонской Англии, как формы проявления английского национализма в историческом воображении отличается значительным разнообразием. Первые англосаксонские мотивы в относительно современной форме, что делало восприятие истории и прошлого пригодным для политизации и инструментализации, в историческом и политическом воображении Англии возникают в период Нового времени.

На данном этапе история как академическая наука не сложилась, что делало первых английских интеллектуалов свободными от формальных ограничений академической этики. Поэтому историческое воображение

функционировало как частный случай политического, а история активно использовалась для легитимации тех или иных политических состояний. Первые образы англосаксов в ранней современной английской идентичности возникли как попытки глорификации англосаксонских предков современных англичан. Подобные попытки утверждения не академической, но фактически политической и отчасти романтической генеалогии англичан были подчинены прикладным задачам.

Институционализация англосаксонского мифа в английском историческом воображении протекала на протяжении второй половины 1840 – начала 1850-х годов [Smith, 1848, *35–45*] и носила преимущественно прикладной характер. Это проявилось в росте интереса к англосаксонским древностям [Wright, 1847, *50–59*], фиксируемым на территории Англии [Smith, 1852, *155–170*], что было призвано подчеркнуть как историческую, так и пространственно-территориальную преемственность англичан с их англосаксонскими предками [Wright, 1852]. Вторая после 1840–1850-х годов волна интереса к англосаксонскому наследию имела место в 1900–1930-е годы. Работы того времени отличались большей академичностью, хотя и продолжали обслуживать англосаксонский миф как одну из формирующихся изобретенных традиций исторического воображения английского культурного национализма.

К тому времени английский национализм в сравнении с региональными миноритарными национализмами был явным маргиналом и аутсайдером, так как не имел ни собственных политических партий, ни идеологических амбиций. Вместе с тем он был едва ли не единственным культурным и интеллектуальным пространством, в рамках которого предпринимались попытки фиксации именно английского исторического опыта. Несмотря на то что тексты в целом были выдержаны в рамках преобладавшей тогда позитивистской парадигмы выстраивания исторического нарратива, они фиксировали широкий спектр проявлений английскости вне рамок этнографически описательного подхода, но путем наделения англичан историей, в которой фигурировали их англосаксонские предки. Поэтому образ англосаксов менялся в направлении образа почти идеального исторического предшественника и предка англичан. Доминирование этноцентричного подхода, основанного на мифологизации прошлого и позитивной идеализации истории, вело к тому, что в рамках развития англосаксонских нарративов в историческом воображении английского национализма формировались новые конструкты, хотя их основания были заложены в предшествующие десятилетия [Akerman, 1852, *84*].

В рамках такой модели исторического воображения англосаксы наделялись атрибутами не только предков и предшественников англичан [Chadwick, 1907, *380*], но и политической нации [Adams, 1905, *392*], что проявилось в изучении памятников и текстов права от племенных правовых практик [Seebohm, 1902, *602*] в направлении его кодификации под эгидой

королевской власти [Attenborough, 1922, *278*]. Вместе с тем эта правовая координата не была доминирующей в формировании образа англосаксонских предков в английском историческом воображении. В силу того что английский национализм первой четверти XX века развивался как преимущественно культурная практика, основное внимание сосредотачивалось на идеализации их культурных особенностей, описываемых через призму «расы» [Shore, 1906, *432*]. Поэтому англосаксонские нарративы ассимилировались в рамках изучения духовной [Gordon, 1922, *334*] и материальной культуры англосаксов [Kendrick, 1938, *362*], поэзии [Brown, 1903, *536*] и искусства [Clarke, 1947, *138*].

На данном этапе в функционировании англосаксонских нарративов в историческом воображении английского национализма заметно формирование именно культурного подхода, что вело к минимизации политического потенциала англосаксонского мифа, редуцируемого до истории языка [Bright, 1921, *90*], истории поэзии [Kennedy, 1916, *344*] и литературных параллелей с этнически родственными германскими группами [Kershaw, 1922, *232*]. В целом англосаксы, как и другие исторические, уже не существующие группы и сообщества, оказались чрезвычайно удобными для политических спекуляций, направленных на формирование чувства общей истории. Первые неакадемические штудии англосаксов были чрезвычайно важны для последующего развития мифа англосаксонизма, который фактически стал как изобретенной традицией, так и попыткой инструментализации прошлого.

Политизация и идеологизация последнего, открытое использование истории – все эти факторы имели принципиальное значение для развития национализма в Европе [Evans, Marchal, 2011, *304*], хотя в Великобритании английский национализм открыл для себя потенциал исторического воображения с явным опозданием. Поэтому первые попытки национализации английской истории до 1066 года как истории англосаксонской, то есть подлинной исторической Англии, имели место в XIX столетии, когда английские интеллектуалы конструировали английскость, интегрируя ее при этом в рамки германскости как более широкого и эластичного концепта.

Вместе с тем, вероятно, следует признать, что немецкое влияние на англосаксонизм в Англии как одну из первых модерных изобретенных традиций английского национализма было более чем ограниченным и поверхностным, а британские интеллектуалы и вовсе стремились минимизировать континентальное европейское влияние, преувеличивая собственный вклад, формулируя не академический, но политический вопрос: «Who is the Mother Country to Anglo-Saxon historians? Some reply “Germany”, but others of us prefer to answer “England”» [Trevelyan, 1913, *4*]. Такое утверждение Дж. Тревельяна в большей степени соответствовало духу времени, но к тому моменту, когда английское общество переживало третью волну интереса к англосаксам как историческим предкам англичан, выглядело явным анахронизмом.

Несмотря на то что к 1950-м годам английский политический национализм оставался маргинальным фактором, активность культурных националистов становится более значимой, а история выступает одним из основных пространств, на которое проецируется националистическое воображение. Anglo-Saxon Studies стали, по сути, формой функционирования английского национализма, так как концепт нации, последовательно маргинализируемый в политических пространствах, постепенно перемещался в направлении культурных, академических и интеллектуальных активностей. Английские интеллектуалы как представители нации и сообщества, лишенного собственного политического представительства, фактически превратили концепты «Anglo-Saxon England» [Hodgkin, 1952, *300*] и «Anglo-Saxons» [Laing, 1979, *208*] в изобретенные традиции, активно изучали исторически государственные институты англосаксонского периода [Binchy, 1970, *53*], что стало попыткой актуализировать политический опыт англичан, хотя и в отдаленной хронологической перспективе.

В силу того что актуализация англосаксонских нарративов в английском историческом воображении отличается определенной цикличностью, периоды роста интереса к проблеме чередуются с сокращением заинтересованности общества в подобной проблематике [Šerbaumová, 2010, *69–71*]. Этому содействовала и эрозия самого понятия «англосаксы» и производных от него, так как «“англосаксы” издавна ассоциировались с древними англичанами, но этот ярлык страдает от долгой истории неправильного использования» [Rambaran-Olm, 2019]. Поэтому четвертый этап в истории культурного английского национализма, который активно использовал ресурсы исторического воображения, мы можем датировать 2000–2010-ми годами.

Если в предшествующие периоды основными тенденциями функционирования англосаксонизма были его институционализация и превращение в одну из изобретенных традиций, то в первой четверти XXI века культурные и интеллектуальные тренды в английском национализме в большей степени актуализируют такое качество, как гетерогенность. К этому времени англосаксонский миф в английской историографии как одном из немногих пространств, где было возможно открытое выражение английского национализма, сводился к несколькими постулатам, которые могут быть суммированы следующим образом. Англосаксы представляли собой предков современных англичан, которые в своем развитии прошли несколько этапов, достигнув значительного политического прогресса. Англосаксы, несмотря на отсутствие в их среде единства, создали несколько государственных образований, что позволяет определять предков англичан как политическую нацию.

Центральной фигурой в истории англосаксов и, как результат, отцом нации следует признать Альфреда Великого, который использовал «уникальную возможность для политического объединения Англии, стремясь объединить различные элементы англосаксонского суверенитета в единое

государство под эгидой Уэссекса… для него большое культурное значение имело отождествление англосаксонского народа, gens Anglorum, с израильтянами Ветхого Завета: избранным народом, ведомым божественным провидением… Альфред политизировал gens Anglorum, превратив этот религиозный маркер в основу общеанглийской национальной идентичности» [Morrison, 2017].

В целом подобные формулировки отражают основные особенности националистического воображения, так как вовлечённые в него историки склонны проецировать современные категории «суверенитет» и «идентичность» на сообщества англосаксов, которые, скорее всего, совокупностью перечисленных признаков не обладали, будучи традиционной группой, объединенной религиозной идентичностью. По мнению М.Ф. Румянцевой, для современной историографической ситуации характерен «разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания» [Румянцева, 2019, *51*], хотя в некоторых историографиях этот разрыв компенсируется усилением связи и взаимной зависимости между историей и националистическим воображением, так как в ряде случаев академическое сообщество становится не только фактором, но и актором национализации коллективных представлений о прошлом.

Классический националистический нарратив в XXI веке начинает подвергаться ревизии и деконструкции, что совпало с актуализацией новых тенденций в рамках исторической эпистемологии в целом. Комментируя последние, Л.П. Репина подчеркивает, что «не остаются незамеченными изменения, которые происходят в области исторического сознания… и концептуализации самого исторического знания, оценке познавательных возможностей исторической науки» [Репина, 2008, *14–25*]. Если часть культурных националистов в модифицированном виде воспроизводит мифы и нарративы своих предшественников [Louviot, 2016, *296*], анализируя проблемы истории материальной культуры [Martin, 2015, *406*], культурной [Harbus, 2012, *222*] и литературной истории [Home, 2015, *196*], то более радикальная группа, деконструируя достижения более ранней историографии, фактически содействует (ре)институционализации англосаксонских нарративов в новой версии через призму визуального поворота [Karkov, 2004, *240*], новой культуральной истории [Arthur, 2018, *262*], истории идей [Clarke, 2012, *206*], пространственной истории [Hooke, 2011, *269*], истории смерти [Lee, 2007, *176*], социальной истории [Baker, 2013, *292*].

По мнению украинского историка Олэксандра Осипяна, подобные тенденции в рамках западной историографии могли стать результатом политических процессов, связанных с ростом мультикультурализма и толерантности [Осіпян, 2008, *47*], но в рамках такого в значительной степени одностороннего видения не учитывался фактор роста национального самосознания. Нельзя исключать, что усиление последнего стимулировало в

среде английских интеллектуалов рост интереса к англосаксонскому прошлому Англии, что и предопределило тематический бум англосаксонских исследований. В то время как европейские историки предпринимали попытки консолидации и продвижения «неантропоцентричной, пост-европейской и постсекулярной» [Доманська, 2017, *129*] истории, их английские коллеги стали использовать ресурс этнизации прошлого.

В рамках такой деконструкции истории «больших нарративов» и их пересмотра исторический ревизионизм в функционировании англосаксонских образов в английском культурном национализме привел к антропологизации [HallA, 2007, *226*] и экологизации мифа об англосаксах, их изъятию из чисто политической и событийной истории и включению в спатиальную (пространственную) [Williamson, 2012, *280*] перспективу, что стало фактически формой его деконструкции. Националистическое воображение, свойственное сообществу английских историков, чьи интересы сфокусированы на истории англосаксонской Англии, апеллировало к политическим, социальным и культурным уровням прошлого, что, впрочем, не защитило его восприятие от влияния со стороны сторонников этнического национализма.

Последние в меньшей степени ограничены предписаниями академической этики, не только открыто декларируя свои идеологические предпочтения, но и инструментализируя прошлое, формируя и продвигая чрезмерно идеологизированный и одновременно идеализируемый образ англосаксонской Англии как фактически изобретенной политической традиции, что важно для определенной части общества. Поэтому националисты, как и некоторые историки, апеллируют к опыту исторической англосаксонской государственности, что подчеркивает наличие государственного опыта у англичан в прошлом.

В сложившейся ситуации англосаксонские образы актуализируются в рамках английского национализма, ограниченного культурными и интеллектуальными пространствами. Такая логика и динамика развития современного английского национализма подчеркивает, что английское общество создало уникальную среду для функционирования национализма. Для Англии в составе современной Великобритании характерно отсутствие национализма как сильного политического движения, представленного на государственном уровне. В условиях доминирования в рамках правящей элиты политической британской идентичности английский национализм неизбежно маргинализируется, его и без того ограниченное политическое представительство сужается и становится еще более ограниченным.

В таком случае минимизация английского национализма в политике и его последовательная редукция до культурных и интеллектуальных пространств становится неизбежной, что чревато усилением этнического и неакадемического националистического воображения [Cowley, 2009, *268*], сторонники которого склонны к пространным размышлениям относительно

уничтожения подлинной, на их взгляд, исторической англосаксонской Англии в результате событий 1066 года [Cowley, 2011, *52*]. Такая динамика актуализирует в значительной степени двойственность позиции академического сообщества. По мнению части интеллектуального сообщества Англии, «древнеанглийским исследованиям необходимо заново изобрести себя и вступить в диалог с другими областями профессии» [Drout, 2008].

Подобная декларация, с одной стороны, указывает на то, что академическое сообщество (или его часть) склонно воспринимать изучение прошлого как научную задачу, стремясь абстрагироваться от относительной актуальной политической повестки дня, которая использует в том числе и английский национализм. С другой – не представляется возможным исключать, что подобные призывы могут содействовать созданию видимости исторических исследований, сфокусированных на изучении истории англосаксонской Англии в публичных пространствах, что гипотетически в перспективе может положить начало пятому этапу в фактической инструментализации англосаксонского прошлого и наследия в современном английском национализме.

Великобритания является примером государства, где политическая элита не проводит историческую политику в ее классических европейских формах, а интеллектуальное сообщество фактически оказывается в роли главного актора, ответственного за формирование и развитие культуры памяти. Национальная идентичность Англии представлена в исторических исследованиях как пространство национализма, который развивается в двух формах. С одной стороны, мы можем констатировать наличие сложившейся традиции академической английской историографии, сфокусированной на формально научном изучении прошлого. Английские историки, действительно, внесли значительный вклад в изучение средневековой и ранней современной английской истории, фактически сконструировав, вообразив и изобретя национальную версию истории. С другой стороны, фактически творцами английского политического мифа стали английские интеллектуалы, занимавшиеся изучением истории, но не элиты, так как Англия начиная с XVIII века собственного политического класса не имела, поскольку тот начал развиваться как британский и в большей степени имперский, а не национальный. Поэтому именно представители академического сообщества оказали значительное влияние на формирование коллективных представлений о том, что такое не только английская история, но и английская нация как ее основной субъект.

В этой ситуации написание истории и формирование нации протекали как взаимосвязанные процессы, причем первый легитимизировал второй, санкционируя существование английской нации с собственными политическими и государственными институтами, которые, правда, оказались достоянием истории. Именно поэтому историки играли ведущую роль в легитимации существования английской политической нации. Кроме того, следует учитывать,

что роль интеллектуалов, включая историков, в формировании национализма в Англии оказалась ограниченной. Средневековое наследие и история раннего Нового времени интегрировались в канон националистического исторического воображения гораздо больше, чем история XIX и XX веков, которая оказалась менее подверженной политическим и идеологическим интерпретациям. Анализируя вклад историков в формирование английской идентичности, необходимо помнить, что в Англии они вынужденно начали выполнять роль общественных и политических активистов, которые в большинстве стран Европы ответственны за проведение исторической политики, так как не зависят от формальных ограничений академической этики.

Поэтому роль английских историков оказалась двойственной. Академическая историография взяла на себя не столь типичную для профессионального сообщества историков роль политического эксперта и агента политики коллективной исторической памяти. В английской ситуации академические историки стали не только важными, но и вынужденными участниками исторической политики, одновременно национализируя историю и визуализируя политическое и идеологическое значение прошлого в общественных пространствах современной Англии.

ЛИТЕРАТУРА

Доманська Е. Рятувальна історія // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії НАН України, 2017. Вип. 9. С. 129–144.

Кирчанов М.В. «Англосаксонский» пласт в истории английского культурного национализма // Всеобщая история. 2023. № 2. С. 39–45.

Кирчанов М.В. Государственная история vs национальные истории: историческое воображение в многосоставных обществах // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2020. С. 291–317.

Осіпян О. Cannibales ante portas: стратегія критичного описання постмодерністів в сучасному англомовному світі // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії НАН України, 2008. Вип. 3. С. 45–57.

Репина Л.П. «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. Київ: Інститут історії НАН України, 2008. Вип. 3. С. 11–25.

Румянцева М.Ф. Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры // Диалог со временем. 2019. Вып. 67. С. 41–54.

Adams H. Essays in Anglo-Saxon law. Boston: Little, Brown, and company, 1905. 392 p.

Akerman J. Remains of pagan Saxondom. L.: J.R. Smith, 1852. 84 p.

Arthur C. 'Charms', Liturgies, and Secret Rites in Early Medieval England. L.: Boydell & Brewer, 2018. 262 p.

Attenborough F.L. The laws of the earliest English kings. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 278 p.

Baker P. Honour, Exchange and Violence in Beowulf. L.: Boydell & Brewer, 2013. 292 p.

Barash J.A. Collective Memory and the Historical Past. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 280 p.

Binchy D.A. Celtic and Anglo-Saxon Kingship. Oxford: Clarendon Press, 1970. 53 p.

Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England. Laurence Nowell, William Lambarde, and the Study of Old English. L.: D.S. Brewer, 2012. 256 p.

Bright J.W. An outline of Anglo-Saxon grammar. L.: G. Allen & Unwin, 1921. 90 p.

Brown G.B. The arts in early England. L.: J. Murray, 1903. 536 p.

Bruce L. Theorizing Myth: Narrative, Ideology, and Scholarship. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 313 p.

Chadwick H. The Origin of the English Nation. Cambridge: Cambridge University Press, 1907. 380 p.

Clarke C. Writing Power in Anglo-Saxon England. Texts, Hierarchies, Economies. L.: Boydell & Brewer, 2012. 206 p.

Clarke D. Culture in early Anglo-Saxon England. Baltimore: The Jones Hopkins Press, 1947. 138 p.

Cowley D. Hastings, 1066 – Words We'd Wield If We'd Won. L.: New Generation Publishing, 2011. 52 p.

Cowley D. How We'd Talk If the English Had Won in 1066. L.: New Generation Publishing, 2009. 268 p.

Díaz-Andreu M. A World History of Nineteenth-Century Archaeology. Nationalism, Colonialism and the Past. Oxford: Oxford University Press, 2007. 486 p.

Drout M. Anglo-Saxon Studies: The State of the Field? // The Heroic Age. A Journal of Early Medieval Northwestern Europe. 2008. Is. 11. URL.: https://www.heroicage.org/issues/11/foruma.php.

Frazier D.M. A Saxon state: Anglo-Saxonism and the English nation, 1703–1805. St Andrews: University of St Andrews, 2013. 244 p.

Gordon R. Anglo-Saxon Poetry. L.: J.M. Dent and sons, 1922. 334 p.

Hall A. Elvesin Anglo-Saxon England. Matters of Belief, Health, Gender and Identity. L.: Boydell & Brewer, 2007. 226 p.

Harbus A. Cognitive Approaches to Old English Poetry. L.: Boydell & Brewer, 2012. 222 p.

Hodgkin R.H. A History of the Anglo-Saxons. Vol. I–II. L.: Oxford University Press, 1952. 300 p.

Home M. The Peterborough Version of the Anglo-Saxon Chronicle. Rewriting Post-Conquest History. L.: Boydell & Brewer, 2015. 196 p.

Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England. Literature, Lore and Landscape. L.: Boydell & Brewer, 2011. 296 p.

Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England. Literature, Lore and Landscape. L.: Boydell & Brewer, 2011. 206 p.

Karkov C.E. The Ruler Portraits of Anglo-Saxon England. L.: Boydell & Brewer, 2004. 240 p.

Kendrick T. Anglo-Saxon Art to A.D. 900. L.: Methuen, 1938. 362 p.

Kennedy Ch.W. The Cædmon poems. L.: Routledge and Sons ltd, 1916. 344 p.

Kershaw N. Anglo-Saxon and Norse Poems. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 232 p.

Laing L. Anglo-Saxon England. L.: Routledge & Kegan Paul, 1979. 208 p.

Lawrence P. Nationalism and historical writing // The Oxford Handbook of the History of Nationalism / ed. J. Breuilly. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 713–730.

Lee Ch. Feasting the Dead. Food and Drink in Anglo-Saxon Burial Rituals. L.: Boydell & Brewer, 2007. 176 p.

Louviot E. Direct Speech in Beowulf and Other Old English Narrative Poems. L.: Boydell & Brewer, 2016. 296 p.

Martin T. The Cruciform Brooch and Anglo-Saxon England. L.: Boydell & Brewer, 2015. 406 p.

Melman B. Claiming the Nation's Past: The Invention of an Anglo-Saxon Tradition // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26, no. 3. P. 575– 95. DOI: https://doi.org/10.1177/002200949102600312.

Melman B. Claiming the Nation's Past: The Invention of an Anglo-Saxon Tradition // Journal of Contemporary History. 1991. Vol. 26, no. 3–4. P. 575–595.

Morrison S., Wilcox M. Of Angles and Angels: Political Unity and Spiritual Identity in Anglo-Saxon England, 871–1016 // Journal of Undergraduate Research. 2017. June 23. URL.: http://jur.byu.edu/?p=22316.

Rambaran-Olm M. Misnaming the Medieval: Rejecting «Anglo-Saxon» Studies // History Workshop: digital magazine of radical history. 2019. November 4. URL: https://www.historyworkshop.org.uk/anti-racism/misnaming-the-medieval-rejecting-anglo-saxon-studies.

Readman P. Landscape, National Identity and the Medieval Past in England, c. 1840–1914 // The English Historical Review. 2022. Vol. 137, no. 587. P. 1174–1208. URL.: https://academic.oup.com/ehr/article/137/587/1174/6754275?searchresult=1. DOI: https://doi.org/10.1093/ehr/ceac168.

Seebohm F. Tribal Custom in Anglo-Saxon Law. L.: Longman, 1902. 602 p.

Šerbaumová A. Anglo-Saxons and English Identity. Brno: Masarykova univerzita, 2010. P. 69–71.

Shore T.W. Origin of the Anglo-Saxon Race: A Study of the Settlement of England and the Tribal Origin of the Old English People. L.: Eliott Stock, 1906. 432 p

Smith C.R. Anglo-Saxon Remains found in Kent, Suffolk, and Leicestershire // Collectanea Antiqua. 1852. No. 2. P. 155–170.

Smith C.R. Warwickshire Antiquities // Collectanea Antiqua. 1848. No. 1. P. 35–45.

Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations // The Journal of Modern History. 2001. Vol. 73, no. 4. P. 862–896.

The Uses of the Middle Ages in Modern European States: History, Nationhood and the Search for Origins / eds. R.W.J. Evans, G.P. Marchal. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 304 p.

Trevelyan G.M. Clio, a Muse and other essays literary and pedestrian. L.: Longmans, Green and Co., 1913. P. 4.

Wiersma J.M. Politics of the Past: The Use and Abuse of History // Politics of the Past: The Use and Abuse of History / eds. H. Swoboda, J.M. Wiersma. Wien: Renner Institut, 2009. P. 15–28.

Williamson T. Environment, Society and Landscape in Early Medieval England. Time and Topography. L.: Boydell & Brewer, 2012. 280 p.

Winter J., Prost A. Agents of memory: Witnesses and historians, 1918–2000: how did the memory of the First World War unfold over the course of the twentieth century? // The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the Present. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 173–192.

Wright T.M. On Recent Discoveries of Anglo-Saxon Antiquities // Journal of the British Archaeological Association. 1847. No. 2. P. 50–59.

Wright T.M. The Celt, the Roman, and the Saxon: A History of the Early Inhabitants of Britain down to the Anglo-Saxon Conversion to Christianity. L.: Arthur Hall, Virtue & Company, 1852. 488 p.

M.V. Kyrchanoff
PhD in Histoy, Doctor, Associate Professor,
Chair of History of Foreign Countries and Oriental Studies,
Voronezh State University
Voronezh, Russia

English Nationalism and the Study of the History of Anglo-Saxon England

The author in the presented article analyses the features and directions of development of English academic historiography, focused on the history of England before 1066, as a form of political memory. It is assumed that UK political elites do not pursue memorial politics in its classical forms. Therefore, the author notes that the role of a similar historical policy in Europe and in England is played by academic historiography.The purpose of the study is to analyse the role, place and significance of research focused on the history of Anglo-Saxon England in the context of the development of memory policy and memorial culture.The

novelty of the research lies in the study of academic historiography as a form of historical policy in a society where there are institutions of memory and memorial laws.The article shows that 1) Anglo-Saxon narratives in modern memorial culture have become a form of nationalist historical interaction, 2) actors and agents of English politics are both historians and the intellectual community in general, since the ruling elites distance themselves from participation in the politics of collective historical memory, 3) Anglo-Saxon narratives in the historical general began to show interest in English cultural nationalism, since its political forms and dimensions are undeveloped.It is suggested that academic historians in modern England have become both important and forced participants in the politics of history, nationalizing history before 1066, drawing attention to the significance of the past in modern identity.The article shows that modern English historiography in the field of memory and memorial culture actually plays the role of a political expert and agent who shapes and promotes ideas about the past, instrumentalizing history as a political resource.

Keywords: *England; nationalism; intellectuals; politics of memory; historiography as a form of historical politics; Anglo-Saxonism.*

REFERENCES

Domanska E. Ritual history [Ryatuval'na istoriya]. *Ejdos. Al'manah teorії ta istoriїistorichnoї nauki.* Kiev*:* Ukrainian Institute of Historical Sciences, 2017. Vol. 9. pp. 129–44 (in Ukrainian).

KirchanovM.V. «Anglo-Saxon» layer in the history of English cultural nationalism [«Anglosaksonskij» plast v istoriianglijskogokul'turnogonacionalizma]. *General history.* 2023. No 2. pp. 39–45 (in Russian).

Kirchanov M.V. State history vs national stories: historical imagination in multi-component societies [Gosudarstvennaya istoriya vs nacional'nye istorii: istoricheskoe voobrazhenie v mnogosostavnyh obshchestvah]. *Past for the present: history-memory and narratives of national identity.* Edited by L.P. Repina. Moscow: Aquilon, 2020. pp. 291–317 (in Russian).

Osipyan O. Cannibales ante portas: a strategy for critical description of postmodernists in the current English world [Cannibales ante portas: strategiya kritichnogo opisannya postmodernistiv v suchasnomu anglomovno musviti]. *Ejdos. Al'manah teorії ta istorії istorichnoї nauki.* Kiev: Ukrainian Institute of Historical Sciences, 2008. Vol. 3. pp. 45–57 (in Ukrainian).

Repina L.P. «Challenge and response»: prospects for historical science at the beginning of the new millennium [«Vyzov i otvet»: perspektivy istoricheskoj nauki v nachale novogo tysyacheletiya]. *Ejdos. Al'manah teorії ta istorії istorichno їnauki.* Kiev: Ukranian Institute of Historical Sciences, 2008. Vol. 3. pp. 11 – 25 (in Ukrainian).

Rumyantseva M.F. Historical knowledge and historical memory in the structure of historical culture [Istoricheskoe znanie i istoricheskaya pamyat' v strukture istoricheskoj kul'tury]. *Dialogue with time*. 2019. Vol. 67. pp. 41–54 (in Russian).

Adams H. Essays in Anglo-Saxon law. Boston: Little, Brown, and company, 1905. 392 p. (in English).

Akerman J. Remains of pagan Saxondom. London.: J.R. Smith, 1852. 84 p. (in English).

Arthur C. «Charms», Liturgies, and Secret Rites in Early Medieval England. London: Boydell & Brewer, 2018. 262 p. (in English).

Attenborough F.L. The laws of the earliest English kings. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 278 p. (in English).

Baker P. Honour, Exchange and Violence in Beowulf. London: Boydell & Brewer, 2013. 292 p. (in English).

Barash J.A. Collective Memory and the Historical Past. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 280 p. (in English).

Binchy D.A. Celtic and Anglo-Saxon Kingship. Oxford: Clarendon Press, 1970. 53 p. (in English).

Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England. Laurence Nowell, William Lambarde, and the Study of Old English. London: D.S. Brewer, 2012. 256 p. (in English).

Bright J.W. An outline of Anglo-Saxon grammar. London: G. Allen & Unwin, 1921. 90 p. (in English).

Brown G.B. The arts in early England. London: J. Murray, 1903. 536 p. (in English).

Bruce L. Theorizing Myth: Narrative, Ideology, and Scholarship. Chicago: University of Chicago Press, 2000. 313 p. (in English).

Chadwick H. The Origin of the English Nation. Cambridge: Cambridge University Press: 1907. 380 p. (in English).

Clarke C. Writing Power in Anglo-Saxon England. Texts, Hierarchies, Economies. London: Boydell & Brewer, 2012. 206 p. (in English).

Clarke D. Culture in early Anglo-Saxon England. Baltimore: The Jones Hopkins Press, 1947. 138 p. (in English).

Cowley D. Hastings, 1066 – Words We'd Wield If We'd Won. London: New Generation Publishing, 2011. 52 p. (in English).

Cowley D. How We'd Talk If the English Had Won in 1066. London: New Generation Publishing, 2009. 268 p. (in English).

Díaz-Andreu M. A World History of Nineteenth-Century Archaeology. Nationalism, Colonialism and the Past. Oxford: Oxford University Press, 2007. 486 p. (in English).

Drout M. Anglo-Saxon Studies: The State of the Field? *The Heroic Age. A Journal of Early Medieval Northwestern Europe*. 2008. Issue 11. Available at: https://www.heroicage.org/issues/11/foruma.php (accessed on February 10, 2024) (in English).

Frazier D.M. A Saxon state: Anglo-Saxonism and the English nation, 1703 – 1805. St. Andrews: University of St Andrews, 2013. 244 p. (in English).

Gordon R. Anglo-Saxon Poetry. London: J.M. Dent and sons, 1922. 334 p. (in English).

HallA. ElvesinAnglo-SaxonEngland. Matters of Belief, Health, Gender and Identity. London: Boydell & Brewer, 2007. 226 p. (in English).

Harbus A. Cognitive Approaches to Old English Poetry. London: Boydell & Brewer, 2012. 222 p. (in English).

Hodgkin R.H. A History of the Anglo-Saxons. Vol. I – II. London: Oxford University Press, 1952. 300 p. (in English).

Home M. The Peterborough Version of the Anglo-Saxon Chronicle. Rewriting Post-Conquest History. London: Boydell & Brewer, 2015. 196 p. (in English).

Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England. Literature, Lore and Landscape. London: Boydell & Brewer, 2011. 296 p. (in English).

Hooke D. Trees in Anglo-Saxon England. Literature, Lore and Landscape. London: Boydell & Brewer, 2011. 206 p. (in English).

Karkov C.E. The Ruler Portraits of Anglo-Saxon England. London: Boydell & Brewer, 2004. 240 p. (in English).

Kendrick T. Anglo-Saxon Art to A.D. 900. London: Methuen, 1938. 362 p. (in English).

Kennedy Ch.W. The Cædmon poems. London: Routledge and Sons ltd, 1916. 344 p. (in English).

Kershaw N. Anglo-Saxon and Norse Poems. Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 232 p. (in English).

Laing L. Anglo-Saxon England. London: Routledge & Kegan Paul, 1979. 208 p. (in English).

Lawrence P. Nationalism and historical writing. *The Oxford Handbook of the History of Nationalism.* Edited by J. Breuilly. Oxford: Oxford University Press, 2013. pp. 713–730 (in English).

Lee Ch. Feasting the Dead. Food and Drink in Anglo-Saxon Burial Rituals. London: Boydell & Brewer, 2007. 176 p. (in English).

Louviot E. Direct Speech in Beowulf and Other Old English Narrative Poems. London: Boydell & Brewer, 2016. 296 p. (in English).

Martin T. The Cruciform Brooch and Anglo-Saxon England. London: Boydell & Brewer, 2015. 406 p. (in English).

Melman B. Claiming the Nation's Past: The Invention of an Anglo-Saxon Tradition. *Journal of Contemporary History*. 1991. Vol. 26. No 3. pp 575–595 Available at: https://doi.org/10.1177/002200949102600312 (accessed on February 7, 2024) (in English).

Morrison S., Wilcox M. Of Angles and Angels: Political Unity and Spiritual Identity in Anglo-Saxon England, 871 – 1016. *Journal of Undergraduate Research*. 2017. June 23. Available at.: http://jur.byu.edu/?p=22316 (accessed on March 10, 2024) (in English).

Rambaran-Olm M. Misnaming the Medieval: Rejecting «Anglo-Saxon» Studies. *History Workshop: digital magazine of radical history*. 2019. November 4. Available at: https://www.historyworkshop.org.uk/anti-racism/misnaming-the-medieval-rejecting-anglo-saxon-studies/ (accessed on Mrch 7, 2024) (in English).

Readman P. Landscape, National Identity and the Medieval Past in England, c.1840 – 1914. *The English Historical Review*. 2022. Vol. 137. No 587. P. 1174 – 1208. Available at: https://academic.oup.com/ehr/article/137/587/1174/6754275?searchresult=1(accessed on March 10, 2024) DOI: https://doi.org/10.1093/ehr/ceac168 (in English).

Seebohm F. Tribal Custom in Anglo-Saxon Law. London: Longman, 1902. 602 p. (in English).

Šerbaumová A. Anglo-Saxons and English Identity. Brno: Masarykovauniverzita, 2010. pp. 69–71 (in English).

Shore T.W. Origin of the Anglo-Saxon Race: A Study of the Settlement of England and the Tribal Origin of the Old English People. London: Eliott Stock, 1906. 432 p. (in English).

Smith C.R. Anglo-Saxon Remains found in Kent, Suffolk, and Leicestershire. Collectanea Antiqua. 1852. No 2. pp. 155–170 (in English).

Smith C.R. Warwickshire Antiquities. Collectanea Antiqua. 1848. No 1. pp. 35–45 (in English).

Suny R.G. Constructing Primordialism: Old Histories for New Nations. *The Journal of Modern History*. 2001. Vol. 73. No 4. pp. 862 – 896 (in English).

The Uses of the Middle Ages in Modern European States: History, Nationhood and the Search for Origins. Edited by R.W.J. Evans, G.P. Marchal. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 304 p. (in English).

Trevelyan G.M. Clio, a Muse and other essays literary and pedestrian. London: Longmans, Green and Co., 1913. p. 4 (in English).

Wiersma J.M. Politics of the Past: The Use and Abuse of History. *Politics of the Past: The Use and Abuse of History*. Edited by H. Swoboda, J.M. Wiersma. Wien: Renner Institut, 2009. pp. 15–28 (in English).

Williamson T. Environment, Society and Landscape in Early Medieval England. Time and Topography. London: Boydell & Brewer, 2012. 280 p. (in English).

Williamson T. Environment, Society and Landscape in Early Medieval England. Time and Topography. London: Boydell & Brewer, 2012. 280 p. (in English).

Wright T.M. On Recent Discoveries of Anglo-Saxon Antiquities. *Journal of the British Archaeological Association*. 1847. No 2. pp. 50 – 59. (in English).

Wright T.M. The Celt, the Roman, and the Saxon: A History of the Early Inhabitants of Britain down to the Anglo-Saxon Conversion to Christianity. London: Arthur Hall, Virtue & Company, 1852. 488 p. (in English).

В.М. Овчинников

Военная академия войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского
Смоленск, Россия

УДК 94(44)03,033

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-210-225

ФЕНОМЕН ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ В ЭПОХУ КОРОЛЯ-СОЛНЦЕ

Ключевые слова: *абсолютизм; психологические границы; нарциссизм; психопарадигма; психологическая война; Pre Carre; трансформация сословного сознания; военная революция в Европе.*

В статье исследуются основные аспекты оформления психополя (психологического ландшафта) французской монархии в эпоху раннего Нового времени в условиях становления абсолютизма (как геополитической доктрины) в контексте «военной революции» в Европе.

Автор рассматривает трансформации массового сознания в рамках феномена «ментальной революции», определившей появление новых форм легитимации социальных связей в ситуации формирования инновационных систем конструирования лояльностей, замещающих, поглощающих альтернативные идентичности или вступающих с ними в конфликт в рамках нового государственного строительства. Затрагивается проблема формирования новой «психопарадигмы», определяющей течение целого ряда социальных и политических процессов, повлиявших на становление придворного общества как элемента государственного механизма.

Прямым отражением этого процесса стал комплекс политических, психологических и социокультурных трансформаций, которые вслед за Н. Хеншеллом мы трактуем как «миф абсолютизма», который породил целый комплекс новаций в развитии массового сознания, что в наибольшей степени проявилось в развитии военного дела. Рассматривается в том числе активное применение практики «психологической войны» в кампаниях короля-солнце, что связано с переосмыслением характерного для эпохи Средневековья принципа дега (degat) – ведения опустошающей войны.

«Военная революция» и новая «психопарадигма». «Великий век» сопряжен с целым конгломератом значительных изменений, среди которых особое место занимает феномен «военной революции» [Roberts, 1956, *10*][1],

[1] Термин введен в научный оборот в 1955 году М. Робертсом. В своих изысканиях он выделяет военное дело в качестве основного фактора развития концепции абсолютизма, в которой, с нашей точки зрения, кроме всего прочего, прослеживается инструментализация античного наследия, что, по нашему мнению, и обуславливает интерес к римской военной и политической практике.

определивший полномасштабную трансформацию «культурного ландшафта» формирующейся европейской цивилизации, позиционирующей себя через призму абсолютизма, рассматриваемого нами в качестве политической мифологемы. Она отражается в трудах целого ряда авторов, характеризующих различные аспекты «имперского строительства» того периода [Duffy, 2015; Lynn, 1998; 1999; Parker, 1996; 2004 и пр.].

Соответствующие изменения во многом стали возможны за счет формирования новой психопарадигмы[2], определившей видоизменение корпоративной этики, психологии целого ряда социальных объединений, что стало доминантой в протекании комплекса политических и социокультурных процессов, составлявших основу «доктрины королевского величия», принципы которой были изложены Людовиком XIV в мемуарах (традиционно именуемых наставлениями дофину) и военных дневниках [Louis XIV, 1860; 1923; 1978].

Этот процесс протекал в форме полномасштабной трансформации сословного сознания, характерного для французской элиты – дворянства шпаги, к которому пыталось примкнуть дворянство мантии, в значительной степени повлиявшее на бюрократизацию многочисленных структур, определявших функционирование военного и административного механизмов страны. Прямым отражением данного явления становится оформление придворного общества, которое выступило предиктором полномасштабной «ментальной революции», определившей возникновение ряда новых начал социального конструирования французского королевства.

Одной из предпосылок ментальной революции была устойчивая тенденция к нарастанию аристократического сепаратизма (пиком чего стал феномен Фронды), которая проявлялась в развитии и трансформации военных

Также им подчеркивалось, что появление линейной тактики было одним из важнейших факторов перехода к постоянным армиям, которые, по римскому образцу, впоследствии становятся основными элементами государственного механизма.

Ученик М. Робертса Дж. Паркер уделяет значительное внимание явному влиянию на развитие военного искусства XVII столетия многочисленных технических разработок того периода. По его мнению, основополагающим аспектом воздействия на военное дело было развитие фортификации, которое повлекло за собой повсеместное использование артиллерии, что привело, в свою очередь, к созданию протяженных линий фортификационных сооружений, насыщенных огневыми средствами, в чем явно прослеживается использование римской концепции лимеса.

Вследствие этого одной из первостепенных задач государства стала необходимость создания не только подготовленной, но и многочисленной армии, так как в Европе активно утверждалась оборонительная стратегическая доктрина ведения боевых действий, в чем, как и в принципе мобильной защиты, применяемом в тот период, видно влияние римского военного искусства. Все это влияло и на изменения в европейских международных отношениях.

[2]Как формы массового сознания или же коллективного мировоззрения, абсолютизирующего концепт «идеального государства-машины», формирующегося в пространстве философского анализа феномена зарождающегося абсолютизма.

институтов. В подобных условиях шел процесс формирования, подчиненного короне офицерского корпуса, первые попытки создания которого прослеживаются в рамках знаменитого кодекса Мишо (январь 1629 года).

Еще в 1650 году Мишель Ле Телье писал: «…нет лейтенант-генерала[3], который не воспринимает вверенные ему войска в качестве своей же собственности» [Lynn, 1998, *296*][4], добавляя впоследствии: «Армия превращается в республику, состоящую из многочисленных кантонов или провинций, каждая из которых и есть лейтенант-генерал» [Lynn, 1998, *296*][5].

Подобные факты наглядно демонстрируют оперирование устаревшими паттернами реагирования[6] как базовыми структурами, основанными на характерных для феодальной традиции стереотипах поведения. Они позволяли рассматривать феодальные отряды или же те, что собраны на основе арьербана, а также регулярные части как явления одного порядка. Возникновение подобного рода метаморфоз восприятия, по нашему мнению, было связано с медленным течением процесса централизации, бюрократизации, а также милитаризации французской государственной машины.

В некоторой степени нейтрализовать негативные эффекты могла ротация, призванная оформить новую модель патримониальных связей, базирующихся на инструментализации римского института клиентелы в вопросах взаимодействия государства и военных структур, которая активно внедрялась с целью укрепления дисциплины. И если в период сегадорского восстания (1640–1652) генерал-лейтенант Плюсси-Бельер отказывался вести свои войска в Каталонию, до тех пор пока не получит звание маршала, то герцог Пине-Люксембург в своих письмах несколькими десятилетиями позже лишь просил позволить ему действовать и быть назначенным под командование достойного военачальника, не более того.

Соответствующие метаморфозы возможно рассматривать с позиции концепции Ю.М. Плюснина, характеризующего феномен трансформации «территориальных границ» личности субъекта, ориентируясь на тезис о взаимосвязи «пространственного» поведения индивида и его структур социального взаимодействия [Плюснин, 1993, *106–116*].

---

[3]Само звание в современном его понимании было установлено в 1621 году. В более ранний период это военный чиновник, назначаемый для управления провинцией. Уже в правление Людовика XIII он становится военным чином, связанным с осуществления функций заместителя командующего армией. Лейтенант-генерал мог командовать крупными силами и, вероятно, действовал относительно независимо.

[4] Письмо от 9 августа 1650 года от Ле Телье к Мазарини.

[5] Письмо от 16 октября 1650 года от Ле Телье к Мазарини.

[6]В силу того что они зачастую выходят за рамки системы сознательного контроля, будучи своего рода рудиментом массового сознания, приобретающим в новых условиях формы защитно-приспособительной реакции (психологической адаптации).

Обозначенную категорию – границы «Я» – уместно трактовать в качестве особого функционала, характеризующего личность, обеспечивающего размежевание таких компонентов, как «Я» и «Иное» [Шамшикова, 2010, *251–263*], что соотносится с утверждением В.А. Подороги, который подчеркивает, что «эта граница – вибрирующая, постоянно меняющая свою линию напряжения, консистенцию, толщу, активность двух сред, совпадающих в ней (Внешнего и Внутреннего), – и есть промежуток жизни, который мы не в силах покинуть пока живем; нечто, что всегда между, – может быть интервал, пауза, непреодолимая преграда, охранительный вал, а может быть и дыра, разрез – и, тем не менее, только здесь мы обретаем полноценное чувство жизни» [Подорога, 1995, *51*].

Придворное общество в условиях психосоциальных трансформаций. В реалиях зарождения и развития придворного общества, столь подробно описываемого Н. Хеншеллом [Хеншелл, 2003] и М. Блюшем [Блюш, 1998], одним из процессов, определяющим вектор эффективного взаимодействия в рамках подчиняемой государственной идее (воплощением которой был монарх) элиты, являлось изменение границ личности и, соответственно, самоидентификации участников этого процесса, что было сопряжено с рядом трансформаций массового сознания, в частности глобальных изменений восприятия суверенности психологического пространства (и самоотношения субъектов) – или же основных форм суверенности, с которыми сталкивалась в первую очередь аристократия: суверенность физического тела, суверенность территории, суверенность личных вещей, суверенность привычек, суверенность социальных (личных) связей и суверенность вкусов (ценностей) [Нартова-Бочавер, 2003, *27–36*], которые, выступая в качестве защитных элементов, и демонстрируют феномен границ личности в равной степени как психосоматической структуры и особого психофизического пространства, образующего человеческую идентичность (и самоотношение, формирующее мироощущение), видоизменение которых наблюдается в новых политических условиях [Mansel, 2019].

Это явление (которое можно трактовать в качестве своеобразного маркера психосоциальных трансформаций) уместно рассматривать, опираясь на позицию В.П. Зинченко, который любой психический процесс понимал как действие функционального органа и, в соответствии с теорией А.А. Ухтомского, выделял особую роль концепта «живого движения», на основе которого и происходит становление «психологического пространства личности (и оформления ее границ) – субъективно значимого фрагмента бытия, определяющего актуальную деятельность и стратегию жизни субъекта и защищаемого им доступными физическими и психологическими средствами, т.е. интериоризированную и персонализированную субъектом часть Среды» [Зинченко, 2000б, *79–97*].

Функциональным же органом, о котором упоминает Зинченко, «может быть всякое временное сочетание сил, способное осуществить определенное достижение, это не морфологическое, а энергийное образование» [Зинченко, 2000а, *5–20*]. Он также подчеркивает: «Важнейшая черта функциональных органов состоит в том, что они существуют виртуально и наблюдаемы, да и то лишь частично, в исполнении, т.е. в активности, в том числе и в активном покое, в действии, в поступке» [Зинченко, 2003].

Развитие французского двора как своеобразной политической мифологемы и реально существующего организма (или функционального органа) включало в себя многочисленные экзистенциальные кризисы (формирующие новые психологические формы и состояния), переживаемые индивидами, в него входящими (являющимися его частью), что представляло собой процесс становления субъективной психологической границы, сопряженный с интериоризацией и экстериоризацией [Зинченко, 2003, *14*].

Если рассуждать в русле немецкой классической философии и постулата Гегеля[7], можно сформулировать следующее видение границ личности, применимое к рассмотрению французского придворного общества эпохи Людовика XIV, проецирующего элементы своей идентичности на политические практики того периода: «Психологическая граница представляет собой уровень действия, результирующего в себе различные уровни личностной организации: потребности, установки, состояния – и выражающегося в направленности усилия (энергетического потока)» [Леви, 2013, *131–146*].

Прямым отражением этого процесса стал комплекс трансформаций[8], который породил целый комплекс новаций в формировании массового сознания, что в наибольшей степени проявилось в развитии военного дела, выражением чего станет активное применение практики «психологической войны» в кампаниях короля-солнце.

Образы «ужасов войны». Дополняет общую картину глобальных трансформаций французского общества активное использование монархией особого инструментария, соотносимого с практикой применения различных форм политического террора, базирующихся на оперировании механизмами психологического давления на субъекта, в основе которого лежат визуализация, демонстрации и слухи, искажающие восприятие пространства и времени и меняющие логику понимания происходящего за счет введения в массовое сознание образа «ужасов войны» [Ольшанский, 2002].

На практике это реализовывалось в использовании монументального строительства (ярчайшим примером чего является Pre Carre) и малых художественных форм в политических целях. Не менее важным элементом концепции

[7]«Только в действии индивидуальность действительна».
[8]Трактуемых Н. Хеншеллом как «миф абсолютизма».

было активное применение принципа «дега» (degat)[9] в рамках военного противостояния, что находило выражение в массированном применении огневых средств во время осад крупных крепостей и городов, изображения чего массово тиражировались.

При этом, например, в рамках кампании 1691 года маршал Люксембург активно критиковал идею широкомасштабных бомбардировок Брюсселя и прилегающих территорий. Вобан по этому поводу подчеркивал в своем письме от 17 июля 1691 года: «Бомбардировки Уденарде, Люксембурга или же Льежа не помогут Его Величеству приобрести даже дюйм новых территорий и, напротив, приведут к огромным затратам боеприпасов, которые будут использованы совершенно бесцельно, что еще больше ослабит и без того измотанные наши войска… Я также предполагаю, что это наихудший способ завоевать сердца людей, в то время как настроения в стране целиком на стороне Короля более, чем когда-либо ранее» [d'Aiglun, 1910, *327*; Corréard, 1847, *77*; Hardre, 1949].

Великий фортификатор не одобрял обстрел городов, приводя обширные доводы против подобного типа решений в своих многочисленных письмах еще в 1683 году [d'Aiglun, 1910, *327*]. Подобную тактику устрашения он считал преступной и нерациональной, подчеркивая, что это «пустая трата времени, к тому же вынуждающая тратить большие суммы на ремонт захваченной крепости» [Rocquancourt, 1834, *133*; Vauban, 2018, *186*].

Зачастую выступавшие против решения использовать бомбардировки как средство устрашения терпели поражение, и военный министр с учетом поддержки короля начал превращать эту практику в элемент общепринятой доктрины ведения боевых действий.

Пфальц, Вайез, Брайсгау стали печальным примером. Лувуа видел во всех «ужасах войны», постигших захваченные территории, прямое право победителя и особое средство давления на оппонента (превращающее разорение в один из инструментов ведения «психологической войны»). Именно так примерно за два месяца до заключения Нимвегенских соглашений, возвращаясь из очередной инспекционной поездки, характеризовал стратегическую ситуацию сын великого Ле Телье в письме к своему отцу: «Ничто не сравнится с опустошением тех провинций, которые наш Король вернет Императору: они выглядят полностью опустевшими и разоренными. Поселения обезлюдели, во многих из них остаются обитаемыми один или два дома».

Зарождающаяся европейская пресса формировала образ властолюбивого и коварного французского короля, готового идти до конца для удовлетворения собственных амбиций. Европу поразила франкофобия, в германских же землях зарождался миф о «наследуемой вражде» (Erbfeindschaft). Во многом опираясь на него, И. Гете с иронией замечал в «Фаусте»: «Einechter deutscher Mann mag keinen Franzen leiden, doch ihre Weine trinktergern»[10].

[9]Дословно «опустошение».
[10]«Настоящий немец не любит французов, но любит пить их вина».

Французская же стратегия восприняла этот принцип, и уже по прошествии менее чем двух десятилетий после описываемых событий маршал Виллар ожесточенно бомбил Фрайбург [Sturgill, 1965, *134*], не испытывая угрызений совести. Город был спасен лишь благодаря героизму местного пастора Ф.Ф. Майера. Таким образом, за несколько десятилетий осадная артиллерия из инструмента ведения войны превратилась в инструмент политический, демонстрирующий динамичное развитие державы короля-солнце.

Образ великого короля. С психологической точки зрения принятие решения о применении подобных мер – это пример состояния внутреннего конфликта, антиномия, возникшая из-за столкновения гуманистических идей и принципа государственного интереса в сознании монарха.

Людовик использовал маску нарциссической личности[11], добиваясь своих целей, предполагая, что внешнее, непосредственное впечатление, производимое на других, более важно, чем аутентичность. При этом сам король-солнце, вполне возможно, испытывал навязчивое желание быть победоносным и грозным, что отражает богатейшая иконография того периода. И только так: «Явиться б мог себя достойным Людовик, как истый Марс, с лежащими у ног, как свора псов, сигнала жадно ждущих, мечом, огнем и голодом».

Кроме того, в новых реалиях в политической практике началось развитие синдрома зомби и синдрома бойца, формирующих враждебное отношение к миру, что очерчивало новые грани в восприятии французами своих противников, которым навязывался образ мышления, характерный для психологии заложника.

Pre Carre в политике и массовом сознании. Достижение подобного эффекта было связано в первую очередь с реализацией такого проекта, как Pre Carre, который был, без сомнения, инновацией своего периода. В его рамках региональные оборонительные системы сводились в единый механизм, служивший залогом безопасности страны. Фортификационные сооружения контролировали основные пути сообщения, и это значительно облегчало наступление. Разветвленная сеть городов и огромное количество фортификационных сооружений позволили превратить приграничные регионы в глубоко эшелонированную линию обороны, полностью отвечавшую всем требованиям военного искусства периода военной революции в Европе [Lepage, 2010, *17–18, 144–145*].

Несмотря на скептическое отношение многих крупных чиновников и военных к идеям французских инженеров во главе с маршалом де Вобаном, они, без сомнения, были востребованы в период войны за Испанское наследство (1701–1714), и создание грандиозной линии Брабант от Антверпена до Намюра тому ярчайшее подтверждение [Duffy, 2015, *34–35*; Fissel, 2022]. В масштабах Франции, а затем и всей Европы протяженные линии укреплений стали новой политической модой. Наиболее в этом контексте

[11]И хотелось бы особо акцентировать внимание на этом факте – перед нами предстает образ «Людовика Великого», который сознательно формировался самим носителем этого имени.

интересна деятельность Людвига Вильгельма Баденского – создание им линии укреплений Штольгофен [Rogers, 2018].

Даже один из самых ярых сторонников ведения наступательных операций, французский маршал Виллар [Ивонин, Ивонина, 2009] вынужден был «копаться в земле», как посмеивались его современники, возводя в 1704–1706 годах укрепления на границах Франции, превратив территорию от Рейна до Хагена в мощный укрепрайон [Zeller, 1928, *113*]. В период дальнейшего развития конфликта французы вынуждены были столкнуться с собственной идеей оборонительной доктрины на практике, так как им пришлось штурмовать глубоко эшелонированные позиции противников на довольно широком фронте [Fissel, 2022, *39*]. Можно полностью согласиться с мнением К. Даффи, рассматривающего этот эпизод войны за Испанское наследство как один из первых примеров ведения «окопной войны», если воспользоваться термином, возникшим уже в XX столетии [Duffy, 2015, 36]. В таком позиционировании присутствуют элементы людо-нарративного диссонанса.

Мы полагаем, что подобного рода практика была направлена на оформление (целенаправленное спекулятивное формирование) условных границ массового сознания, ведя к формированию феномена ментального (психологического) лимеса[12]. В основе рассматриваемого феномена лежит искусственно стимулируемая абсолютизация ксенофобии (в виде эффекта враждебного окружения, навязываемого индивиду), сопровождающаяся авторкизацией массового сознания. Соответствующие деструктивные процессы сопряжены с масштабными трансформациями, ведущими к стигматизации отдельно взятых субъектов или же целых общностей.

Описываемый эффект «ментального лимеса» демонстрирует полномасштабную трансформацию иерархии смыслов, характерную для французского общества второй половины XVII столетия. Прослеживается он на уровне личностных границ, включая в себя многочисленные экзистенциальные кризисы, переживаемые индивидом, представляя собой процесс становления субъективной психологической границы, сопряженной с интериоризацией и экстериоризацией. В дальнейшем получает развитие на уровне социальных границ, порождая качественно новые контексты. По нашему мнению, это один из первых шагов на пути национального строительства, влекущий за собой выделение такого социокультурного феномена, как Франция, выводимого за рамки продолжающей существовать системы феодальных отношений вследствие развития абсолютной монархии, опирающейся на

[12]Процесс искусственного выделения общности (как большой, так и малой, но предпочтительно применение предлагаемой терминологии применительно к крупным образованиям) из ранее сложившейся системы социальных связей и отношений в условиях расчленения «социального мира индивидов» в связи с становлением дисфункциональных отношений между качеством и стереотипом, что влечет за собой в масштабах культурного поля видоизменение массового восприятия фактической и виртуальной социальной идентичности.

иные принципы. Это во многом соответствует рассуждениям В. Тэрнера, утверждавшего, что «новые социальные структуры и отношения могут возникнуть только на границе, на периферии старых структур, их становление происходит на изломе, в революции, при переходе через хаотическое состояние, когда меняются нормы и ценности, переворачиваются иерархии и формируются новые устойчивые системы» [Тэрнер, 1983, *201*].

При рассмотрении становления культурного ландшафта эпохи Великого века применимо утверждение М. Элиаде, подчеркивавшего, что «в человеческом бытии есть внутренняя разделенность» и «всегда, так или иначе, есть брешь между сакральным и профанным и переход от одного к другому, и именно существование разрыва и перехода лежит в основе религиозной жизни» [Элиаде, 1999, *304*]. Подобные процессы в условиях появления новых форм коммуникации и трансформации основного носителя информации становятся базовым компонентом появления новых доминант развития массового сознания, объединяя тем самым значительные трансформации личностных, культурных, социально-политических и территориальных границ социума в единое поле.

Демонстрируемое нами явление есть обобщение целого комплекса процессов в едином социокультурном и политическом пространстве, несущее в себе глубокие философские коннотации, прослеживающиеся в реализации политической и социальной практики применения лимеса в эпоху принципата[13] (представляемой нами в качестве политической мифологемы) – бывшей условной границы между «цивилизацией» и «варварством». Каждый из представленных миров наделялся соответствующими особенностями, подчеркивающими их антагонизм.

Инструментализация соответствующей практики в форме Pre Carre во Франции была политической необходимостью. Внимание к этой проблеме в подобном ракурсе демонстрируют в личности Людовика XIV элементы параноидного стиля познания, ориентированного на точное определение возможной угрозы, что приносит эмоциональное облегчение, тогда как ее отсутствие требует постоянной к ней готовности. Версаль же, как символ его правления, является прямым воплощением имплозии – мегаломании, расширяющей Эго.

Миф индивидуальный, миф коллективный. В контексте становления абсолютизма как мифологемы и идеологической доктрины наблюдается искажение логики естественно-правового понимания политики, что можно трактовать в качестве особого невротического стремления, позволяющего пересмотреть идеализацию симметрии французским королем (вернее, целой их плеядой, что дает возможность рассматривать подобные

[13]Лимес – термин, которым мы оперируем, дословно переводится с латыни как «пограничная дорога, разделяющая земли».

трансформации как необходимость) как в политическом, так и в духовном плане. Созданная им же система навязывала монарху:

– смутное чувство фальши, стыда, зависти, пустоты, уродства и неполноценности и их компенсаторные противоположности – гордыню, самоутверждение, тщеславие, чувство превосходства;

– перфекционизм и избегание чувств и действий, выражающих собственное несовершенство либо реальную зависимость от других;

– отрицание раскаяния и благодарности, вины.

Все это комплексно формировало определенную образность, близкую к нарциссическому «Я», в основе которой лежала хрупкая идентичность и страх фрагментации внутреннего «Я» – ипохондричности. Немаловажным является тот факт, что подобного рода идентификация получала теоретическое обоснование в научно-философском поле того периода (однако при этом не стоит забывать, что рассматриваемая категория представляет собой своего рода мифологему, активно эксплуатируемую зарождающийся абсолютистской монархией).

Внешним проявлением данного процесса было полномасштабное рассмотрение деятельности королей через призму их законотворчества в научном поле того периода, что вело к укоренению в массовом сознании положения об идентификации монарха и государства ввиду постулизации тезиса о том, что деяния правителя направлены лишь на пользу стране и обществу, и параллельно с этим они ориентировались на укрепление самого института монархии [Bodin, 1979; Savaron, 1620; Baricave, 1614, *590*; Bossuet, 1709, *28–29*; Bossuet, 1996][14].

[14]К примеру, такие французские мыслители, как Ж. Боден и С. Саварон, подчеркивали, что лишь при условии централизации государства в экономической и политических сферах в землях, управляемых Бурбонами, может появиться сильная монархия, а правитель станет гарантом стабильности в стране.

При этом Саварон подвергся настоящему нападению со стороны своих ученых коллег из парижского университета, предположив, что монарх не мог быть выше закона в своей деятельности.

Повсеместно провозглашался принцип государственного интереса, который накладывал на правителя лишь некоторые ограничения морального плана, что в тот довольно прагматичный век считалось несущественным. Если к этому добавить мнение малоизвестного французского провинциального автора XVII столетия М. Баррикава, подчеркивавшего распространение верховной власти короля на все территории в его государстве, его «истинное право властелина», то становится очевидным, что, внедряя в жизнь подобные идеи, общество пыталось защитить себя от социальных потрясений.

Как утверждал Ж.-Б. Боссюэ, лишь монарху должна быть дана возможность контролировать основные сферы жизни общества, ибо он, руководствуясь интересами государства, сохранит в первозданном виде фундаментальные основы системы государственного управления, которые могут предотвратить возникновение многочисленных дисфункций социального развития. Представляется, что современники становления абсолютизма видели в подобной практике своего рода механизм защиты от тирании, который передавался в руки идеализируемого

Философские аспекты. Несомненно, на развитие теории и практики абсолютизма повлияла философия неостоицизма, рассматривающая вопросы подчинения человека идеалам высшего блага. Это философское учение, воссозданное еще в период Возрождения и подвергшееся значительным коррективам со стороны видного голландского юриста Юста Липсия, было проникнуто идеей стабильности и подчинения высшему благу [Lipsius, 2004, *38*].

В эпоху нестабильности и изменчивости судеб целых народов он выдвигал тезис о главенстве самосовершенствования и самодисциплины, которые переносились не только на отдельно взятых людей, но и на целые политические системы. Неумеренная жестокость аристократии, по мнению Липсия, могла быть ограничена лишь сменой морально-этических ценностей, выводя на первое место вместо удачи (fortuna) дисциплину (disciplina) и повиновение (oboedientia), таким образом, давая монарху огромные полномочия, но и делая его символом и олицетворением государственности, призванным заботиться об общественном благе.

Еще одним существенным элементом данной доктрины являлось выведение также целой иерархии обмана, которая, наравне с таким инструментом, как величие (majestas), должна была стать основным инструментом монархии в создании четко иерархизированного общества, которое было монолитным благодаря власти правителя. Также указывалось, что для благополучия и величия государства суверен вправе нарушать договоры (perfidia) и даже игнорировать законы и права своих подданных (injustitia) [Lipsius, 2004, *83*].

При этом ориентация на античные образцы дихотомии власти, возводимые к Платону, Аристотелю, при посредничестве Макьявелли воздействовала на устремления европейских государей и механизмы их позиционирования собственной власти (в данном случае образ короля-солнце становится воплощением описываемых категорий), которые, будучи интегрированными в культурный ландшафт «новой» европейской цивилизации, сформировали новый «манифест политической мифологии», абсолютизируя тезис о том, что воля к власти есть цель и средство постижения истины, что соотносимо с рассуждениями Мишеля Фуко.

Подводя общие итоги рассмотрения проблемы, можно прийти к следующим выводам.

1. «Королевское величие» как форма репрезентации власти приобретает особую роль в реалиях эпохи раннего Нового времени, являясь концептуальной основой французского абсолютизма как особой мифологемы, центральным звеном которой был образ монарха.

монарха, хранителя истины и добродетели, отца Отечества, заботящегося о процветании своего народа.

2. Людовик XIV формировал образ блистательного короля-солнце, примеряя на себя маску нарциссической личности и грозного правителя, использовавшего устрашение посредством демонстрации «ужасов войны» как инструментарий государственного строительства.

3. В эпоху раннего Нового времени в политической практике активно применяется концепт ведения психологической войны, дополняемый элементами пропаганды, к которым в том числе можно отнести монументальное строительство в такой форме, как Pre Carre, что было важным компонентом построения новой государственности.

4. Природа власти, как и природа войны, берет свое начало в сфере бессознательного: существуя в модусе самосокрытия, они обнаруживаются на микроуровнях, ритуализируя придворное общество, монументальную пропаганду и граничащие с террором методы ведения войн в едином пространстве – ментальном поле абсолютизма.

5. Биологические и социально-политические основания стремления к доминированию применительно к личности короля-солнце вполне могут быть связны с особыми (предсказуемыми) формами самовнушения. Описываемые элементы демонстрируют реализацию эффекта замещения квазипотребности, что представляется механизмом защиты и демонстрации власти, нивелирующим ощущение отчужденности и нестабильности.

Они превратились в мифологему, в которую верил сам монарх, продолжая развивать оформившийся еще на заре становления монархии механизм идентификации правителя, его государства и самой власти, унифицируя мироощущение в виде концепта «великой миссии».

Создавая амбивалентный по своей природе ритуал, французский король манипулировал окружающим его пространством, опираясь на постигаемую им эмпирически бихевиористскую методологию.

ЛИТЕРАТУРА

Блюш Ф. Людовик XIV. М.: Ладомир, 1998. 815 с.

Зинченко В.П. Гипотеза о происхождении учения А.А. Ухтомского о доминанте // Человек. 2000а. № 3. С. 5–20.

Зинченко В.П. Алексей Алексеевич Ухтомский и психология (К 125-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. 2000б. № 4. С. 79–97.

Зинченко В.П. Преходящие и вечные проблемы психологии // Введение в психологию / Р.Л. Аткинсон [и др.]. М.: Прайм Еврознак, 2003. 672 с.

Ивонин Ю.Е., Ивонина Л.И. Полководцы-миротворцы? (Евгений Савойский и Клод-Луи Виллар). М., 2009. 149 с.

Леви Т.С. Методика диагностики психологической границы личности // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 131–146.

Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. № 6. С. 27–36.

Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.

Плюснин Ю.М., Богатырева О.А., Биченкова О.Е. Пространственное поведение и социальный статус ребенка в группе // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 106–116.

Подорога В. Феноменология тела: Введение в философскую антропологию: материалы лекционных курсов 1992–1994 гг. М., 1995. 339 с.

Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.

Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб., 2003. 272 с.

Шамшикова О.А., Шамшикова Е.О. Анализ топологических категорий психологического пространства человека в отечественной и зарубежной психологии // Социокультурные детерминанты и мотивационные основы развития личности: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию доктора психологических наук В.Г. Леонтьева / под ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2010. С. 251–263.

Элиаде М. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999. 488с.

d'Aiglun R. Vauban, safamille et sesécrits, sesoisivetés et sacorrespondance: analyse et extraits. P., 1910, T. 2. 629 p.

Bodin J. The Six Books of a Commonweal / trans. K.D. McRae. Arno Press, 1979. 650 p.

Bossuet J.B. Politiquetirée des propres paroles de l'Ecrituresainte à Monseigneur le Dauphin. P., 1709. 733 p.

Bossuet J.B. Politics Drawn from the Very Words of Holy Scripture. Cambridge, 1996. 496 p.

Baricave M.I. La defence de la monarchie françoise et autres monarchies contre les detestables et exucrables maximes d'Etat des ministres Calvinistes… Toulouse, 1614. 1083 p.

Corréard J. Mémoires militaires de Vauban et des ingénieurs Hue de Caligny. P., 1847. 170 p.

Duffy C. The Fortress in the Age of Vauban and Frederick the Great 1660–1789. L., 2015. 336 p.

Fissel M.C. The Military Revolution and Revolutions in Military Affairs. De Gruyter Oldenbourg, 2022. 480 p.

Hardre J. Letters of Louvois. Chapel Hill, 1949. 520 p.

Lepage, G-D.G.G. Vauban and the French Military Under Louis XIV. L., 2010. 300 p.

Lipsius J. Politica. Six Books of Politics or Political Instruction. Assen, 2004. 839 p.

Lloyd E.M. Vauban, Montalembert, Carnot; Engineer. Studies. Trieste Publishing Pty Limited, 2017. 264 p.

Louis XIV. Memoires de Louis XIV poui l'instruction au Dauphin. P., 1860. 1416 p.

Louis XIV, Memoires pour les annees 1661 et 1666 / ed. J. Longnon. Paris: Tallandier, 1923. 569 p.

Louis XIV. Memoires suivis de «Reflexionsur le metier de Roi», «Instructions au due d'Anjou», «Projet de harangue». P., 1978. 287 p.

Lynn J. Giant of grand siècle The French army 1610–1715. Cambridge, 1998. 651 p.

Lynn J. The Wars of Louis XIV, 1667–1714. New York: Addison Wesley Longman. 1999. 654 p.

Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge University Press, 1996. 265 p.

Mansel P. King of the World: The Life of Louis XIV. Penguin UK, 2019. 640 p

Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567–1659. New York, 2004. 291 p.

Roberts M. The military revolution 1550–1660. Belfast, 1956. 32 p.

Rocquancourt J. Courscomplet d'art et d'histoire militaires. P., 1834. V. 1. 596 p.

Rogers C.J. The Military Revolution Debate Readings On The Military Transformation Of Early Modern Europe. Taylor & Francis, 2018. 387 p.

Savaron J. Traite de l'epeefrancaise. P., 1620. 62 p.

Sicard F. Histoire des institutions militaries des Francais. Paris, 1834. T. 1. 570 p.

Sturgill C. Marshall Villars and the War of the Spanish Succession. Lexington, 1965. 185 p.

Sébastien Le Prestre de Vauban The New Method of Fortification, as Practised by Monsieur de Vauban, ... Together With a New Treatise of Geometry. The Sixth Edition, Carefully Revised and

Corrected by the Original. To Which are Now Added, a Treatise of Military Orders. Creative Media Partners, LLC, 2018. 270 p.

Zeller G. L'organization defensive desfrontieres du nord et de Vest au XVIIe siècle. P., 1928. 132 p.

V.M. Ovchinnikov
PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Lecturer,
Chair No 15 of military-political work in the troops (forces),
Military Academy of Military Air Defense named
after Marshal of the Soviet Union A.M. Vasilevsky
Smolensk, Russia

The Phenomenon of Psychological Warfare in the Era of the Sun King

The article examines the main aspects of the design of the psychofield (psychological landscape) of the French monarchy in the Early Modern era in the context of the formation of absolutism (as a geopolitical doctrine) in the context of the «military revolution» in Europe.

The author examines the transformations of mass consciousness within the framework of the phenomenon of the «mental revolution», which determined the emergence of new forms of legitimization of social ties in the context of the formation of innovative systems of constructing loyalties that replace, absorb or conflict with alternative identities within the framework of a new state-building, in an imperial situation. The author touches upon the problem of the formation of a new «psychoparadigma», which determines the course of a number of social and political processes that determined the formation of court society as an element of the state mechanism.

A direct reflection of this process was a complex of political, psychological and socio-cultural transformations, which, following N. Henschel, we interpret as the «myth of absolutism», which gave rise to a whole complex of innovations in the development of mass consciousness, which was most manifested, first of all, in the development of military affairs. A direct reflection of this phenomenon was, among other things, the active use of the practice of «psychological warfare» in the campaigns of the «Sun King», which is associated with a rethinking of the degat principle characteristic of the Middle Ages – waging a devastating war.

Keywords: *absolutism; psychological boundaries; narcissism; psychoparadigma; psychological warfare; Pre Carre; transformation of class consciousness; military revolution in Europe.*

REFERENCES

Bljush F. Ljudovik XIV [Louis XIV]. Ladomir,1998. 815 p. (in Russian).

Zinchenko V.P. The hypothesis about the origin of A. A. Ukhtomsky's teaching about the dominant [Gipoteza o proishozhdenii uchenija A. A. Uhtomskogo o dominante]. *Human.* 2000. No 3. pp. 5–20 (in Russian).

Zinchenko V.P. Alexey Alekseevich Ukhtomsky and psychology (to the 125th anniversary of his birth) [Aleksej Alekseevich Uhtomskij i psihologija (к 125-letiju so dnja rozhdenija]. *Questions of Psychology*. 2000. No 4. pp. 79–97 (in Russian).

Zinchenko V.P. Transient and eternal problems of psychology [Prehodjashhie i vechnye problemy psihologii]. *Introduction to psychology*. Edited by L.R. Atkinson, R.S.Atkinson and others. Moscow: Prajm Evroznak, 2003. 672 p. (in Russian).

Ivonin Ju.E., Ivonina L.I. Peacemaking commanders? (Eugene of Savoy and Claude-Louis Villard) [Polkovodcy – mirotvorcy? (EvgenijSavojskij i Klod-LuiVillar)]. Moscow. 2009. 149 p. (in Russian).

Levi T.S. Methodology of diagnostics of the psychological border of personality [Metodika diagnostiki psihologicheskoj granicy lichnosti]. *Questions of Psychology*. 2013. No 1. pp. 131–146 (in Russian).

Nartova-Bochaver S.K. The concept of «psychological space of personality»: justification and applied significance [Ponjatie «psihologicheskoe prostranstvo lichnosti»: obosnovanie i prikladnoe znachenie]. *Psychological Journal*. 2003. No 6. pp. 27–36 (in Russian).

Ol'shanskij D.V. Psychology of terrorism [Psihologija terrorizma]. St. Petersburg: Piter, 2002. 288 p. (in Russian).

Pljusnin Ju.M., Bogatyreva O.A., Bichenkova O.E. Spatial behavior and social status of a child in a group [Prostranstvennoe povedenie i social'nyj status rebenka v gruppe]. *Questions of psychology*. 1993. No 2. pp. 106–116 (in Russian).

Podoroga V. Phenomenology of the body: Introduction in philosophical anthropology: materials of lecture courses 1992-1994s [Fenomenologijatela: Vedenie v filosofskuju antropologiju: materialy lekcionnyh kursov 1992-1994 gg]. Moscow, 1995. 339 p. (in Russian).

Tjerner V. (1983) Symbol and ritual [Simvol i ritual]. Moscow: Nauka, 1983. 277 p. (in Russian).

Henshell N. The Myth of Absolutism. Changes and continuity in the development of the Western European monarchy of the early Modern period [Mif absoljutizma. Peremeny i preemstvennost' v razvitii zapadnoevropejskoj monarhii rannego Novogo vremeni]. St. Petersburg, 2003. 272 p. (in Russian).

Shamshikova O.A., Shamshikova E.O. Analysis of topological categories of human psychological space in domestic and foreign psychology [Analiz topologicheskih kategorij psihologicheskogo prostranstva cheloveka v otechestvennoj i zarubezhnoj psihologii]. *Sociocultural determinants and motivational foundations of personality development: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 80th anniversary of Doctor of Psychological Sciences V.G. Leontiev*. Edited by N.Ja. Bol'shunova, O.A. Shamshikova. Novosibirsk: NGPU, 2010. pp. 251–263 (in Russian).

Jeliade M. Essays on Comparative Religious Studies [Ocherki sravnitel'nogo religiovedenija]. Moscow: Ladomir, 1999. 488 p. (in Russian).

d'Aiglun R. Vauban, sa famille et ses écrits, ses oisivetés et sa correspondance: analyse et extraits. Paris, 1910. Vol. 2. 629 p. (in French).

Bodin J. The Six Books of a Commonwealth. Translated by McRae K.D. Arno Press,1979. 650 p. (in English).

Bossuet J.B. Politique tirée des propres paroles de l'Ecriture sainte à Monseigneur le Dauphin. Paris, 1709. 733 p. (in French).

Bossuet J. B. Politics Drawn from the Very Words of Holy Scripture. Cambridge, 1996. 496 p. (in English).

Baricave M.I. La defence de la monarchie francoise et autres monarchies contre les detestables et execrables maximes d'Etat des ministres Calvinistes…, Toulouse., 1604. 1083 p. (in French).

Corréar J. Mémoiresmilitaires de Vauban et des ingénieurs Hue de Caligny. Paris, 1847. 170 p. (in French).

Duffy C. The Fortress in the Age of Vauban and Frederick the Great 1660–1789, London: Routledge, 2015. 336 p. (in English).

Fissel M.C. The Military Revolution and Revolutions in Military Affairs. De Gruyter Oldenbourg, 2022. 480 p. (in English).

Hardre J. Letters of Louvois. Chapel Hill, 1949. 520 p. (in English).

Lepage G-D.G.G. Vauban and the French Military Under Louis XIV. London: McFarland, 2010. 300 p. (in English).

Lipsius J. Politica. Six Books of Politics or Political Instruction.Assen, 2004. 839 p. (in English).

Lloyd E.M. Vauban, Montalembert, Carnot; Engineer.Studies. Trieste Publishing Pty Limited, 2017. 264 p. (in English).

Louis XIV. Memoires de Louis XIV poui l'instruction au Dauphin. Paris, 1860. 1416 p. (in French).

Louis XIV. Memoires pour les annees 1661 et 1666. Edited by J. Longnon. Paris: Tallandier, 1923. 569 p. (in French).

Louis XIV. Memoires suivis de «Reflexionsur le metier de Roi», «Instructions au due d'Anjou», «Projet de harangue », 1978. 287 p.

Lynn J. Giant of grand siècle The French army 1610–1715, Cambridge,1998. 651 p. (in English).

Lynn J. The Wars of Louis XIV, 1667–1714. New York: Addison Wesley Longman, 1999. 654 p. (in English).

Parker G. The Military Revolution. Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 265 p. (in English).

Mansel P. King of the World: The Life of Louis XIV. Penguin UK, 2019. 640 p. (in English).

Parker G. The Army of Flanders and the Spanish Road, 1567–1659. New York, 2004. 291 p. (in English).

Roberts M. The military revolution 1550−1660. Belfast, 1956. 32 p. (in English).

Rocquancourt J. Cours comple d'art etd'histoiremilitaires… Paris, 1834. Vol. 1. 596 p. (in French).

Rogers C.J. The Military revolution debate readings on the military transformation of early modern Europe. Taylor & Francis, 2018. 387 p. (in English).

Savaron J. Traite de l'epeefrancaise. Paris, 1620. 62 p. (in French).

Sicard F. Histoire des institutions militaires des francais. Paris, 1834. Vol. 1. 570 p. (in French).

Sturgill C. Marshall Villars and the War of the Spanish Succession. Lexington, 1965. 185 p. (in English).

Sébastien Le Prestre de Vauban. The new method of fortification, as practised by Monsieur de Vauban, ... together with a new treatise of Geometry. The Sixth Edition. Carefully revised and corrected by the original. To which are now added, a treatise of military orders. Creative Media Partners, LLC, 2018. 270 p. (in English).

Zeller G. L'organization defensive des frontieres dunordet de Vestau XVII esiècle. Paris, 1928. 132 p. (in French).

О.Ю. Иванова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 908

DOI 10.35785/2072-9464-2024-66-2-226-238

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ СМОЛЕНЩИНЫ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИМИ ВОЙСКАМИ (1941–1942)

Ключевые слова: *Великая Отечественная война; оккупация; Смоленская область; партизанское движение; ВКП(б); Д.М. Попов.*

Статья посвящена анализу одного из самых сложных, неоднозначных и противоречивых вопросов Великой Отечественной войны – партийного руководства партизанским движением на Смоленщине в 1941–1942 годах. К сожалению, раньше советская историография оценивала партийное руководство развертыванием партизанской борьбы исключительно в радужных тонах, избегая каких-либо критических оценок, что искажало реальную картину событий. Партийное руководство и влияние было сложным явлением. Если на уровне рядовых партийцев героизм в борьбе с врагом, личные качества настоящих коммунистов проявлялись массово и повсеместно, то в районных партийных организациях нередко царила растерянность, отсутствовала дисциплина. Это было следствием серьезных провалов в руководстве партийцами на местах со стороны Смоленского обкома ВКП(б). После оккупации области обком не имел систематической связи с районными организациями и не руководил партизанским движением в течение пяти месяцев.

Положение изменилось лишь после разгрома гитлеровцев под Москвой. Переломным моментом стал IX Пленум Смоленского обкома ВКП(б) в апреле 1942 года, после чего началось планомерное и активное руководство подпольными райкомами и партизанским движением в Смоленской области. Но и тогда в ЦК ВКП(б), в НКВД на партизан (многие из которых были окруженцами) смотрели с недоверием. Именно этим можно объяснить колоссальные потери партизан летом и осенью 1942 года.

Таким образом, тезис о выдающейся руководящей роли ВКП(б) в развертывании партизанского движения значительно приукрашен и не соответствует действительности.

Территория Смоленской области в годы Великой Отечественной войны стала ареной активной партизанской борьбы. Проблема организации партизанского сопротивления и сейчас представляется актуальной, в том числе потому, что в послевоенные годы господствовал тезис о руководящей роли партии в этом процессе. Партизанское движение оценивалось как быстро возникшее и

сразу же оформившееся благодаря деятельности ВКП(б), которая рассматривалась как основная организаторская сила народного сопротивления захватчикам [Кукин, 1947; Быстрицкая, 1952; Курбатова, 1958]. Более подробно и разносторонне деятельность органов ВКП(б) в период оккупации Смоленщины рассмотрена в трудах 1970–1980-х годов [Логунова, 1973; Война народная, 1985; Макаренко, Муханов, 1980; Первая партизанская, 1983; Уходили в поход партизаны, 1973]. Однако анализ архивных источников позволяет утверждать, что на начальном этапе оккупации области органы ВКП(б) не всегда оперативно подключались к мобилизации населения на сопротивление захватчикам. Цель исследования заключается в характеристике проблем, проявившихся в действиях партийных структур, и путей их решения (не умаляя заслуг Смоленской областной партийной организации в проведении организаторской работы по многим направлениям: помощь Красной армии, мобилизация, эвакуация, строительство укреплений и т.д.).

Довольно рано – сразу же после первой массированной бомбардировки Смоленска в ночь с 28 на 29 июня – обнаружилось новое, немыслимое ранее явление – бегство партийной номенклатуры. Смоленский писатель В.Ф. Шурыгин свидетельствует: «…Одно обстоятельство вызвало у нас глубокое возмущение: смоленские ответработники на машинах везли все, даже корыта и ночные горшки, обгоняя слепых, шагающих скорбно по обочинам дороги, держась друг за друга, людей на костылях, стариков… Ничего более постыдного и более мерзкого не видел я во всю мою жизнь, как поведение многих или почти всех смоленских ответственных работников в эти тяжелые дни для смолян» [Шурыгин, 2016, *91*; Борис Меньшагин, 2019, *162–163*]. В связи с этим явлением Д.М. Попов назвал фамилии заведующего транспортным отделом обкома Железнякова, первого секретаря Заднепровского райкома Потапенко, секретаря по кадрам Осиновича. Они были исключены из рядов партии, преданы суду и приговорены к расстрелу. Железнякова успели расстрелять, остальных выпустили из тюрьмы немцы. Партийцы сумели перейти линию фронта, покаялись и были прощены [Вклад историков, 2015, *191–218*; ГАНИСО, ф. 8, оп. 8, д. 196, *3*].

В числе руководителей, дезертировавших и покинувших свои посты, фигурируют также бывшие предрики Кардымовского района Мельников и Ярцевского горсовета Лоскутов, бывший начальник Ярцевского межрайонного отделения НКГБ Зерницкий, бывший начальник милиции Драбкин и др. [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 740, *14–23*].

Эвакуация всех областных парторганизаций в Вязьму началась 5 июля [ГАНИСО, ф. 142, оп. 4, д. 290, *3*]. Оттуда обком и облисполком ВКП(б) руководили развитием партизанского движения в оккупированной западной части области. 29 июля они провели совместное заседание и постановили возвратить в занятые врагом районы первых секретарей и председателей райисполкомов

для личного руководства партизанской борьбой. В тыл врага вернулись 95 партийных и советских работников. В Касплянский район возвратился первый секретарь райкома Г.П. Волков, в Руднянский – первый секретарь А.А. Елисеев [Освобождение городов, 1985, *303*].

К концу сентября 1941 года обком ВКП(б) провел целенаправленную работу по подготовке и формированию диверсионных партизанских отрядов. Именно тогда в тыл врага отправились отряды К. Заслонова, «Победа» и др.

Гитлеровская операция «Тайфун» дезорганизовала деятельность Смоленского обкома и облисполкома, вынужденных эвакуироваться в Рязань, после чего вернуться в Москву. В этот период обком ВКП(б) утратил связь с подпольными райкомами и фактически партизанской борьбой на территории области не руководил [ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 178 359, д. 1, *66*]. Около 40 партизанских отрядов, насчитывавших 2 тыс. бойцов, действовали самостоятельно [Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами, 1962, *5*]. Однако в это время обком сумел вернуть на Смоленщину партизанский отряд Износковского района во главе с первым секретарем Киреевым, Дзержинского района во главе с секретарем Захаровым, Спас-Деменского района вместе с секретарем РК ВКП(б) Абрамовым [Русский архив, 1999, *71*]. Все они в октябре бежали в советский тыл, смалодушничав и забыв о своем долге.

В октябре 1941 года представители партийного и советского руководства области действовали так же, как и в июле: пока одни проявляли инициативу и добросовестно выполняли установку ЦК ВКП(б) по организации борьбы в тылу врага, другие бросали свои посты и трусливо бежали вместе с отступающими войсками. Так поступили первые секретари Сафоновского, Издешковского, Тумановского, Екимовичского, Новодугинского, Холм-Жирковского, Андреевского, Спас-Деменского и других районов [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 939, *83*]. Например, первый секретарь Сычевского райкома Митин, избранный комиссаром районного партизанского отряда, 10 октября, в день захвата немцами Сычевки, покинул район, а в Москве заявил, что отряд распался [Павлов, 1973, *131*]. Комиссар партизанского отряда им. 24-й годовщины РККА Г.А. Амиров так впоследствии писал о партийном руководстве Ельнинского района: «Председатель Ельнинского райисполкома А.С. Аниськов… так спешно бежал из района, что остановился только в Мордовии и на станции Рузаевка устроился помощником директора МТС по расчетам с колхозами. А по плану Смоленского обкома партии он был назначен командиром будущего партизанского отряда…» (цит. по: [Жуков, Ковтун, 2016, *140*]).

Всего обком оставил на подпольную работу в тылу 93 секретаря райкома, из которых почти половина – 39 человек (42%) его установку не выполнили и бежали [ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 117, *18*]. Характерен пример партийного руководства г. Юхнова. Оно находилось на своих местах вплоть

до 20-00 4 октября, когда жители начали в спешке покидать город. Даже зная, что враг рядом, ни первый секретарь Колесников, ни второй секретарь Фомченко не сообщили об этом своему руководству в Вязьму, боясь быть обвиненными в паникерстве (действовал Указ об ответственности за распространение ложных слухов), и сбежали, не оставшись на подпольную работу [ГАНИСО, ф. 142, оп. 2, д. 420, *20*; Грин, 2018, *86*]. Более того, точно так же поступили советские руководители города и района, командиры местных воинских частей [Грин, 2018, *93*]. Таков результат гибельной атмосферы всеобщего страха, сложившейся в стране и в армии после террора 1930-х годов.

Первые месяцы оккупации стали временем полнейшего хаоса и растерянности для оказавшихся в тылу врага советских и партийных работников. В октябре – декабре 1941 года партийные организации в восточной части Смоленщины еще только восстанавливались и на ситуацию в своих районах почти не влияли. О том, что это так, свидетельствует приказ немецких оккупационных властей об обязательной регистрации населения и отношение к этому коммунистов. В немецкие комендатуры отправились не только рядовые граждане, но и члены ВЛКСМ, ВКП(б), бывшие советские и партийные работники. В каждом районном центре Калининской, Курской, Орловской, Смоленской области добровольно регистрировалось у немцев от 80 до 150 коммунистов. В Сухиничском районе, например, зарегистрировались у немцев и стали работать на них 46 коммунистов, в Дзержинском районе – 127, в Козельском – 25 коммунистов [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *35*].

Примером грамотного подхода к организации партизанского движения в районе служит деятельность первого секретаря Знаменского РК ВКП(б) П.К. Шматкова. Позже он вспоминал: «Мы заранее знали, что нам надо оставаться в тылу врага. На этот счет было получено соответствующее указание со стороны обкома ВКП(б) на основе программной речи товарища Сталина от 3 июля 1941 г.» [ГАНИСО, ф. 8, оп. 1, д. 293, *1*]. В августе-сентябре Знаменский райком провел работу по подготовке к действиям в тылу. Был сформирован истребительный батальон, созданы продуктовые базы. Поначалу не все ладилось. К месту явки пробрались лишь 27 из 127 человек [ГАНИСО, ф. 8, оп. 1, д. 285, *1*]. Райком приветствовал прибытие в район отряда партизан во главе с Кирилловым, однако затем, недовольный его действиями как командира отряда, добился его замены на посту. Это позволило местным партийным и советским руководителям утверждать, что решающая роль в развертывании партизанского движения в районе принадлежала им [ГАНИСО, ф. 8, оп. 1, д. 285, *26*]. Характерна оценка деятельности партийных руководителей района: «Зимонина, Селиверстова, Шматкова население считает людьми, совершившими героический подвиг, душой народа» [ГАНИСО, ф. 8, оп. 8, д. 165, *23*]. Ф.Ф. Зимонин – первый секретарь

Глинковского РК ВКП(б); К.А. Селиверстов – второй секретарь Знаменского РК ВКП(б).

Героически сражался с врагом Дорогобужский районный отряд, созданный по решению бюро РК ВКП(б) в августе 1941 года. Его возглавил начальник районного отделения милиции Ф.Н. Деменков. Именно он руководил операцией по захвату райцентра Дорогобужа, а затем в конце марта 1942 года был избран первым секретарем райкома партии вместо инертного, трусливого и хвастливого Булейко [ГАНИСО, ф. 142, оп. 2, д. 420, *11–19*; ГАНИСО, ф. 142, оп. 2, д. 444, *96*]. 8 сентября 1942 года Ф.Н. Деменков погиб в д. Мясники Дорогобужского района [ГАНИСО, ф. 6, оп. 4, д. 280, *30*].

7 июля 1941 года заведующий отделом пропаганды и агитации Духовщинского РК ВКП(б) П.Ф. Цуранов был избран первым секретарем райкома, а затем и комиссаром районного отряда «Буревестник». Он проявил большое личное мужество и организаторские способности, расширил партизанское движение в районе. 20 февраля 1943 года Цуранов погиб в бою [ГАНИСО, ф. 1723, оп. 1, д. 2, *27*].

Первые секретари райкомов П.К. Шматков, Ф.Н. Деменков, П.Ф. Цуранов и др., лично возглавив партизанское движение в районах, добились впечатляющих успехов. К сожалению, так было далеко не везде. Во многих районах партийные организации понесли тяжелые потери, лишились секретарей райкомов. Но даже в это тяжелейшее время они нашли в себе силы возобновить деятельность, избрать секретарями райкомов достойнейших людей. В результате к партийному руководству пришли новые люди: иногда это были партийные работники, иногда – члены бюро райкомов, а иногда и авторитетные рядовые коммунисты. Вместо погибших и бежавших первых секретарей партийные организации Сафоновского, Издешковского, Ярцевского и других районов выдвинули новых партийных руководителей. В период оккупации подпольные райкомы ВКП(б) действовали в 34 районах Смоленщины [Смоленская область в годы Великой Отечественной войны, 1977, *395–396*; Беляев, 2000, *278–279*].

Первые секретари, как правило, занимали в партизанских отрядах должность комиссара, иногда совмещали должности комиссара и командира. Азбуку партизанской борьбы им приходилось постигать в тяжелейших условиях вражеской оккупации. В подавляющем большинстве партийцы задавали тон, были примером для беспартийных. Но в подборе партийных кадров для партизанской борьбы допускались и трагические ошибки, дорого обходившиеся народным мстителям. В мае 1942 года из работников милиции, партийного и советского актива был сформирован Вяземский партизанский отряд им. Степана Разина численностью 34 человека. Командиром был назначен м-р госбезопасности М.И. Ястребов, комиссаром – секретарь Вяземского РК ВКП(б) Д.Н. Сахаров. До 6 июля 1942 года отряд действовал в Холм-Жирковском рай-

оне, затем разделился на три группы и перебрался в Вяземский район, где обосновался в Стуколовском лесу в районе д. Жулино. Сахаров оказался предателем и выдал отряд. Ястребов погиб, отряд был рассеян. В марте 1943 года после освобождения Вязьмы бывший секретарь райкома Сахаров был публично повешен в центре города [ГАНИСО, ф. 142, оп. 2, д. 607, *91*]. Также в результате предательства 19 декабря 1942 года в районе д. Ломанчино Колпитского с/с Семлевского района погиб весь Семлевский партизанский отряд (командир – председатель райисполкома К.Л. Бушевой, комиссар – секретарь РК ВКП(б) М.Ф. Лукьянов) [ГАНИСО, ф. 8, оп. 6, д. 114, *2*].

После оккупации области перед областной партийной организацией встала сложнейшая и ответственнейшая задача по созданию подпольных райкомов и партизанских отрядов. Однако первый секретарь обкома ВКП(б) Д.М. Попов и председатель облисполкома Р.Е. Мельников проигнорировали требование ЦК ВКП(б) лично возглавить подпольную работу и спешно покинули захватываемую врагом область. При этом Попов умудрился оставить оккупантам партийный архив. Позже он жаловался, что после выезда за пределы области обком и облисполком в течение 20 дней не имели определенного места и не работали [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *21*]. Как вынужден был признать Попов, после оккупации области обком не имел систематической связи с партийными организациями и, по сути, не руководил партизанским движением в течение двух с половиной месяцев [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *33*]. На самом деле обком не имел связи с парторганизациями целых пять месяцев [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *28*].

Характерен отчет Попова о партийных кадрах, направленный в ЦК ВКП(б) 22 ноября 1941 года. Из 185 секретарей райкомов и горкомов (первых, вторых и по кадрам) 48 человек находились в Красной армии, 91 – в партизанских отрядах, 10 – в советском тылу, 2 – погибло, 3 – ранено, 2 – пропало без вести, 23 – находятся неизвестно где, 3 – сбежало, 3 – осуждено военным трибуналом [Русский архив, 1999, *67*].

Большое число партийцев, находившихся в тылу, «неизвестно где» и сбежавших, свидетельствует об утрате обкомом своего руководящего начала и влияния на кадры. Нельзя говорить о мощном партийном руководстве партизанским движением со стороны Смоленского обкома ВКП(б) по крайней мере в 1941 году и в начале 1942 года. «Кто мог организовать партизанское движение в 1941 г., если партийная номенклатура стремительно бежала от наступающего врага, назвав свое бегство “эвакуацией”?» – спрашивает Л.А. Матвеев [Матвеев].

Первый шаг по налаживанию руководства подпольем и партизанской борьбой Смоленский обком сделал 10 января 1942 года, когда в гостинице «Москва» (комнаты 206–208) провел заседание бюро, на котором создал подпольный обком ВКП(б) и четыре глубоко законспирированных подпольных окружкома. В состав окружкомов вошли секретари обкома и секретари

подпольных райкомов. Подпольный обком составили секретари обкома Попов, Пайтеров, Крылов, Иванов.

Следует заметить, что созданный 10 января подпольный обком ВКП(б) существовал только на бумаге. Реально в подполье он не был и на оккупированной врагом территории Смоленщины не появлялся. Однако уже после окончания войны закрепилось мнение о существовании подпольного Смоленского обкома ВКП(б), что не соответствовало действительности [Курбатова, 1958, *31*; Великая Отечественная война 1941–1945 гг., 1988, *419*].

На этом заседании бюро обкома приняло решение направить в оккупированные районы 70 ответственных работников для изучения обстановки в тылу, установления связи с подпольными райкомами и организации новых партизанских отрядов. Секретарь обкома Ф.И. Крылов, секретарь облисполкома В.В. Луппов отправились к партизанам Андреевского, Бельского, Холм-Жирковского, Сафоновского, Ярцевского, Издешковского районов. Заместитель председателя облисполкома Ф.Р. Васильев и заведующий сектором обкома И.И. Иванов – к партизанам Усвятского, Велижского, Демидовского и др. районов. На северо-запад области отправился секретарь обкома В.И. Иванов, член обкома З.Ф. Слайковский. Почти всю первую половину 1942 года у дорогобужских партизан находился секретарь обкома Г.И. Пайтеров.

Утраченные контакты обком ВКП(б) восстанавливал более двух месяцев, начиная с 10 января 1942 года, и завершил эту работу к марту [Партизанское движение, 2001, *35*]. Однако наверх Д.М. Попов доложил о том, что связь со всеми райкомами установлена с 1 января 1942 года [ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 117, *18*].

Работа обкома по налаживанию контактов с подпольными райкомами совпала со стремительным ростом партизанского движения в начале 1942 года. Победа Красной армии под Москвой разбудила дремавшие силы бывших военнопленных и окруженцев, а жестокая оккупационная политика заставила взяться за оружие и крестьян.

Важную роль в деле повышения эффективности партийного руководства партизанским движением сыграл первый с начала войны IX Пленум Смоленского обкома ВКП(б), проходивший в Москве, в музее В.И. Ленина 16–17 апреля 1942 года. Выступавшие секретари подпольных райкомов подвергли бюро обкома и лично Попова резкой критике. Было заявлено, что существовала возможность созвать пленум в сентябре 1941 года. «Если бы тов. Поповым в сентябре прошлого года был бы проведен пленум о партизанском движении, мы имели бы гораздо большие достижения» [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *70*]. Выяснилось, что подпольные райкомы в течение пяти месяцев были совершенно оторваны от обкома и не знали, где он и что делает [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *66*]. Неудивительно, что «партизанские отряды, созданные в Юхновском, Екимовичском, Шумячском, Туманов-

ском, Холм-Жирковском, Кировском, Козельском, Мещовском р-нах в период оккупации распались. А командиры и комиссары этих отрядов позорно бежали в тыл нашей страны и увлекли за собой ряд коммунистов и комсомольцев» [ГАНИСО, ф. 6, оп. 1, д. 845, *3*].

IX Пленум стал переломным моментом, после которого началось планомерное и активное руководство подпольными райкомами и партизанским движением в Смоленской области.

Весной 1942 года гитлеровцы добились больших успехов под Харьковом и Керчью, что позволило им в летней кампании достичь Сталинграда и Кавказа. Страна переживала тревожное время. Именно в этот отчаянный период Красная армия делала все возможное, чтобы связать немцам руки и не допустить переброски на юг подкреплений с центрального участка Восточного фронта. Но помочь партизанам Смоленщины, против которых вермахт бросил с фронта крупные армейские соединения, Ставка и Центральный штаб партизанского движения не могли. Лето и осень 1942 года стали временем, когда во всех смоленских партизанских краях кипела ожесточенная и кровопролитная борьба. Немцы ликвидировали партизанские края. Партизаны и коммунисты понесли тяжелые потери. Так, из 105 дорогобужских членов ВКП(б) погибло 92, из 98 ельнинских в живых осталось 12 [Советские партизаны, 1963, *173*; Макаров, 1976, *176*].

В отчете Д.М. Попова по состоянию на 25 октября 1942 года числилось 186 секретарей райкомов, из которых в Красной армии находилось 54, в партизанских отрядах – 93, вышло в советский тыл – 39, из них было возвращено – 18, исключено из рядов партии – 9, снято с работы – 6 человек. Из 93 секретарей райкомов в партизанских отрядах погиб 31 [ГАНИСО, ф. 8, оп. 2, д. 117, *18*].

В период полной оккупации области подпольно действовало 32 райкома ВКП(б). К 1 января 1943 года работало 28 подпольных райкомов, 19 подпольных парторганизаций, 122 первичные парторганизации [ГАНИСО, ф. 8, оп. 8, д. 13, *16*].

К концу марта 1943 года оккупированной оставалась лишь половина территории области, а зона партизанской борьбы резко уменьшилась. Не случайно партизанские бригады Северо-Западного партизанского края были направлены на территорию Белоруссии. Тем не менее партизанская борьба на Смоленщине продолжалась до ее полного освобождения в октябре 1943 года.

Всего в партизанских отрядах Смоленской области сражалось 4275 коммунистов [Макаров, 1976, *160*]. Из 1037 членов райкомов и горкомов ВКП(б) Смоленщины в живых осталось 178 (погибло 859 человек), из 88 членов обкома погибло 52 секретаря райкома и 24 председателя райисполкома [Макаров, 1976, *177*; Советские партизаны, 1963, *173*].

Итак, в 1941 году и даже в первые месяцы 1942 года партийное руководство развертыванием партизанской борьбы значительно страдало. Лозунг

«Коммунисты, вперед!» был действенным: именно члены ВКП(б) первыми бросались в атаку, увлекая людей за собой, своим примером мобилизовывали беспартийных, служили для них примером, цементировали ряды партизанских формирований, повышали их боеспособность. Руководящая роль партии в партизанском движении в тылу врага выражалась не столько в директивах, сколько в живом примере коммунистов, лично возглавивших борьбу с фашизмом. Если на уровне рядовых партийцев героизм в борьбе с врагом, личные качества настоящих коммунистов проявлялись массово и повсеместно, то в районных партийных организациях нередко царила растерянность, отсутствовала дисциплина. Это было следствием серьезных провалов в руководстве партийцами на местах со стороны Смоленского обкома ВКП(б).

После разгрома гитлеровцев под Москвой и проведения IX Пленума Смоленского обкома ВКП(б) в апреле 1942 года партийные органы активизировались и нарастили организационные усилия по руководству партизанским движением в области. Многие рядовые коммунисты, руководители райкомов и горкомов отдали свои жизни за Родину и Победу, которой так страстно желали.

ЛИТЕРАТУРА

Беляев И.Н. Память огненных лет. Опыт энциклопедического путеводителя по военной истории Смоленщины. Смоленск, 2000. 464 с.

Борис Меньшагин: Воспоминания. Письма. Документы. М., СПб., 2019. 824 с.

Быстрицкая Н.Г. Смоленские коммунисты в партизанском движении в период Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. Ереван, 1952. 32 с.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: словарь-справочник. М., 1988. 559 с.

Война народная. Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины. 1941–1945. Смоленск, 1985. 238 с.

ГАНИСО – Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 8. Оп. 8. Д. 196.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 740.

ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 4. Д. 290.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 939.

ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 117.

ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 420.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.

ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 293.

ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 285.

ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 165.

ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 420.

ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 444.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 280.

ГАНИСО. Ф. 1723. Оп. 1. Д. 2.

ГАНИСО. Ф. 142. Оп. 2. Д. 607.

ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 6. Д. 114.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.

ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.

ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 117.
ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.
ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.
ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 845.
ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 117.
ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 8. Д. 13.

Грин Г.Я. Октябрь 1941. Варшавское шоссе. М., 2018. 352 с.

Жуков Д.А., Ковтун И.И. Полицаи: История, судьбы, преступления. 3-е изд., испр. и доп. М., 2016. 320 с.

Кукин Д.М. Партия большевиков – вдохновитель и организатор победы в Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. 68 с.

Курбатова П.И. Смоленская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 1958. 132 с.

Логунова Т.А. Партийное подполье и партизанское движение в западных и центральных областях РСФСР. Июль 1941–1943 гг. М., 1973. 228 с.

Макаренко Я.И., Муханов Л.Ф. Угранский набат. М., 1980. 160 с.

Макаров Н.И. Непокоренная земля Российская. М., 1976. 319 с.

Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1985. 598 с.

Павлов Н.К. Исполнение долга. М., 1973. 288 с.

Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943 гг. Документы и материалы. Смоленск, 1962. 520 с.

Партизанское движение. По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Жуковский – М., 2001. 464 с.

Первая партизанская. М., 1983. 352 с.

Русский архив: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1999. Т. 20(9). 672 с.

Смоленская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): сборник документов и материалов. М., 1977. 448 с.

Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. 2-е изд., испр. и. доп. М., 1963. 799 с.

Уходили в поход партизаны: сборник материалов научной конференции «Всенародная борьба с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной территории Смоленской области в период Великой Отечественной войны 1941–1943 гг.». Смоленск, 1973. 257 с.

ЦАМО РФ – Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 15. Оп. 178 359. Д. 1.

Шурыгин В.Ф. Дневник писателя: 1941 год // Край Смоленский. 2016. № 6. С. 88–113.

Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. М., СПб., 2015. С. 191–218. URL: http://komiswow.ru/sites/default/files/Stenogr_03-08-01-Popov.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

Матвеев Л.А. Доклад к круглому столу «Советские партизаны: мифы и реальность. На примере вымыслов о “враге народа” Никифоре Захаровиче Коляде». URL: https:plus.google.com/100315673255454928015/posts/AAKvFCeoYZk (дата обращения: 18.05.2021).

O.Y. Ivanova
PhD in History, Associate Professor,
Chair of Universal History and International Relations,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Party Leadership of the Partisan Movement during the Occupation of Smolensk Region by Nazi Troops (1941–1942)

The article is devoted to the analysis of one of the most difficult, ambiguous and contradictory issues of the Great Patriotic War – the party leadership of the partisan movement in the Smolensk region in 1941–1942. Unfortunately, Soviet historiography used to evaluate the party leadership of the deployment of the guerrilla struggle exclusively in rosy tones, avoiding any critical assessments, which distorted the real picture of events. Party leadership and influence was a complex phenomenon. If at the level of ordinary party members heroism in the fight against the enemy, the personal qualities of real communists manifested themselves massively and everywhere, then confusion often reigned in regional party organizations, there was a lack of discipline. This was the result of serious failures in the leadership of the party members on the ground by the Smolensk Regional Committee of the CPSU (b). At the same time, after the occupation of the region, the regional committee had no systematic connection with district organizations and did not lead the partisan movement for five months.

The situation began to change only after the defeat of the Nazis near Moscow. The turning point was the IX Plenum of the Smolensk Regional Committee of the CPSU (b) in April 1942, after which the systematic and active leadership of the underground district committees and the partisan movement in the Smolensk region began. But even then, in the Central Committee of the CPSU (b), in the NKVD, the partisans (many of whom were surrounded) were looked at suspiciously, with distrust. This can explain the enormous losses of the partisans in the summer and autumn of 1942.

Thus, the thesis about the outstanding leadership role of the CPSU (b) in the deployment of the partisan movement is significantly embellished and does not correspond to reality.

Keywords: *Great Patriotic War; occupation; Smolensk region; partisan movement; the all-union communist party (bolsheviks) – CPSU (b); D.M. Popov.*

REFERENCES

Beljaev I.N. Memory of fiery years. Experience of an encyclopedic guide to the military history of the Smolensk region [Pamjat' ognennyh let. Opyt jenciklopedicheskogo putevoditelja po voennoj istorii Smolenshhiny]. Smolensk, 2000. 464 p. (in Russian).

Boris Menshagin. Memories. Letters. Documentation [Vospominanija. Pis'ma. Dokument]. Moscow, St. Petersburg, 2019. 824 p. (in Russian).

Bystrickaja N.G. Smolensk communists in the partisan movement during the Great Patriotic War [Smolenskie kommunisty v partizanskom dvizhenii v period Velikoj Otechestvennoj vojny]. *Abstract of dissertation ... candiaite of Historical Sciences*. Erevan, 1952. 32 p. (in Russian).

The Great Patriotic War of 1941−1945 [Velikaja Otechestvennaja vojna 1941–1945 gg.]. *Dictionary reference*. Moscow, 1988. 559 p. (in Russian).

People's war. Essays on the history of the national struggle in the occupied territory of the Smolensk region. 1941–1945. [Vojna narodnaja. Ocherki istorii vsenarodnoj bor'by na okkupirovannoj territorii Smolenshhiny. 1941–1945]. Smolensk, 1985. 238 p. (in Russian).

GANISO − State Archive of the Modern History of the Smolensk Region [GANISO −Gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii Smolenskoi oblasti]. File 8, invenory 8, case 196. (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 740, l. 14–23 (in Russian).

GANISO. File 142. Invenory 4. Case 290, l. 3 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 939, l. 83 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 2. Case 117, l. 18 (in Russian).

GANISO. File 142. Invenory 2. Case 420, l. 20 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 35 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 1. Case 293, l. 1 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 1. Case 285, l. 1 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 1. Case 285, l. 26 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 8. Case 165. l. 23 (in Russian).

GANISO. File 142. Invenory 2. Case 420, l. 11–19 (in Russian).

GANISO. File 142. Invenory 2. Case 444, l. 96 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 4. Case 280, l. 30 (in Russian).

GANISO. File 1723. Invenory 1. Case 2, l. 27 (in Russian).

GANISO. File 142. Invenory 2. Case 607, l. 91 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 6. Case 114, l. 2 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 21 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 33 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 28 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 2. Case 117, l. 18 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 70 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 66 (in Russian).

GANISO. File 6. Invenory 1. Case 845, l. 3 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 2. Case 117, l. 18 (in Russian).

GANISO. File 8. Invenory 8. Case 13, l. 16 (in Russian).

Grin G.Ja. October 1941. Warsaw highway [Oktjabr' 1941. Varshavskoe shosse]. Moscow, 2018. 352 p. (in Russian).

Zhukov D.A., Kovtun I.I. Policemen: History, destinies, crimes [Policai: Istorija, sud'by, prestuplenija]. The 3rd edition, revised and added. Moscow, 2016. 320 p. (in Russian).

Kukin D.M. The Bolshevik Party is the inspirer and organizer of victory in the Great Patriotic War of the Soviet Union [Partija bol'shevikov – vdohnovitel' i organizator pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza]. Moscow, 1947. 68 p. (in Russian).

Kurbatova P.I. Smolensk party organization during the Great Patriotic War [Smolenskaja partijnaja organizacija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. Smolensk, 1958. 132 p. (in Russian).

Logunova T.A. Party underground and partisan movement in the western and central regions of the RSFSR. July 1941–1943 [Partijnoe podpol'e i partizanskoe dvizhenie v zapadnyh i central'nyh oblastjah RSFSR. Ijul' 1941-1943 gg.]. Moscow, 1973. 228 p. (in Russian).

Makarenko Ja.I., Muhanov L.F. Ugran Alarm [Ugranskij nabat]. Moscow, 1980. 160 p. (in Russian).

Makarov N.I. Unconquered Russian land [Nepokorennaja zemlja Rossijskaja]. Moscow, 1976. 319 p. (in Russian).

Liberation of cities. A guide to the liberation of cities during the Great Patriotic War. 1941–1945 [Osvobozhdenie gorodov. Spravochnik po osvobozhdeniju gorodov v period Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945]. Moscow, 1985. 598 p. (in Russian).

Pavlov N.K. Fulfillment of duty [Ispolnenie dolga]. Moscow, 1973. 288 p. (in Russian).

Guerrilla struggle against the Nazi occupiers in the Smolensk region. 1941–1943 [Partizanskaja bor'ba s nemecko-fashistskimi okkupantami na territorii Smolenshhiny. 1941–1943 gg.]. *Documents and materials.* Smolensk, 1962. 520 p. (in Russian).

Partisan movement. Based on the experience of the Great Patriotic War of 1941–1945. Zhukovsky [Partizanskoe dvizhenie. Po opytu Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. Zhukovskij]. Moscow, 2001. 464 p. (in Russian).

First partisan [Pervaja partizanskaja]. Moscow, 1983. 352 p. (in Russian).

Russian archive: Partisan movement during the Great Patriotic War of 1941–1945 [Russkij arhiv: Partizanskoe dvizhenie v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg]. *Documents and materials.* Moscow, 1999. Vol. 20 (9). 672 p. (in Russian).

Smolensk region during the Great Patriotic War (1941–1945) [Smolenskaja oblast' v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)]. *Collection of documents and materials.* Moscow, 1977. 448 p. (in Russian).

Soviet partisans. From the history of the partisan movement during the Great Patriotic War [Sovetskie partizany. Iz istorii partizanskogo dvizhenija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny]. The 2nd edition, revised and added. Moscow, 1963. 799 p. (in Russian).

The partisans went on a campaign [Uhodili v pohod partizany]. *A collection of materials from the scientific conference «National struggle against the Nazi invaders in the temporarily occupied territory of the Smolensk region during the Great Patriotic War of 1941–1943»*. Smolensk, 1973. 257 p. (in Russian).

CAMDRF – Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. (TSAMO of the RF) [(TSAMO of the RF − Tsentral'nyi arkhiv ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii]. File 15, inventory 178359, case 1. (in Russian).

Shurygin V.F. Writer's Diary: 1941 [Dnevnik pisatelja: 1941 god]. *Smolensk region*. 2016. No 6. pp. 88–113 (in Russian).

The contribution of historians to the preservation of historical memory of the Great Patriotic War. Based on materials from the Commission on the History of the Great Patriotic War of the USSR Academy of Sciences, 1941–1945 [Vklad istorikov v sohranenie istoricheskoj pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne. Na materialah Komissii po istorii Velikoj Otechestvennoj vojny AN SSSR, 1941–1945 gg.]. Moscow, St. Petersburg, 2015. pp. 191–218 Available at: http://komiswow.ru/sites/default/files/Stenogr_03-08-01-Popov.pdf. (accessed on October 4, 2020) (in Russian).

Matveev L.A. Report to the round table «Soviet partisans: myths and reality. Using the example of fiction about the "enemy of the people" Nikifor Zakharovich Kolyada» [Doklad k kruglomu stolu «Sovetskie partizany: mify i real'nost'. Na primere vymyslov o «vrage naroda» Nikifore Zaharoviche Koljade»]. Available at: https:plus.google.com/100315673255454928015/posts/AAKvFCeoYZk (accessed on May 18, 2021) (in Russian).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

MEMORIA

ПАМЯТИ ИСТОРИКА ДМИТРИЯ ЕВГЕНЬЕВИЧА КОМАРОВА

3 июня 2024 года смоленское научное, краеведческое и образовательное сообщество потрясла новость о скоропостижной кончине Дмитрия Евгеньевича Комарова – доктора исторических наук, профессора Вяземского филиала Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса им. К.Г. Разумовского. Буквально через день ему исполнилось бы 53 года. Но увы!

Уроженец героической Вязьмы, Дмитрий Комаров, должно быть, с детства чувствовал, что посвятит себя изучению, преподаванию и популяризации истории и что именно вяземская земля станет для него и точкой отсчета исторических исследований, и мерилом несгибаемой человеческой стойкости и мужества, верности и преданности Родине и приведет его к признанию в среде профессиональных историков как высочайшего уровня специалиста по военной тематике.

Конечно, изначально основы исторических познаний были заложены в стенах Смоленского государственного педагогического института, в котором он обучался в трудные 1990-е годы по специальности «История». И, конечно, не было у него тогда никаких планов становиться ученым-историком. Однако дух Вязьмы сделал свое дело. История малой родины притянула и больше уже не отпускала. Потому и неудивительно, что «расстояние» от кандидатской до докторской диссертации составило у Дмитрия Евгеньевича всего шесть лет. В 2001 году он успешно защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Эксплуатация фашистской Германией экономического потенциала временно оккупированных территорий СССР, 1941–1944 гг.». И с этого времени из военной тематики он уже никогда не уйдет. Она навсегда станет частью его жизни и динамичного научного роста: уже в 2007 году в Москве Д.Е. Комаров защищает докторскую диссертацию на тему «Великая Отечественная война: боевые действия, власть, народные массы. Региональный аспект. 1941–1945 гг. (на материалах Смоленской области)». В диссертации, не боясь риска возможных сложностей с защитой, соискатель выдвинул и доказывал тезис о том, что в период оккупации социум области разделился

на три группы: подавляющую часть населения составляло «пассивное большинство», а процент двух противоположных групп – «коллаборационистов» и «партизан и подпольщиков» – был практически уравновешен.

В своей фундаментальной книге 2015 года «Смоленская область в огне Великой Отечественной: народ, война, победа» Д.Е. Комаров еще больше детализирует сложные моменты жизни людей на оккупированной Смоленщине и описывает достойный вклад ее жителей в победу над врагом. А в 2018 году в журнале «Вестник архивиста» (№ 3) в статье «К вопросу о масштабах коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. На материалах Смоленской области» Дмитрий Евгеньевич возвращается к этой болезненной теме и предметно показывает масштабы коллаборационизма на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны, степень расслоения местного населения по отношению к захватчикам и ту опасность и потенциальную угрозу, которую мог представлять собой, как определяет его автор, «административный коллаборационизм» не только в политическом, но и в экономическом аспекте. При этом историк вовсе не приемлет стремление отдельных ученых и общественных деятелей представить сотрудничавших с оккупантами изменников и предателей своеобразным и многочисленным «антисталинским движением». Для таких оценок, считает Комаров, нет никаких оснований. Наоборот, именно патриотическая позиция смолян стала одним из факторов победы над фашизмом. Что и вызывало жестокие репрессии против неподатливого населения со стороны оккупантов: Смоленщина заплатила за свою преданность Родине и патриотизм очень высокую цену – область потеряла 87 тысяч мирных жителей, убитых нацистами.

Постепенно исследовательский интерес историка уводит его в эпоху Первой мировой войны. В итоге в 2021 году издается сборник очерков под общим названием «Великая война на фоне уездного города. Очерки истории города Вязьмы, 1914–1918 гг.». Впечатляет почти 30-страничный пофамильный список (причем он неполный, как замечает автор) уроженцев Вяземского уезда, погибших и умерших от ран в годы Первой мировой войны. С нескрываемой гордостью и восхищением пишет Д.Е. Комаров об уроженцах вяземской земли – кавалерах высшей воинской награды императорской России: Военного ордена святого Великомученика и Победоносца Георгия. В указанном списке и начальник штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев, которого автор книги вполне аргументированно, хотя и по косвенным свидетельствам, причисляет к уроженцам Вязьмы.

В этой же книге, а затем и на страницах журнала «Вестник архивиста» в статье «Воодушевление российского воинства на завершающем этапе Первой мировой войны 1914–1918 гг. на примере создания памятника “Героям II Отечественной войны” в г. Вязьме в 1916 г.» (2023, № 1) Д.Е. Комаров с особой теплотой показывает события, приведшие к открытию в 1916 году в Вязьме первого в России памятника героям Первой мировой войны.

Возьмем только один сюжет: почему в Вязьме?

1916 год – это период «надлома духа в стране», как оценивал ситуацию в России того времени военный историк генерал Н.Н. Головин. Дезертирство в армии и уклонение от призыва становились массовым явлением. И именно тогда в далеком от фронта тыловом уездном городе на Смоленщине проводится такая «пропагандистская акция», как называет ее Д.Е. Комаров, – установка памятника героям войны. А жителям Вязьмы как раз было понятно и ясно, почему именно здесь. Вязьма скорбела о полностью разгромленном в начале войны в Восточной Пруссии 13-м армейском корпусе, состоявшем главным образом из уроженцев Смоленской губернии, и Вяземского уезда в частности. Два года войны для Вязьмы – это и тысячи мобилизованных, и сотни раненых, плененных, убитых. В городе были открыты пять военных госпиталей с числом коек, превышающим две тысячи. На базе военного гарнизона проходили военную подготовку и отправлялись на фронт десятки тысяч новобранцев.

Вяземское городское сообщество инициировало и финансировало проект по созданию памятника, верховная власть дала на это свое согласие. А сразу после открытия монумента на фронт ушли письма от начальника Вяземского гарнизона с изображением памятника и трогательными словами, что потомки будут чтить героев войны. И с каким сожалением Д.Е. Комаров сообщает дальше читателям, что после Февральской революции 1917 года памятник, созданный на народные деньги, был разрушен! А дальше – гордость, что в 2021 году памятник героям Первой мировой войны был восстановлен, но уже не просто в Вязьме, а в Городе воинской славы – Вязьме. Здесь будет уместным добавить, что именно Д.Е. Комаров занимался научным обоснованием долгой и сложной процедуры присвоения Вязьме почетного звания Российской Федерации – «Город воинской славы».

Работая профессором в университете, Дмитрий Евгеньевич одновременно не отказался от доверия земляков и добросовестно и плодотворно исполнял обязанности депутата городского Совета Вязьмы в течение десяти лет, из которых пять лет являлся заместителем главы Вяземского городского поселения.

С огромным удовольствием до самого последнего времени, пока болезнь не ограничила возможности передвижения, Д.Е. Комаров был активным членом объединенного диссертационного совета по историческим наукам Брянского государственного университета и Смоленского государственного университета.

Одновременно являлся членом редакционного совета научного журнала «Известия Смоленского государственного университета».

Казалось бы, пора уж и сбавить обороты. Но такой спокойный жизненный уклад не для Комарова. И вот уже новый исследовательский проект – «Вязьмичи-военачальники». Летом 2023 года проходит презентация

первой книги – «Биография генерала от инфантерии В.В. Смирнова (1849–1918 гг.)», собравшая многих любящих и ценящих историю родного края и выражавших благодарность автору за новые краеведческие открытия. Проходят буквально месяцы, и в начале 2024 года – презентация второй работы из этой серии: «Биография генерала армии П.А. Курочкина (1900–1989 гг.)». Была подготовлена и «Биография генерал-полковника В.М. Вишенкова (1922–2003 гг.)».

Вот именно таким Дмитрий Евгеньевич Комаров и сохранится в нашей памяти: человеком неуемной интеллектуальной энергии, высочайшей исследовательской добросовестности, честности и порядочности, бесконечно любящим свой край и всемерно пропагандирующим его героическую историю.

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России СмолГУ
Е.В. Кодин

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреев Сергей Николаевич – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: smol.an@mail.ru.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор кафедры германской филологии Донецкого национального университета (ДНР, Россия). E-mail: schambar@yandex.ru.

Баширова Роза Саадулаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский ФИЦ РАН (г. Махачкала, Республика Дагестан). E-mail: bashirowa.roza@yandex.ru.

Гальцов Валерий Иванович – кандидат исторических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград). E-mail: v.galtsov@rambler.ru.

Иванова Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: olga05ivanova@mail.ru.

Искендеров Муслим Гафур оглы – аспирант кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва). E-mail: muslim.iskenderov23@gmail.com.

Кобец Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая отделом аспирантуры Смоленского государственного университета спорта. E-mail: cobets.olga@yandex.ru.

Кодин Евгений Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета. E-mail: EVKodin@yandex.ru.

Коста Эрика – аспирант кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва). E-mail: eri.costa.97@gmail.com.

Лочмелис Елизавета Романовна – аспирант кафедры истории русской литературы XI–XIX вв. Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: dostfm182181@mail.ru.

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Воронежского государственного университета. E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com.

Макей Артём Дмитриевич – аспирант Балтийского федерального университета им. И. Канта. E-mail: artem.makej@bk.ru.

Малышева Елена Григорьевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Молнар Ангелика – доктор филологии, доцент Института славистики Дебреценского университета (Венгрия). E-mail: molnar.angelika@arts.unideb.hu. ORCID: 0000-0002-7896-1480.

Муртазалиев Ахмед Магомедович – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский ФИЦ РАН (г. Махачкала, Республика Дагестан). E-mail: ahmurt04@gmail.com.

Набигулаева Маржанат Набигулаевна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Дагестанский ФИЦ РАН (г. Махачкала, Республика Дагестан). E-mail: nabmar2012@yandex.ru.

Овчинников Владимир Михайлович – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры № 15 военно-политической работы в войсках (силах) Военной академии войсковой противовоздушной обороны ВС РФ им. Маршала Советского Союза А.М. Василевского (г. Смоленск). E-mail: Benkey1985@yandex.ru.

Попов Михаил Валерьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: M-v-popov@yandex.ru.

Шевелева Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики его преподавания Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского. E-mail: forgetmenot69@rambler.ru.

Шитов Андрей Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры права, экономики и методики их преподавания Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург). E-mail: sopranott@gmail.com.

Ян Сюэ – аспирант кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва). E-mail: yangxue19960826@gmail.com.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander BorisovichKamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков
Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин
Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков
Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)
Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Departmentof Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)
Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Departmentof History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)
Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev
Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova
Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina
Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov
Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova
Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova
Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov
Oleg YevgenyevichPokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Departmentof Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin
Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov
Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)
L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс **– ПН182**

Адрес редакции и издателя:
214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2024, № 2(66)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 22. 07. 2024. Формат 70x100$^{1}/_{16}$.
Усл. п. л. 20,5. Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная